

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 3 (35) | 2024

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (35)

Киров
2024

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (35)

Kirov
2024

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Квасов Олег Николаевич, Семенова Елена Викторовна. История борьбы с лесными пожарами в дореволюционной России (XVIII – начало XX вв.).....</i>	9
<i>Козлова Мария Алексеевна. «Комитет охранения общей безопасности» 1807 года: механизмы выявления и содержание социально-политических слухов.....</i>	18
<i>Ефремова Ульяна Павловна, Цесевичене Ольга Александровна. Вклад Комиссионного бюро Общества уральских горных техников в развитие горного дела на Урале в начале XX в.....</i>	28
<i>Салихова Ольга Вячеславовна, Барышникова Наталья Владимировна. Социальная поддержка пожилых граждан в переходный период становления российского общества (1991–2005 гг.)</i>	37
<i>Виноградов Евгений Олегович. Создание церквей-школ в Вятской губернии в начале XX века.....</i>	45

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Оздамирова Элиза Мусатовна. Северный Азербайджан под управлением Османской империи (1723–1735 гг.)</i>	54
<i>Бакшаев Максим Владимирович. Коммунистический Интернационал в восприятии американских дипломатов, 1919–1944 гг.....</i>	63
<i>Сенников Алексей Иванович. Восприятие администрацией Дж. Картера курдской проблемы в контексте турецкого политического кризиса 1977–1980 гг.....</i>	77

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Дряхлов Владимир Николаевич. Падение Западной Римской империи в оценках советского антиковедения в 1970–1980-е гг.....</i>	90
<i>Новиков Михаил Васильевич. Советская помощь Китайской Республике (1937–1945 гг.) в отечественной мемуарной и исследовательской литературе....</i>	99

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Базеркан Гаид. Археологический памятник Кусайр-Амра как один из выдающихся дворцов Омейядов</i>	112
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Казакова Ирина Борисовна. Тема единства в современной англоязычной научно-фантастической литературе</i>	130
<i>Терещук Андрей Андреевич. Христос или антихрист: образ Рамона Кабреры в испанской историко-литературной традиции 1840-х годов</i>	140
<i>Полякова Ольга Анатольевна. Художественное воплощение темы детства и воспитания в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина</i>	148

<i>Косарева Анна Александровна. Арлекинадный гротеск в англо-американской шпионской прозе XX века</i>	<i>156</i>
<i>Болнова Екатерина Владимировна. Творческая история цикла «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? И где окно?» В. А. Сосноры</i>	<i>165</i>

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Чувилькина Юлия Викторовна. Роль общественных объединений филателистов в культурном пространстве советского общества.....</i>	<i>172</i>
--	------------

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

- Kvasov Oleg Nikolaevich, Semenova Elena Viktorovna.* The history of fighting forest fires in pre-revolutionary Russia (XVIII – early XX centuries) 9
- Kozlova Maria Alekseevna.* "Committee for the Protection of General Security" of 1807: mechanisms for detecting and the content of socio-political rumors 18
- Efremova Ulyana Pavlovna, Cesevichene Olga Alexandrovna.*
Contribution of the Commission Bureau of the Ural Mining Technicians Society to the development of mining in the Urals at the beginning of the XX century. 28
- Salikhova Olga Vyacheslavovna, Baryshnikova Natalia Vladimirovna.*
Social support for senior citizens in the transitional period of the formation of Russian society (1991 – early 2000s) 37
- Vinogradov Evgeny Olegovich.* Creation of churches-schools in Vyatka province at the beginning of the XX century 45

GENERAL HISTORY

- Ozdamirova Eliza Musatovna.* Northern Azerbaijan under the rule of the Ottoman Empire (1723–1735)..... 54
- Bakshaev Maxim Vladimirovich.* The Communist International in the perception of American diplomats, 1919–1944..... 63
- Sennikov Alexey Ivanovich.* The J. Carter's administration's perception of Kurdish problem in the context of the Turkish political crisis of 1977–1980 77

HISTORIOGRAPHY

- Dryakhlov Vladimir Nikolaevich.* The fall of the Western Roman Empire in the assessments of Soviet Antiquity in the 1970s and 1980s..... 90
- Novikov Mikhail Vasilevich.* Soviet Aid to the Republic of China (1937–1945) in Russian memoir and research literature 99

ARCHEOLOGY

- Bazerkan Gaid.* The archaeological site of Qusair Amra as one of the outstanding Umayyad palaces 112

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Kazakova Irina Borisovna.* The theme of unity in modern English-language science fiction literature 130
- Tereshchuk Andrey Andreevich.* Christ or the Antichrist: the Image of Ramon Cabrera in the Spanish Historical and Literary Tradition of the 1840s 140
- Polyakova Olga Anatolyevna.* Artistic embodiment of the theme of childhood and upbringing in the "Provincial essays" by M. E. Saltykov-Shchedrin 148

<i>Kosareva Anna Aleksandrovna. Harlequinade grotesque in Anglo-American espionage prose of the XX century</i>	156
<i>Bolnova Ekaterina Vladimirovna. The creative history of the cycle "Women leave" from the collection "Where are you going? And where is the window?" by V. A. Sosnory</i>	165

CULTURAL STUDY

<i>Chuvilkina Yulia Viktorovna. The role of public associations of philatelists in the cultural space of Soviet society</i>	172
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94:614.842/.847(47+57)«17/19»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.036

История борьбы с лесными пожарами в дореволюционной России (XVIII – начало XX вв.)

Квасов Олег Николаевич¹, Семенова Елена Викторовна²

¹доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук,
Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова.

Россия, г. Воронеж. ORCID: 0000-0003-0156-0651. E-mail: kvasovoleg@yandex.ru

²старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова. Россия, г. Воронеж. E-mail: elenaviktor2014@mail.ru

Аннотация. На протяжении своей истории Россия сталкивалась с различными геополитическими, экологическими, социальными вызовами. Некоторые из них остались в прошлом, а некоторые продолжают действовать и сейчас. Одним из таких вызовов является проблема лесных пожаров. Они являлись тяжелым бедствием для нашего народа во времена Киевской Руси, остаются таковым и в XXI в. Государство с древних времен уделяло внимание профилактике лесных пожаров, пытаясь предотвратить их, а если это не удавалось – то занималось организацией пожаротушения.

В данной статье представлен обзор истории распространения лесных пожаров со времен Киевской Руси до конца XIX в. и их причин. Дается анализ развития государственных мер, направленных на борьбу с лесными пожарами, – становление и развитие лесного законодательства, формирование корпуса лесничих и пожарных старост, организация пожаротушения и привлечение крестьян к этому делу. Рассматривается роль земских учреждений в борьбе с лесными пожарами во второй половине XIX в. В статье делается вывод о том, что государственная политика борьбы с лесными пожарами прошла большой путь развития от наказания для поджигателей до создания развитой структуры лесоохранительных органов и комплекса законов, но в том, что касается тушения пожаров, основная нагрузка ложилась на плечи крестьян.

Актуальность исследования обусловлена тем, что лесные пожары и сейчас в разных масштабах происходят каждый год и исторический опыт борьбы с ними может быть полезен в наши дни.

Ключевые слова: лесное законодательство, профилактика пожаров, пожаротушение.

Россия – страна с самыми богатыми лесными угодьями, но также и с достаточно суровым континентальным климатом. Поэтому лесные пожары были частым явлением на протяжении всей ее истории. Наряду с пожарами в населенных пунктах они всегда были грозным бедствием, и борьба с ними являлась важнейшей задачей государства. Даже сейчас, в XXI в., леса горят каждый год. Аномальная жара 2010 г. вызвала пожары буквально повсеместно. Всего за этот год было зафиксировано 34 800 очагов природных пожаров общей площадью около 2 млн. га [20]. За последние годы статистика несколько смягчилась: в 2019 г. всего в Российской Федерации произошло 13 602 лесных пожара, в 2020 г. – 14 812, в 2021 г. – 15 112, в 2022 г. – 12 528 [15, с. 77]. По данным Счетной палаты, с 2019 г. отмечается тенденция к росту суммарного ущерба от лесных пожаров в Российской Федерации, в 2022 г. он составил 14 млрд. рублей [18].

В данной статье представлены сведения о распространении лесных пожаров на территории Древней Руси и Российской империи до конца XIX в., дается анализ истории борьбы государства и населения с лесными пожарами в этот исторический период. Рассматриваются меры государственного регулирования, направленные как на охрану лесов от возгораний, так и на тушение лесных пожаров.

Периодически повторявшиеся засухи, как правило, сопровождались выгоранием лесных массивов. Такие засухи происходили раз в три – пять лет и охватывали несколько районов, о них в древних источниках, как правило, мало сведений, т. к. это было привычным явлением.

Реже случались чрезвычайные засухи, которые опустошали целые регионы и вызывали обширные лесные пожары. Память о таких бедствиях сохранялась надолго. Уже в первых русских летописях есть упоминания о засухах и пожарах 994, 1042 и 1093 гг. О засухе 1093 г. в Патриаршей, или Никоновской летописи говорится: «Того же лета бысть знамение на небеси, яко круг бысть посреди неба превелик. Того же лета ведро бяше, яко изгораше земля, и мнози боры возгорахуся сами и болота» [11, с. 119]. Следует учитывать тот факт, что для средневекового летописца значимыми событиями были деяния князей, а не природные явления, и если лесные пожары удостоились упоминания в летописи, значит, это было поистине катастрофическое явление. По этой логике можно заключить, что в 1371 г. была опустошительная засуха, ведь о ней в летописи говорится так: «Сухмень же бысть тогда и жар мног, яко устрашитися и встрепетати людем; реки многи пресохша, и озера, и болота, а леса и боры горяху, и болота, высохши, горяху, и земля горяше; и бысть страх и трепет на всех человецех» [12, с. 16]. В XV в. самая суровая засуха, сопровождавшаяся лесными пожарами, вероятно, была в 1430–1431 гг., ибо «земля и леса горели и было очень много дыма...» [10]. В XVI–XVII вв. летописи также регулярно отмечали засухи – не менее десяти раз.

Поскольку с XVIII в. летописание в России прекратилось, сведения о природных катаклизмах и пожарах этого времени следует искать в других исторических документах – воспоминаниях, письмах, бюрократических документах, например, императрица Анна Иоанновна (1730–1740) писала в 1735 г. генералу Ф. Ф. Ушакову, что в Петербурге «...так дымно, что окошка открыть нельзя, и все от того, что по прошлогоднему горит лес... и уже горит не первый год» [10]. По имеющимся сведениям, пожары тогда начались в 1732 г. и продолжались до 1737 г.

В XIX в. появляется новый источник информации о лесных пожарах – периодическая печать. Согласно газетам и журналам того времени, в Российской империи засухи в XIX в. происходили периодически – в 1833–1834, 1840, 1848, 1859, 1876, 1881–1883, 1890–1892 гг. Многие из них вызывали обширные лесные пожары: в 1876 г. в Новгородской, Тверской и Петербургской губерниях, в Карелии и многих районах Сибири; в 1881–1882 гг. на Урале, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке, в Крыму, на Кавказе, в нескольких губерниях Центральной России и европейского севера России; в 1890–1892 гг. в центрально-черноземных губерниях, на Брянщине, в Среднем Поволжье и опять на Урале. Было замечено, что чаще загорались леса, через которые проходили железнодорожные пути. Возможно, это было связано с искрами от паровозных труб или с человеческим фактором. В начале XX в. пожары продолжали истреблять леса в Центральной России (1912–1914 гг.) и в Сибири (1901, 1908, 1911 гг.). Пожары были настолько сильны, что даже в годы Первой мировой войны (1914–1918) им уделялось внимание на первых страницах газет.

Но не только природные явления были причинами лесных пожаров. Источники неоднократно отмечают и человеческий фактор, при этом рассматривается как неосторожное обращение с огнем, так и преднамеренные поджоги. И в том, и в другом случае виновными чаще всего признавались крестьяне. Они могли не затушить огонь, разведенный во время сенокоса, пастбы скота, на охоте. Что касается преднамеренных поджогов, профессор Санкт-Петербургского лесного института Н. С. Шафранов в книге «Лесоохранение» 1872 г. выделял две причины, толкавшие крестьян на это преступление. Первая причина – стремление «выгоревший лесной участок получить в пользование под пашню или воспользоваться им как лесным пастбищем. Известно, что после лесного пожара в почве вследствие сгорания древесных организмов скопится масса минеральных питательных веществ, и в первые годы после пожара на пожарище проявляется роскошная растительность травянистых растений» [19, с. 12]. Вторая причина была в том, что тушение лесных пожаров являлось для крестьян повинностью. И для того, чтобы не отправляться за 25 верст тушить пожар в отдалении, они «нарочно поджигали любой соседний лес в надежде, что их пошлют тушить ближайший лесной пожар и оторвут от полевых работ на сравнительно более короткое время» [19, с. 13]. К сожалению, и в наши дни человеческий фактор является основной причиной лесных пожаров. И он, как и прежде, бывает не только проявлением простой неосторожности в пожароопасное время, но также и преднамеренным. Выжигая прошлогоднюю траву, люди часто провоцируют масштабные лесные пожары. Лесные браконьеры на Дальнем Востоке поджигают тайгу, чтобы продавать испорченный таким образом лес за рубеж или скрыть объемы лесозаготовок.

Российское государство на протяжении всей своей истории совершенствовало законодательство в борьбе с лесными пожарами и с поджигателями. Уже в первом своде древнерус-

ских законов «Русской правде» были предусмотрены меры наказания для поджигателей – они и члены их семей обращались в неволю. Соборное уложение 1649 г. проводило различие между неосторожным обращением с огнем, повлекшим пожар, и намеренным поджогом. В первом случае предусматривалось простое взыскание убытков, а во втором – поджигателям грозила смертная казнь. Вальдмейстерская инструкция Петра I также предусматривала смертную казнь за умышленный поджог заповедных лесов. Власть пыталась бороться и с другими причинами лесных пожаров. Так, в 1798 г. был принят Указ «О предупреждении лесных пожаров, причиняемых расчисткою земель под пашни» [13, с. 248]. А в 1800 г. был принят Указ «О распоряжениях для отвращения случающихся в лесах пожаров» [14, с. 255]. Из этих документов очевидно, что тогда, как и сейчас, выжигание прошлогодней травы было самой распространенной причиной пожаров как в лесах, так и в населенных пунктах. Полностью запретить это мероприятие тогда было невозможно, поэтому предусматривались меры предосторожности: запрещалось жечь траву при сильном ветре и без разрешения пожарного старосты. При выжигании следовало иметь при себе пожарные инструменты и не отходить от огня до его затухания.

В XIX в. складывается упорядоченное лесное законодательство, в котором нашлось место и борьбе с лесными пожарами. Основой такого законодательства был «Устав о лесах». Он впервые был принят в 1802 г. и затем переиздавался в 1832, 1842, 1857, 1876, 1893, 1905 и 1912 гг., при этом он всегда печатался в 8-м томе. Устав в новых редакциях уточнялся и корректировался в связи с изменениями в организации лесного хозяйства. В 1913 г. была принята последняя редакция Устава о лесах в дореволюционной России. Устав был приведен в соответствие с Лесоохранительным законом 1888 г. Действие устава распространялось на всю территорию России [8, с. 13]. Во всех его редакциях содержались разделы об охране лесов и в них – подразделы об охране лесов от пожаров. Начинался каждый устав с классификации лесов на «государственные и состоящие в общественной и частной собственности» [16, с. 1]. Затем следовала глава об управлении государственными лесами и о корпусе лесничих, в обязанности которого всегда входила забота о сохранении лесов, в том числе и борьба с лесными пожарами. Важность этой задачи доказывает тот факт, что при формировании корпуса лесничих в Российской империи с самого начала появляется должность пожарных старост. По указу Павла I (1796–1801) от 1798 г. они были низшим звеном лесной охраны, избирались из крестьянских обществ для борьбы с лесными пожарами. Согласно Уставу лесному от 1857 г. «пожарные старосты избираются в казенных селениях обществом через каждые три года из поселян трезвых и доброго поведения и подчиняются лесничему» (ст. 225) [16, с. 37]. Из казенных крестьян избирались также полесовщики. «Полесовщики должны находиться в ближайших селениях при лесных угодьях в квартирах, им отведенных; пожарные же старосты могут иметь жительство в своих селениях» (ст. 226) [16, с. 37]. Избранные таким образом полесовщики и пожарные старосты утверждались в Управлении государственными имуществами и затем так же, как и лесники и объездчики, приносили присягу на верность службы.

Подчинялись полесовщики и пожарные старосты согласно лесному уставу 1802 г. унтер-форстерам. После переименования в 1828 г. всех лесных должностей в соответствии с русским языком они подчинялись подлесничим. При введении военизированной системы лесной стражи полесовщики и пожарные старосты остались гражданскими лицами, т. к. их по-прежнему избирали из казенных крестьян на три года, но теперь они подчинялись надзору объездчиков (унтер-офицеров) и утверждались губернатором как главой местной гражданской власти. «Придаваемые в помощь полесовщикам на случай пожаров в лесах пожарные старосты назначаются, по мере крайней необходимости, Палатами государственных имуществ с утверждения гражданских губернаторов» (ст. 224) [16, с. 37].

Поскольку служба по охране лесов являлась натуральной, т. е. отработочной повинностью, выборная лесная стража освобождалась от прочих натуральных мирских повинностей. Согласно циркуляру Министерства государственных имуществ от 8 мая 1859 г., полесовщики должны были получать пособие от сельских обществ в размере 15 рублей серебром. Но в 1862 г. Лесной департамент уточнил, что сбор этот будет производиться по добровольному согласию крестьян. В результате, например, в Воронежской губернии в 1863 г. из 13 лесничеств только в одном (Хреновском) крестьяне согласились платить лесной страже. Помимо отсутствия материальной заинтересованности, на эффективность деятельности лесной стражи влияла ее зависимость от односельчан, которые их избирали, с которыми они продолжали жить в одной деревне и вести общее хозяйство. Это понимали местные власти. Вот как ситуация характеризовалась в отчете о деятельности Лесного отделения Воронежской палаты государственных

имущества за 1863 г.: «Находясь в постоянной зависимости от общества и не получая никакого вознаграждения ни от крестьян, ни от казны, полесовщики с небрежением смотрят за целостностью лесов» [3, л. 22]. Этот и многие другие подобные отчеты постоянно предлагали полностью отказаться от охраны лесов полесовщиками и пожарными старостами и передать все полномочия вольнонаемной лесной страже: «Порубки не прекратятся, пока леса будут оставаться под надзором полесовщиков, служащих безвозмездно и зависящих от своего общества» [6, л. 44]. Однако в 1860-е гг. на них ложилась основная нагрузка, а их численность продолжала расти – в начале 1865 г. в Воронежской губернии числилось 1440 полесовщиков и 115 пожарных старост, а к началу 1866 г. соответственно 1549 полесовщиков и 173 пожарных старосты [4, л. 11].

Официально должность пожарного старосты просуществовала до 1869 г., когда их функции все-таки были переданы постоянной лесной страже, состоявшей из объездчиков и лесников. Это было связано с тем, что после отмены крепостного права уже нельзя было привлекать крестьян к охране лесов в качестве повинности. Но в реальности в Воронежской губернии в 1869 г. все еще служило 1527 полесовщиков и 230 пожарных старост [5, л. 18]. Затем начинается довольно медленное сокращение их численности: в 1878 г. 312 и 31, в 1880 г. 297 и 29. Почему администрация никак не могла отказаться от служащих, заведомо признанных неэффективными? Ответ можно найти в тех же отчетах Лесному департаменту: «невозможно найти вдруг потребное число людей и вскоре построить для них жилища» [6, л. 140]. В результате в отчетах лесная стража делится на нанятую по закону от 3 июня 1869 г. (объездчики, лесники) и работающую «на прежних основаниях» (полесовщики, пожарные старосты). Даже в 1897 г. в лесничествах Воронежской губернии значилось 89 пожарных старост, тогда как объездчиков было 50, лесников 230 [7, л. 12]. Очевидно, что местные власти так и не смогли полностью заменить полесовщиков и пожарных старост вольнонаемной лесной стражей, и их роль в охране лесов и тушении пожаров по-прежнему была велика.

Конкретные меры по борьбе с лесными пожарами можно рассмотреть на примере устава 1857 г. Это была последняя редакция Устава перед отменой крепостного права, поэтому в ней суммируются все принятые ранее положения. Согласно этому документу, охрана лесов от пожаров возлагается на Палату государственных имуществ, в частности – на губернского и местного лесничих «и подчиненных им в уезде чинов лесной стражи, полесовщиков и в особенности пожарных старост» (ст. 582) [16, с. 95]. Меры предосторожности при обращении с огнем предписывались государственным крестьянам и представителям помещиков отдельно. «Государственный крестьянин, намеревающийся выжигать травы, жнитвы и корни на полосе, расстоянием от казенной лесной дачи в полверсте и менее, должен предварительно о том известить пожарного старосту, который наблюдает, чтобы вокруг того места обведен был ров, или чтоб трава была окошена и земля вспахана, или же чтобы выдран был дерн и оборочен корнем вверх не менее как на две сажени ширины» (ст. 585) [16, с. 95]. «При выжигании крестьянин должен находиться на полосе с заступом, метлами, ведрами и тому подобными пожарными инструментами, чтобы не допустить огонь распространиться далее надлежащего» (ст. 586) [16, с. 95], а в случае сильного ветра в направлении леса все вообще отменяется. А в лесах выжигать поляны вообще категорически запрещалось. Но все эти меры касались казенных крестьян, а если пожар случится по вине частновладельческих, т. е. помещичьих крестьян? Если загорится его же частный лес, это его проблема, а вот если помещичьи крестьяне производят какие-либо пожароопасные работы поблизости от казенного леса, то следить за соблюдением все тех же противопожарных правил должны сами помещики, их управляющие, приказчики и сельские старосты.

Меры предосторожности касались и бытового разведения огня. Пастухам запрещалось разжигать костры в казенных лесах «с самого вскрытия весны по 15 октября в полуденных губерниях, а по 15 сентября в прочих губерниях» (ст. 591) [16, с. 96]. Под вскрытием весны подразумевался ледоход, а полуденными назывались южные губернии. Если же огонь разведен не в самом лесу, но поблизости от него, то следовало вокруг него на 2 сажени скосить траву, а уходя загасить костер. «Промышленникам, прогоняющим скот, дозволяется останавливаться в казенных лесных дачах и раскладывать огонь, но только днем; ночью же с 15 апреля по 15 сентября в лесах, особливо хвойных, огня отнюдь не разводить» (ст. 592) [16, с. 96]. «Плывущим на судах караванами по рекам и останавливающимся при берегах у лесных дач дозволяется разводить огонь и ночью, но с тем, чтобы онный огонь раскладываем не ближе двух сажень от стоящего или лежащего леса, чтобы то место избираемо было неподалеку от

дороги и очищено от листьев, травы и тому подобного, дабы огонь сообщаться не мог, и чтобы при оставлении того места онный был загашен» (ст. 593) [16, с. 96]. Также предусматривались общие правила – не раскладывать огня под деревьями; никогда не оставлять его не потушенным; тем, кто ходит в лес за грибами и ягодами, вообще не разводить костров; а любому местному начальству, увидевшему непотушенный огонь, немедленно его потушить.

Однако если меры предосторожности не сработали и пожар все же возник, предусматривались следующие мероприятия: пожарный староста должен сообщить местному лесному чиновнику и становой приставу и немедленно созвать крестьян со всех близлежащих деревень на расстоянии 10 верст, а в слабозаселенной местности – 25 верст от места пожара. Крестьяне должны явиться со своим инвентарем и оставаться на месте пожара до его окончания. К тушению привлекается и лесная стража. Лесной чиновник и становой пристав организуют борьбу с огнем – заставляют окапывать место горения, чтобы огонь не распространился. Губернский лесничий также обязан прибыть на место пожара, чтобы «споспешествовать к деятельнейшему пресечению дальнейшего лесам вреда и убытка от пожара» (ст. 600) [16, с. 97].

Таким образом, очевидно, что вся работа по тушению пожаров ложилась на плечи крестьян, которые должны были производить ее еще и собственным инвентарем. Причем это считалось частью их повинностей и никак не вознаграждалось. Лесная стража и чиновники также участвовали в пожаротушении, но только в качестве руководителей. К пожаротушению привлекалась и полиция в лице становой пристава, но тоже только в качестве организаторов и контролеров процесса.

После отмены крепостного права уже нельзя было использовать крестьян как подневольную рабочую силу и списывать все их труды на повинности. Изменилось и отношение государства к частновладельческим лесам. Ранее они считались полной собственностью владельца, и борьба с лесными пожарами предоставлялась им же, как и профилактика. Но 15 мая 1867 г. было принято постановление «О мерах к охранению частных лесов» [2, с. 186–193], а в 1888 г. Лесоохранительный закон. Прежде всего эти акты были направлены на предотвращение неконтролируемой вырубке лесов, в том числе и их владельцами, но благодаря этим мерам частные леса стали сферой интересов государства, что нашло отражение в Лесном уставе. В борьбе с лесными пожарами и организации пожаротушения произошли изменения, которые удобно рассмотреть на примере Лесного устава 1905 г. [17], большинство противопожарных мер которого повторяют предложения Государственного Совета от 15 мая 1867 г.

Охрана казенных лесов теперь «принадлежит к обязанности Управлений земледелия и государственных имуществ и особенно к обязанности местных лесничих и подчиненной им лесной стражи» (ст. 177) [17, с. 21]. Лесной страже поручается следить за соблюдением противопожарных предосторожностей «со стороны обывателей, проходящих и проезжающих» (ст. 179) [17, с. 21]. Сами меры противопожарной безопасности остаются прежними, но некоторые положения, применимые ранее к казенным лесам, теперь распространяются и на частные, например, запрет выжигать поляны. О каждом таком нарушении, даже и не повлекшем пожара, лесная стража была обязана сообщать лесовладельцу или его управляющему, а также полиции, которая через сельского начальника должна прекратить нарушения (ст. 621) [17, с. 73–74].

При тушении пожара появляются отдельные предписания для частных и казенных лесов. В казенных лесах все полномочия принадлежат местному лесничему, на нем же лежит и ответственность за тушение пожара. Любая информация о начавшемся пожаре сообщается лесничему, полиция должна оказывать ему содействие, «причем как сам Лесничий, так и чины полиции могут оставить пожарище только тогда, когда удостоверятся, что пожар прекратился и нельзя ожидать возобновления ононого» (ст. 617) [17, с. 74]. Однако тушить пожар по-прежнему должны были крестьяне, но уже за оплату. Чины лесной стражи через местных старост и сотских призывают крестьян, лесничий непосредственно на месте пожара составляет протокол с указанием имен и числа лиц, которым полагается вознаграждение, с указанием количества отработанных ими дней. Протокол подписывал сам лесничий, чин уездной полиции и должностные лица сельского и волостного управления. Размер оплаты определяется таксами, установленными губернским земским собранием на трехлетие и утвержденными губернатором.

В частных лесах лесной сторож или любой человек, заметивший пожар, обязан известить о нем ближайшее селение для оказания помощи, а также лесовладельца или его управляющего, или местную полицию, в зависимости от того, кто ближе к месту горения. Сбор крестьян к месту горения также происходил через местных старост и сотских, но уже самим ле-

совладельцем или его управляющим. Они же должны распоряжаться тушением пожара, но только до прибытия полиции. Вознаграждение рабочим также выплачивает лесовладелец, но по тем же тарифам, которые утверждены местным губернским земским собранием на действующее трехлетие.

Для тушения пожара созываются крестьяне ближайших деревень, расположенных на расстоянии 10 верст, если же их недостаточно, то привлекаются рабочие из более отдаленных селений, но не дальше 15 верст. Крестьяне должны являться по первому зову и иметь при себе лопаты, топоры и прочий инвентарь. Если же пожар не удается потушить за один день, то «соображаясь с силой огня, густотой местного населения и рабочей порой, должны быть назначаемы сменные рабочие, которые, в случае надобности, требуются и из более отдаленных селений, расположенных, однако, от пожара не далее двадцатипятиверстного расстояния» (ст. 616) [17, с. 74].

Полиция должна принимать самое непосредственное участие в тушении пожара. Если раньше только становой пристав контролировал процесс пожаротушения, то теперь все полицейские чины немедленно отправляются на место пожара, лично руководят его тушением и могут покинуть его только тогда, когда удостоверятся, что пожар потушен и не возобновится. На всякий (пожарный) случай полицейские могут оставить караул из местных жителей, если все-таки есть угроза возобновления пожара (ст. 617) [17, с. 74].

В Уставе, как уже было сказано выше, к противопожарной деятельности привлекаются земские учреждения. Губернские земские собрания утверждали размеры выплат крестьянам за участие в пожаротушении. Статья 622 Устава прямо предписывала губернским земским собраниям и комитетам «составлять обязательные постановления о мерах предосторожности от лесных и напольных пожаров и о их тушении» [17, с. 75]. Таким образом земства вовлекались в противопожарную борьбу государства.

В противопожарной деятельности земств, безусловно, основное внимание уделялось борьбе с пожарами в населенных пунктах. Здесь была проделана огромная работа по взаимному земскому страхованию от огня. В этой области до учреждения земств работа практически не велась, и земства взялись за нее всерьез на основании закона от 7 апреля 1864 г. Страхование построек от огня давало населению достаточно быстро восстанавливать хозяйство после стихийных бедствий, поэтому земства уделяли этой деятельности особое внимание.

Например, в Воронежской губернии обязательное земское страхование было введено в 1867 г., а к 1903 г. сумма страхового риска по губернии составляла огромные 39 645 000 рублей [1, с. 453]. Что касается лесных пожаров, то в этом направлении успехи были значительно скромнее. В принципе земства достаточно внимательно относились к вопросу о сохранении лесов, так как после отмены крепостного права состояние лесов резко ухудшилось. Земства принимали активное участие в охране казенных и частных лесов, однако особое внимание уделяли охране и рациональному использованию лесов, принадлежащих крестьянским общинам. Основными направлениями лесоохранной деятельности земств в течение второй половины XIX – начала XX в. были борьба с лесными пожарами и несанкционированными вырубками деревьев. Именно частые лесные пожары и массовые самовольные рубки леса крестьянами повсеместно наносили лесам наибольший вред. Для борьбы с лесными пожарами губернские и уездные земства часто выделяли сельским общинам специальную помощь для формирования «пожарного обоза» и приобретения инструментов – багров, лопат и т. д. В качестве профилактических мер во многих губерниях и уездах земства использовали вспашку и окапывания лесных участков. В соответствии со статьями Лесного устава земства стали оплачивать труд крестьян при тушении пожаров. На основании утвержденного 15 мая 1867 г. Высочайшего повеления «О мерах к охранению частных лесов» вознаграждение полагалось лицам, призываемым для тушения пожаров в лесах, располагающихся далее 15 верст от места жительства. Таксы были следующие: за каждый день с 1 июня по 15 августа – по 40 копеек; с 1 апреля по 1 июня и с 15 августа по 1 октября – 30 копеек; с 1 октября по 1 апреля – по 20 копеек. Эти таксы действовали с 1868 г. и не менялись. Для сравнения за вспомогательные работы на железных дорогах пешему работнику за день работы полагалось 75 копеек, за ночь – 1 рубль 50 копеек, конному работнику соответственно 2 и 3 рубля [4, с. 71–72]. В случае крупных пожаров председатель земской управы вызывал военную команду.

Очевидно, что и государство, и земские структуры видели в крестьянах главный источник возгорания пожаров и главную силу при их тушении. Практически все меры противопо-

жарной безопасности касались крестьян, как и все мероприятия по пожаротушению ложились на их плечи. Пожары всегда были главным стихийным бедствием на Руси, и страшнее лесных были пожары в населенных пунктах – городах и селениях, ведь при этом гибли и оставались без крова люди.

Естественно, что борьба с городскими и сельскими пожарами была важнее борьбы с лесными пожарами. Поэтому в населенных пунктах давно появились профессиональные пожарные команды. В Москве первая команда была создана в 20-х гг. XVII в. и имела в составе 100 человек. Помимо багров, топоров и лопат в XVIII в. использовались водозаливные трубы, а в XIX в. стали использовать насосы. Лесные пожары по-прежнему тушили крестьяне с собственными топорами и лопатами, и лишь в некоторых местностях земства помогали создать пожарный обоз, оснащенный все теми же баграми и лопатами, т. е. земства помогали крестьянам сберечь собственный инвентарь, но не вооружали их более передовой техникой.

В наше время пожары в населенных пунктах России уже не бывают такими опустошительными, как раньше. В городах очаги возгорания быстро локализуют и тушат, как правило, без жертв. Это происходит потому, что деревянных строений в городах почти не осталось, а также благодаря развитию и техническому оснащению противопожарных служб. А вот лесные пожары по-прежнему являются страшным стихийным бедствием, причем именно они теперь представляют наибольшую угрозу возгорания сельских населенных пунктов.

Таким образом, можно заключить, что лесные пожары – национальное бедствие России на протяжении всей ее истории, а борьба с ними – национальная задача. На протяжении веков в этой сфере происходили существенные изменения. Изначально на Руси борьба с лесными пожарами сводилась к их профилактике через принятие законов, карающих за поджог. С формированием в XVIII–XIX вв. корпуса лесничих появляется организованное пожаротушение и специальная должность пожарных старост. Меры по предотвращению и тушению лесных пожаров прописывались в Лесном уставе. Лесные чиновники должны были организовать процесс, а его осуществление ложилось на плечи крестьян. Причем до отмены крепостного права борьба с лесными пожарами являлась для них повинностью и соответственно никак не оплачивалась. После отмены крепостного права крестьяне по-прежнему были обязаны тушить лесные пожары, но им за это стали платить. Оплата крестьянам за тушение пожаров в казенных лесах осуществлялась земствами. Таким образом, тушение лесных пожаров контролировалось государственными чиновниками, оплачивалось общественными организациями, а работы производились крестьянами. Тогда же произошли и другие изменения. Государство стало контролировать охрану не только казенных, но и частных лесов, в которых тушением пожаров руководили полицейские чины, тушили опять крестьяне, но платить им должны были сами лесовладельцы по таксе, утвержденной земствами.

Список литературы

1. Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб. : Изд. О. Н. Поповой, 1909. Т. 2. 703 с.
2. Высочайше утвержденное 15 мая 1867 года мнение Государственного Совета о мерах к охране частных лесов // Руководство для крестьян. Список действующих узаконений. М. : Типография М. Н. Лаврова, 1880. С. 186–193.
3. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1043.
4. ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1203.
5. ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1377.
6. ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1577.
7. ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 2903.
8. Двухсотлетие учреждения Лесного департамента (1798–1998). М., 1998. Т. 2. 242 с.
9. Журналы Воронежских губернских земских собраний за 1870 год. Воронеж : Типография В. А. Гольдштейна, 1871. С. 71–72.
10. Лесные пожары в истории России // Комитет лесного хозяйства Московской области. 2014. URL: <https://klh.mosreg.ru/>.
11. Летописный сборник, именуемый Патриаршиєю, или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. 9. VIII. 256 с.
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршиєю, или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1897. Т. 11. VIII. 254 с.
13. О предупреждении лесных пожаров, причиняемых расчисткою земель под пашни: Указ от 19.05.1798 // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 25. 1798–1799. СПб., 1830. 936 с.

14. О распоряжениях для отвращения случающихся в лесах пожаров: Указ от 09.08.1800 // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 26. 1800–1801. СПб., 1830. 875 с.

15. Пожары и пожарная безопасность в 2022 году: информ.-аналитич. сб. Балашиха : МЧС России, 2023. 80 с.

16. Свод законов Российской империи. Т. 8. Ч. 1. Уставы лесной, оброчных статей и устав казенных населенных имений в западных и Прибалтийских губерниях. СПб. : Тип второго отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1857. 718 с.

17. Свод законов Российской империи. Т. 8. Ч. 1. Устав лесной. СПб., 1905. 201 с.

18. Счетная палата назвала сумму ущерба от лесных пожаров // Парламентская газета. 07.12.2022. URL: <https://www.rpr.ru/> (дата обращения: 19.11.2023).

19. Шафранов Н. С. Лесоохранение. СПб. : Тип. Майкова, 1872. 211 с.

20. Хронология крупных природных пожаров в России // Рамблер/новости. 2023. URL: <https://news.rambler.ru/fire/50634638-hr> (дата обращения: 27.12.2023).

The history of fighting forest fires in pre-revolutionary Russia (XVIII – early XX centuries)

Kvasov Oleg Nikolaevich¹, Semenova Elena Viktorovna²

¹Doctor of Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Voronezh State Forestry Engineering University n. a. G. F. Morozov.

Russia, Voronezh. ORCID: 0000-0003-0156-0651. E-mail: kvasovoleg@yandex.ru

²senior lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities, Voronezh State Forestry Engineering University n. a. G. F. Morozov. Russia, Voronezh. E-mail: elenaviktor2014@mail.ru

Abstract. Throughout its history, Russia has faced various geopolitical, environmental, and social challenges. Some of them have remained in the past, and some continue to operate now. One of these challenges is the problem of forest fires. They were a severe disaster for our people during the time of Kievan Rus, and remain so in the XXI century. Since ancient times, the state has paid attention to the prevention of forest fires, trying to prevent them, and if this failed, it was engaged in the organization of firefighting.

This article provides an overview of the history of the spread of forest fires from the time of Kievan Rus to the end of the XIX century. and their causes. The analysis of the development of state measures aimed at combating forest fires is given – the formation and development of forest legislation, the formation of a corps of foresters and fire chiefs, the organization of firefighting and the involvement of peasants in this matter. The role of zemstvo institutions in the fight against forest fires in the second half of the XIX century is considered. The article concludes that the state policy of combating forest fires has gone a long way from punishing arsonists to creating a developed structure of forest protection agencies and a set of laws, but as far as extinguishing fires, the main burden fell on the shoulders of peasants.

The relevance of the study is due to the fact that forest fires still occur on a different scale every year and the historical experience of fighting them can be useful nowadays.

Keywords: forest legislation, fire prevention, firefighting.

References

1. Veselovskij B. *Istoriya zemstva za sorok let* [The history of the Zemstvo for forty years]. SPb. Publishing house of O. N. Popova, 1909. Vol. 2. 703 p.

2. *Vysochajshje utverzhdennoe 15 maya 1867 goda mnenie Gosudarstvennogo Soveta o merah k ohraneniyu chastnyh lesov* – The opinion of the State Council, highly approved on May 15, 1867, on measures to protect private forests // *Rukovodstvo dlya krest'yan. Spisok dejstvuyushchih uzakonenij* – Handbook for Peasants. List of current laws. M. M. N. Lavrov Printing House, 1880. Pp. 186–193.

3. SAVR (State Archive of the Voronezh region). F. I-24. Inv. 1. File 1043.

4. SAVR. F. I-24. Inv. 1. File 1203.

5. SAVR. F. I-24. Inv. 1. File 1377.

6. SAVR. F. I-24. Inv. 1. File 1577.

7. SAVR. F. I-24. Inv. 1. File 2903.

8. *Dvuhsotletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta (1798–1998)* – Bicentennial of the establishment of the Forest Department (1798–1998). M. 1998. Vol. 2. 242 p.

9. *Zhurnaly Voronezhskih gubernskih zemskih sobranij za 1870 god* – Journals of Voronezh provincial zemstvo assemblies for 1870. Voronezh. V. A. Goldstein's Printing House, 1871. Pp. 71–72.

10. *Lesnye pozhary v istorii Rossii* – Forest fires in the history of Russia // *Komitet lesnogo hozyajstva Moskovskoy oblasti. 2014* – Committee of Forestry of the Moscow region. 2014. Available at: <https://klh.mosreg.ru>

11. The Chronicle collection, called the Patriarchy, or Nikon's Chronicle // The complete collection of Russian Chronicles, published by the highest command of the Archeographic Commission. SPb. 1862. Vol. 9. VIII. 256 p. (in Russ.).
12. The chronicle collection, called the Patriarchy, or Nikon's Chronicle // The Complete collection of Russian Chronicles, published by the highest command of the Archeographic Commission. SPb. 1897. Vol. 11. VIII. 254 p. (in Russ.).
13. On the prevention of forest fires caused by clearing land for arable land: Decree of 19.05.1798 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649. Vol. 25. 1798-1799. SPb. 1830. 936 p. (in Russ.).
14. On orders to avert fires occurring in forests: Decree of 09.08.1800 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649. Vol. 26. 1800-1801. SPb. 1830. 875 p. (in Russ.).
15. *Pozhary i pozharnaya bezopasnost' v 2022 godu: inform.-analitich. sb.* – Fires and fire safety in 2022: inform.-analytical collection of Balashikha. Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. 80 p.
16. The Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 8. Part 1. The Statutes of the forest, the articles of rent and the charter of state-owned inhabited estates in the Western and Baltic provinces. SPb. Type of the second department of its Own EIV office, 1857. 718 p. (in Russ.).
17. The Code of laws of the Russian Empire. Vol. 8. Part 1. The Charter of the forest. SPb. 1905. 201 p. (in Russ.).
18. *Schetnaya palata nazvala summu ushcherba ot lesnyh pozharov* – The Accounting Chamber named the amount of damage from forest fires // *Parlamentskaya gazeta* – Parliamentary newspaper. 07.12.2022. Available at: <https://www.pnp.ru/> (date accessed: 19.11.2023).
19. *Shafranov N. S. Lesoohranenie* [Forest protection]. SPb. Maykova Type, 1872. 211 p.
20. *Hronologiya krupnyh prirodnyh pozharov v Rossii* – Chronology of major wildfires in Russia // *Rambler/novosti* – Rambler/news. 2023. Available at: <https://news.rambler.ru/fire/50634638-hr> (date accessed: 27.12.2023).

«Комитет охранения общей безопасности» 1807 года: механизмы выявления и содержание социально-политических слухов*

Козлова Мария Алексеевна

младший научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Академии наук.
Россия, г. Екатеринбург. AuthorID: 1161506. E-mail: cozlowa.marya2018@yandex.ru

Аннотация. Работа направлена на анализ специфики оформления и функционирования системы контроля за общественным мнением в эпоху правления Александра I. Обострение внешнеполитической ситуации в Европе требовало координации действий высших сановников империи в вопросе распространения заведомо опасной информации. Особое внимание обращалось на сообщения из Западных губерний, а также настроения городских жителей обеих столиц. Исследуются особенности делопроизводства «Комитета охранения общей безопасности» как одного из ключевых органов, направленных на отслеживание общественно-политических настроений в России. Комитет создавался как временный межведомственный орган, задачей которого являлось отслеживание иностранного, а точнее французского вмешательства в политические настроения общества. Однако впоследствии одной из важнейших тематических групп, рассматриваемых членами Комитета дел, стали сообщения о готовящихся заговорах, слухи, «толки» и пасквили в адрес монарха. Случайный характер поступления дел и отсутствие единого канала для получения информации обусловили специфику функционирования Комитета в вопросе выявления и реагирования на потенциально опасную информацию. Недостаточная регламентация деятельности Комитета, его надведомственный статус и отсутствие развитой системы информантов неизбежно ограничивали как функции органа, так и круг рассматриваемых дел. Комитет 1807 г. являлся одним из ключевых органов, чья деятельность сосредотачивалась на координации действий по реагированию на сообщения о политических преступлениях и общественном недовольстве. Неудача превентивного подхода в вопросе надзора за политическими настроениями привела к пониманию необходимости структурного и централизованного оформления политической полиции, оформившейся во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Комитет 1807 г., политическая полиция, слухи, пасквили, общественная безопасность.

Эпоха правления Александра I ознаменована поиском наиболее эффективной модели контроля за «общим мнением». После упразднения в 1801 г. «Тайной экспедиции» [9, с. 603–604] начинается формирование разветвленной системы надзора за распространением потенциально опасной для государственного спокойствия информации. Система охранения «общей безопасности» предполагала создание органов полиции, в чей функционал входил сбор подозрительных сообщений, а также поиск их распространителей.

Освещению вопроса становления и проблеме функционирования органов политической полиции в начале XIX в. посвящено несколько работ отечественных авторов. Среди них можно назвать труды В. М. Клеандровой и Л. С. Яковлева «История полиции, политического сыска и контрразведки России в XVIII – начале XX века» [3], Ф. Лурье «Полицейский и провокаторы» [5], исследование Ф. Л. Севастьянова «Между тайной экспедицией и III Отделением» [26], статью О. А. Любезникова и А. Ю. Скрыдлова «Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы» [6, с. 16–30]. Однако специфику отслеживания социально-политических настроений и реагирования на поступающие сообщения о распространении потенциально опасной для общественного спокойствия информации данные исследования в полной мере не освещают.

Анализ деятельности органов политической полиции предполагает исследование специфики процесса создания системы отслеживания и реагирования на разглашение различного рода социально-политических слухов, «толков» и пасквилей. Слухи как наиболее опасный, с точки зрения охранения «общей безопасности», источник распространения информации требовали пристального внимания. В силу способа распространения информации «слухи и толки» невозможно в полной мере предотвратить, взять под контроль, в связи с чем в органах

политического сыска формировалось четкое понимание о необходимости выявления и борьбы с такого рода «особо опасной» информацией. Ключевыми вопросами в рамках исследования организации высшей полиции первой четверти XIX в. являются системность, масштабность и согласованность действий внутри новых институтов политического контроля, а также анализ специфики работы Комитета 1807 г.

В начале XIX в. учреждаются «Экспедиция о Спокойствии и Благочинии» в рамках образованного Министерства внутренних дел, «Тайная полицейская экспедиция», «Комитет высшей полиции» [5, с. 37–38]. Ведомства имели локальный характер и отслеживали сообщения о распространении слухов преимущественно в столице [6, с. 18]. Однако работа уже существовавших структур оказалась недостаточной. Дальнейший поиск наиболее эффективной модели политического контроля связан с характерной для александровского царствования тенденцией сочетания коллегиальной и единоличной форм управления. Рассмотрение наиболее важных вопросов лицами, обладавшими доступом к информации, способствовало формированию круга компетентных бюрократов. Высшие сановники империи, входившие в состав Комитета министров и Государственного совета, должны были принимать непосредственное участие в поддержании должного уровня общественно-политического контроля. Дополнительным фактором, определившим создание Комитета 1807 г., стала ситуация в Западных губерниях империи. Польский вопрос неоднократно фигурировал в материалах Комитета, а доносы с Западных губерний, в сравнении с другими территориями страны, попадали в Комитет довольно часто.

Так, в 1807 г. по образцу «Комитета Высшей полиции» был учрежден «Комитет Охранения общей безопасности» как надведомственный орган, основная деятельность которого была направлена на анализ поступающей с мест потенциально опасной для общественного спокойствия информации. Задумывавшийся как регулирующий деятельность полиции орган в условиях обострения внешнеполитической обстановки и во время отсутствия императора в столице, Комитет просуществовал вплоть до 1829 г. Последние следственные мероприятия, зафиксированные в рамках делопроизводства Комитета, были осуществлены в 1828 г.

Создание Комитета 1807 г. обусловило начало формирования системы политического контроля, существенной особенностью которой стала попытка более глубокой проработки вопроса организации надзора за общественными настроениями. В состав Комитета вошли действительный тайный советник П. В. Лопухин, сенаторы и тайные советники А. С. Макаров и Н. Н. Новосильцев. Также на заседаниях Комитета присутствовали Санкт-Петербургский главнокомандующий, министр военных сухопутных сил С. К. Вязмитинов, министр внутренних дел, действительный тайный советник В. П. Кочубей [12, л. 1]. Позже в состав Комитета вошел министр полиции А. Д. Балашов, в 1814 г. членом Комитета стал А. А. Аракчеев [5, с. 39]. При Комитете функционировал судебно-следственный орган – «Особенная канцелярия», в состав которой входили двадцать три человека [12, л. 6]. В 1812 г. большинство членов Комитета 1807 г. вошло в состав Комитета министров [26, с. 156], что также способствовало межведомственной координации деятельности органов.

В проекте Н. Н. Новосильцева об учреждении Комитета от 2 января 1807 г. обозначены основные функции работы органа: «Предусматривать все то что могут произвести враги Государства...», принимать меры к открытию лиц, вознамерившихся «завести внутри Государства вредная связи», а также «отвращать или искоренять благовременно таковое зло» [11, л. 2]. Комитету предписывалось рассматривать донесения о «проживающих в Столице вновь приезжающих подозрительных людях; о разглашаемых слухах, сочинениях <...> и собраниях подозрительных» [11, л. 2 об.], сведения, касающиеся «измены государству и тайных заговоров противу общей безопасности» [11, л. 3]. Согласно Высочайшему указу от 13 января 1807 г. основной задачей Комитета являлось пресечение «к совершению замыслов внешних врагов Государства чрез зловерные переписки, предусматривая (шпионство) и разглашения», а также на сохранение порядка и «благоразумную осторожность в производстве следствий по сему роду дел» [10, с. 983].

По справедливому замечанию Ф. Л. Севастьянова, круг вопросов, рассматривавшихся в Комитете 1807 г., поражает своей неопределенностью [26, с. 156]. Прежде всего перед новым ведомством ставились задачи предусмотреть все, что «могут произвести враги Государства» [11, л. 1]. Подобная расширительная трактовка задач Комитета отразилась на делопроизводстве органа политической полиции.

Анализ материалов фонда Комитета позволяет выделить следующие тематические группы дел: 1. внешнеполитические вопросы, включая обвинения в шпионаже, слухи о про-

движении армии Наполеона, восхваление Франции; 2. сообщения о заговорах и тайных обществах; 3. оскорбления и пасквилы в отношении монарха; 4. «слухи и толки» по крестьянскому вопросу; 5. контроль за въездом и выездом в крупные города империи; 6. вопросы, связанные с экономическими преступлениями.

За первый год работы из 62 рассмотренных дел 19 относятся к вопросу внешней политики, начиная с обвинений в переписке с неприятелем и подозрений в шпионаже в пользу Франции, заканчивая восхвалением фигуры Наполеона. Второй по важности темой, исходя из делопроизводственной документации Комитета, являлась критика правительства и самодержца. Следственные мероприятия по данному направлению были проведены по 10 делам, включая пасквилы на Александра I, сочинения и рассуждения о необходимости ограничения Верховной власти, а также рассмотрение донесения о тайном обществе. Остальные дела следует определить к крестьянскому вопросу, а также к расследованию экономических преступлений. В дальнейшем число дел, рассматриваемых Комитетом 1807 г., значительно сокращается. Так, в 1808 г., согласно описи фонда, следственные мероприятия были проведены по 10 делам (исключая рапорты приграничных таможен). За следующие три года (с 1809 по 1810) Комитет рассмотрел еще 11 новых дел¹. Новый пик активности пришелся на 1812 г., за который из 15 новых дел 7 можно отнести к вопросу внешней политики, а 5 к «дерзким речам» в отношении императора [17; 18; 19].

Таким образом, в соответствии с задачами Комитета 1807 г., обозначенными в проекте Новосильцева и в Высочайшем указе от 13 января, основным направлением работы данного органа становится борьба с «врагами государства» на двух уровнях. Первый – пресечение прямого или косвенного пособничеству основного внешнеполитического противника империи – Наполеона Бонапарта. Даже в случае неподтверждения сообщений о шпионаже, переписке с французами, разглашении непроверенной информации о продвижении вражеской армии, факт разглашения подобной информации воспринимался как потенциальная опасность для государственного спокойствия.

Вторым не менее важным направлением охраны общественного порядка стало недопущение циркуляции информации, направленной на критику внутривластного положения в стране. Содержательно одним из вопросов, вызывавших особый интерес, стали различного рода пасквилы и слухи о «долженствующей перемене царствования».

Донесения, поступающие в Комитет, нередко содержали слухи о заговорах против монарха. Сообщения о готовящихся переворотах зачастую подразумевали намерение «уберечь», «предупредить», «оградить» монарха от возможной угрозы. Анализ содержания материалов фонда Комитета (РГИА. Ф. 1163. Оп. 1) позволил выделить несколько типов «слухов и толков» в рамках так называемых «внутриполитических дел»: это пасквилы в отношении Величества, слухи о возможном государственном перевороте и более широкая группа, классифицируемая как «недозволенные речи», куда можно отнести критику деятельности отдельных чиновников и Правительства, сообщения о «чудесном спасении» Павла I.

Социальный состав распространителей «недозволенных речей» довольно широк. Обвинениям в заговорах и пасквилах подвергались как чиновники и их семьи, так и городские обыватели и крестьяне. Свидетелями или доносчиками, как правило, являлись лично знакомые с обвиняемыми лица, стремящиеся «разоблачить» или искоренить измену государю. Зачастую информация о перевороте, помимо содержательной части, носила также и эмоциональную оценку, выражавшуюся в неодобрении крамолы. Передаваемые слухи могли сопровождаться разговорами о необходимости пресечь заговор, «открыть глаза» императору о готовящемся покушении. Отсюда и стремление «уберечь» царя. Сообщения от частных лиц фиксировали как критику личности самого Александра I, так и сомнения в законности правопреемственности власти императора.

Средой распространения подобных сообщений являлись так называемые места публичной коммуникации: харчевни, рынки, кабаки, литературные салоны, званые обеды. Доносы о готовящемся заговоре могли составляться в разных ситуациях. Так, в 1807 г. Комитет рассматривал донос Амалии Ангельн, изобличавшей распространителя в столице сообщений о готовящемся государственном перевороте: якобы жена генерал-поручика Софья Турчани-

¹ Здесь необходимо уточнить, дознание по некоторым делам могло продолжаться не один год. В Комитет перенаправлялись прошения и доклады на имя высших сановников империи и лично императора, что «растягивало» делопроизводство на несколько лет.

нова рассказывала, что «...должна быть скоро совершена Революция, и потому призывала, ежели ночью случится хотя малейший шум, будить ее. Уверяла что Революция последует не далее, как в крещение, и только ожидают, чтоб вышел манифест...». После Крещения, конечно, никакой революции не свершилось, а Турчанинова настаивала, что «Государь остерегся, и манифеста не видал; так Революция непременно свершится во время войны» [13, л. 9].

Ангельн, прежде работавшая в доме Турчаниновой, на допросе в Комитете показала, что на ее слова о вступлении на престол цесаревича Константина Павловича при возможном заговоре против императора Турчанинова отвечала, что вместо наследника «приготовлен другой, поумнее его» [13, л. 9]. Александр I направил письмо в Комитет, в котором писал: «Не смотря на речи госпожи Турчаниновой, не представляется, что разговоры (болтовня) безосновательны, <...> очевидно, что если мадам Турчанинова не имеет расстройств рассудка или что она не полностью сумасшедшая, невозможно никак пренебречь революционными выражениями, которые она позволяет говорить <...> Она мечтает лишь о Революции, она позволяет себе говорить, что Император не достоин Трона...» [13, л. 1 об.].

Амалия Ангельн намеревалась подкрепить свой донос показаниями свидетельницы Рейнгольд, но та, в свою очередь, свидетельствовала против доносчицы, показав, что о «политических разговорах Турчаниновой» слышала исключительно со слов Ангельн [13, л. 111]. Сама же генеральша всяческие обвинения в свой адрес отрицала, заявив, что о политике никогда не говорила, в отличие от сына Ангельн, якобы сказывавшего: «... что говорят в народе про императрицу Марию Федоровну, яко бы она, вмешиваясь в дела правления, и будучи привержена к французам, дает советы государю в их пользу, а он их истолковывает, и от того дела идут худо» [13, л. 10]. Показания Турчаниновой и Ангельн противоречили друг другу, свидетели не могли в полной мере подтвердить ни одну из версий. Комитет закрыл дело, Турчанинова была выслана из столицы и отправлена с приставом в Житомир. По распоряжению Санкт-Петербургского военного генерала князя Д. И. Лобанова-Ростовского генеральша должна была находиться под надзором полиции [13, л. 145 об.]. Однако Турчанинова скрылась из-под надзора, за ней были отправлены нарочные, а также предписание земским исправникам отыскать Турчанинову «или по крайней мере о собрании слухов, какие могут быть о предпринятом ею пути» [13, л. 168 об.]. Дальнейшую информацию о местонахождении генеральши Комитет так и не получил.

Данное дело демонстрирует два различных варианта слухов, объединенных общей темой под условным названием «перемена царствования». Первый вариант анонимный, фиксирует наличие в обществе группы лиц, способных совершить переворот. При этом не называются ни действия императора, приведшие к формированию заговора, ни конкретные заговорщики или же «кандидат» на российский трон. Второй вариант слуха более конкретен, в нем появляется имя императрицы и апелляция к обману «ближнего круга». С помощью него объяснялись внешнеполитические неудачи Александра I после Тильзитского мира.

В делах о перемене царствования особое внимание Комитета было сконцентрировано на вопросе о претендентах на русскую корону. Круг «наследников» монарха, исходя из «слухов и толков» довольно ограничен. В первую очередь, речь шла о предполагаемой женской фигуре на троне, олицетворявшей образ блистательного века Екатерины II.

Одним из вероятных претендентов на престол в рамках выявленных слухов о заговорах стала Великая княгиня Екатерина Павловна. Исследователи не раз обращались к фигуре сестры императора как к своеобразному центру «консервативной оппозиции» [8, с. 264]. Александр Мартин фиксирует распространение в обществе слухов о готовящемся перевороте в пользу Екатерины Павловны в 1807–1810 гг. ввиду падения популярности императора после Тильзита [7, с. 96].

Согласно доносу, составленному берейтором саксонского происхождения Иоганом Ивановичем Игналинцовым в конце июля 1814 г., жизнь императора потенциально была подвержена опасности в связи с заговором в юго-западных губерниях империи. Берейтор донес городничему города Луцк о существовании заговора на жизнь императора Александра I и Цесаревича Константина Павловича с целью возвести на престол великую Княгиню Екатерину Павловну. Дело дошло до Волынского губернского прокурора, составившего рапорт от 31 июля к министру юстиции Ивану Ивановичу Дмитриеву. На допросе Игналинцов сообщал, что он, «находясь у <...> помещиков Курской губернии в должности берейтора, заметил во многих домах между важными особами в компании заговор относящийся к покушению на жизнь Государя Императора и Его Императорского Величества Государя Цесаревича и Вели-

кого Князя Константина Павловича с участием в том и других губерний помещиков...» [23, л. 10]. 18 августа И. И. Дмитриев направил донесение председателю Государственного совета Н. И. Салтыкову с целью передать дело в ведомство Комитета 1807 г. [23, л. 9 об.].

В ходе допроса в Комитете Игналинцов показал, что заговорщики желали «жить как прежде жили во время царствования Блаженных памяти Государыни Императрицы Екатерины», и, что особенно важно, не приветствовали монарха мужского пола. Иоганн Иванович утверждал, что якобы заговорщики отправились в столицу с некими «бумагами, как он полагает, к тому заговору относящимися» [23, л. 15]. За нелепостью и опасностью подобных слухов и публичных разговоров, а также ввиду отсутствия каких-либо сведений, подтверждавших слова Игналинцова, доносчик был помещен в Александровский равелин Санкт-Петербургской крепости [23, л. 36 об.], а затем определен в Дюнаминдскую крепость под Ригой [23, л. 102].

Екатерина Павловна выступала в качестве репрезентации образа надежды на возвращение былого времени, связанного с образом женщины на троне. Главным же объектом слухов оставалась фигура монарха, вокруг которого плелись «паутины интриг» и заговоров, инициированных некими «злыми» силами.

Альтернативной женской фигурой на троне, согласно рассматриваемым Комитетом 1807 г. донесений, стала и Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. В 1813 г. в Комитет поступило дело об извете коллежского регистратора Петра Васильевича Боришевского-Честнейшего на подпоручика сводной дружины петербургского ополчения Калинина [2, с. 270]. Согласно доносу Боришевского, Калинин в один из вечеров в ходе частного разговора подверг резкой критике персону Петра III [22, л. 5]. Помимо дерзких речей в адрес покойного императора, Калинин обвинялся в участии в заговоре с целью «принудить Государя Императора отказаться от короны и просить Императрицу Елизавету Алексеевну принять оную». В заговор в столице якобы вошли «до несколько тысяч, между тем есть человек до десяти знатного духовенства, все почти среднее дворянство и знатное купечество» [22, л. 61].

«Извет» был направлен в октябре 1812 г. в Кенигсберг графу Сиверсу, от которого, в свою очередь, было направлено донесение Его Королевскому Высочеству Герцогу Вюртембергскому Александру. Принц поставил в известность Санкт-Петербургскому главнокомандующему М. И. Кутузову, который направил дело в Комитет. В ходе следствия по делу Калинин имел несчастье признаться в сочинении в 1812 г. некой Конституции (о чем в доносе упомянуто не было), добавив, что «позволил себе думать, что есть ли бы царствовали женщины в России, то мы миновали бы злой жребий нашего Отечества, например: если бы царствовала императрица Елисавета Алексеевна» [22, л. 61]. На вопрос о существовании его мыслей, изложенных в авторской Конституции 1812 г., Калинин утверждал, что: «...Кабинет Российской продан Сперанским и что Государь непосредственно в руках французов». Вследствие чего необходимо принять следующие меры: переменить министров и предводителей армии, предоставить казнь до окончания войны, уволить иностранцев со службы, вверить единому Государю начальство над армией: «... ибо вся цель была истребление войск французских». Ключевым аргументом в вопросе предпочтительности женского правления стал факт недопущения в правление Елизаветы и Екатерины II иностранного вторжения и захвата столицы [22, л. 62 об.], что, в свою очередь, отсылало к политическим неудачам и слабости Александра I.

Дальше рассуждений Калинин не пошел, утверждая, что крамольными мыслями поделиться ни с кем не успел и ни в каких заговорах участия не принимал. Однако доносчик Боришевский обвинял Калинина в уговоре «сотовариществовать ему в сем предприятии». Комитет не усмотрел «ни малейшей причины заключать, чтобы подлинно существовал здесь какой-либо заговор» [22, л. 63].

Переключившись на более серьезный, с точки зрения общественной безопасности вопрос, Комитет счел содержание конституции Калинина, созданной под видом спасения России от иноземного вторжения, истинно губительным и направленным на возможное свершение революции. Калинин как человек «вредный и опасный» был обвинен в государственном преступлении и помещен в Шлиссельбургскую крепость [22, л. 63], откуда был освобожден и сослан в Сибирь лишь в 1826 г. по Высочайшему распоряжению Николая I [22, л. 80].

Доносчик Боришевский-Честнейший был направлен на прежнее место службы. Однако ввиду сильной склонности «к болтанию и к рассуждению о делах, превышающих его понятие и до него совсем не принадлежащих», «обязался дать подписку», согласно которой обещал о Комитете и деле подпоручика не говорить и не писать, на письме «быть осторожнее и осмотрительнее» и не заниматься тем, что до него не относится [22, л. 68].

Материалы фонда Комитета 1807 г. содержат информацию и о третьем возможном претенденте на русский престол. Фигура Наполеона не раз мелькала в доносах о разглашении слухов и «недозволительных речей». Так, в 1812 г. в Комитет поступило дело губернских секретарей Фрязиновского и Запрягаева о разглашении «неприличных разговоров о политических делах» [20, л. 12 об.]. В разговоре в трактире Фрязиновский якобы заявил, что в случае победы Наполеона готов ему служить [20, л. 12 об.].

Конечно, вспоминая о фигуре французского императора, чаще всего речь шла о сообщениях, так или иначе затрагивавших внешнеполитический контекст. Появление Наполеона в народных «толках» в качестве альтернативной фигуры на российском престоле стало способом осмысления причин войны с французами.

Так, в 1812 г. в столице распространились слухи о близком родстве Наполеона и Романовых. Якобы император французов являлся «побочным» сыном Екатерины II. С этой точки зрения возвращение российской короны по наследству от якобы старшего брата императора Павла I становится весомым поводом для вторжения армии Наполеона в Россию [4, с. 98–99]. Согласно материалам Комитета, подобные разговоры велись в харчевне Петербурга между торговцем Щебалкиным, харчевником Ивановым и мещанином Воротиловым [18, л. 1]. Согласно показаниям Щебалкин «брал сначала попов, потом Митрополита и наконец Государя» [18, л. 4]. Помимо прочего заявив, что «... Наполеон есть побочный сын Императрицы Екатерины II, и идет присвоить себе корону всероссийскую по наследству после брата законно ему принадлежащую» [18, л. 1].

Публичное обсуждение вопроса о правопреемнике русской короны не мог не заинтересовать Комитет, отвечавший за отслеживание общественных настроений. Сомнения в законности правления императора – один из наиболее тревожных для общественной безопасности вариантов циркулировавших слухов, требовавший особого внимания со стороны органов высшей полиции.

Несмотря на то, что ни один из доносов о предполагаемом перевороте не подтвердился, рассмотренные дела дают возможность сформировать упрощенную схему предполагаемых заговоров. Действия определенного круга лиц, недовольных действиями Правительства и лично императора, непременно могут привести к насильственному свержению власти и скорой смене «порядков». Надежды на возвращение «блистательного века» Екатерины II формировали образ женского правления, воплощавшегося в лицах Елизаветы Алексеевны и Екатерины Павловны как возможных претендентах на престол. Военные же неудачи Александра I стали посылкой к появлению в сюжетах о «недозволительных речах» фигуры Наполеона как альтернативному императору. Рассмотренные дела о «заговорах» отнюдь не являются наиболее распространенной тематикой для расследуемых «Комитетом общей безопасности» дел. Однако проведение следственных мероприятий по данным делам свидетельствует о попытке не столько наказать за распространение «пасквилей», сколько попытаться не допустить дальнейшего распространения подобной информации.

Сообщения о различного рода пасквилях и «недозволительных речах» довольно часто апеллировали к слухам об участии Александра Павловича в событиях 11 марта 1801 г. Разговоры об осведомленности о перевороте или же прямое участие в убийстве отца-императора объясняли несправедливость и неудачи молодого императора. Так, дело якобы ротмистра польской службы Игнатия Мощинского за присланные в Сенат просьбы с «дерзкими об Императоре Александре I выражениями» было рассмотрено Комитетом 1807 г. Мощинский приписывал подольскому коменданту и гражданскому губернатору следующие слова: «... что Государь император для того не может сделать справедливого обиженному удовлетворений, что якобы участвовал в убиении Отца своего» [24, л. 25]. Апелляция к слухам об участии Александра I в государственном перевороте довольно популярная реакция общественности, мотивировавшая неудовлетворенность действиями императора. Не единожды Комитет фиксировал измышления, что Государю «тоже будет сделано, что и отцу его» [14; 16]. В 1810 г. Комитет разбирал дело об угрозе застрелить императора, произнесенной якобы инструментальным мастером Иоганом Ферхо [15].

Оскорбления в адрес монарха нередко носили и бытовой характер. Царь, в народных представлениях, мог стать виновником насущных проблем простого населения: неурожая или падежа скота. К примеру, в 1813 г. казак Черниговской губернии Конотопского повета, села Курени Игнатии Аникиев Хоменко привлечен к ответственности Комитетом 1807 г. за произнесение дерзких слов об Императоре Александре I. Согласно доносу Хоменко в пьяном разго-

воре заявил: «... что пора уже и Государя на цепу взять, за то что он нас и скотину нашу мучит» [21, л. 2 об.]. За оскорбление императора Хоменко определили на заключение в острог [21, л. 24 об.].

Помимо «пасквилей» и «дерзких речей» о действующем императоре в первой четверти XIX в. распространение получили слухи о чуде спасшемся Павле I. В 1810–20-е гг. в Томской губернии прошел слух, будто один из жителей селений Сухобузимской волости Красноярского уезда является никем иным как спасшимся императором Павлом Петровичем. Якобы бывший русский монарх живет в уединении и бедности вдали от родных, отстраненный от верховной власти. К следствию привлекли красноярского 60-летнего мещанина Ивана Васильева Старцова, донесшего о некоем поселенце Афанасии Петровиче Петрове, имеющем «...у себя на крыльцах между лопатками возложенный крест, который никто из подданных <...> иметь не может кроме Высочайшей власти...», а потому должен быть император Павел I [25, л. 2 об.].

В письме к Александру I Старцов «открыл тайну» отца императора, прося избавить родителя монарха от «страдальческой участи» скитальца [25, л. 2]. Решить данную проблему Старцов предлагал путем возвращения лже-Павла в «клоно семьи» императора: «Если же по описанным обстоятельствам такового страдальца признаете вы Родителем Своим, то не предайте к забвению <...> ограничьте его беспокойную и беднейшую жизнь и обратите в свою отечественную страну, и присоедините к Своему Высочайшему семейству...» [25, л. 3 об.]. В Секретном донесении Государю специальной Комиссии Комитета 1807 г. предписывалось принять необходимые меры «для предупреждения могущих быть разглашений» [25, л. 1]. Из показаний Старцова выяснилось, что слухи о спасшемся Павле Петровиче распространялись «... более 5-ти лет, от разных людей, живших по селениям» [25, л. 27 об.].

Ивана Старцова и Афанасия Петрова (или лже-Павла) подробно расспросили, а после – отправили в Сибирь. В 1823 г. по Высочайшему повелению для прекращения всех слухов было определено возратить Петрова на родину близ Москвы, доносчика же Старцова Комитет рекомендовал возратить на прежнее место жительства, «... и если впредь будет распространять какие-либо слухи, то лишить свободы» [25, л. 28].

Сам Петров, конечно, не выдавал себя за бывшего императора. Однако слухи о чуде спасшемся царе, по утверждению мещанина Старцова, циркулировали среди населения Томской губернии длительное время. Молва о спасении Павла Петровича не ограничивалась данным инцидентом, однако это единственный случай персонализации покойного императора, зафиксированный в материалах Комитета 1807 г.

Таким образом, существенная часть дел, попадавших в «Комитет охранения общей безопасности», затрагивала так называемые политические преступления. Комитет, имея надведомственный статус, концентрировал различные сообщения, доносы и пасквилы, по содержанию подходящие под антиправительственные выступления, шпионаж или же свидетельства о неповиновении крестьян и разговорах о «вольности». Дела попадали на рассмотрение в Комитет, как правило, по инициативе самих членов ведомства, получивших донесение с мест о разглашении потенциально опасной для общественного спокойствия информации.

Мотивация доноса, фиксирующего слухи, могла быть связана с личными причинами, как в случае персональной неприязни Ангельн к бывшей работодательнице, также и со стремлением получить определенные выгоды, к примеру, повышение по службе. Доносы, рассматриваемые Комитетом, нередко содержали недостоверные сведения. В случае подтверждения информации государственными органами применялись необходимые меры: доносчик мог быть выслан из столицы или помещен под стражу.

Целесообразно отметить, что выделенные типы политических «слухов и толков» отнюдь не были сформулированы Комитетом целенаправленно. Не имея разветвленной системы информантов и отделений на местах, Комитет был вынужден использовать информацию, поступавшую с мест. Действуя постфактум, Комитет лишь реагировал на свершившиеся действия. Попытки упредить циркуляцию слухов ограничивались конкретными мерами (например, ссылка или расписка с обещанием не вести более «опасных» разговоров) в отношении фигурантов уже рассматриваемых дел.

Основным источником информации об общественно «опасных толках», попадавших, как правило, на стол губернаторам на местах или министрам в столице, стали доносы от ставших «воочию свидетелями» или «услышавших ненароком» сообщения о пасквилях и политических слухах. Донос в силу субъективного фактора является специфическим источником информации, в проверке содержания которого состояла одна из основных задач Комите-

та 1807 г. В случае неподтверждения содержания доноса дело не закрывалось до выяснения всех обстоятельств. Нередко в поле зрения Комитета попадали новые подробности, после чего следственные (допросы, очные ставки) и бюрократические (прошения, донесения) процедуры продолжали свое логическое развитие. Поводом для дальнейшей проверки могли послужить дополнительные показания в разглашении информации антиправительственного содержания или же собственное признание в сочинении и распространении «ненадлежащей информации», направленной на критику политического устройства империи.

Решения по рассматриваемым делам сам Комитет не принимал, равно как и не имел исполнительных функций. Резолюции по наиболее важным делам, касавшимся пасквилей и критики императора и Правительства, выносил лично Александр I. Меры наказания по подобным преступлениям варьировались от высылки «в отдаленную губернию» и запрета на проживание в столице, до помещения в Обуховскую больницу в качестве душевнобольного или заключения в крепость. Во время расследования фигуранты дел нередко находились в Петропавловкой крепости, однако задержались там немногие.

Наиболее жестким приговорам подвергались сами доносчики, озвучившие на письме идею о якобы «скорой перемене царствования», подвергавшие систематической критике деятельность правительственных органов и проявлявшие неповиновение местным властям. Как, например, Игнатий Мощинский, приславший жалобы в Правительствующий Сенат «с оскорбительными выражениями касательно Священной Особы Государя Императора», а также составлявший «дерзкие надписи» на документации, изобличающие воровство чиновников [24, л. 53]. Мощинский, выдававший себя за ротмистра Подольской губернии, подавал ряд жалоб на губернатора, оказывал полицмейстеру «в присутствии полиции грубости, говоря, что он никаких предписаний не слушает и слушать не будет» [24, л. 51 об.]. В 1814 г. Мощинский был оставлен на заключение в Алексеевский равелин, а позднее переведен в Шлиссельбургскую крепость [24, л. 53], где по утверждению М. Н. Гернета он содержался как минимум до 1846 г. [1, с. 257]. Однако все же наиболее распространенным вариантом прекращения дела являлась личная милость императора и всемилостивейшее прощение.

Делопроизводство Комитета 1807 г. показывает, в какой форме и в каких местах осуществлялась неформальная коммуникация в малых группах. В харчевнях, кабаках, на рынках, во время приема гостей обсуждались актуальные социально-политические вопросы. На уровне слухов Комитет фиксировал восприятие населением наиболее острых тем, начиная от войн с Наполеоном, заканчивая сообщениями о заговоре. Подобная коммуникация, являясь элементом публичной сферы, становилась способом заполнить информационный вакуум вокруг обозначенных проблем.

Одной из специфических особенностей функционирования Комитета 1807 г. стало отсутствие системной работы по выявлению слухов и «опасных разговоров». Не формировалась и группа «информантов», отвечавших за отслеживание общественных настроений и поставивших регулярные донесения. Комитет лишь реагировал на поступавшие «сигналы» о пасквилях. Отсутствие сознательно выстраиваемого алгоритма выявления «слухов и толков» обуславливала сложившаяся система получения информации с мест. Расследования инициировались по факту поступления докладов губернаторов и министров, часто входящих в состав самого Комитета. Являясь своеобразным «ситом», Комитет концентрировал сообщения, могущие стать угрозой для общественного спокойствия в империи.

Надведомственный статус органа не предполагал какой-либо агентурной сети или целенаправленного отслеживания слухов. Дела поступали в случайном порядке ввиду личной инициативы чиновников. Подобная система случайного сбора информации проявляется в разножанровых делах, являвших собой своеобразный «калейдоскоп» из различных примеров вольнодумства или прямой критики представителей Высшей власти. Отсутствие единого канала получения информации делало Комитет зависимым от личной инициативы сановников империи: подать доклад в Комитет, или скажем, в министерство внутренних дел или министерство полиции (чем отчасти можно объяснить и резкое снижение количества расследуемых дел после 1808 г.). Попытка создать надведомственный орган, концентрировавший доклады губернаторов и министров об общественных настроениях с мест, не увенчалась успехом. Обозначая своеобразную «выжидательную позицию» в отношении политических преступлений, «Комитет охранения общей безопасности» обусловил формирование четкого понимания необходимости организации системы политической полиции, оформившейся после создания III Отделения при Николае I.

Список литературы

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1. М. : Юрид. изд-во, 1960. 384 с.
2. Дело Комитета о Калинине и Боришевском-Честнейшем // Русский архив. 1905. Вып. 1. С. 370.
3. Клеандрова В. М., Яковлев Л. С. История полиции, политического сыска и контрразведки России в XVIII – начале XX века : лекция. М., 1985. 33 с.
4. Козлова М. А. Образ Наполеона в отражении социально-политических слухов первой четверти XIX в. / Ю. А. Петров, М. М. Беклемишева. История России с древнейших времен до XXI века. М. : Институт российской истории РАН, 2023 С. 96–104.
5. Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб. : ИнКА, 1992. 417 с.
6. Любезников О. А., Скрыдлов А. Ю. Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 16–30.
7. Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб. : Academic Studies Press, 2021. 550 с.
8. Портной Л. М. Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М. : Бослен, 2017. 432 с.
9. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1801. Т. 26. 1801. № 19.813. С. 603–604.
10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1807. Т. 29. № 22.425. С. 983–984.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1163. Оп. 1. 1807. Д. 1.
12. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1807. Д. 2.
13. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1808. Д. 4.
14. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1809. Д. 6.
15. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1810. Д. 1.
16. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1810. Д. 6.
17. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 1.
18. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 11.
19. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 12.
20. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 14.
21. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1813. Д. 2.
22. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1813. Д. 5 А.
23. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1814. Д. 3.
24. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1814. Д. 4.
25. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1822. Д. 2.
26. Севастьянов Ф. Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный. Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб. : Крига ; Победа, 2016. 552 с.
27. Севастьянов Ф. Л. Между тайной экспедицией и III Отделением. СПб. : МИЭП, 2008. 304 с.

"Committee for the Protection of General Security" of 1807: mechanisms for detecting and the content of socio-political rumors

Kozlova Maria Alekseevna

junior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. AuthorID: 1161506. E-mail: kozlova.marya2018@yandex.ru

Abstract. The work is aimed at analyzing the specifics of the design and functioning of the public opinion control system during the reign of Alexander I. The aggravation of the foreign policy situation in Europe required coordination of the actions of the highest dignitaries of the empire in the issue of spreading deliberately dangerous information. Special attention was paid to reports from the Western provinces, as well as the mood of urban residents of both capitals. The features of the office work of the "Committee for the Protection of General Security" as one of the key bodies aimed at tracking socio-political sentiments in Russia are investigated. The Committee was created as a temporary interdepartmental body whose task was to monitor foreign, or rather French, interference in the political mood of society. However, subsequently, one of the most important thematic groups considered by the members of the Affairs Committee became reports of impending conspiracies, rumors, "rumors" and lampoons against the monarch. The random nature of the receipt of cases and the lack of a single channel for obtaining information determined the specifics of the Committee's functioning in identifying and responding to potentially dangerous information. Insufficient regulation of the Committee's activities, its supranational status and the lack of a developed system of informants inevitably limited both the functions of the body and the range of cases under consideration. The 1807 Committee was one of the key bodies whose activities focused on coordinating actions to respond to reports of political crimes and public discontent. The failure of the preventive approach in the issue of monitoring political sentiments led to an understand-

ing of the need for a structural and centralized design of the political police, which took shape in the second half of the XIX century.

Keywords: Committee of 1807, political police, rumors, lampoons, public safety.

References

1. Gernet M. N. *Istoriya carskoj tyur'my : v 5 t. T. 1* [The history of the tsar's prison : in 5 vols. Vol. 1]. M. Legal publishing house, 1960. 384 p.
2. *Delo Komiteta o Kalinine i Borishevskom-Chestnejšem* – The case of the Committee on Kalinin and Borshchevsky-the Most Honest // *Russkij arhiv* – Russian Archive. 1905. Is. 1. P. 370.
3. Kleandrova V. M., Yakovlev L. S. *Istoriya policii, politicheskogo syska i kontrrazvedki Rossii v XVIII – nachale XX veka : lekcija* [The history of the police, political investigation and counterintelligence of Russia in the XVIII – early XX century : lecture]. M. 1985. 33 p.
4. Kozlova M. A. *Obraz Napoleona v otrazhenii social'no-politicheskikh sluhov pervoj chetverti XIX v.* [The image of Napoleon in the reflection of socio-political rumors of the first quarter of the XIX century] / Yu. A. Petrov, M. M. Beklemisheva. The history of Russia from ancient times to the XXI century. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 96–104.
5. Lurie F. *Policejskie i provokatory* [Policemen and provocateurs]. SPb. InKA, 1992. 417 p.
6. Lyubeznikov O. A., Skrydlov A. Yu. *Tajnaya policija v Rossijskoj imperii v 1805–1807 gg.: puti reformirovaniya i preobrazovatel'nye iniciativy* [The secret police in the Russian Empire in 1805–1807: ways of reform and transformative initiatives] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* – St. Petersburg Historical Magazine. 2015. No. 1. Pp. 16–30.
7. Martin A. *Romantiki, reformatory, reakcionery. Russkaya konservativnaya mysl' i politika v carstvovanie Aleksandra I* [Romantics, reformers, reactionaries. Russian Conservative Thought and politics in the reign of Alexander I]. SPb. Academic Studies Press, 2021. 550 p.
8. Portnoj L. M. *Graf Rostopchin. Istoriya nezauryadnogo general-gubernatora Moskvy* [Count Rostopchin. The history of the outstanding Governor-General of Moscow]. M. Boslen, 2017. 432 p.
9. The Complete Collection of laws of the Russian Empire since 1649. SPb. 1801. Vol. 26. 1801. No. 19.813. Pp. 603–604 (in Russ.).
10. The Complete Collection of laws of the Russian Empire since 1649. SPb. 1807. Vol. 29. No. 22.425. Pp. 983–984 (in Russ.).
11. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 1163. Inv. 1. 1807. File 1.
12. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1807. File 2
13. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1808. File 4.
14. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1809. File 6.
15. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1810. File 1.
16. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1810. File 6.
17. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 1.
18. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 11.
19. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 12.
20. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 14.
21. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1813. File 2.
22. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1813. File 5 A.
23. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1814. File 3.
24. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1814. File 4.
25. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1822. File 2.
26. Sevast'yanov F. L. *Gosudarstvennaya bezopasnost' est' predmet uvazhitel'nyj. Politicheskij rozysk i kontrol' v Rossii ot Pavla I do Nikolaya I* [State security is a respectful subject. Political search and control in Russia from Paul I to Nicholas I]. SPb. Kruga, Pobeda, 2016. 552 p.
27. Sevast'yanov F. L. *Mezhdju tajnoj ekspediciej i III Otdeleniem* [Between the secret expedition and the III Department]. SPb. MIEP, 2008. 304 p.

Вклад Комиссионного бюро Общества уральских горных техников в развитие горного дела на Урале в начале XX в.

Ефремова Ульяна Павловна¹, Цесевичене Ольга Александровна²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры актуальных культурных практик,
Екатеринбургская академия современного искусства. Россия, г. Екатеринбург.
ORCID: 0000-0002-2932-4012. Author ID (РИНЦ): 753813. E-mail: uliana_ef@mail.ru

²кандидат философских наук, доцент кафедры актуальных культурных практик,
Екатеринбургская академия современного искусства. Россия, г. Екатеринбург.
ORCID: 0000-0003-0220-8086. Author ID (РИНЦ): 798085. E-mail: tsesi@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены организация Комиссионного бюро Обществом уральских горных техников и его деятельность с момента создания в 1903 г. до 1917 г. Поскольку бюро находилось в ведении ОУГТ и входило в его состав, уделено внимание обобщенной характеристике деятельности ОУГТ, заключавшейся в просветительской и социально-защитной работе, библиотечном и выставочном деле, обозначены причины и принципы создания Общества как профессиональной научно-технической организации на Урале в период складывания новых социально-экономических процессов начала XX в. Многогранная деятельность Общества уральских горных техников внесла мощный вклад в развитие научно-технических знаний в профессиональной среде, способствовала сплочению инженеров, техников, горнозаводских рабочих и развитию горного дела на Урале.

Цель исследования – описание и анализ работы Комиссионного бюро в контексте деятельности Общества уральских горных техников в дореволюционный период, работа которого недостаточно полно исследована в научной литературе. В настоящее время значимость социального опыта ОУГТ представляет большой интерес для изучения и сохранения бережного отношения к историческому прошлому Уральского региона.

Авторы подробно проследили и проанализировали характерные особенности деятельности и основные функции, выполняемые Комиссионным бюро, которые ограничивались не только посредничеством между продавцом и покупателем на условиях комиссии, но и другими полномочиями. В статье обосновано создание в структуре Комиссионного бюро справочного бюро, а также склада технической продукции и ремонтных мастерских.

На основании изученного материала выявлена эффективность деятельности Комиссионного бюро в рамках Общества уральских горных техников и расширение его возможностей, обоснована популярность Комиссионного бюро в среде горных инженеров, техников и заводладельцев. Определен характер взаимодействия Общества уральских горных техников и Комиссионного бюро, который заключался не только в публикациях в журнале «Уральский техник», но и в посредничестве при закупе техники, материалов и земель, организации ремонта и хранения оборудования, а также материальной поддержки Правления ОУГТ.

Ключевые слова: Общество, Комиссионное бюро, комиссия, деятельность, горнозаводская промышленность, Уральский регион.

В настоящее время интерес к изучению истории малой Родины имеет огромное значение. Сохранение исторической преемственности, передача социального опыта, знаний и умений способствует непрерывной связи между прошлым, настоящим и будущим в истории и культуре Уральского региона. Изучение опыта деятельности Комиссионного бюро (далее КБ, Бюро), которое входило в состав Общества Уральских горных техников (далее ОУГТ, Общество) и соответствовало сфере его интересов, стало еще одним направлением исследования авторами многопрофильной работы ОУГТ.

Актуальность настоящей статьи продиктована не только научным интересом авторов к истории Уральского региона, но и недостаточно полным исследованием в научной литературе деятельности профессионального союза и научно-технической организации Общества уральских горных техников. Комплексных научных работ по заявленной теме не существует, несмотря на то, что ОУГТ сыграло существенную роль в развитии научно-технической мысли, промышленности и горного дела, а также социально-защитной и просветительской деятельности в Уральском регионе. Историографической основой для данной статьи стало печатное

издание ОУГТ «Уральский техник», а также краткий анализ работ ученых, упоминающих в своих трудах историю создания, принципы работы и деятельность Общества и Комиссионного бюро.

Так, интерес к ОУГТ возник в 1960–1970-е гг., но основное внимание исследователей было посвящено революционной деятельности отдельных членов Общества, таких как Ф. Ф. Сыромолотов, Е. Ф. Соловьев и В. М. Быков, а также краткой характеристике журнала Общества «Уральский техник» [1, с. 25–70; 17, с. 50–55; 18, с. 92; 28, с. 13–55]. В 1970–1980-е гг. интерес к журналу Общества сохранился, поскольку на его страницах отражена публицистическая активность ОУГТ и информация о педагогической и научной деятельности кадрового состава Уральского горного училища, в который входили некоторые члены Общества уральских горных техников, а именно Ф. Ф. Сыромолотов, А. А. Иосса, П. М. Утяков и другие [10, с. 64–68; 30, с. 50–55].

В 2000-е гг. появляются сведения о журнале «Уральский техник» в энциклопедии города Екатеринбурга, но и в ней анализ деятельности Общества и бюро обходится стороной. В начале XXI в. в научных кругах вновь проявляется интерес к проблематике научной и публицистической деятельности журнала Общества «Уральский техник». Основополагающим исследованием на эту тему является кандидатская диссертация Т. Г. Кожевниковой (Т. Г. Шумкиной) [8, с. 38, 52, 76–78]. Она же уделила внимание работе Общества в период Первой мировой войны [32, с. 171–174]. В контексте повышения профессионализма на дореволюционном Урале в своем исследовании рассматривает деятельность Общества уральских горных техников Е. Ю. Казакова-Апкаримова [7, с. 134–140]. Авторы данной статьи также занимались исследованием истории создания, системы управления и деятельности ОУГТ, к которой относятся: просветительская и социально-защитная работа, библиотечное и выставочное дело. Однако деятельность Комиссионного бюро так и не раскрыта, что еще раз подтверждает актуальность темы [3, с. 34–39; 4, с. 730–739; 5, с. 150–157; 6, с. 138–139].

Общество уральских горных техников возникло в Пермской губернии 13 ноября 1901 г. на базе Уральского горного училища (современное название – техникум им. И. И. Ползунова) и начало свою работу в феврале 1902 г. [4, с. 730–739; 6, с. 138–139]. В него вошли учащиеся, преподаватели данного училища, а также инженеры заводов, техники и ряд заводоуправляющих. Организатором и непосредственно председателем ОУГТ был П. М. Утяков, с 1913 г. пост председателя Общества занимал В. М. Быков [33, с. 13–14]. С момента основания Общество было расположено по адресу г. Екатеринбург, ул. Тарасовская набережная, 11 (сейчас это улица Горького).

Управление Обществом осуществляло Общее собрание и Правление ОУГТ, в котором обязательно должны были присутствовать: председатель, два его помощника и секретарь, который вел протоколы [19, с. 1–27; 21, с. 91–98]. Членами данной организации могли стать совершеннолетние молодые люди, получившие образование в высших технических учебных заведениях, училищах, лица, получившие среднее образование, или работники, не имеющие среднего образования, но занимавшие ответственную техническую должность на горных заводах Урала [31, с. 1–33].

После Октябрьской революции 1917 г. название Общества было изменено на «Профессиональный союз техников Урала» [11, с. 1]. Просуществовало ОУГТ до 1932 г., оно было закрыто решением сверху, так как изменившаяся политическая ситуация не позволяла существовать творчески мыслящему коллективу, состоявшему преимущественно из технической интеллигенции.

Период становления и развития Общества относится к последней, завершающейся стадии промышленной революции, которая способствовала развитию новых технологий и научно-технической мысли, перевороту в отраслях экономики. Это и определило причины создания Общества и характер его деятельности.

Выделим основные причины создания ОУГТ: 1) объединение людей с целью развития науки и техники; обмен накопленным опытом с товарищами по производству; высказывание своего мнения по важным вопросам, связанным с развитием промышленности, в какой-то степени влияющим на решения правительства; 2) проведение совещаний с крупнейшими представителями науки, выдвигание проблем и постепенное их решение научными методами; 3) удовлетворение запросов промышленности в связи с местными условиями производства; представление своих замечаний, открытий и наблюдений, касавшихся горного дела; 4) освещение неизвестных приемов и способов работы на производстве; 5) разработка про-

мышленных горных районов на Урале; б) оказание материальной и социально-защитной помощи членам ОУГТ [15, с. 1; 31, с. 1–33].

Таким образом, основными направлениями работы ОУГТ стали:

1. Развитие промышленности и горного дела с помощью новых технологий; ознакомление с достижениями российской и зарубежной техники во всех областях горнозаводского дела, их внедрение на производство через рупор ОУГТ – печатное издание «Уральский техник». Характер и масштабы издательской деятельности в Пермской губернии определялись такими факторами, как: государственная политика в области науки и печати; отношения местной администрации к ОУГТ и его деятельности; состояние финансовой базы Общества, которая была организована так, что позволяла ОУГТ самостоятельно, без помощи и вмешательства администрации города, осуществлять свою деятельность.

2. Оказание профессиональной социально-защитной помощи техникам с помощью отдельной структуры ОУГТ – Бюро труда, которое появилось в 1901 г. и первоначально называлось «Бюро по приисканию занятия». После 1907 г. в источниках оно значится как Бюро труда. Бюро решало вопросы трудоустройства членов ОУГТ, обеспечивало защиту их прав на производстве, занималось страхованием членов общества и оказывало денежную помощь семьям нуждающихся [2, с. 19–22; 22, с. 48–50; 24, с. 20–35; 25, с. 1–36].

3. Просветительская работа, охватывающая издательское, библиотечное и выставочное дело, которая была направлена на распространение научных знаний, способствовала популяризации научных изысканий ОУГТ как в профессиональной среде техников, так и среди умеющего читать населения Урала, расширению кругозора и росту профессионального опыта технического кадрового состава на заводах и предприятиях Урала [3, с. 34–39; 4, с. 730–739; 5, с. 150–157; 6, с. 138–139]. Осуществлялась просветительская деятельность с помощью: издания научно-технических статей; допуска к фондам редких книг, лекциям и другим материалам, отвечающим темам горнозаводской механики, металлургии, технологии металлов, основ химии, электротехники, которые находились в постоянном обращении; выставочной деятельности, знакомящей публику с новейшими изобретениями, инструментами, станками и продукцией горнозаводской и фабричной промышленности.

Деятельность Общества охватывала не только территорию Пермской губернии, но и весь Уральский регион. Таким образом, вокруг ОУГТ сформировалось местное научно-техническое сообщество, силы которого были направлены на изучение техники, горного дела и промышленности края, а также популяризацию научно-технических знаний среди инженерно-технических кадров.

Поскольку деятельность ОУГТ относится к техническому профилю, то наиболее обширной тематикой научных работ членов Общества были публикации, адресованные специалистам, профессиональная деятельность которых была напрямую связана с соответствующими отраслями научно-технического знания и хозяйства. Свои научные изыскания техники публиковали в журнале «Уральский техник», который являлся узко специализированным, отраслевым изданием. Именно на его страницах нашли отображение важные и актуальные проблемы развития техники, промышленности и горного дела с точки зрения профессионального Общества технической интеллигенции Урала.

Но сфера интересов ОУГТ не ограничивалась только научными изысканиями, научно-просветительской и социально-защитной деятельностью. Общество предоставляло различные услуги как лицам, которые являлись членами Общества, так и тем, кто не входил в его состав. Поэтому после создания Бюро труда было образовано Комиссионное бюро.

При просмотре справочных материалов было выяснено, что термин имеет несколько значений. Комиссионный – относящийся к комиссии. Орган, торгующий вещами, сданными на комиссионной основе. Комиссия: 1. Группа лиц, составляющая орган при каком-либо учреждении, организации со специальными целями, поручениями. 2. Поручение, выполняемое за особое вознаграждение (обычно связанное с куплей и продажей). Вероятно, название было выбрано с учетом слова «комиссия», что означало – выполнение поручений группой лиц за вознаграждение [14, с. 247; 29, с. 1236–1237]. Следуя из последнего определения, можно сказать, что комиссионным оно было названо в связи с тем, что выполняло те или иные поручения. Также материалы Ответов на запросы современной техники и отчетов о деятельности Общества за 1906 г. и комиссионные поручения за 1905 г. позволяют утверждать, что изначально функции Комиссионного бюро сводились именно к исполнению какого-либо поручения и принятию заказов на поставку оборудования [9, с. 1–56; 23, с. 1–38; 25, с. 1–36].

Надо отметить, что идея создания КБ пришла не сразу. До образования Комиссионного бюро в Общество стали поступать поручения, которые выполнялись членами ОУГТ, касавшиеся вопросов покупок, например, поручения по покупкам паровых машин, локомотивов, насосов, золотопромышленных чаш, буровых инструментов и др. [12, с. 24–25]. Общество также принимало различные заказы, в основном на всякого рода механические изделия и изделия, отлитые из чугуна, железа и стали по чертежам и моделям.

Помимо этого ОУГТ принимало множество обращений по поводу наведения различных справок от заводчиков. Обращения касались следующих вопросов, например, «о том, к каким фирмам лучше обратиться для поставки асбеста, о приобретении асбестовых копий, по поводу анализа уральского хромистого железняка, колчедана, о ценах на медь, о приборах для испытания рудничных канатов, о приборах для драгоценных камней, аметистов, изумрудов и т. д.» [16, с. 19–22].

Выгода в получении заказов на продукцию по цене завода-изготовителя, без накрутки, имела определяющее значение в востребованности Комиссионного бюро. Лица, вошедшие затем в КБ, имели связи с большим количеством заводов Урала, поэтому Бюро могло эффективно сотрудничать с предприятиями и в короткие сроки договариваться об изготовлении того или иного изделия. Работники будущего КБ выполняли все просьбы по мере их поступления в правление Общества. Впоследствии количество просьб увеличилось, именно это и заставило правление принять решение о создании специального Бюро, которое бы занималось вышеперечисленными вопросами.

Комиссионное бюро было образовано в 1903 г. в составе Общества уральских горных техников [9, с. 1–56; 19, с. 1–27; 20, с. 1–70]. Этому способствовали постоянные заказы заводчиков, предложения о посредничестве Общества техников в продаже, приобретении и указании различного рода предметов горнозаводской и технической промышленности, которые поступали от членов ОУГТ в Правление. В это же время был образован штат КБ, который обслуживал заказы разного рода. Например, в 1905 г. в КБ поступил заказ от иностранных фирм о продаже динамита, фитиля и капсюлей на коммиссионных началах [22, с. 48–50]. Также в качестве примера можно привести случай об управленце из Западной Сибири, который попросил оказать помощь ОУГТ в приобретении железа для горного дела. Все обращения в КБ относительно заказов доказывают, что на тот момент это было экономически выгодно, так как железо, подобранное с помощью Комиссионного бюро, было в несколько раз дешевле и качественнее, что свидетельствует о высокой степени доверия сообщества к профессионализму членов ОУГТ.

На протяжении нескольких лет работы КБ стало популярным среди заводчиков, промышленников и частных лиц. Помимо уральских заводчиков и юридических лиц в Комиссионное бюро обращались и Петербургские коммиссионные конторы с просьбой указания пункта, в котором они могли бы приобретать небольшими партиями ценные уральские минералы. Поступали заказы из Сибири с просьбами указать фирмы, которые могли бы оборудовать каменноугольную копь подъемными устройствами и паровыми машинами.

В первые годы существования в Комиссионное бюро поступали только небольшие, частные заказы. Увеличение количества заказов еще больше укрепило мнение Правления ОУГТ в своевременном решении о создании специального бюро, с функциями принятия заказов и запросов от заводчиков, а также каких-либо поручений по покупке и продаже оборудования. Услуги такого рода оказывались за определенную плату.

Согласно Протоколу № 24 от 1906 г. все доходы, которые получали лица, выполняющие заказы по коммиссионному делу, делились пополам между лицом, выполнившим заказ, и Бюро. То есть 50 % от общей суммы заказа получало лицо, которое выполняло заказ, а остальные 50 % шли на расходы Комиссионного бюро или в Правление ОУГТ, которое пускало их на общие нужды Общества [23, с. 1–19].

Оказанием коммиссионных услуг в ОУГТ занимались профессиональные кадры, способные удовлетворить любой запрос. Взимая плату с потенциальных заказчиков, Комиссионное бюро одновременно пополняло материальную базу и укрепляло престиж ОУГТ, а также оказывало качественную техническую и промышленную помощь предприятиям, заводам, фирмам и частным лицам. Фирмы, которые обращались в Комиссионное бюро, были уверены в компетентности членов ОУГТ во всех вопросах технического и горнозаводского дела.

На первых порах Комиссионное бюро выполняло функции посредника между членами Общества, представителями заинтересованных направлений по сбыту продуктов фирм и те-

ми потребителями, которым была необходима химическая, техническая и горнозаводская продукция, а также помощь ОУГТ [9, с. 1–56]. Впоследствии Комиссионное бюро стало являться одним из действующих органов ОУГТ, выступающим в качестве посредника между продавцом и покупателем. Посредничество было основано на комиссионных началах. Такому повороту событий способствовало и то, что КБ в 1913 г. открыло при Обществе свой комиссионный склад. Из комиссионных поручений видно, что на складе хранились товары, которые были переданы в Комиссионное бюро на продажу. Те лица, которые отдавали технику на продажу, должны были указать мощность машин, системы (если есть), завод-изготовитель, срок службы предмета, год выпуска и свою цену. За оказание данной услуги выделялось вознаграждение работникам Бюро [21, с. 91–98].

На комиссионном складе хранились не только промышленные, но и технические предметы, а именно слесарные и механические инструменты, сверла, тисы, раздвижные ключи, напильники; всевозможный горный инструментарий, кайла, лопаты, топоры, бадьи и другие предметы промышленного обихода. При складе была организована мастерская, оборудованная станками. Мастерская предоставляла услуги ремонта машин, сварки, изготовления различных вагонеток и слесарных поделок.

После открытия мастерской и комиссионного склада функции КБ значительно расширились. Бюро стало не только наводить справки, работать по заказу и продавать различные руды, материалы, продукты горнозаводской промышленности, горнозаводские машины, станки и технические принадлежности, технические книги и периодическую печать [26, с. 67], оно также стало хранить поставляемые предметы и выполнять услуги по ремонту техники и изготовлению различных поделок.

Помимо продажи горнозаводской продукции и техники, Комиссионное бюро практиковало продажу земель, которые были богаты различными минералами и драгоценными рудами. Так, например, с 1913 г., в продаже КБ находились золотые прииски на арендных условиях; завод, площадью 17 десятин и 213 квадратных саженей, месторождение рудного золота в Сибири, месторождение кварца, которое находилось в 6–7 километрах от железной дороги Сибири. Информация об имеющихся товарах на складах Комиссионного бюро печаталась в журнале «Уральский техник» в разделе рекламы 34 [13, с. 56; 26, с. 67; 27, с. 1].

Наряду с Комиссионным бюро существовало справочное бюро, которое помогало работе КБ и состояло в его ведомстве. Оно наводило справки различного характера о желательном приобретении горного и технического материала, о юридических и физических лицах, представляющих свою продукцию на рынке, о закупках и ценах на продукцию, выясняя возможности приобретения дешевой и качественной продукции и ее местонахождение. Таким образом Комиссионное бюро освобождало физических и юридических лиц от поиска необходимых руд, различных материалов и техники. Выполняя заказы, оно позволяло в довольно короткий срок получить качественную и недорогую продукцию, чем облегчало и ускоряло процесс производства [16, с. 19–22].

Деятельность Комиссионного бюро не ограничивалась только перепродажей продукции и нахождением ее для предпринимателей (по особой просьбе), оно одновременно исполняло роль хранителя и реализатора товаров, поставляемых на продажу. Помимо этого КБ наводило различные справки о продаже всевозможной продукции, полезных ископаемых, фирмах и пр., что не должно было входить в его функции, исходя из определения комиссии [21, с. 91–98].

Таким образом, деятельность Комиссионного бюро была намного шире, чем предполагает его название, потому что оно выполняло не только комиссионные функции по продаже продукции за определенное денежное вознаграждение. А это значит, что название Бюро не совсем соответствовало наименованию «комиссионное». Можно предположить, что такое название Бюро получило в начале своей работы, по роду основной деятельности, а именно, продаже продукции на комиссионной основе, или потому, что на тот момент ОУГТ не нашло более подходящего обозначения для одного из своих подразделений. После революции 1917 г. Комиссионное бюро прекратило свое существование, его функции взяло на себя вновь образованное Техническое бюро.

Из вышесказанного следует, что Комиссионное бюро осуществляло свою деятельность в период с 1903 по 1917 гг. В начале своей работы Бюро занималось небольшими частными поручениями и заказами, характер которых преимущественно заключался в посреднической деятельности. По мере увеличения запросов в ОУГТ полномочия КБ расширились. В итоге,

помимо комиссионной деятельности, Бюро стало выполнять услуги по наведению справок различного характера о приобретении качественной продукции, местонахождении и стоимости искомого товара, осуществлять складскую и ремонтную работу, практиковать не только продажу товаров горнозаводской промышленности, но и земель, богатых полезными ископаемыми, что повышало степень доверия профессионального сообщества к работе Комиссионного бюро в составе ОУГТ и способствовало развитию горного дела.

Сегодня значимость социального опыта ОУГТ представляет большой интерес для изучения и сохранения бережного отношения к историческому прошлому Уральского региона. Обращение к ценностному опыту прошлого позволяет углубить понимание социально-исторических процессов на каждом этапе их развития и взаимосвязь с настоящим.

Список литературы

1. Большевики Екатеринбурга во главе масс: борьба за победу революции и упрочение Советской власти, 1894–1920 годы / под ред. О. Кочегарова, Б. Крупаткина. Свердловск : Свердловское книжное изд-во, 1962. 322 с.
2. Бюро по прииску занятий членами общества // Отчет о деятельности Общества уральских горных техников за 1903 год. Екатеринбург, 1904. № 2. С. 19–22.
3. Ефремова У. П. Библиотечная деятельность «Общества уральских горных техников» // Россия и мир в конце XIX – начале XX века (X) : сб. науч. тр. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2017. С. 34–39.
4. Ефремова У. П., Цесевичене О. А. «Общество уральских горных техников»: структура организации и управление деятельностью // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и философия. 2021. Т. 31. № 4. С. 730–739.
5. Ефремова У. П., Цесевичене О. А. Социально-защитная деятельность Бюро труда Общества уральских горных техников // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 150–157.
6. Ефремова У. П. Деятельность «Общества Уральских горных техников» в Пермской губернии в начале XX века // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук : сб. тезис. науч. работ призеров XII Обл. конкурса науч. работ студентов учреждений среднего и высшего профессионального образования Свердловской области «Научный Олимп» по направлению «Гуманитарные науки». Екатеринбург : УрГПУ, 2008. С. 138–139.
7. Казакова-Анкаримова Е. Ю. Общество Уральских горных техников и особенности процесса профессионализации на Урале в начале XX века // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. 2014. № 8. С. 134–140.
8. Кожевникова Т. Г. Печатные издания научно-краеведческих обществ Пермской губернии как исторический источник по истории Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2005. 312 с.
9. Комиссионные поручения и представительство // Отчет о деятельности Общества уральских горных техников за 1904 г. Екатеринбург, 1905. № 1. С. 1–56.
10. Курасова А. А. Публицистическая деятельность Ф. Ф. Сыромолотова // Вклад большевиков-ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале / под ред. О. Кочегарова, Б. Крупаткина. Свердловск : Свердловское книжное изд-во, 1989. 322 с.
11. Обращение к техникам // Уральский техник. Екатеринбург, 1917. № 1. С. 1.
12. Общество уральских горных техников (Вкладыш) // Ответы на запросы современной техники и отчеты о деятельности Общества. Екатеринбург, 1906. № 24–25. С. 67.
13. Объявления // Уральский техник. Екатеринбург, 1910. № 7. С. 56.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : АСТ, 2023. 736 с.
15. От редакции // Уральский техник. Екатеринбург, 1907. № 1. С. 1.
16. Отдел справок // Отчет о деятельности Общества уральских горных техников за 1905 г. Екатеринбург, 1904. С. 19–22.
17. Павлов В. А. Первый технический журнал на Урале // Календарь-справочник. Свердловск, 1967. С. 123.
18. Плеханов М. Е. Подготовка партийных кадров на Урале // Вклад большевиков-ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1989. 407 с.
19. Проект устава // Ответы на запросы современной техники и отчеты о деятельности Общества. Екатеринбург, 1906. № 5. С. 1–27.
20. Проект устава // Уральский техник. Екатеринбург, 1907. № 4. С. 1–70.
21. Протокол III вторичного общего собрания 5-го января 1908 года // Уральский техник. Екатеринбург, 1908. № 1. С. 91–98.
22. Протокол № 11 (3) // Ответы на запросы современной техники и отчеты о деятельности Общества. Екатеринбург, 1905. № 11. С. 48–50.
23. Протокол № 24 // Ответы на запросы современной техники и отчеты о деятельности Общества. Екатеринбург, 1906. № 22–23. С. 1–19.

24. Протокол № 25 // Ответы на запросы современной техники и отчеты о деятельности Общества. Екатеринбург, 1906. № 22–23. С. 20–35.
25. Протокол № 27 (7 октября 1906 г.) // Ответы на запросы современной техники и отчеты о деятельности Общества. Екатеринбург, 1906. № 24–25. С. 1–36.
26. Реклама // Уральский техник. Екатеринбург, 1913. № 2. С. 67.
27. Реклама // Уральский техник. Екатеринбург, 1910. № 1. С. 1.
28. Рушанин В. Я. Рабочая молодежь Урала в борьбе против самодержавия и капитализма (1903–1917 гг.). Челябинск : ЧГПИ, 1978. 76 с.
29. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М. : Русский язык, 1992. 3712 с.
30. Уральская школа техников / под ред. А. Н. Пятницкого. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1979. 199 с.
31. Устав Общества уральских горных техников // Уральский техник. Екатеринбург, 1909. № 5. С. 1–33.
32. Шумкина Т. Г. Деятельность Общества уральских горных техников в годы Первой мировой войны // Десятые Татищевские чтения : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2013. С. 171–174.
33. Ярков В. Некролог. П. М. Утяков // Уральский техник. Екатеринбург, 1913. № 2. С. 13–14.

Contribution of the Commission Bureau of the Ural Mining Technicians Society to the development of mining in the Urals at the beginning of the XX century.

Efremova Ulyana Pavlovna¹, Cesevichene Olga Alexandrovna²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Current Cultural Practices, Yekaterinburg Academy of Modern Art. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-2932-4012.

Author ID (RSCI): 753813. E-mail: uliana_ef@mail.ru

²PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Current Cultural Practices, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0003-0220-8086.

Author ID (RSCI): 798085. E-mail: tsesi@mail.ru

Abstract. The article considers the organization of the Commission Bureau by the Society of Ural Mining Technicians and its activities from the moment of its creation in 1903 to 1917. Since the bureau was under the jurisdiction of the OGT and was part of it, attention is paid to the generalized characteristics of the activities of the OGT, which consisted in educational and social protective work, library and exhibition business, the reasons and principles of creation are indicated. Societies as a professional scientific and technical organization in the Urals during the formation of new socio-economic processes at the beginning of the XX century. The multifaceted activities of the Ural Mining Technicians Society have made a powerful contribution to the development of scientific and technical knowledge in the professional environment, contributed to the cohesion of engineers, technicians, mining workers and the development of mining in the Urals.

The purpose of the study is to describe and analyze the work of the Commission Bureau in the context of the activities of the Society of Ural Mining Technicians in the pre-revolutionary period, whose work has not been fully investigated in the scientific literature. Currently, the importance of the social experience of the UGT is of great interest for the study and preservation of respect for the historical past of the Ural region.

The authors traced and analyzed in detail the characteristic features of the activity and the main functions performed by the Commission Bureau, which were limited not only to mediation between the seller and the buyer on commission terms, but also other powers. The article substantiates the creation of a reference bureau in the structure of the Commission Bureau, as well as a warehouse for technical products and repair shops.

Based on the studied material, the effectiveness of the Commission Bureau within the framework of the Society of Ural Mining Technicians and the expansion of its capabilities are revealed, the popularity of the Commission Bureau among mining engineers, technicians and factory owners is justified. The nature of the interaction between the Society of Ural Mining Technicians and the Commission Bureau was determined, which consisted not only in publications in the journal *Uralsky Technik*, but also in mediation in the purchase of machinery, materials and land, organization of repair and storage of equipment, as well as material support to the Board of the OGT.

Keywords: Society, Commission bureau, commission activity, mining industry, Ural region.

References

1. *Bol'sheviki Ekaterinburga vo glave mass: bor'ba za pobedu revolyucii i uprochenie Sovetskoj vlasti, 1894–1920 gody* – The Bolsheviks of Yekaterinburg at the head of the masses: the struggle for the victory of the revolution and the consolidation of Soviet power, 1894–1920 / ed. by O. Kochegarov, B. Krupatkin. Sverdlovsk. Sverdlovsk Book Publishing House, 1962. 322 p.

2. *Byuro po priisku zanyatij chlenami obshchestva* – Bureau for registration of classes by members of the society // *Otchet o deyatel'nosti Obshchestva ural'skih gornyh tekhnikov za 1903 god* – Report on the activities of the Ural Mining Technicians Society for 1903. Yekaterinburg, 1904. No. 2. Pp. 19–22.
3. *Efremova U. P. Bibliotechnaya deyatel'nost' "Obshchestva ural'skih gornyh tekhnikov"* [Library activity of the "Society of Ural mining technicians"] // *Rossiya i mir v konce XIX – nachale XX veka (X) : sb. nauch. tr. – Russia and the world at the end of the XIX – beginning of the XX century (X) : collection of scientific tr.* Perm. Perm State National Research Univ., 2017. Pp. 34–39.
4. *Efremova U. P., Cesevichene O. A. "Obshchestvo ural'skih gornyh tekhnikov": struktura organizacii i upravlenie deyatel'nost'yu* ["Society of Ural mining technicians": organization structure and management of activities] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filosofiya* – Herald of Udmurt University. Series: History and Philosophy. 2021. Vol. 31. No. 4. Pp. 730–739.
5. *Efremova U. P., Cesevichene O. A. Social'no-zashchitnaya deyatel'nost' Byuro truda Obshchestva ural'skih gornyh tekhnikov* [Socio-protective activity of the Labor Bureau of the Ural Mining Technicians Society] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* – Herald of Perm University. History. 2021. No. 1 (52). Pp. 150–157.
6. *Efremova U. P. Deyatel'nost' "Obshchestva Ural'skih gornyh tekhnikov" v Permskoj gubernii v nachale XX veka* [Activity of the "Society of Ural mining technicians" in the Perm province at the beginning of the XX century] // *Aktual'nye problemy razvitiya gumanitarnyh nauk : sb. tezis. nauch. rabot prizero XII Obl. konkursa nauch. rabot studentov uchrezhdenij srednego i vysshego professional'nogo obrazovaniya Sverdlovskoj oblasti "Nauchnyj Olimp" po napravleniyu "Gumanitarnye nauki"* – Actual problems of the development of the humanities : thesis collection. scientific works of the winners of the XII Regional competition of scientific works of students of institutions of secondary and higher professional education of the Sverdlovsk region "Scientific Olympus" in the field of "Humanities". Yekaterinburg. USPU, 2008. Pp. 138–139.
7. *Kazakova-Apkarimova E. Yu. Obshchestvo Ural'skih gornyh tekhnikov i osobennosti processa professionalizacii na Urale v nachale XX veka* [The Society of Ural mining technicians and the peculiarities of the professionalization process in the Urals at the beginning of the XX century] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Gornyj zhurnal* – News of higher educational institutions. Mining magazine. 2014. No. 8. Pp. 134–140.
8. *Kozhevnikova T. G. Pechatnye izdaniya nauchno-kraevedcheskih obshchestv Permskoj gubernii kak istoricheskij istochnik po istorii Urala (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.09* [Printed publications of scientific and local history societies of the Perm province as a historical source on the history of the Urals (the second half of the XIX – early XX centuries) : diss. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.09]. Yekaterinburg, 2005. 312 p.
9. *Komissionnye porucheniya i predstavitel'stvo* – Commission orders and representation // *Otchet o deyatel'nosti Obshchestva ural'skih gornyh tekhnikov za 1904 g.* – Report on the activities of the Ural Mining Technicians Society for 1904 Yekaterinburg, 1905. No. 1. Pp. 1–56.
10. *Kurasova A. A. Publicisticheskaya deyatel'nost' F. F. Syromolotova* [Journalistic activity of F. F. Syromolotov] // *Vklad bol'shevikov-lenincev v revolyucionnoe dvizhenie i socialisticheskoe stroitel'stvo na Urale* – The contribution of the Bolshevik-Leninists to the revolutionary movement and socialist construction in the Urals / ed. by O. Kochegarov, B. Krupatkin. Sverdlovsk. Sverdlovsk Book Publishing House, 1989. 322 p.
11. *Obrashchenie k tekhnikam* – Appeal to technicians // *Ural'skij tekhnik* – Ural technician. Yekaterinburg, 1917. No. 1. P. 1.
12. *Obshchestvo ural'skih gornyh tekhnikov (Vkladysh)* – Society of Ural mining technicians (Insert) // *Otveti na zaprosy sovremennoj tekhniki i otchety o deyatel'nosti Obshchestva* – Answers to the requests of modern technology and reports on the activities of the Society. Yekaterinburg, 1906. No. 24–25. P. 67.
13. *Ob'yavleniya* – Announcements // *Ural'skij tekhnik* – Ural technician. Yekaterinburg, 1910. No. 7. P. 56.
14. *Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. M. AST, 2023. 736 p.
15. *Ot redakcii* – From the editorial office // *Ural'skij tekhnik* – Uralsky technik. Yekaterinburg, 1907. No. 1. P. 1.
16. *Otdel spravok* – Information Department // *Otchet o deyatel'nosti Obshchestva ural'skih gornyh tekhnikov za 1905 g.* – Report on the activities of the Ural Mining Technicians Society for 1905 Yekaterinburg, 1904. Pp. 19–22.
17. *Pavlov V. A. Pervyj tekhnicheskij zhurnal na Urale* [The first technical journal in the Urals] // *Kalendar'-spravochnik* – Calendar directory. Sverdlovsk. 1967. P. 123.
18. *Plekhanov M. E. Podgotovka partijnyh kadrov na Urale* [Training of party cadres in the Urals] // *Vklad bol'shevikov-lenincev v revolyucionnoe dvizhenie i socialisticheskoe stroitel'stvo na Urale* – Contribution of the Bolshevik-Leninists to the revolutionary movement and socialist construction in the Urals. Sverdlovsk. Sredne-Ural publishing house, 1989. 407 p.
19. *Proekt ustava* – Draft Articles of Association // *Otveti na zaprosy sovremennoj tekhniki i otchety o deyatel'nosti Obshchestva* – Answers to the requests of modern technology and reports on the Company's activities. Yekaterinburg, 1906. No. 5. Pp. 1–27.
20. *Proekt ustava* – Draft charter // *Ural'skij tekhnik* – Ural technician. Yekaterinburg, 1907. No. 4. Pp. 1–70.
21. *Protokol III vtorichnogo obshchego sobraniya 5-go yanvarya 1908 goda* – Minutes of the III secondary general meeting on January 5th, 1908 // *Ural'skij tekhnik* – Urals technician. Yekaterinburg, 1908. No. 1. Pp. 91–98.
22. *Protokol No. 11 (3)* – Protocol No. 11 (3) // *Otveti na zaprosy sovremennoj tekhniki i otchety o deyatel'nosti Obshchestva* – Answers to the requests of modern technology and reports on the Company's activities. Yekaterinburg, 1905. No. 11. Pp. 48–50.

23. *Protokol No. 24* – Protocol No. 24 // *Otvety na zaprosy sovremennoj tekhniki i otchety o deyatel'nosti Obshchestva* – Answers to the requests of modern technology and reports on the Company's activities. Yekaterinburg, 1906. No. 22–23. Pp. 1–19.

24. *Protokol No. 25* – Protocol No. 25 // *Otvety na zaprosy sovremennoj tekhniki i otchety o deyatel'nosti Obshchestva* – Answers to the requests of modern technology and reports on the Company's activities. Yekaterinburg, 1906. No. 22–23. Pp. 20–35.

25. *Protokol No. 27 (7 oktyabrya 1906 g.)* (October 7, 1906) // *Otvety na zaprosy sovremennoj tekhniki i otchety o deyatel'nosti Obshchestva* – Answers to the requests of modern technology and reports on the Company's activities. Yekaterinburg, 1906. No. 24–25. Pp. 1–36.

26. *Reklama* – Advertising // *Ural'skij tekhnik* – Ural technician. Yekaterinburg, 1913. No. 2. p. 67.

27. *Reklama* – Advertising // *Ural'skij tekhnik* – Ural technician. Yekaterinburg, 1910. No. 1. P. 1.

28. *Rushanin V. Ya. Rabochaya molodezh' Urala v bor'be protiv samodержaviya i kapitalizma (1903–1917 gg.)* [The working youth of the Urals in the struggle against autocracy and capitalism (1903–1917)]. Chelyabinsk. CHPI, 1978. 76 p.

29. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 5* – Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 5. M. Russian language, 1992. 3712 p.

30. *Ural'skaya shkola tekhnikov* – Ural School of Technicians / ed. by A. N. Pyatnitsky. Sverdlovsk. Sredne-Ural. publishing house, 1979. 199 p.

31. *Ustav Obshchestva ural'skih gornyh tekhnikov* – The Charter of the Ural Mining Technicians Society // *Ural'skij tekhnik* – Ural technician. Yekaterinburg, 1909. No. 5. Pp. 1–33.

32. *Shumkina T. G. Deyatel'nost' Obshchestva ural'skih gornyh tekhnikov v gody Pervoj mirovoj vojny* [Activity of the Society of Ural mining technicians during the First World War] // *Desyatye Tatishchevskie chteniya: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 20–21 noyabrya 2013 goda)* – The tenth Tatishchev readings: the materials of the All-Russian Scientific and practical conference. (Yekaterinburg, November 20–21, 2013). Yekaterinburg. UMTS UPI, 2013. Pp. 171–174.

33. *Yarkov V. Nekrolog. P. M. Utyakov* [Obituary. P. M. Utyakov] // *Ural'skij tekhnik* – Ural technician. Yekaterinburg, 1913. No. 2. Pp. 13–14.

Социальная поддержка пожилых граждан в переходный период становления российского общества (1991–2005 гг.)

Салихова Ольга Вячеславовна¹, Барышникова Наталья Владимировна²

¹кандидат исторических наук, доцент отделения химической технологии и экологии, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина (филиал). Россия, г. Оренбург. ORCID: 0000-0002-2125-0610. E-mail: olgavk1983@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции и гуманитарных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал). Россия, г. Оренбург. ORCID: 0009-0009-5001-7939. E-mail: baryshnikova.7878@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу социальной поддержки граждан пожилого возраста в период активного реформирования экономической и политической системы Российской Федерации с 1991 по начало 2000-х гг. Цель – выявить основные составляющие концепции социальной реформы в отношении пожилых граждан, определить проблемы и стратегию их решения. Предмет исследования – методы социальной политики в отношении пожилых граждан. Методы исследования: статистический, конкретно-социологический, системно-структурный и описательный, сравнительно-исторический метод. Выводы: основой стратегии социальной политики в отношении пожилых граждан становится политика пенсионного обеспечения и социального обслуживания. Реализация данной стратегии зависела от концепции пенсионной реформы, основными элементами которой являлись: индексация пенсий и выплата компенсаций. В условиях постоянной задержки выплаты пенсий и крайне низкого их уровня государство, пытаясь финансово стабилизировать пенсионную систему, столкнулось с проблемой нестабильности внесения страховых взносов предприятиями и организациями. Тяжесть решения проблемы легла на плечи региональных органов власти, которые смогли предложить варианты в виде выдачи социальных чеков, взаимозачетов и отказа от начисления пени пенсионерам. Все это было призвано стабилизировать социальную напряженность, но не решило полностью проблему своевременной выплаты пенсий и соответствия ее прожиточному уровню жизни. Только к концу 1990-х – началу 2000-х гг. в связи со стабилизацией экономической системы государства стало возможным утвердить четкий график перечисления в пенсионный фонд средств федерального бюджета. Это дало возможность закрыть долги по пенсионным выплатам и организовать достойное пенсионное обеспечение и социальное обслуживание граждан пожилого возраста. Область применения результатов: результаты исследования следует применять для дальнейшего совершенствования стратегии и тактики системы социальной защиты граждан пожилого возраста на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: социальная политика, пожилые граждане, социальное обеспечение и обслуживание, индексация, компенсация, пенсионное обеспечение, пенсионная реформа.

Введение. Современное государство кроме прочих функций берет на себя задачи социальной защиты граждан. Данные приоритеты способны гарантировать социальную стабильность в обществе и возможность поддерживать достойный уровень жизни у определенных слоев населения. К таким группам будут относиться в том числе пожилые граждане, возраст которых достиг 60 лет. Первые попытки выработать стратегию социальной политики в молодом российском государстве были предприняты уже в 1991 г. Главной задачей социальной политики в отношении престарелых граждан становится создание пенсионного обеспечения и социального обслуживания граждан пожилого возраста. Именно эта политика разрабатывалась и осуществлялась с период с 1991 – начала 2000-х гг.

Хронологические рамки исследования: 1991 – начало 2000-х гг. Нижняя граница определена началом проведения политических, экономических и социальных реформ в России, верхняя граница обусловлена тем, что к этому времени сформировались механизмы реализации социальной политики на Южном Урале в отношении граждан пожилого возраста.

Методы исследования: статистический, конкретно-социологический, системно-структурный, описательный, сравнительно-исторический методы, которые позволяют выявить особенности становления социальной политики в отношении граждан пожилого возраста на региональном уровне и в сравнении с происходившими процессами на федеральном уровне, а также сходство и различия в реализации основных направлений государственной политики.

Результаты исследования. Важнейшими факторами, определяющими социальную политику в Российской Федерации в исследуемый период, являлись происходившие демографические изменения, которые фиксировали старение населения, а значит, заметное увеличение пожилых людей в структуре общества. В Российской Федерации в 1991 г. проживало 35 миллионов пенсионеров [3, л. 60]. Коэффициент зависимости пенсионеров и лиц трудового возраста заметно увеличился с 20 % в 1959 г. до 36 % в начале 1999 г. [37, с. 121]. Структура населения Южного Урала также значительно претерпевала изменения с демографической точки зрения. Главной проблемой становится увеличение численности пожилых людей в общей структуре населения. В Оренбуржье в 1991 г. проживало около 470 тысяч пенсионеров, которые составляли 21,6 % от общей численности населения [5, с. 2], в Челябинской области соответственно – 870 тысяч [1, л. 21], или 23 % [29, с. 39], в Республике Башкортостан – около 700 тысяч, или 17,7 %, из них 3 % в возрасте 64–65 лет, 6 % в возрасте 70 лет и старше [26, с. 9, 10].

Следует проанализировать тенденции увеличения в структуре населения численности пенсионеров в Российской Федерации и на Южном Урале (таблица 1) [21, с. 252–253; 27, с. 74; 29, с. 161].

Таблица 1

Численность пенсионеров, состоящих на учете в органах социальной защиты населения, тысяч человек (на конец года)

	1992	1999
Российская Федерация	35 273	38 381
Республика Башкортостан	948	1030
Оренбургская область	512	537
Челябинская область	850	963

Таблица демонстрирует нам стабильное повышение численности граждан пенсионного возраста с 1992 г. по 1999 г. За указанное время их численность увеличилась на 8,5 %. Самое значительное повышение зафиксировано в Челябинской области и составило почти 14 %, в то время как в Башкирии этот показатель достиг уровня 8,6 %, в Оренбургской области – почти 5 %. Все это свидетельствует о необходимости формирования новой системы социального обеспечения граждан пожилого возраста с дополнительным финансированием.

Политика социальных гарантий ориентирована на удовлетворение потребностей различного рода граждан пожилого возраста [20, с. 21]. В ее состав входили выплаты различного рода, такие как пенсии по старости, инвалидности и социальные выплаты. Постановлением ВС РСФСР от 22 декабря 1990 г. «Об организации Пенсионного фонда РСФСР» в целях сбора страховых взносов, обеспечивающих финансирование выплат органами социального обеспечения пенсий и пособий на территории РСФСР, было инициировано создание Пенсионного фонда. Уже с 1 июля 1991 г. по Постановлению Совета Министров РСФСР № 209 от 17 апреля 1991 г. выплата социальных пенсий и пособий была переориентирована на вновь открываемые региональные отделения фонда [8, л. 114] в БАССР, Оренбургской и Челябинской областях.

Главной проблемой социального обеспечения пенсионеров были задержки в выплате пенсий и ее низкий размер. Так, к завершению первого года независимости Российской Федерации более 90 % пенсионеров получали пенсию в размере 20–40 % от нормы прожиточного минимума [3, л. 60]. Попытка исправить ситуацию дополнительными выплатами компенсаций в этом же процентном соотношении привела к возможности выравнивания пенсии со стоимостью прожиточного минимума [3, л. 59]. При этом данное решение не смогло повысить общий уровень жизни граждан пожилого возраста, так как большая часть пенсии по-прежнему тратилась на продукты первой необходимости. Такие сложные процессы были вызваны глобальными изменениями социально-политической ситуации в стране, стоявшей на пороге серьезных экономических изменений и пытающейся найти решения сразу во всех сферах жизни, в том числе и в проблемах социального обеспечения граждан пожилого возраста [7, с. 161].

Новые условия требовали и новых решений. В связи с этим была сформулирована новая концепция пенсионной реформы, предполагающая на региональном уровне создание общей базы данных с целью запуска перманентной индексации уровня пенсионных выплат. Последний зависел в свою очередь от уровня инфляции. В соответствии с исследованием уровня ин-

фляции повышение пенсий предполагалось раз в квартал, или при невозможности такой индексации вводились компенсационные выплаты с учетом прожиточного минимума и уровня жизни и с учетом индексирования заработных плат. Реализация такого плана зависела не от органов социальной защиты, а от уровня финансирования со стороны государства, которое должно было гарантировать устойчивость поступления страховых взносов от предприятий в Пенсионный фонд. Сложилась ситуация, когда органы социальной защиты не могли в полной мере реализовывать свои функции в отношении социального обеспечения граждан пожилого возраста в связи с тем, что реализация новой концепции пенсионной реформы зависела от внешних общегосударственных факторов, а не от возможностей органов социальной защиты.

По размерам недоимок в Пенсионных фондах можно судить о непростой ситуации, сложившейся в системе социального обеспечения престарелых граждан в исследуемый период. Так, в 1992–1993 гг. недоимки в Челябинской и Оренбургской областях составили от 1,5 до 3 млн. рублей. Все это значительно влияло на возможности Пенсионного фонда осуществлять полноценно свои функции по оказанию социальной поддержки гражданам пожилого возраста. Ситуация особенно обострилась в середине 1990-х гг. [34, л. 104], когда в условиях дестабилизации экономики резко упала платежеспособность многих организаций и предприятий. Это в свою очередь вызвало серьезные трудности с формированием доходов Пенсионного фонда [23, с. 23]. Так, например, в Башкирии задолженность федерального бюджета по выплате пенсий и пособий составила почти 170 млрд. рублей к концу 1995 г. При этом компенсировать удалось только половину этой суммы [34, л. 23]. Пенсия выплачивалась с задержками в среднем на один месяц [34, л. 22].

Сложности реализации установленного плана пенсионной реформы повлекли за собой нарастание социальной напряженности среди граждан пожилого возраста. Череда протестов прокатилась как на всероссийском уровне, так и на региональном. Способы решения данной проблемы в разных областях видели по-разному. Так, в Челябинской и Оренбургской областях ситуация дошла до состояния критической, что вызвало как всплеск протестных мероприятий, так и ответную реакцию власти. Представители власти обеих областей нашли выход в обращении к руководителям предприятий и профсоюзов с требованием перечисления страховых взносов в Пенсионный фонд. Более того, Законодательное собрание Оренбургской области объявило положение с социальным обеспечением граждан пенсионного возраста как чрезвычайное и вынуждено было написать резолюцию Президенту и Правительству, охарактеризовав их действия, точнее бездействие, как «государственное преступление перед собственным народом» [13, с. 53].

В условиях назревания социальной напряженности в обществе в сложившейся ситуации Президентом Российской Федерации было принято решение о создании Временной Чрезвычайной комиссии по контролю за налоговой и бюджетной политикой в стране.

Нужно отметить, что численность пенсионеров росла из года в год. По состоянию на начало 1996 г. в Республике Башкортостан численность пенсионеров составляла 998 тысяч человек, получатели трудовых пенсий – 954,1 тысяч человек, из них 12,9 % получали пенсии в минимальном размере [36, л. 8], в 1997 г. количество пенсионеров увеличилось почти на 10 %, составляя в структуре населения республики 1/4 часть. В результате нестабильного поступления страховых взносов в Пенсионный фонд от организаций задержки по выплате пенсий составили 1,5–2 месяца [18, с. 110]. Задолженность в республике на 1 января 1997 г. сформировалась в размере более 582 млрд. рублей [35, л. 43–44].

В связи с этим был предпринят целый ряд мер по регулированию сложной социальной обстановки в регионе. В Республике Башкортостан в январе 1997 г. принято постановление «О порядке выплаты пенсий социальными чеками» [15, с. 216]. В соответствии с этим постановлением чеки позволяли приобретать лекарственные средства и медицинские изделия, оплачивать счета за жилищно-коммунальные услуги, свет, газ, телефон. С случае просрочки платежей на законодательном уровне в регионе было принято решение отказаться от взимания пени с пенсионеров за эти услуги [13, с. 12]. Администрацией Челябинской области был найден выход в сложившейся ситуации в системе взаимозачетов: со стороны предприятий, учреждений и организаций разрешалось погашение образовавшейся задолженности по платежам в Пенсионный фонд в виде товаров, производимых ими, или оказанием пенсионерам жилищно-коммунальных услуг в счет выплаты пенсий.

В январе 1997 г. главой администрации Челябинской области была предпринята попытка устранить задержки по выплате пенсий [17, с. 173]. Однако к 1998 г. задолженность

возросла, а не уменьшилась, до 800 млн. рублей. Почти 100 тысяч пенсионеров в Челябинской области получали пенсии с задержкой в 2 месяца [10, л. 193]. В связи с этим было сформировано обращение к Председателю Правительства Российской Федерации с просьбой оказания области дополнительной помощи в размере 720 млн. рублей [10, л. 193]. В результате долги по выплате пенсий составили на конец 1999 г. в стране более 30 млрд рублей.

Таким образом, постоянные задержки по обеспечению пенсиями и социальными пособиями свидетельствовали о том, что социальное обеспечение не выполняло главной функции социальной защиты пенсионеров.

Таблица 2

Численность пенсионеров, состоящих на учете в органах социальной защиты населения, по видам пенсионного обеспечения в Российской Федерации и на Южном Урале в 1999 г. (тысяч человек)

	Всего	В том числе получающие пенсии				
		Пенсионеров	По старости	По инвалидности	По случаю потери кормильца	За выслугу лет
Российская Федерация	38 381	28 932	4816	2622	657	1354
Республика Башкортостан	1030	813	74	85	19	39
Оренбургская область	572	413	79	44	12	24
Челябинская область	963	762	81	70	17	33

Данные таблицы 2 демонстрируют, что в Российской Федерации в 1999 г. 75 % пенсионеров получали пенсии по старости, 12 % по инвалидности, в Республике Башкортостан соответственно – 79 % и 7 %, в Челябинской области – 79 % и 13 %, в Оренбургской области – 72 % и 8 % [21, с. 255; 27, с. 73; 28, с. 59]. В таких условиях необходимо было принимать неукоснительные меры по предотвращению социального взрыва. В этих целях было принято решение на уровне Министерства финансов начать ежемесячные перечисления из федерального бюджета в ПФ в размере до 3 млрд. рублей в месяц [10, л. 225].

В результате уже к концу 1999 г. все задолженности перед ПФ были практически погашены [4, с. 24]. В том числе подобная ситуация наблюдалась и в областях Южного Урала. Так, Челябинская область вошла в стабильный график пенсионного обеспечения, не допускались срывы и задержки [11, л. 88]. В Оренбургской области и Республике Башкортостан подобные мероприятия также привели к стабилизации ситуации.

Несмотря на преодоление проблемы к концу 1990-х гг., задержки выплаты пенсий, по-прежнему серьезной недоработкой оставались ее минимальные размеры. В 1999 г. в Челябинской области в таком размере пенсию получали 40 % пенсионеров [22, с. 139]. Фактический ее размер к 1 сентября 2000 г. составил от минимального показателя в 521 рубль до максимальной границы в 760 рублей. В Республике Башкирии этот показатель в среднем был выше всего на 1 %. При этом минимальная стоимость потребительской корзины, включая основные товары и услуги на конец 2000 г., составила 1798 рублей, что в 2,5 раза превышало размер пенсии [24]. Таким образом, сумма пенсии была в 2,5 раза ниже минимального потребительского бюджета.

Социологический опрос по рейтингу социальных проблем на начало 2000 г. показал, что у 83 % опрошенных пенсионеров Оренбургской области первоочередной проблемой были низкие доходы при высоких ценах [16, с. 29]. Подобная ситуация наблюдалась и в других регионах Южного Урала: в Челябинской области почти 50 % опрошенных пенсионеров отнесли свой уровень жизни к низким показателям и почти 40 % опрошенных неудовлетворительно оценили состояние социальной поддержки в области [6, с. 98–99]. Недовольство пенсионеров было вызвано обоснованными причинами – низкая пенсия и низкий уровень жизни, отсутствие возможности удовлетворения необходимых жизненных потребностей.

Данные, представленные в таблице 3, демонстрируют, что на протяжении второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. средний размер назначенных пенсий в Российской Федерации и на Южном Урале практически был одинаковым [5, с. 14–15; 28, с. 102; 34, л. 22].

На этом фоне интересно посмотреть порог выживаемости населения. На конец 1995 г. он составил 277 тыс. рублей на душу населения, при этом максимальная пенсия по старости с учетом всех компенсаций и надбавок была на 10,5 % ниже порога выживаемости, в то время как минимальная пенсия и того не превышала 38 % от порога [30, с. 59]. По областям Южного

Урала ситуация наблюдалась такая же, как в стране: в Оренбургской области и Республике Башкортостан пенсия по старости составляла всего 70 % от прожиточного минимума [5, с. 15; 34, л. 22]. В Челябинской области – 334,1 тысяч рублей, 72 % прожиточного минимума пенсионера [28, с. 102].

Таблица 3

**Средний размер назначенных пенсий в Российской Федерации
и на Южном Урале в 1995–2004 гг. (рублей)**

	11995	11996	11997	11998	11999	22000	22001	22002	22003	22004
Российская Федерация	242,6	320,1	366,4	402,9	521,5	823,4	1138	1462	1747	2006,2
Челябинская область	246,8	334,1	383,1	408,8	527,6	831,9	1145,2	1467,2	1754,3	2008,4
Республика Башкортостан	226,1	316,0	358,1	387,0	507,1	783,0	1051,9	1347,1	1617,0	1860,4
Оренбургская область	232,6	319,4	365,3	392,9	510,1	791,5	1081,6	1371,6	1628,2	1866,8

Выводы. Таким образом, снижение производства в условиях трансформации экономики значительно сократило возможности финансирования со стороны государства реализуемой социальной политики. В связи с этим социальное обеспечение престарелых граждан перестало выполнять главные функции социальной защиты. На Южном Урале разрабатывались и реализовывались мероприятия по социальной поддержке малоимущим пенсионерам. Анализ статистических данных в сравнении с показателями на общероссийском уровне показал, что в проведении социальной политики проблемы были одинаковыми: недостаточное финансирование, низкий уровень жизни людей пенсионного возраста, задержка выплаты пенсий на 1,5–2 месяца. В результате этого была выработана новая форма социальной защиты населения данной категории граждан: компенсационные выплаты и усиление дисциплины налоговых выплат от организаций в Пенсионный фонд. Большое значение в изменении положения граждан пожилого возраста имел и экономический рост в стране. Уже с 1999 г. наблюдается стабилизация экономики России. Ежегодное повышение ВВП, приблизившее к 2006 г. по показателям роста РФ к европейским странам: Великобритании, Италии и Франции, а также начавшаяся модернизация основных средств производства, повышение квалификации персонала, снижение энергоёмкости предприятий, внедрения в промышленность новейших научных достижений способствовали стабилизации ситуации к началу 2000-х гг. и в социальной сфере, а значит, обеспечили повышение уровня жизни и защищенности пожилых людей.

Список литературы

1. АГУСЗНЧО (Архив Главного управления социальной защиты населения Челябинской области). Ф. 18. Д. 916.
2. Ведомости законодательного собрания Челябинской области. 2004. Вып. 6. 256 с.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1890.
4. *Дмитриев М. Э.* Финансовый кризис и социальная защита // *Общественные науки и современность.* 2000. № 3. С. 16–32.
5. Информационно-аналитические материалы к расширенной коллегии главного управления социальной защиты населения администрации Оренбургской области 26–27 февраля 1998 года. Оренбург : Пресса. 27 с.
6. *Козлов В. Н.* Пожилые челябинцы о своем положении // Особенности региональных социально-экономических процессов стабилизации и развития : мат-лы научно-практической конференции. 20 ноября 2003. Челябинск : Центр ЧелГУ, 2003. С. 95–104.
7. *Козырева П. М.* Эволюция социального самочувствия россиян (по данным «мониторинга экономического положения и здоровья населения» 1994–2002 гг.) // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. 2002. № 3. С. 160–183.
8. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3584.
9. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3770.
10. ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 527.
11. ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 908.
12. *Осадчих А. И.* Как работает закон // Социальная защита. 1997. № 3. С. 25–43.
13. О социально-экономическом положении в области и мерах администрации области по ее стабилизации: решение Законодательного собрания Оренбургской области от 11 декабря 1998 г., № 166 // Бюллетень Законодательного собрания Оренбургской области. 1998. 128 с.
14. О состоянии работы по выплате пенсий в Оренбургской области: решение Законодательного собрания Оренбургской области от 27 ноября 1996 г. // Бюллетень Законодательного собрания Оренбургской области. 1996. 194 с.

15. О порядке выплаты пенсий социальными чеками: постановление кабинета министров Республики Башкортостан, от 17 января 1997 г., № 185 // Ведомости государственного собрания, Президента и кабинета министров Республики Башкортостан. 1997. № 15. 185 с.
16. Отчет по результатам социологического исследования «Пенсионеры – социальное самочувствие, условия жизни» // Информационно-аналитическое управление администрации области. УСЗН. Оренбург, 2000. 180 с.
17. О мерах по устранению задержек по выплате пенсий: постановление Главы администрации Челябинской области от 21 января 1997 г. // Сборник Законов и иных нормативных правовых актов Челябинской области. 1997. № 1. С. 172–192.
18. Рахимов М. Г. Башкортостан – моя судьба : очерки, статьи, интервью, выступления, обращения. Уфа : Китап, 1998. 364 с.
19. Расширенная коллегия главного управления социальной защиты населения администрации Оренбургской области 26–27 февраля 1998 года. Оренбург, 1998. 129 с.
20. Социальная политика в регионе: теория и практика : монография / Б. С. Павлов, Т. А. Ишутина, В. Н. Козлов и др. Челябинск : Институт экономики Уральского отделения РАН, 1994. 192 с.
21. Социальное положение и уровень жизни населения России : статистический сборник. М. : Госкомстат России, 2000. 495 с.
22. Социально-экономическое положение Челябинской области. Комплексный доклад. Челябинск : Челябинский областной комитет государственной статистики, 1999. 275 с.
23. Соловьев А. К. Социальное обеспечение пенсионеров в условиях рынка. М. : Профиздат, 1996. 109 с.
24. Статистические данные о социально-экономическом положении Республики Башкортостан // Республика Башкортостан. 2001. № 9. 17 января. 96 с.
25. Статистические данные о социально-экономическом положении Республики Башкортостан // Республика Башкортостан. 2001. № 28. 13 февраля. 112 с.
26. Уровень жизни населения Республики Башкортостан : статистический сборник. Уфа : Государственный комитет Республики Башкортостан по статистике, 2003. 134 с.
27. Уровень жизни населения Республики Башкортостан : статистический сборник. Уфа : Государственный комитет Республики Башкортостан по статистике, 2006. 156 с.
28. Челябинская область : статистический ежегодник. Челябинский областной комитет государственной статистики, Федеральная служба государственной статистики (Россия). Челябинск : Челябинский областной комитет государственной статистики, 2005. 329 с.
29. Челябинской области – 70 лет : статистический сборник. Челябинск : Челябинский областной комитет государственной статистики, 2004. 156 с.
30. Чернышев С. Реформа системы пенсионного обеспечения: свет в конце туннеля // Человек и труд. 1995. № 12. С. 59–62.
31. ЦГАООРБ (Центральный государственный архив общественных отношений Республики Башкортостан). Ф. Р-169. Оп. 4. Д. 1665. Л. 104.
32. ЦГАООРБ. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 2545. Л. 53.
33. ЦГИАРБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. 10138. Оп. 1. Д. 141.
34. ЦГИАРБ. Ф. Р-169. Оп. 4. Д. 1753.
35. ЦГИАРБ. Ф. Р-169. Оп. 4. Д. 1850.
36. ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 496.
37. Четыркин Е., Кабалкин С. Мировой опыт реформирования пенсионных систем: уроки для России // Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 121–130.

Social support for senior citizens in the transitional period of the formation of Russian society (1991 – early 2000s)

Salikhova Olga Vyacheslavovna¹, Baryshnikova Natalia Vladimirovna²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Chemical Technology and Ecology, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) (branch). Russia, Orenburg.
ORCID: 0000-0002-2125-0610. E-mail: olgavk1983@mail.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Jurisprudence and Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (branch). Russia, Orenburg.
ORCID: 0009-0009-5001-7939. E-mail: baryshnikova.7878@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of social support for elderly citizens during the period of active reform of the economic and political system of the Russian Federation from 1991 to the early 2000s. The purpose is to identify the main components of the concept of social reform in relation to older citizens, identify

problems and a strategy for their solution. The subject of the study is the methods of social policy in relation to senior citizens. Research methods: statistical, specifically sociological, system-structural and descriptive, comparative historical method. Conclusions: the policy of pension provision and social services becomes the basis of the strategy of social policy in relation to senior citizens. The implementation of this strategy depended on the concept of pension reform, the main elements of which were: indexation of pensions and payment of compensation. In conditions of constant delay in the payment of pensions and their extremely low level, the state, trying to financially stabilize the pension system, faced the problem of instability of insurance contributions by enterprises and organizations. The burden of solving the problem fell on the shoulders of regional authorities, who were able to offer options in the form of issuing social checks, offsets and refusing to charge penalties to pensioners. All this was designed to stabilize social tensions, but did not completely solve the problem of timely payment of pensions and their compliance with the standard of living. It was only by the late 1990s and early 2000s that, due to the stabilization of the state's economic system, it became possible to approve a clear schedule for transferring federal budget funds to the pension fund. This made it possible to close debts on pension payments and organize decent pension provision and social services for elderly citizens. Scope of the results: the results of the study should be used to further improve the strategy and tactics of the social protection system for elderly citizens at the federal and regional levels.

Keywords: social policy, senior citizens, social security and services, indexation, compensation, pension provision, pension reform.

References

1. AMDSPPChR (Archive of the Main Department of Social Protection of the population of the Chelyabinsk region). F. 18. File 916.
2. *Vedomosti zakonodatel'nogo sobraniya Chelyabinskoy oblasti* – Herald of Legislative Assembly of the Chelyabinsk region. 2004. Is. 6. 256 p.
3. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. 10026. Inv. 1. File 1890.
4. Dmitriev M. E. *Finansovyy krizis i social'naya zashchita* [Financial crisis and social protection] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social sciences and modernity. 2000. No. 3. Pp. 16–32.
5. *Informacionno-analiticheskie materialy k rasshirennoj kollegii glavnogo upravleniya social'noj zashchity naseleniya administracii Orenburgskoy oblasti 26–27 fevralya 1998 goda* – Information and analytical materials for the expanded Board of the Main Department of Social Protection of the population of the Orenburg Region administration on February 26–27, 1998. Orenburg Press. 27 p.
6. Kozlov V. N. *Pozhilye chelyabincy o svoem polozhenii* [Elderly residents of Chelyabinsk about their situation] // *Osobennosti regional'nyh social'no-ekonomicheskikh processov stabilizacii i razvitiya : mat-ly nauchno-prakticheskoy konferencii. 20 noyabrya 2003* – Features of regional socio-economic processes of stabilization and development : materials of the scientific and practical conference. November 20, 2003. Chelyabinsk. ChelSU Center, 2003. Pp. 95–104.
7. Kozyreva P. M. *Evoluciya social'nogo samochuvstviya rossiyan (po dannym "monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya" 1994–2002 gg.)* [The evolution of the social well-being of Russians (according to the data of the "Monitoring of the economic situation and health of the population" 1994–2002)] // *Monitoring social'no-ekonomicheskogo potenciala semej* – Monitoring of the socio-economic potential of families. 2002. No. 3. Pp. 160–183.
8. USACHR (United State Archive of the Chelyabinsk region). F. P-274. Inv. 10. File 3584.
9. USACHR. F. P-274. Inv. 10. File 3770.
10. USACHR. F. P-700. Inv. 1. File 527.
11. USACHR. F. P-700. Inv. 1. File 908.
12. Osadchikh A. I. *Kak rabotaet zakon* [How the law works] // *Social protection*. 1997. No. 3. Pp. 25–43.
13. *O social'no-ekonomicheskom polozhenii v oblasti i merah administracii oblasti po ee stabilizacii: reshenie Zakonodatel'nogo sobraniya Orenburgskoy oblasti ot 11 dekabrya 1998 g., No. 166* – On the socio-economic situation in the region and the measures of the regional administration to stabilize it: decision of the Legislative Assembly of the Orenburg Region of December 11, 1998, No. 166 // *Byulleten' Zakonodatel'nogo sobraniya Orenburgskoy oblasti* – Herald of the Legislative Assembly of the Orenburg region. 1998. 128 p.
14. *O sostoyanii raboty po vyplate pensij v Orenburgskoy oblasti: reshenie Zakonodatel'nogo sobraniya Orenburgskoy oblasti ot 27 noyabrya 1996 g.* – On the state of work on the payment of pensions in the Orenburg region: decision of the Legislative Assembly of the Orenburg region of November 27, 1996 // *Byulleten' Zakonodatel'nogo sobraniya Orenburgskoy oblasti* – Herald of the Legislative Assembly of the Orenburg region. 1996. 194 p.
15. *O poryadke vyplaty pensij social'nymi chekami: postanovlenie kabineta ministrov Respubliki Bashkortostan, ot 17 yanvarya 1997 g., No. 185* – On the procedure for payment of pensions by social checks: Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Bashkortostan, dated January 17, 1997, No. 185 // *Vedomosti gosudarstvennogo sobraniya, Prezidenta i kabineta ministrov Respubliki Bashkortostan* – News of the State Assembly, the President and the Cabinet of Ministers of the Republic of Bashkortostan. 1997. No. 15. 185 p.

16. *Otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya "Pensionery – social'noe samochuvstvie, usloviya zhizni"* – Report on the results of a sociological study "Pensioners – social well-being, living conditions" // *Informacionno-analiticheskoe upravlenie administracii oblasti* – Information and analytical Department of the regional administration. USZN. Orenburg. 2000. 180 p.
17. *O merah po ustraneniyu zaderzhek po vyplate pensij: postanovlenie Glavy administracii Chelyabinskoy oblasti ot 21 yanvarya 1997 g.* – On measures to eliminate delays in the payment of pensions: resolution of the Head of the Administration of the Chelyabinsk region dated January 21, 1997 // *Sbornik Zakonov i inyh normativnyh pravovyh aktov Chelyabinskoy oblasti* – Collection of Laws and other regulatory legal acts of the Chelyabinsk region. 1997. No. 1. Pp. 172–192.
18. *Rahimov M. G. Bashkortostan – moya sud'ba : ocherki, stat'i, interv'yu, vystupleniya, obrashcheniya* [Bashkortostan – my destiny : essays, articles, interviews, speeches, addresses]. Ufa. Kitap, 1998. 364 p.
19. *Rasshirennaya kollegiya glavnogo upravleniya social'noj zashchity naseleniya administracii Orenburgskoj oblasti 26–27 fevralya 1998 goda* – Expanded Board of the Main Department of Social Protection of the population of the Orenburg Region Administration on February 26–27, 1998. Orenburg. 1998. 129 p.
20. *Social'naya politika v regione: teoriya i praktika : monografiya* – Social policy in the region: theory and practice : monograph / B. S. Pavlov, T. A. Ishutina, V. N. Kozlov [et al.]. Chelyabinsk. Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1994. 192 p.
21. *Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii : statisticheskij sbornik* – Social status and standard of living of the Russian population : statistical collection. M. Goskomstat of Russia, 2000. 495 p.
22. *Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Chelyabinskoy oblasti. Kompleksnyj doklad* – Socio-economic situation of the Chelyabinsk region. A comprehensive report. Chelyabinsk. Chelyabinsk Regional Committee of State Statistics, 1999. 275 p.
23. *Solov'ev A. K. Social'noe obespechenie pensionerov v usloviyah rynka* [Social security of pensioners in market conditions]. M. Profizdat, 1996. 109 p.
24. *Statisticheskie dannye o social'no-ekonomicheskom polozhenii Respubliki Bashkortostan* – Statistical data on the socio-economic situation of the Republic of Bashkortostan // *Respublika Bashkortostan* – Republic of Bashkortostan. 2001. No. 9. January 17th. 96 p.
25. *Statisticheskie dannye o social'no-ekonomicheskom polozhenii Respubliki Bashkortostan* – Statistical data on the socio-economic situation of the Republic of Bashkortostan // *Respublika Bashkortostan* – Republic of Bashkortostan. 2001. No. 28. February 13. 112 p.
26. *Uroven' zhizni naseleniya Respubliki Bashkortostan : statisticheskij sbornik* – The standard of living of the population of the Republic of Bashkortostan : statistical collection. Ufa. State Committee of the Republic of Bashkortostan on Statistics, 2003. 134 p.
27. *Uroven' zhizni naseleniya Respubliki Bashkortostan : statisticheskij sbornik* – The standard of living of the population of the Republic of Bashkortostan : statistical collection. Ufa. State Committee of the Republic of Bashkortostan on Statistics, 2006. 156 p.
28. *Chelyabinskaya oblast' : statisticheskij ezhegodnik. Chelyabinskij oblastnoj komitet gosudarstvennoj statistiki, Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Russia)* – Chelyabinsk region : statistical yearbook. Chelyabinsk Regional Committee of State Statistics, Federal State Statistics Service (Russia). Chelyabinsk. Chelyabinsk Regional Committee of State Statistics, 2005. 329 p.
29. *Chelyabinskoy oblasti – 70 let : statisticheskij sbornik* – Chelyabinsk region – 70 years : statistical collection. Chelyabinsk. Chelyabinsk Regional Committee of State Statistics, 2004. 156 p.
30. *Chernyshev S. Reforma sistemy pensionnogo obespecheniya: svet v konce tunnylya* [Reform of the pension system: light at the end of the tunnel] // *Chelovek i trud* – Man and labor. 1995. No. 12. Pp. 59–62.
31. CSAPRRB (Central State Archive of Public Relations of the Republic of Bashkortostan). F. P-169. Inv. 4. File 1665. Sh. 104.
32. CSAPRRB. F. 1014. Inv. 4. File 2545. Sh. 53.
33. CSHARB (Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan). F. 10138. Inv. 1. File 141.
34. CSHARB. F. P-169. Inv. 4. File 1753.
35. CSHARB. F. P-169. Inv. 4. File 1850.
36. CSHARB. F. P-1684. Inv. 2. File 496.
37. *Chetyrkin E., Kabalkin S. Mirovoj opyt reformirovaniya pensionnyh sistem: uroki dlya Rossii* [The world experience of reforming pension systems: lessons for Russia] // *Voprosy ekonomiki* – Economic issues. 2000. No. 8. Pp. 121–130.

Создание церквей-школ в Вятской губернии в начале XX века

Виноградов Евгений Олегович

аспирант направления «Исторические науки и археология», Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0009-0001-8165-0384. E-mail: d_ve@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития церковноприходской школы в конце XIX – начале XX в. в Вятской губернии. Модернизация российского общества в ту эпоху требовала повышения уровня образования среди всех слоев населения. Начальным уровнем образования была церковноприходская школа. В этой области власти решились на внедрение новаций, которые соединяли бы в себе образование и воспитание. Такой формой стала церковь-школа. В советской и постсоветской историографии этой форме образования внимания не уделялось, так как она не получила широкого распространения. Церковь-школа, по мысли создателей, позволяла оптимизировать ресурсы государства, организуя и новый приход, и школу. Еще одной целью государства при сооружении церквей-школ была миссия среди старообрядцев и нерусского населения губернии. Этот эксперимент вызвал большой интерес в крестьянской среде. Желание иметь храм и школу рядом с домом было велико. Государство поддерживало создание церквей-школ, выделяя ресурсы, но, несмотря на все усилия, число церквей-школ не было значительным. В статье рассматриваются различные варианты организации церквей-школ, основные проблемы, появляющиеся при их возникновении. Приводятся наиболее интересные примеры возникновения церквей-школ, характерные для всей Вятской губернии. Главной проблемой малого количества учебных заведений подобного вида была бедность крестьянского населения, недостаточная финансовая поддержка со стороны государства и разнонаправленность интересов акторов процесса их создания. В основе исследования лежат: конкретно-исторический метод, позволивший дать описание фактов создания церквей-школ в губернии; сравнительно-исторический метод, с помощью которого реконструируется процесс образования церквей-школ; историко-генетический метод, давший возможность исследовать особенности процесса создания церквей-школ в Вятской губернии.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Вятская губерния, церковь-школа, церковноприходская школа, миссионерский эксперимент, раскольники.

Государства эпохи модернизации стремились поднять образовательный уровень населения, так как от этого зависела успешность развития страны вообще, и Россия здесь не была исключением. Власти сконцентрировали особое внимание на вопросах начального образования граждан: реформы императора Александра II значительно изменили быт народа и способствовали улучшению демографической ситуации. По итогам переписи 1897 г. население всех 11 уездов Вятской губернии составило 3 030 831 лицо обоего пола, или шесть человек на одно домохозяйство [2, с. 3]. Если создание элитарного образования было одной из приоритетных задач государства уже с конца XVII в., то начальному образованию придавалось гораздо меньшее значение. Модернизация всего строя общества изменила эту тенденцию и потребовала расширения и углубления начального образования: к началу XX в. в Российской империи действовала сложная система начальных школ, которая включала в себя министерские школы, земские школы, церковноприходские школы и школы грамотности.

Школа при храме или монастыре являлась основной формой народного образования в России на протяжении нескольких столетий, а государственная политика в ее отношении не была последовательной, и дело народного образования и воспитания до определенного времени было делом только Русской Православной Церкви.

70-е гг. XIX в. были отмечены началом политической активности общества, и в связи с этим с 1884 г. государство пытается законодательно упорядочить деятельность начальной церковной школы, вместе с тем продолжая поиск наилучшей формы народного начального образования.

Императоры Александр III, Николай II и обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев стали осознавать гражданскую важность того образования, которое может дать церковноприходская школа, выполнявшая две ключевые функции – обеспечение начального образования, воспитание (упор на последнее). Постепенно приходило осознание, что подрастающее

поколение воспитывается в земских школах учителями из революционной среды «разночинцев», а законоучитель в такие школы приходит редко и едва ли может воспитать преданную царю и Отечеству личность.

Кроме того, в России были прекрасные примеры создания церковноприходских школ: например, школа С. А. Рачинского.

Все это вдохновило власть империи на расширение сети церковноприходских школ и их финансовую поддержку по линии Св. Синода.

Одной из форм церковноприходской школы была церковь-школа, то есть объединение православного храма и школы, а иногда и общежития, под одной крышей. В региональной историографии тема церкви-школы практически не поднималась, а их количество по сравнению с общим количеством церковноприходских школ было незначительным. Однако эксперимент был интересным.

Идея объединения школы и церкви под одной крышей была применима для удаленных местностей, населенных нерусским, но православным населением империи, или для местностей, где проживало значительное количество старообрядцев.

Открытие миссионерских школ финансировалось епархией через инородческую и противораскольническую миссии. Процесс открытия подобных школ можно отследить по отчетам этих миссий на ежегодных епархиальных съездах, отчетам благочинных в епархию и рапортам местного духовенства благочинным и в епархию. Непосредственным созданием школ занимались епархиальный училищный совет и Братство Святителя Николая. На местах инициатива создания церквей-школ исходила от крестьян, местного священника или от благочинного.

После голода 1891 г. правительство Российской империи выделяло пострадавшим губерниям, в том числе и Вятской, значительные средства для поддержания уровня жизни крестьян и организации общественных работ, одной из форм которых было строительство церквей-школ и церковноприходских школ. Таким образом, к 1893 г. было построено пять церквей-школ [18, д. 11, л. 20 об.], в последующие годы такая практика была продолжена. Более того, некоторые из этих школ позже были преобразованы в самостоятельные приходы.

Финансирование миссионерской деятельности осуществлялось и со стороны епархии. Из доклада секретаря Вятской духовной консистории А. Стратилатова на епархиальном миссионерском съезде в сентябре 1893 г. известно, что суммы, собираемые епархией на нужды миссионеров, были незначительными, однако регулярными. В августе 1890 г. Вятским епархиальным съездом духовенства на содержание противораскольнической и инородческой миссии было решено ежегодно собирать по 8755 руб. 18 коп, из которых:

- 1500 руб. было выделено на жалование и наем квартиры епархиальному миссионеру;
- 500 руб. – на поощрение трудов уездных противораскольнических и инородческих миссионеров (по усмотрению епархиального начальства);
- 6755 руб. 18 коп. – на содержание существующих епархиальной и уездных противораскольнических миссионерских школ, на открытие при первой из них женского отделения и новых уездных школ [18, л. 18–18 об.].

Пожертвования на миссионерское дело собирались в епархии, как и было запланировано, а вот расходование средств происходило по необходимости. На инородческую миссию поступило в консисторию за 1891–1893 гг. 3000 руб. (по 1000 руб. в год), из которых к 1894 г. было израсходовано всего 500 руб. на жалование назначенному на должность епархиального миссионера для крещеных татар. Остальные 2500 руб. остались в консистории неизрасходованными – эти средства решили потратить на инородческие приходы епархии, не имеющие ни церковных школ, ни комитетских инородческих школ [18, л. 20].

Церкви-школы появились стараниями Вятской епархии в деревнях:

- 1) Косьмодемьянского прихода – в д. Турек Уржумского уезда, где проживали 1366 православных, 1164 старообрядца, 13 уклонявшихся и 994 марийца;
- 2) Биляморского прихода – в д. Большие Ноли Уржумского уезда, где проживали 1023 православных, 115 старообрядцев и 3 уклонявшихся;
- 3) Кизнерского прихода – в д. Курехшур-Кибеть Малмыжского уезда, где проживали 3976 православных, 110 старообрядцев, 267 уклонявшихся, 2644 удмурта;
- 4) прихода с. Крымская Слудка – в д. Вотский Сармак Елабужского уезда, где проживали 2610 православных, 113 марийцев, 443 удмурта и 19 некрещеных марийцев;

5) прихода д. Цыпья – в д. Бектешево Малмыжского уезда, где проживали 885 православных, 1026 марийцев, 4625 удмуртов, 1437 татар, 764 некрещеных марийца, 418 некрещеных удмуртов и 10 411 некрещеных татар [18, л. 21–21 об.].

В научных кругах одной из причин появления церквей-школ считают борьбу со старообрядчеством, однако статистические данные, приведенные выше, доказывают, что в большинстве поселений православие было центральным вероисповеданием. Следовательно, для образования церквей-школ существовали и иные мотивы.

Как следует из документов, попытки создания церквей-школ были в следующих населенных пунктах губернии:

- 1) Деревне Сычевской Медянской волости Вятского уезда [5; 19];
- 2) Деревне Рыбная Ватага Митрофановского прихода Нолинского уезда [14];
- 3) Починке Спасском прихода села Богословского Котельничского уезда [8];
- 4) Приходе села Юсков Глазовского уезда [9];
- 5) При Косинской фабрике Рязанцевых Слободского уезда [3];
- 6) Деревне Тубаньшуре Шарканского прихода Сарапульского уезда [11];
- 7) Деревне Сосновке Вятскополянского прихода Малмыжского уезда [4];
- 8) Иловатском затоне Орловского уезда [15; 25];
- 9) Деревне Сардыкбаже Глазовского уезда [20];
- 10) Деревне Макаровской Лобанского прихода Нолинского уезда [12];
- 11) Деревне Кульме Паскинского прихода Малмыжского уезда [16];
- 12) Починке Ивановском Большекибьинской волости Елабужского уезда [23];
- 13) Починке Петровском Бисеровской волости Глазовского уезда [21];
- 14) Селе Перевозинском Сарапульского уезда [13];
- 15) Деревне Кленовой Кельчинской волости Сарапульского уезда [22];
- 16) Деревне Пиштанке Уржумского уезда [24];
- 17) Деревне Сардабаше Малмыжского уезда [6];
- 18) Деревне Зиминской Пунгинской волости Нолинского уезда [10; 26];
- 19) Деревне Чистое Поле Немского прихода Нолинского уезда [7];
- 20) Аркульском затоне Уржумского уезда [17].

Сколько школ было введено в эксплуатацию, до конца не ясно, так как многие дела остались неоконченными и были закрыты из-за отсутствия сведений.

Сам процесс образования церквей-школ, как правило, проходил согласно одному из трех сценариев. Первый заключался в том, что благие начинания оставались только на бумаге, несмотря на усилия со стороны приходского духовенства и сельского общества. Второй сценарий начинался коллегиальным решением сельского общества о создании церкви-школы, но в дальнейшем планы менялись, и в итоге отдельно строился храм и отдельно школа, что тоже можно считать успешным развитием событий для крестьян. Третий вариант, самый успешный, предполагал оперативное и благополучное строительство церкви-школы, ее освящение и последующую организацию учебного процесса.

Чаще всего события, связанные с появлением церквей-школ, развивались по первому сценарию. Рассмотрим примеры, чтобы выяснить, в чем же были причины неудачи большей части благих намерений.

Одним из самых интересных дел можно считать дело о построении школы-церкви в д. Рыбная Ватага Митрофановского прихода Нолинского уезда. Правобережье р. Вятки в Нолинском уезде в XIX в. было глухим краем и местом массового расселения старообрядцев, просвещение которых было одной из ключевых забот епископов еще с XVII в. На эти таежные места обратил внимание свое и вятский епископ Алексей (Опоцкий), поручив в июле 1900 г. священнику-миссионеру Василию Тронину образовать в д. Рыбная Ватага церковь-школу. Тот отказал, составив рапорт, уведомлявший консисторию о том, что миссионер очень занят, находится в удалении в 90 верст от д. Рыбная Ватага и хотел бы получить справку о состоянии дела образования в приходе [14, л. 4]. Занятость и удаленность от Рыбной Ватаги не позволили миссионеру каким-либо образом повлиять на образование прихода, поэтому было принято постановление Консистории № 17810 от 18 октября 1902 г. о скорейшем построении храма ввиду близкого соседства общества будущего прихода со старообрядцами [14, л. 5]. Планировалось закончить строительство в течение года.

Однако была и другая проблема. Сама д. Рыбная Ватага находилась в составе с. Митрофаново первого благочиннического округа Нолинского уезда, но к концу XIX в. ввиду его уда-

ленности от больших дорог и соседних селений оно начало приходить в запустение, а после и вовсе было упразднено. В самом селе находился деревянный храм, построенный в 1830-х гг., и консистория планировала использовать его в одном из вновь образуемых приходов в д. Паске, Рыбная Ватага или Чистое Поле. Еще 28 мая 1894 г. Св. Синод своим указом № 4867 постановляет открыть в Малмыжском уезде новый самостоятельный приход при д. Паске, а Митрофановский приход закрыть, священника и псаломщика перевести во вновь открываемый приход [1, с. 348]. Указом консистории № 6163 от 31 марта 1902 г. было предписано строительному комитету обсудить вопрос о том, что будет более полезным для дела: перевозка старого Митрофановского храма и постройка его по прежнему плану или устройство новой церкви из бесплатно отпущенного леса, который должен был быть получен комитетом осенью того же года. Осмотрев храм, священник Евгений Спасский как председатель комиссии пришел к заключению, что устройство нового храма будет целесообразнее, поскольку после 70 лет существования Митрофановский храм потребует капитального ремонта и замены большей части церковной утвари [14, л. 8].

В январе 1903 г. дело об образовании храма было передано в Сарапульское духовное правление, так как именно оно занималось миссионерской и противораскольнической деятельностью на юге Вятской губернии.

Митрофановское село отстояло в 52 верстах от д. Паски, и на половине пути между ними была расположена д. Рыбная Ватага, бывшая центром «Австрийского раскола» и населенная исключительно старообрядцами (52 двора, в которых проживали 149 мужчин и 153 женщины, которые почему-то не значились в клировой ведомости). Здесь находилась австрийская молельня во главе с «лжепопом» Артемием Мельниковым, большим «фанатиком», который «активно поддерживал раскол» и, по словам благочинного, «вредил православию». Вокруг Рыбной Ватаги на небольших расстояниях располагалось несколько починков с преобладающим старообрядческим населением, принадлежащих как Митрофановскому приходу, так и соседним Мартельевскому и Зонскому. Постановлением Сарапульского духовного правления от 5 февраля 1903 г. по вопросу о приписке прихожан упраздненной церкви с. Митрофановского Нолинского уезда и об образовании нового прихода по близости от этого села было предложено в религиозно-просветительных целях «закрыть с. Митрофановское, находящееся в самых неблагоприятных географических условиях и притом на окраине Митрофановского прихода, зараженного расколом, и открыть село в д. Паске с переводом сюда Митрофановского причта» [14, л. 12–12 об.].

В д. Рыбная Ватага находились волостное правление и земское училище, в котором учились до 40 детей старообрядцев и несколько православных инородческих. Сложилась такая ситуация, что учитель земской школы, православные ученики, служащие при волостном правлении, чины местной стражи и многие лесопромышленники, будучи православными, часто оставались без удовлетворения религиозных потребностей, а земское училище – без законоучителя и священника, который почти не бывал здесь. Кроме того, православные инородцы, живущие в Рыбной Ватаге и других деревнях, «еще не отстали от кровавых языческих жертвоприношений, в которых принимали участие даже их дети» [14, л. 13 об.].

Понимание необходимости не только домашнего, но и школьного образования было и в старообрядческой среде. Старообрядцы в Рыбной Ватаге к православию не относились враждебно и выказывали согласие на открытие на их территории православной церкви, для которой уступали место за деревней, взамен на пользование казенной землей, находящейся неподалеку. Более того, некоторые старообрядцы (около 10 семей) выразили желание присоединиться к православию, если увидят в своей деревне церковь и православное богослужение [14, л. 14]. Принимая во внимание данные обстоятельства, члены правления протоиереи Вячеслав Бережнев, Алексей Виноградов, священник Павел Бушмакин рекомендовали епархиальному начальству открыть в д. Рыбная Ватага особый религиозно-просветительский пункт, например, церковь-школу, с особым причтом, состоящим из священника и псаломщика. Псаломщик должен был быть учителем в школе, а священник – законоучителем, миссионером и заведующим. Для устройства церкви-школы духовное правление рассматривало возможность перевести в Рыбную Ватагу Митрофановскую церковь и колокольню со всей утварью и колоколами. Для жительства причта «купить у крестьянина Якова Максимовича Шавкунова двухэтажный дом на восьми сажнях длины, шестистенный, в котором помещались земское училище, учитель, хозяин и общежитие и который продавался за 450 рублей. При этом <...> снести с Малмыжским земством, не уступит ли оно свою школу в епархиальное ведомство и не

окажет ли материальную помощь» [14, л. 14 об.]. В итоге постановили «образовать самостоятельный приход с постройкой церкви и школы в одном из центральных селений бывшего прихода и назначением при ней особого причта с пособием на содержание его от казны, вменить Правлению в обязанность и предоставить свое заключение по этому делу на утверждение Епархиального начальства» [14, л. 18–18 об.]. Кроме того, в Рыбной Ватаге проживали около сотни православных рабочих, нуждавшихся в храме, а для открытия молитвенного дома как раз имелись средства – 60 рублей, пожертвованных Кильмезским сельским обществом.

Все складывалось хорошо. В сентябре благочинный второго округа Малмыжского благочиния священник Александр Дрягин подобрал место для строительства храма. В рапорте от 10 сентября 1903 г. он пишет, что «место это совершенно ровное и вполне удобное построения храма в недалеком расстоянии, саженой сто, – вверх по течению речки Лобани, при так называемом «Ключе» по дороге из д. Рыбная Ватага в д. Тонкино, в казенной даче Кильмезского лесничества в третьем объезде начала 91 и 92 кварталов» [14, л. 78].

У Сарапульского духовного правления был и другой вариант постройки в Рыбной Ватаге единовременного храма и образования единовременного прихода, для чего планировалось обратиться в Стахеевский и Черновской комитеты. В финансировании создания единовременного прихода Стахеевским комитетом было отказано, и дело застопорилось. Позже Сарапульское духовное правление доносит Духовной консистории, как обстоит дело со строительством церкви в деревне Рыбной Ватаге: на подтвердительный указ Духовного правления № 2379 от 3 октября 1903 г. благочинный донес Правлению, что сведения по делу о постройке церкви в д. Рыбной Ватаге им, благочинным, представлены в Духовную консисторию при рапортах № 275 от 8 июня 1903 г. и № 488 от 10 сентября 1903 г., о чем Духовным правлением и было донесено Консистории рапортом № 2649 от 1 ноября 1903 г. Дальнейшей переписки по этому делу в Духовное правление не поступало [14, л. 79 об.]. Церковь так и не была построена.

Поскольку сама идея строительства церквей-школ была очень разумной, к этому варианту прибегали, прежде всего, жители таких населенных пунктов, которые были удалены от церквей и школ на 15–20 и больше верст. Однако малочисленность их населения стала одной из главных причин того, что благие начинания так и оставались на бумаге. Небольшое население не могло материально осилить строительство церкви-школы без поддержки государства: например, без бесплатного предоставления леса хотя бы на отведенную обществами землю от одной до трех десятин.

Подобных начинаний было немало, особенно в местностях с нерусским населением губернии. Иными немаловажными причинами неудачи строительства можно назвать бедность местных крестьян и отсутствие инициативного, деятельного руководства как со стороны общины, так и со стороны духовенства.

Второй сценарий устройства церкви-школы все же достигал результата, но не того, который был поставлен изначально как цель. Такие примеры тоже есть.

Самым интересным из них можно считать строительство церкви-школы при Косинской писчебумажной фабрике Рязанцевых. Само дело построения церкви-школы началось не как большинство подобных дел. В самом начале рабочие Косинской фабрики, скорбя о преждевременной кончине императора Александра III в ноябре 1894 г., на общем сходе решили построить часовню и приобрели икону Святителя Николая Чудотворца для молитвы перед ней о новом императоре и царствующем доме. Затем вдохновленные Высочайшей благодарностью за выраженные верноподданнические чувства решают построить не часовню, а церковь-школу. Причины, побудившие сделать это, рабочие перечисляют в своем прошении к архиерею, которое отличалось от обычных крестьянских и имело свою специфику. Наряду с желанием иметь храм при фабрике и школу под куполом, оказалось, что недоступность храма вызвана не столько его удаленностью (около десяти верст), сколько отсутствием лошадей у рабочих, которые не имели обычного крестьянского надела, а значит, и острой необходимости в лошадях. Крестьяне соседних селений, занимаясь извозным промыслом, лошадей предоставить не могли. Получалось, что многие рабочие, а особенно дети, бывали в церкви с. Сезенева раз в году или реже [14, л. 1 об.].

Рабочие Косинской фабрики, имея некоторый задел материалов, предназначенных для часовни (60 тыс. штук кирпича), тем не менее общим собранием решают финансировать постройку церкви-школы из различных источников. Был выделен процент от заработка, что давало от 40 до 60 рублей в месяц. Была проведена единовременная подписка на заготовку

бута. А также поступали частные пожертвования в размере 200 рублей. По окончании сооружения церкви-школы общество обязалось платить 25 % от суммы по приговору, а деньги от продажи школьной квартиры решено было положить в банк под процент на поддержание церкви-школы [14, л. 1 об.]. К прошению архиерею были приложены: приговор населения об уплате процентов, письменное согласие на совершение богослужений духовенства с. Косино, акт осмотра места и генеральный план на него, план и фасад церкви-школы. Прошение подписали 2 ноября 1895 г. управляющий фабрики Петр Владимирович Рязанцев и еще 94 человека. Планировалось начать строительство весной 1896 г. [14, л. 2]. Суммы, пожертвованные рабочими, и процент, оставляемый на постройку, были делом добровольным. Так, процент составлял от 1 до 5 % от заработка, или оговаривалась ежемесячная сумма, которая составляла по подписке 2–5 рублей в месяц. Оговаривалась и плата духовенству. По предложению П. В. Рязанцева фабрика оплачивала выезды духовенства в размере трех рублей за выезд, включая расходы на лошадей. Требы шли полностью в пользу духовенства. На все это было дано письменное согласие духовенства Спасской церкви с. Косы [14, л. 6].

В июне губернский архитектор И. А. Чарушин изучил местность и провел исследования грунта, которые оказались вполне подходящими под строительство. Министерство внутренних дел и строительный комитет 13 ноября 1895 г. утвердили проект, однако вскоре планы были скорректированы и вместо церкви-школы начинается строительство приходской церкви по проекту И. А. Чарушина. Согласно прошению управляющего фабрики П. В. Рязанцева 8 марта 1899 г. законченный храм был освидетельствован младшим архитектором М. Э. Бухгольцем, который представил акт № 482 освидетельствования храма в строительное отделение 11 марта 1899 г. «При этом храм был найден <...> выстроенным правильно и прочно из материалов надлежащего качества, без отступлений от утвержденного проекта и для совершения Богослужений безопасным. Строительное Отделение нашло возможным открытие храма для совершения Богослужений без опасности для молящихся» [14, л. 13 об.]. Стоимость храма оценивалась в 6700 рублей, резной иконостас с пятью иконами – в 250 рублей. Пять колоколов и вся утварь были пожертвованы благотворителями, а все богослужебные книги – предоставлены Св. Синодом и оплачены из казны. Церковь была торжественно освящена 7 мая 1899 г. Сонм городского и местного духовенства возглавил епископ вятский Алексей (Опоцкий).

В самом деле, нет документа, объясняющего решение строить приходской храм отдельно. Можно лишь предполагать, что это было решение самого П. В. Рязанцева, который в связи с изменением проекта сам стал старостой строящейся церкви и ее главным благотворителем. Косвенно эта версия подтверждается тем фактом, что помимо церкви вместо церкви-школы при фабрике было организовано начальное училище, ученики которого принимали участие в освящении храма вместе с учителем и пели на левом клиросе.

В заключение рассмотрим самый удачный, на наш взгляд, сценарий строительства церкви-школы.

Вятский епископ Алексей (Опоцкий) был большим тружеником на ниве просвещения своей паствы. Он сам подробно вникал во все дела, связанные с миссионерской работой, проводил их многостороннее изучение и заверение. В феврале 1897 г. к нему поступило прошение крестьян п. Шахматовского Никольского общества Медянской волости Вятского уезда. Уполномоченный от 14 селений общества В. У. Бакин в ознаменование коронации Николая II приговором от 26 апреля 1896 г. просил благословение построить при д. Сомовщине, расположенной в десяти верстах от с. Медяны, церковь-школу с приделом во имя Святителя Николая Чудотворца. Со своей стороны крестьяне обещали пожертвовать принадлежащий им лес, а также производить все работы по доставке материалов. Кроме того, по подписному листу Никольское общество уже собрало 350 рублей и согласилось пожертвовать для устройства школы-церкви семь десятин земли. На прошении собственноручная подпись архиерея: «Призываю Божие благословение на желанное святое дело устройство необходимо для местного населения Никольского общества, Храм Божий и Церкви-школы при нем» [5]. Этот приговор был передан в Вятское отделение епархиального училищного совета при прошении о разрешении постройки, причем как отделение, так и епархиальный училищный совет признали желательным устройство церкви-школы при д. Сычевской.

Приговором от 12 марта 1897 г. выбраны председателем священник Александр Петропавловский, казначеем – псаломщик Стефан Тронин, членами строительной комиссии – все остальные [5, л. 15], а 8 апреля 1897 г. на сельском сходе д. Сычевской было отведено семь де-

сятин земли под постройку церкви-школы, так как это предписывал указ духовной консистории № 5268 от 3 апреля 1897 г. Расходы на землемера принял на себя бездетный псаломщик с. Медяны С. А. Тронин [5, л. 11 об.].

В январе 1897 г. гражданским инженером М. Э. Бухгольцем был составлен план, согласно смете которого для постройки и обустройства церкви-школы требовались денежные средства в размере 4972 руб.

Строительное отделение губернского правления 19 мая 1897 г. просит духовную консисторию согласно отношению № 517 от 27 марта 1897 г. прислать копию проекта церкви-школы в д. Сомовщина [5, л. 13 об.]. Согласно проекту И. А. Чарушина был выделен государственный лес в количестве 1532 растущих на корню деревьев.

Строительный комитет 19 сентября 1897 г. обратился в уездную земскую управу с прошением об оказании пособия на постройку церкви-школы. Уездное земское собрание XXXI очередной сессии на заседании 2 октября постановило ассигновать пособие на означенную постройку в 500 руб., которые были получены комитетом в полном объеме.

Благочинный первого округа Вятского уезда священник Александр Фокин 19 сентября 1898 г. просил преосвященнейшего Алексия о разрешении 16 августа сделать закладку церкви-школы во Имя Святителя и Чудотворца Николая. На прошение последовала резолюция Его Преосвященства, в силу которой «чин основания церкви поручено совершить заштатному священнику Крестовоздвиженской церкви при Медянской фабрике отцу Николаю Зубареву с отцами и братиею Медянской церкви», что ими в означенное число и было исполнено [5, л. 20]. Был совершен и крестный ход из с. Медяны на место закладки церкви-школы.

Священник Николай Зубарев был человеком незаурядным и много потрудившимся на церковном поприще. О своей жизни в Медянах он оставил интересные воспоминания, которые позже были изданы.

Губернский землемер Романов 12 марта 1899 г. оповестил духовную консисторию об отмежевании земли под церковь-школу [5, л. 21]. Выезды землемера и архитектора стоили дорого, 20–25 рублей за выезд. Транспортные расходы оплачивались отдельно.

Проект церкви-школы был составлен И. А. Чарушиным и 28 марта 1897 г. рассмотрен в Строительном отделении, которое постановило следующее: «По рассмотрении присланного проекта церкви-школы в д. Сычевской Вятского Уезда и сметы на лесные материалы для постройки Строительное отделение Губернского правления находит, что проект составлен правильно» [19]. Проект и смету решено было предоставить на усмотрение и утверждение г. губернатора.

К 1900 г. основные работы на церкви были закончены. Из оставшегося строительного материала был построен дом для причта [5, л. 28]. Благочинный первого Вятского Округа священник Михаил Вифанский 14 июня 1902 г. рапортом № 321 оповестил Вятскую духовную консисторию о том, что «церковь-школа, находящаяся в десяти верстах от с. Медяны, построена среди полей, вблизи д. Сычевской; нижний этаж, назначенный для школы, каменный, а верхний, с осмериком и куполом, – деревянный, такова и колокольня, на колокольне три небольших колокола; в школе и церкви насланы полы, вставлены рамы, в церкви укрепляют железные решетки; поставлен резной иконостас с очень хорошей живописью икон; остается сложить печи» [5, л. 39]. Церковь-школа строилась главным образом на местные средства, за исключением пособия от Уездного земства в 500 рублей и пожертвований по двум сборным книгам, выданным из Духовной Консистории в 1900 и 1901 гг. По книгам значится добровольных пожертвований 934 руб. 95 коп. Елабужский Стахеевский Комитет ходатайство строительной Комиссии о пособии отклонил» [5, л. 61].

Председатель строительного комитета по постройке церкви-школы Медянского прихода священник Владимир Замятин рапортом от 1 сентября 1903 г. сообщил, что «недостатки, замеченные при осмотре церкви-школы 7 августа, устранены, и церковь готова к освящению», и просил владыку сделать распоряжение об освящении церкви-школы 23 сентября, что и было сделано при участии священников с. Медяны и Загарья благочинным первого благочиния Вятского уезда священником Михаилом Вифанским [5, л. 78]. Никольская церковь-школа приняла своих первых учеников уже в 1903 учебном году.

Таким образом, церкви-школы все же не получили большого распространения, несмотря на свою целесообразность. Причины малой успешности эксперимента по строительству церквей-школ видятся в разнонаправленности интересов их создателей. Крестьянский труд был тяжелым, семьи многочисленными, а материальное положение скудным. Крестьяне

прежде всего хотели сэкономить и при строительстве одного здания получить и церковь, и школу. Церковное начальство хотело не столько школу, сколько создание нового прихода и строительство храма, а вот местное духовенство в появлении нового прихода с отдельным причтом не было заинтересовано вовсе, поскольку это всегда означало уменьшение доходов основного прихода. Противовесом была позиция благочинных: именно они в большинстве случаев являлись инициаторами создания церквей-школ и именно они, в зависимости от обстоятельств, определяли судьбу подобных начинаний. Так или иначе, церкви-школы просуществовали до самой Октябрьской революции, а в качестве школ многие из них находились в тех же зданиях все годы советской власти. Большая их часть не сохранилась, так как располагалась в удаленных «неперспективных» населенных пунктах, упраздненных в 1960–1970-х гг. Однако некоторые здания церквей-школ все же уцелели, например, первый этаж церкви-школы в д. Сомовщина, ныне Юрьянского района Кировской области.

Список литературы

1. Вятские епархиальные ведомости. Вятка : Типография Маишеева, бывшая Куклина и Красовского, 1894. № 11 (отдел официальный). С. 327–354.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 10: Вятская губерния / под ред. и с предисл. Н. А. Троицкого. СПб. : Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1904. 4, XII, 267 с.
3. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 197. Д. 1179.
4. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 198. Д. 1406.
5. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 211.
6. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 714.
7. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 972.
8. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 1043.
9. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 1115.
10. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 1269.
11. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 1317.
12. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 200. Д. 380.
13. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 200. Д. 511.
14. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 201. Д. 1011.
15. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 207. Д. 1787.
16. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 209. Д. 383.
17. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 213. Д. 99.
18. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 222. Д. 11.
19. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 520. Д. 100.
20. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 522. Д. 245.
21. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 522. Д. 503.
22. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 522. Д. 517.
23. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 523. Д. 403.
24. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 526. Д. 67.
25. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 530. Д. 247.
26. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 531. Д. 78.

Creation of churches-schools in Vyatka province at the beginning of the XX century

Vinogradov Evgeny Olegovich

postgraduate student in the field of Historical Sciences and Archaeology, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0009-0001-8165-0384. E-mail: d_ve@bk.ru

Abstract. The article examines the process of development of the parish school in the late XIX – early XX century in the Vyatka province. The modernization of Russian society in that era required an increase in the level of education among all segments of the population. The primary level of education was a parish school. In this area, the authorities decided to introduce innovations that would combine education and upbringing. The church-school has become such a form. In Soviet and post-Soviet historiography, this form of education was not given much attention, since it was not widely used. The church-school, according to the creators, made it possible to optimize the resources of the state by organizing both a new parish and a school. Another goal of the state in the construction of churches and schools was the mission among the Old Believers and the non-Russian pop-

ulation of the province. This experiment aroused great interest among the peasants. The desire to have a temple and a school near the house was great. The State supported the establishment of school churches by allocating resources, but despite all efforts, the number of school churches was not significant. The article discusses various options for the organization of church schools, the main problems that arise when they arise. The most interesting examples of the emergence of churches-schools, characteristic of the entire Vyatka province, are given. The main problem of the small number of educational institutions of this type was the poverty of the peasant population, insufficient financial support from the state and the divergence of interests of the actors in the process of their creation. The research is based on: a concrete historical method that allowed us to describe the facts of the creation of church schools in the province; a comparative historical method, with the help of which the process of formation of school churches is reconstructed; a historical and genetic method, which made it possible to study the peculiarities of the process of creating school churches in the Vyatka province.

Keywords: Russian Orthodox Church, Vyatka province, church-school, parish school, missionary experiment, schismatics.

References

1. *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. Vyatka. Printing house of Maisheev, former Kuklin and Krasovsky, 1894. No. 11 (official department). Pp. 327–354.
2. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. 10: Vyatskaya guberniya* – The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. 10: Vyatka province / ed. and with a preface by N. A. Troynitsky. SPb. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 4, XII, 267 p.
3. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 237. Inv. 197. File 1179.
4. CSAKR. F. 237. Inv. 198. File 1406.
5. CSAKR. F. 237. Inv. 199. File 211.
6. CSAKR. F. 237. Inv. 199. File 714.
7. CSAKR. F. 237. Inv. 199. File 972.
8. CSAKR. F. 237. Inv. 199. File 1043.
9. CSAKR. F. 237. Inv. 199. File 1115.
10. CSAKR. F. 237. Inv. 199. File 1269.
11. CSAKR. F. 237. Inv. 199. File 1317.
12. CSAKR. F. 237. Inv. 200. File 380.
13. CSAKR. F. 237. Inv. 200. File 511.
14. CSAKR. F. 237. Inv. 201. File 1011.
15. CSAKR. F. 237. Inv. 207. File 1787.
16. CSAKR. F. 237. Inv. 209. File 383.
17. CSAKR. F. 237. Inv. 213. File 99.
18. CSAKR. F. 237. Inv. 222. File 11.
19. CSAKR. F. 583. Inv. 520. File 100.
20. CSAKR. F. 583. Inv. 522. File 245.
21. CSAKR. F. 583. Inv. 522. File 503.
22. CSAKR. F. 583. Inv. 522. File 517.
23. CSAKR. F. 583. Inv. 523. File 403.
24. CSAKR. F. 583. Inv. 526. File 67.
25. CSAKR. F. 583. Inv. 530. File 247.
26. CSAKR. F. 583. Inv. 531. File 78.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(479.24)«1723/1735»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.041

Северный Азербайджан под управлением Османской империи (1723–1735 гг.)

Оздамирова Элиза Мусатовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории,
Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова. Россия, г. Грозный. E-mail: eliza1976@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга опубликованных и неопубликованных источников из архивохранилищ Российской Федерации, исследований историков предпринята попытка дать развернутую картину системы османского управления на территории Северного Азербайджана (современной Азербайджанской Республики) в 1723–1735 гг. Эти территории отошли к Османской империи от Персидской державы Сефевидов в результате заключения Константинопольского мирного договора с Российской империей 1724 г. Установлено, что в рассматриваемые годы Османская империя ввела в Закавказье систему военно-административного управления, максимально сохранив территориальное деление, существовавшее при Сефевидях. Османы оказывали покровительство местной азербайджанской элите, не оказавшей им сопротивление. Определенной части правителей провинций удалось сохранить свою власть. При этом османские власти, поддерживая того или иного претендента на управление провинцией-ханством, четко следовали тактике поддержки наиболее лояльных их власти владетельных правителей или вставали на сторону сильнейшего в междоусобных столкновениях азербайджанских элит. Османские власти в центре и в самом Северном Азербайджане также постоянно следили за тем, чтобы местные правители не проявляли пророссийских намерений, не сближались с северным соседом. Не подверглась серьезным изменениям и система налогообложения. Главная задача, которая ставилась перед правителями провинций: регулярное поступление налогов в султанскую казну, поэтому османам пришлось смириться с существовавшим в Азербайджане социально-экономическим укладом. Эту же цель преследовала и установленная османами военно-административная система управления. Исследование проведено на основе использования общенаучных (анализ, синтез) и специально-исторических научных методов: сравнительно-исторического, идеографического, ретроспективного и других.

Ключевые слова: Константинопольский мирный договор, Османская империя, военно-административное управление, бейлербейство, санджак, налоговая система.

В первой трети XVIII в. на территории Северного Азербайджана (современная Республика Азербайджан) столкнулись интересы трех государств: сефевидского Ирана, османской Турции и молодой Российской империи. Острейшее осmano-российское соперничество в Закавказье закончилось разделом территорий между двумя государствами и установлением на них соответствующих администраций. Османы получили значительную часть Азербайджана, за исключением прибрежных территорий. Несмотря на то, что владычество турок продолжалось чуть больше одного десятилетия (1723–1735 гг.), для истории Азербайджана это был значимый период истории, который предшествовал образованию независимых государств – ханств.

Рассматриваемая научная проблема привлекала внимание исследователей в прошлом. Но на первом месте в российской историографии, традиционно, со второй половины XVIII – XIX вв. стояли вопросы, связанные с деятельностью Петра I и успешным Персидским походом. Но главное внимание в таких работах уделялось исключительно военным действиям и российской администрации в прикаспийских провинциях, а подвластные османам территории их совсем не интересовали. Единственным, пожалуй, исключением является известная работа П. Г. Буткова [12], в которой были приведены все известные автору материалы. Поэтому эта работа, как и труд И. Г. Гербера [13], и сборник АКАК [9; 10], имеет и источниковедческую ценность.

В советское время, как и следовало ожидать, в основу исследования темы была положена марксистская методология, и в отношении истории национальных окраин бывшей Российской империи во главу угла была поставлена теория колониализма. Поэтому период турецкого господства на территории Азербайджана рассматривался в крайне негативном ракурсе. В послевоенный период вышли исследования в АН АзССР и Институте Востоковедения АН СССР: И. П. Петрушевского, А. Д. Папазяна, Г. М. Мамедова, Н. Н. Шенгелия, С. Ф. Орешковой [15; 16; 18; 19; 20; 21; 22]. Они были посвящены в основном истории хозяйственно-экономического развития и системы налогообложения, установленной турками на подвластных территориях.

С позиций истории российско-турецкой борьбы за территорию Северного Азербайджана рассмотрел вопрос азербайджанский историк Т. Т. Мустафазаде [17], а российский специалист А. Л. Рябцев – сквозь призму российско-иранских отношений соответствующего периода [23]. Следует также отметить работы турецкого историка Данишменда [25], составившего подробную историю Османской империи, и французского – Ж. Хамме [26]. В своих «историях» они останавливались на освещении системы османского управления в Закавказье в 1720–1730-е гг.

В нашей статье мы предприняли попытку проанализировать весь комплекс административного управления (и политического, и социально-экономического) османов в Закавказье в 1723–1735 гг., опираясь на источники из Архива внешней политики Российской империи и труды предшественников. В ходе исследования мы использовали общенаучные (анализ, синтез) и специально-исторические научные методы: сравнительно-исторический, идеографический, ретроспективный и другие.

Итак, в результате борьбы Османской и молодой Российской империй за Закавказье в начале 1720-х гг., в июне 1724 г. между ними был заключен Константинопольский (Стамбульский) договор, закрепивший за каждым из государств сферы влияния на территории побежденной Петром Первым и окончательно пришедшей в упадок Персидской державы Сефевидов. Согласно ст. 3 договора, Османская империя получила значительную часть Закавказья: Восточная Грузия, Восточная Армения и большинство Североазербайджанских территорий: Ордубад, Гянджа, Тебриз, Меренд, Марага, Урмие, Чорос, Салмас, Карабах, Нахичевань, Барда, Хамадан, Гум и Кирманшах [17, с. 82].

После урегулирования всех военных, дипломатических и территориальных вопросов перед османами встала задача организации системы управления на вновь присоединенных территориях. Рассчитывая, что территории вошли в состав их империи навсегда, османские власти поспешили утвердить здесь имперские институты. Традиционно они были представлены тремя ведомствами: военно-административным, финансовым и судебным. Соответственно они были представлены бейлербеем, дефтердаром и кади. При этом распределение функций между ними не было нигде закреплено, и часто военный чиновник распоряжался финансами и вмешивался в судебное производство [18, с. 14].

Османе не стали менять административное деление в Азербайджане, сохранив в основном границы бывших сефевидских бейлярбейств, ограничились небольшими коррективами в сторону уменьшения. В основном это было связано, что прилегавшие к Каспийскому морю олге и магалы отошли к Российской империи. Территория Северного Азербайджана теперь делилась на вилайеты – военно-административные единицы, эялеты – области, также на бейлярбейства и санджаки [18, с. 14].

Некоторые сефевидские правители сумели сохранить свои должности и при османах. Например, правитель Газахского санджака, входившего некогда в состав Карабахского бейлербейства, часть которого отошла к России. Газах вошел в состав Тифлисского вилайета, но во главе его остался прежний правитель Мир Али-бей, который еще до заключения мирного договора 1724 г. поспешил присягнуть османам [25, с. 15].

Вилайеты были разделены на санджаки, которые совпадали с границами бывших олге и магалов. Санджаки делились на магалы и нахийе в составе нескольких десятков аульных обществ. Так, территория Газахского санджака включала 4 нахийе-магала, в которые входили 205 сел, при этом 95 из них в этот период были не заселены [15, с. 31]. Нахийе в свою очередь делились на гэрийе, в состав которых входило до десяти сел [19, с. 434].

Военно-административные, финансовые и судебные функции в эялатах были сосредоточены в руках сераскеров (предводителей воинов), которые назначались султанским двором в качестве благодарности из отслуживших и отличившихся офицеров армии среднего звена. Могли претендовать на эту должность и представители местной знати, выказавшие лояль-

ность и оказавшие помощь (прежде всего военную) османскому правительству. Санджаками управляли санджак-беи, магалами и нахийе – найбы, сельскими общинами – кендхуды. Все они были представителями азербайджанского военно-феодалного сословия, получая определенные управленческие и финансовые привилегии от османов. Таким образом, последние стремились привлечь на свою сторону местную элиту – родовую знать и средних и мелких чиновников. Примером этого, как мы отмечали выше, стало переназначение правителя Газаха Мир-Али-бея. Также правителем Марага был оставлен сефевидский бейлербей Карамана [15, с. 50].

Особый статус имели земли, находившиеся севернее р. Куры. В соответствии со статьями Константинопольского договора Османская империя не имела права держать там военный контингент и назначать комендантов, эти территории должны были находиться в управлении местных вассальных владетелей. Поэтому правителям Шекинского бейрябейства был назначен местный Али Султан, которому был присвоен османский титул паши. Эту территорию в управление от сефевидского шаха Аббаса I получил еще его дед Сары Али-бей, причем права эти признали и турецкие власти, когда в 1607 г. на короткое время эти территории были ими завоеваны.

Али Султан в августе 1723 г. получил специальный фирман от султана Ахмета III, в котором говорилось, что бейлербей управляет и Шекинским владением, и присоединенным к нему Захурским санджаком. Совместно с правителем Ширвана Гаджи Давудом он должен был «всегда действовать совокупно для упрочения шариатских постановлений меж населением обоюдных владений». В случае военной опасности Султан Али обязывался отправиться на помощь туркам во главе отряда минимум в 1500 человек [9, с. 1091].

Каждый раз, при смене султана на османском престоле, права на владение азербайджанских вассалов должны были подтверждаться фирманом нового султана. Так, в 1730-е гг., когда на турецком престоле утвердился султан Махмуд, Али Султан получил новый фирман с подтверждением его должности, прав и обязанностей [10, с. 775]. Османы в фирманах именовали Али Султана титулом «бейлербей» [9, с. 1091–1092].

Кроме Шекинского бейрябейства, вассалами османов считались и другие менее значительные территории. Санджак Ареш в 1725 г. по фирману Ахмета III был передан Мухаммеду Али Султанзаде (вероятнее всего, он был сыном шекинского Али Султана). В случае необходимости он должен был выступить на стороне османов с отрядом в 300 «отборных воинов» [10, с. 775]. В том же 1725 г. Кажское бейрябейство было отдано в управление сыну кайтагского уцмья Мухаммеду, но в 1731 г. отобрано и передано Али Султану [10, с. 776].

Ширванское бейрябейство, лишившееся части территорий, отошедших к России, османами было преобразовано в вассальное Ширванское ханство, правителем его еще в ноябре 1722 г. был утвержден Гаджи Давуд. Но даже заручившись поддержкой османов, Гаджи Давуд должен был начать борьбу за владение с ханом Казикумуха Сурхаем, который также претендовал на эти земли. Причем изначально вооруженная борьба началась из-за Губинского владения. В конце 1723 г. обе стороны, не добившись успеха, поспешили заключить перемирие [4, л. 1]. В начале 1724 г., отсутствием Гаджи Давуда в Шемахе, поспешил воспользоваться сын кайтагского уцмья Мухаммед, который при поддержке турецкого паши Османа, захватил здесь власть [4, л. 31]. А затем права на управление Шемахой от османов получил Сурхай-хан [4, л. 4]. Начался новый этап борьбы за власть, за которым, не вмешиваясь, наблюдали османы. К началу 1725 г. победителем вышел Сурхай, который в течение нескольких месяцев управлял Ширваном через своего наиба.

От всех этих событий страдали мирные жители, которым хотелось спокойствия. Многие из них, опасаясь за свои жизни, покидали дома. Например, в марте 1724 г. в Баку пришли представители жителей села Стожали Шабранского магала, которые просили разрешить им переселиться в город, так как они боялись мести Гаджи Давуда, за то, что они оказывали помощь Сурхаю [2, л. 103 об.]. Правитель Дербента Имам Гули-бей писал в эти годы: «...Понеже владение без владетеля, кто хочет по желанию своему владеет и едят народ божий» [2, л. 256].

К 1725 г. Гаджи Давуд все-таки сумел укрепиться в Ширване и даже начал строить планы о борьбе против русских, намереваясь отвоевать Баку и Дербент, и просил для этого помощи гянджинского паши [3, л. 256 об.]. Но паша просьбу отклонил, полагая, что Гаджи Давуд прежде всего начнет борьбу против своих азербайджанских противников и тем самым развяжет новую междоусобицу, в которой будут задействованы и османы. После отказа командующего гянджинского гарнизона Ширванский хан писал самому султану и крымскому хану. Но положительного ответа не получил и от них [3, л. 256 об.].

Сурхай-хан и дагестанские правители тем временем не прекращали набеги на Ширван, что стало всерьез беспокоить османов. И с целью обезопасить эти территории приступили к строительству крепости Топкараган. Эту крепость, по наущению Сурхай-хана, разрушили джарцы [12, с. 88]. Османы пошли с Сурхай-ханом на соглашение, и в 1727 г. он получил титул паши двух бунчуков с фиксированным ежегодным размером жалованья в 3000 руб. Он получил в управление Кабалу, заявил свои права на Агдаш и после этого присягнул на верность Османской империи, окончательно приняв турецкую сторону [13, с. 33].

Примирение Сурхай-хана с османами вызвало серьезные сомнения у Гаджи Давуда, и существует версия, что он начал склоняться к пророссийской ориентации, что заподозрил турецкий паша в Шемахе. Когда в 1726 г. сюда прибыл российский генерал А. И. Румянцев для проведения демаркации российско-османской границы, Гаджи-Давуд намеревался встретиться с подарками, но паша запретил и «никакой коммуникации с посланником чинить не велел» [8, л. 39]. А затем, неожиданно, паша встречу разрешил. Но уже сам Гаджи Давуд засомневался, до него дошли слухи, что турецкие власти хотят видеть ширванским правителем Сурхай, а его хотят умертвить [8, л. 38].

Гаджи Давуд в этот период, как показывают документы, вел тройную игру. С одной стороны, он боялся потерять расположение османов и всячески демонстрировал свою покорность их сюзеренитету [14, с. 100]. С другой, послал к А. И. Румянцеву племянника с сообщением, что в случае «отпадения» подвластной ему территории к России, он сделает все возможное для того, чтобы население приняло российское подданство и не разбежалось [8, л. 40]. И с третьей, отправил шаху Тахмаспу II послание, в котором выразил готовность ему верно служить [2, л. 89].

Такие политические лавирования хана объясняются, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, за время с начала Персидского похода, Гаджи Давуд растерял всякую поддержку населения Ширвана из-за своих непопулярных политических решений и продолжения междоусобиц. Во-вторых, он недальновидно рассчитывал, что, разжигая российско-турецко-персидские противоречия, сумеет воспользоваться ситуацией и создать независимое ханство. Поэтому он чинил всякие препятствия в процессе российско-турецкой демаркации, что не осталось незамеченным обеими сторонами.

Конечно, такая позиция Гаджи Давуда не могла устраивать османские власти. И в разговоре с русским резидентом И. И. Неплюевым турецкий рейс-уль-китаб (министр иностранных дел) в феврале 1728 г. прямо заявил, что османская администрация планирует сменить Гаджи Давуда на Сурхай-хана [2, л. 109 об.]. Уже 26 марта 1728 г., с молчаливого согласия турок, Сурхай-хан подошел со своим войском к Шемахе, Гаджи Давуд же такое собрать не смог [2, л. 41 об. – 42]. А. И. Румянцев запросил инструкцию у Петербурга: как поступить, если вдруг Гаджи Давуд попросится в российское подданство? В ответ получил инструкцию, что если будет очевидно, что это вредит российско-турецким отношениям, прошение отклонить [2, л. 42 об. – 43]. И 6 июня 1728 г. Гаджи Давуд, оказавшийся без какой-либо поддержки, был турками низложен, перевезен с семьей в Гянджу, а Сурхай вступил в Шемаху в качестве правителя [2, л. 86]. Османы завершили демаркацию с Россией, междоусобицы на время прекратились.

Аграрные отношения в Северном Азербайджане в период владычества Османов серьезным изменениям не подверглись. Со времен Сефевидов земли здесь делились на несколько категорий: государственные (аразий-е дивани), династические (хассе или хассе-йи шерифе), частновладельческие (мульк), земли религиозных учреждений и духовенства (вакфы) и земли сельских общин (джамаат-е дех или джамаат торпаги) [22, с. 78].

Первые две категории османами были объединены в категорию земель «мири», т. е. султанских. Земли азербайджанских феодалов, которые оказали османам сопротивление, были отобраны в султанскую казну. Те мюлькедары, которые проявили лояльность к новым властям, сохранили свои владения, а некоторые получили и дополнительные земли. Также земли в Азербайджане на условиях феодального держания получили отличившиеся янычары. Впрочем, за ними, как правило, уже по факту закреплялись захваченные в ходе военной кампании земли [7, л. 142–142 об.]. Переселялись в Азербайджан и гражданские лица, которых султанское правительство жаловало землями во вновь присоединенных бейлярбействах. С распространением в конце 1720-х гг. практики продажи земель «мири», землевладельцами здесь становились чиновники, торговцы и духовные земли [7, л. 295]. Некоторые земли были розданы в качестве вакфов религиозным учреждениям. Так, в Ордубаде в вакф стамбульской мечети султана Мурада III были определены 150 лавок, баня и караван-сарай [20, с. 12].

Налоговая система, установленная османами, наиболее ярко характеризует суть их социально-экономической политики на новых землях. В большой степени она была обусловлена военно-феодальным характером управления новыми территориями. Сразу же после приобретения новых провинций, османские чиновники проводили перепись населения и составляли реестры – дефтери-муфассал, в которых фиксировались численность населения (все взрослое мужское население) и экономические возможности каждого. Затем составлялись канун-наме в каждом санджаке, представлявшие собой росписи налогов со всеми характеристиками: вид налога, с кого, сколько, когда, предназначение, льготы [18, с. 12]. Дефтери азербайджанских санджаков были составлены в 1727–1728 гг. и на их основании установлены 11 видов налогов (на примере Гянджинского вилайета).

Налог Ушр взимался в пользу землевладельцев за пользование землей и составлял десятую часть урожая, собирался натурой и деньгами. Бахре (или малджахат) – за пользование водой в размере одной пятой части урожая. Ресми-баг (багбаши) – с садов, составлял десятую часть урожая, взимался османами деньгами. Ресми-бостан – с огорода, не фиксированный, зависел от размера и доходности владения. Ресми-гован – с пчеловодов, не фиксированный. Ресми-баннак – подушный налог с малоимущих, но трудоспособных крестьян, 40 акча в год. Ресми-агнам – с полукочевых скотоводов за пользование летними (яйлаг) и зимними (кышлаг) пастбищами, не фиксированный. Ресми-динг – с владельцев динга (приспособления для молотбы риса), с выработки. Ресми-асияб – налог на мельницу, также с выработки. Ресми-испендже – подушный налог с каждого подданного, 120 акча в год [17, с. 120].

Большинство этих налогов взималось и при сефевидах, а некоторые, наиболее архаичные, существовавшие при них, были отменены. Например, ресми-арусане – налог за невесту (свадебный). Некоторым категориям налогоплательщиков были предоставлены льготы. Прежде всего, это были женщины и дети, старики, инвалиды, люди интеллигентных профессий (врачи, учителя). В некоторых санджаках и вилайетах налоги могли немного отличаться, но сути это не меняет – была введена система налогообложения, которая в целом сохранила сефевидские налоги [17, с. 120].

Все налоги делились на две категории. В первую входили налоги религиозные (шариатские – текалиф-и шерие), их размер определялся предписаниями ислама и не мог произвольно меняться властями. Во вторую – налоги, определяемые обычаями и традициями (текалиф-и орфие), взимаемые с населения. Размер их был различным и менялся в зависимости от различных обстоятельств. Это были хорошо известные и широко распространенные в период феодализма в разных странах повинности – постоянная, повозная, ямская и т. п. [22, с. 272].

Сохранены были османами и сефевидские пошлины и сборы на торговлю, так же, как и внутренние таможи. Поэтому в Азербайджане повсеместно взимались гемрюк и рахдары – таможенные и «за охрану дорог», пошлины. На рынках – ресм-и гапан, «за весы; худдаимие – «за обслуживание» [15, с. 17–18]. Часто собирались налоги и с продажи определенного вида товаров: с масла, сала для свечей, риса, пшеницы, ячменя, муки, проса, шелковых тканей, меда, сукна и суконной одежды, олова, свинца, подков, чернильных орешков, киш-миша, льна, шерстяных изделий, привозных шалей и одежды и т. д. Единицей налогообложения при этом выступал не сам товар, а вьюк (размер тары. – *Р. П.*), в котором он был привезен на лошади. Также взимался налог на взвешивание этих товаров – гапандар [11, с. 196].

Целям пополнения османской казны служили и многочисленные штрафы, массово взимаемые с «нарушителей закона». Практиковалась и передача сбора налогов в откуп – мука-таа. Мог быть передан определенный вид налогов. Например, с виноградных садов в Нахичеванском санджаке [17, с. 122]. Могли передать сбор всех налогов с определенной территории. В этом случае проводились публичные торги. Выигравший их получал право сбора налога на определенной территории на основании специального документа (себе-и тахрир-и хюкум), в котором прописывалась сумма, которую откупщик обязан был вносить каждый год в казну [16, с. 28]. На этом документе кади ставил свою подпись-заверение, каждый год, что сумма откупщиком уплачена полностью и в срок [18, с. 14].

В 1724–1735 гг. в Азербайджане употреблялись две системы мер и веса – сефевидская и османская. Также в обращении были деньги обоих государств. Есть свидетельства, что османы пытались наладить чеканку монет в Гяндже. А по специальному указу некий дефтердар Яшеллизаде был отправлен в Тебриз для организации монетного двора и последующей чеканки османских денег там – «султани алтуни» [24, с. 77].

Персидский поход Петра I, военные действия османской и российской армий, раздел Азербайджана нанесли ощутимый удар по экономике региона, торговым отношениям. Пере-

ход прикаспийских территорий Северного Азербайджана под контроль России лишил его внутренние территории выхода на главный для них торговый путь – Волго-Каспийский. При этом со стороны российского правительства четко прослеживалось стремление и дальше развивать торговые отношения с Закавказьем и договариваться по этому вопросу с османами.

Уже в начале 1724 г. посол И. И. Неплюев сообщил турецкой стороне, что российские комменданты Баку и Дербента предупреждены о том, чтобы не «чинить» никаких препятствий приезжающим для торговли сюда закавказским торговым людям. Просил разрешить аналогичные действия османскому представителю в Шемахе Али-бею [6, л. 190 об.]. Но турецкие власти не торопились идти навстречу, опасаясь усиления российского влияния в Закавказье. Под предлогом опасения за безопасность в условиях военно-политической нестабильности, отсутствия демаркационных линий, османы отказали [6, л. 191 об.]. Турция в этой ситуации преследовала цель переориентировать весь выгодный транзит иранского шелка в Европу, шедший в тот период через Каспий и российские территории, на себя [23, с. 182].

В 1727–1728 гг. османские власти ввели умеренные таможенные тарифы, что немедленно привело к расширению транзита шелка через их территории, в которые тогда входил и Азербайджан. В 1729 г. в Тебризе был заключен договор с персидскими и азербайджанскими купцами, провозившими шелк по маршруту Гилян – Тебриз и далее по территории Турции, об освобождении их от внутренних таможенных пошлин (рахдаров) внутри Османской империи, прежде всего в Закавказье [21, с. 250].

Некоторые категории населения в Азербайджане получили от османов льготы при сборе налогов. Прежде всего, это относится к суннитскому духовенству, но и шиитские имамы получили льготы, правда, в меньших размерах. Фирман от султана Ахмета III, выданный в августе 1723 г. на имя шекинского Али Султана, предписывал оказывать духовенству «должное уважение» [9, с. 1091]. Кади – мусульманские судьи имели права самостоятельно назначать штрафные санкции в суде. Подчинялись они кадиаскерам, а через них – шейх-уль-исламу. Кадийские округа «каза» часто не совпадали с военно-административными районами. Таким образом, кади вообще были выведены из-под подчинения военной администрации [18, с. 14].

Безусловно, главными плательщиками налогов были низы азербайджанского общества – крестьяне и ремесленники. Точных данных о размере ежегодно собиравшихся податей и повинностей на всей территории азербайджанских провинций нет. Но по отдельным регионам некоторые данные есть. Так, по сведениям Г. Мамедова, в Газахском санджаке налогоплательщиков в 1727 г. было 1417 человек, на одного налогоплательщика пришлось 723 акче [16, с. 60–61].

Собиравшиеся с народа деньги шли в султанскую казну, на содержание султанских представителей в Закавказье, на содержание османских гарнизонов, на укрепление и ремонт оборонительных сооружений, строительство крепостей (например, Тебризской крепости в 1725 г.).

Т. Т. Мустафазаде отмечает, что при Сефевидах с населения налоги взимались в больших размерах, чем при османах [17, с. 124]. Но следует помнить, что и уровень экономики в мирное время в Персидской державе был выше, чем в переживших военные действия и междоусобицы азербайджанских провинциях Османской империи. Значительное ухудшение положения крестьян и городских низов, резкое падение их платежеспособности не могли не сказаться на размерах налоговых сборов.

Следует также помнить, что помимо регулярных налогов османские правители систематически собирали чрезвычайные поборы на различные подарки османской аристократии. В начале 1731 г. в Шемахе посланнику султана Мир-Ахундбаши были подарены 8 лошадей с серебряными мундштуками и уздечками, по 8 ружей и сабель, 5000 рублей денег, 8 юношей и 8 девушек [5, л. 6]. Это была благодарность Сурхай-хана за свое утверждение в ханстве. А гянджинский Ибрагим-паша в подарок новому султану Махмуду по случаю его утверждения на престоле преподнес 25 тыс. руб. [5, л. 6 об.].

Настоящей проблемой в период правления османов в Азербайджане стало самоуправство янычар. Правитель Тебриза сетовал в переписке в 1729 г., что в городе уже длительное время находятся купцы с товарами, хотят ехать в Гилян, но боятся, что в пути их разграбят янычары [4, л. 148 об.]. Османские власти пытались бороться с произволом своих военных. От имени шейх-иль-ислама вышло запрещение обращать в рабов мусульман-шиитов, от имени султана – разрешение вернуться в свои села (около 300) жителям, боявшимся расправ за поддержку Сефевидов [26, с. 212].

Но прекратить бесчинства солдат османскому правительству не удавалось. В начале 1729 г. они потребовали разрешения разграбить два местечка близ Тебриза, якобы назидание

проживавшим там бежавшим от турок жителям города. Но получили отказ [1, л. 119]. В начале сентября 1729 г. янычары в ответ на запрет обращать шиитов в рабов подняли бунт в Тебризе, искали повод, чтобы начать грабежи и мародерства. Сераскер Хаджи Мустафа-паша под угрозой смерти дал им на это разрешение. В итоге янычары «ограбили оставших обывателей, жен и детей пленили» [1, л. 119]. Такие случаи фиксировались ежегодно представителями российской дипломатической миссии вплоть до 1735 г., когда османы вынуждены были отказаться от Азербайджана.

Таким образом, мы видим, что в 1724–1735 гг., когда основная часть Северного Азербайджана оказалась в составе Османской империи, правительством последней были проведены мероприятия, направленные на создание системы управления этими территориями, соответствующей имперским интересам. При этом османы не особенно стремились к серьезному слову сефевидских институтов управления, о чем свидетельствует фактическое сохранение существовавшей при них налоговой системы. Сбор налогов с населения в пользу османской казны являлся главной управленческой задачей в рассматриваемый период. Военно-административная система, в свою очередь, была полностью подчинена задаче умиротворения населения и прекращения междоусобиц, что, в свою очередь, гарантировало бесперебойное поступление налогов. В реальности же, османы так и не смогли установить в Азербайджане свои социально-экономические порядки.

Список литературы

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 3.
2. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 4.
3. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 5.
4. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 6.
5. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 12.
6. АВПРИ. Ф. СРТ. Оп. 89/1. Д. 6.
7. АВПРИ. Ф. СРТ. Оп. 89/1. Д. 7.
8. АВПРИ. Ф. СРТ. Оп. 89/1. Д. 15.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис : Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
10. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 6. Ч. 2. Тифлис : Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1875. 954 с.
11. Баркан О. Л. Книга законов Египта. Мысыр кануннамеси. М. : Медина, 2017. 356 с.
12. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб. : Тип. Императорского Академического Училища, 1869. 548 с.
13. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: архивные материалы. М. : Восточная литература, 1958. 86 с.
14. Магарамов Ш. А. Российско-турецкое пограничье в Восточном Закавказье в 20–30-е гг. XVIII в.: проблемы разграничения, реакция пограничных сообществ // Журнал фронтальных исследований. 2022. № 1. С. 94–108. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.371.
15. Мамедов Г. М. Османская налоговая система в Азербайджане в 20–30-е гг. XVIII в. (на материалах эялета Гянджа и санджака Казах). Баку : Элм, 1985. 186 с.
16. Мамедов Г. М., Шенгелия Н. Н. Документы о финансировании османских войск в Азербайджане (1724–1735 гг.) // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1984. № 2. С. 25–32.
17. Мустафазаде Т. Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку : Элм, 1993. 238 с.
18. Орешкова С. Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М. : Наука, 1986. С. 5–18.
19. Папазян А. Д. Турецкие налоговые реестры села Вагаршапат. 1725–1728 гг. // Вестник Матенадарана. 1960. № 5. С. 431–434.
20. Папазян А. Д. Персидские, арабские и турецкие официальные документы Матенадарана XIV–XIX вв. и их значение для изучения социально-экономической жизни стран Ближнего Востока. М. : Наука, 1960. 22 с.
21. Папазян А. Д. Роль армян в производстве шелка в Турции и договор, заключенный в 1729 г. в Тебризе // Вестник Матенадарана. 1969. № 9. С. 250–252.
22. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л. : ЛГУ, 1949. 384 с.
23. Рябцев А. Л. Роль Ирана в Восточной торговле России в XVIII веке. М. : Прометей, МПГУ, 2002. 213 с.

24. Челебизаде А. И. Тарихи Челибизаде. Баку : Элм, 1960. 186 с.
25. Danishmend Izahli Ismail Hani. Osmanli tarihi kronologisi. IV cilt. Istanbul, 1956. 386 p.
26. Hammer J. Histoire de l'Empire Ottoman. T. I–XVIII. Paris, 1835–1836. T. VII. 256 p.

Northern Azerbaijan under the rule of the Ottoman Empire (1723–1735)

Ozdamirova Eliza Musatovna

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Modern and Modern History,
Kadyrov Chechen State University. Russia, Grozny. E-mail: eliza1976@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of a wide range of published and unpublished sources from the archives of the Russian Federation, research by historians, the article attempts to give a detailed picture of the Ottoman administration system in the territory of Northern Azerbaijan (modern Azerbaijan Republic) in 1723–1735. These territories were transferred to the Ottoman Empire from the Persian Safavid empire as a result of the conclusion of the Treaty of Constantinople with the Russian Empire in 1724. It is established that in the years under review, the Ottoman Empire introduced a system of military administrative management in Transcaucasia, preserving as much as possible the territorial division that existed under the Safavids. The Ottomans provided protection to the local Azerbaijani elite, who did not resist them. A certain part of the provincial rulers managed to maintain their power. At the same time, the Ottoman authorities, supporting one or another contender for the administration of the khanate province, clearly followed the tactics of supporting the sovereign rulers most loyal to their government or sided with the strongest in the internecine clashes of the Azerbaijani elites. The Ottoman authorities in the center and in the Northernmost Azerbaijan also constantly ensured that the local rulers did not show pro-Russian intentions and did not get closer to their northern neighbor. The taxation system has not undergone major changes either. The main task that was set for the rulers of the provinces was the regular receipt of taxes to the sultan's treasury, so the Ottomans had to come to terms with the socio-economic system that existed in Azerbaijan. The military-administrative management system established by the Ottomans pursued the same goal. The research was conducted on the basis of the use of general scientific (analysis, synthesis) and special historical scientific methods: comparative historical, ideographic, retrospective and others.

Keywords: the Treaty of Constantinople, the Ottoman Empire, military administration, beylerbeystvo, sanjak, tax system.

References

1. AFPRE (Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire). F. PSA. Inv. 77/1. File 3.
2. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 4.
3. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 5.
4. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 6.
5. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 12.
6. AVPRI. F. SRT. Inv. 89/1. File 6.
7. AVPRI. F. SRT. Inv. 89/1. File 7.
8. AVPRI. F. SRT. Inv. 89/1. File 15.
9. Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Vol. 2. Tiflis : Typ. of the Main directorate of the Governor of the Caucasus, 1868. 1238 p.
10. Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Vol. 6. Part 2. Tiflis : Typ. of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus, 1875. 954 p.
11. Barkan O. L. *Kniga zakonov Egipta. Mysyr kanunnamesi* [The book of laws of Egypt. Mysyr kanunnamesi]. M. Medina, 2017. 356 p.
12. Butkov P. G. *Materialy dlya novej istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 1]. SPb. Typ. of Imperial Academy of Science, 1869. 548 p.
13. Gerber I. G. *Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morya, 1728 g.* [Description of countries and peoples along the western shore of the Caspian Sea, 1728] // *Istoriya, geografija i etnografija Dagestana XVIII–XIX vv.: arhivnye materialy* – History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII–XIX centuries: archival materials. M. Oriental literature, 1958. 86 p.
14. Magaramov Sh. A. *Rossijsko-tureckoe pogranič'e v Vostočnom Zakavkaz'e v 20–30-e gg. XVIII v.: problemy razgranicheniya, reakcija pograničnyh soobščestv* [Russian-Turkish borderland in Eastern Transcaucasia in the 20–30s of the XVIII century: problems of demarcation, reaction of border communities] // *Zhurnal frontirnyh issledovanij* – Journal of Frontier Studies. 2022. No. 1. Pp. 94–108. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.371.
15. Mamedov G. M. *Osmanskaya nalogovaya sistema v Azerbajdzhane v 20–30-e gg. XVIII v. (na materialah eyaleta Gyandzha i sandzhaka Kazah)* [The Ottoman tax system in Azerbaijan in the 20–30s of the XVIII century (based on the materials of eyalet Ganja and Sanjak Kazakh)]. Baku. Elm, 1985. 186 p.

16. Mamedov G. M., Shengeliya N. N. *Dokumenty o finansirovanii osmanskih vojsk v Azerbajdzhane (1724–1735 gg.)* [Documents on the financing of the Ottoman troops in Azerbaijan (1724–1735)] // *Izvestiya AN Azerbajdzhanskoj SSR. Seriya istorii, filosofii i prava* – News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. A series of history, philosophy and law. 1984. No. 2. Pp. 25–32.
17. Mustafazade T. T. *Azerbajdzhan i russko-tureckie otnosheniya v pervoj treti XVIII v.* [Azerbaijan and Russian-Turkish relations in the first third of the XVIII century]. Baku. Elm, 1993. 238 p.
18. Oreshkova S. F. *Gosudarstvennaya vlast' i nekotorye problemy formirovaniya social'noj struktury osmanskogo obshchestva* [State power and some problems of the formation of the social structure of the Ottoman society] // *Osmanskaya imperiya: sistema gosudarstvennogo upravleniya, social'nye i etnoreligioznye problemy* – The Ottoman Empire: the system of public administration, social and ethno-religious problems. M. Nauka, 1986. Pp. 5–18.
19. Papazyan A. D. *Tureckie nalogovye reestry sela Vagarshapat. 1725–1728 gg.* [Turkish tax registers of the village of Vagarshapat. 1725–1728] // *Vestnik Matenadarana* – Herald of the Matenadaran. 1960. No. 5. Pp. 431–434.
20. Papazyan A. D. *Persidskie, arabskie i tureckie oficial'nye dokumenty Matenadarana XIV–XIX vv. i ih znachenie dlya izucheniya social'no-ekonomicheskoy zhizni stran Blizhnego Vostoka* [Persian, Arabic and Turkish official documents of the Matenadaran of the XIV–XIX centuries and their significance for the study of the socio-economic life of the countries of the Middle East]. M. Nauka, 1960. 22 p.
21. Papazyan A. D. *Rol' arмян v proizvodstve shelka v Turcii i dogovor, zaklyuchennyj v 1729 g. v Tebrize* [The role of Armenians in silk production in Turkey and the agreement concluded in 1729 in Tabriz] // *Vestnik Matenadarana* – Herald of the Matenadaran. 1969. No. 9. Pp. 250–252.
22. Petrushevskij I. P. *Ocherki po istorii feodal'nyh otnoshenij v Azerbajdzhane i Armenii v XVI – nachale XIX vv.* [Essays on the history of feudal relations in Azerbaijan and Armenia in the XVI – early XIX centuries]. L. LSU, 1949. 384 p.
23. Ryabcev A. L. *Rol' Irana v Vostochnoj torgovle Rossii v HVIII veke* [The role of Iran in Russia's Eastern trade in the XVIII century]. M. Prometheus, MPSU, 2002. 213 p.
24. Chelebizade A. I. *Tarihi Chelibizade* [Tarikhi Chelibizade]. Baku. Elm, 1960. 186 p.
25. Danishmend Izahli Ismail Hami. *Osmanli tarihi kronologisi*. IV cilt. Istanbul, 1956. 386 p.
26. Hammer J. *Histoire de l'Empire Ottoman*. Vol. I–XVIII. Paris, 1835–1836. Vol. VII. 256 p.

Коммунистический Интернационал в восприятии американских дипломатов, 1919–1944 гг.

Бакшаев Максим Владимирович

кандидат исторических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-6271-1308. ResearcherID: NIK-2285-2022. E-mail: randvmax@gmail.com

Аннотация. На основе документов Государственного департамента США реконструируется позиция его руководителей и дипломатов в отношении Коммунистического Интернационала за весь период времени от его основания до роспуска. Особое место уделяется Компартии США как секции Коминтерна. Деятельность Коминтерна сказалась на внешней политике США и наложила отпечаток на воззрения дипломатов (Ф. Колеман, У. Буллит, Э. Пейдж-мл.) и стратегов-идеологов (Дж. Кеннан, Зб. Бжезинский). Опыт участия американского дипломатического ведомства в 1920-е – первой половине 1940-х гг. в противодействии «мировой компартии» актуален и поныне. В обозначенный период истории в Соединенных Штатах разрабатывались методы нейтрализации политических противников (Компартии США, а после Второй мировой войны – компартий стран Западной Европы и просоветских сил по всему миру), которые и сейчас в модифицированном виде используются Вашингтоном. Цель статьи: проследить изменения позиции дипломатического корпуса США в отношении Коминтерна в 1919–1943 гг. Предметом исследования являются оценки, планы и действия американских дипломатов, использовавшиеся в ходе формирования политики США по отношению к Советской России/СССР до начала и во время Второй мировой войны. Обоснованы выводы: 1) в 1920-е гг. американские дипломаты осознавали неразрывность связей между Советской Россией/СССР и Коминтерном, между Коминтерном и Компартией США, что вело к выработке специфических способов противодействия коммунистам со стороны правительства США, (репрессивных, законодательных, агентурных, информационных и оградительных); 2) деятельность Коминтерна и Компартии США в 1920-е – начале 1930-х гг. осложняла отношения между Москвой и Вашингтоном и побуждала законодателей и дипломатов США противодействовать иностранной подрывной деятельности; 3) во время Второй мировой войны Госдепартамент был обеспокоен самим фактом существования Коминтерна и в феврале 1943 г. выработал позицию, согласно которой важные соглашения с СССР должны были включать положение о прекращении деятельности Коминтерна. Результаты исследования могут быть привлечены для последующих штудий по истории советско-американских отношений, истории международного коммунистического движения.

Ключевые слова: советско-американские отношения, Государственный департамент США, Коммунистический интернационал, Компартия США, закон Вурхиса.

Третий Коммунистический Интернационал, международное объединение коммунистических и рабочих партий, просуществовал всего 24 года, но оставил заметный след в мировой истории. Изначально нацеленный на мировую революцию и формирование международной поддержки Советской России в условиях Гражданской войны и интервенции, Коминтерн корректировал свои цели с учетом менявшейся международной обстановки. Несмотря на роспуск в 1943 г., интерес к его истории не исчезает. Образ Коминтерна используется политическими лидерами, экстраполирующими, идеалистически или демонически, его цели и методы на современность [7, с. 8] или иницилирующими проекты создания международного объединения, подобного Коминтерну, для продвижения собственных геополитических интересов¹ [35, р. 20].

Американские дипломаты сталкивались с деятельностью Коминтерна на всем протяжении 1920-х – начала 1940-х гг. Совместно с сотрудниками ФБР они выработывали правила и методы нейтрализации этой организации, которые пережили Коминтерн, использовались

© Бакшаев Максим Владимирович, 2024

¹ В этом ключе, например, высказывался в 1950 г. выпускник Университета Макгила, впоследствии ставший советником Президента США Дж. Картера по национальной безопасности (1977–1981), Зб. Бжезинский: «Запад имеет в своем распоряжении все средства для создания многонациональной антисоветской версии Коминтерна, и его привлекательность была бы чрезвычайно велика». Французский историк Ж. Вайсс первым среди исследователей обратил внимание на эту примечательную во всех смыслах рекомендацию и прокомментировал ее: «Западу следовало создать своего рода Коминтерн с обратным знаком (inverse Comintern), который обострил бы национальные проблемы и разжег бы внутренние противоречия, способные взорвать советский блок и сам Союз». Обе цитаты взяты из книги Ж. Вайсса.

во время холодной войны и применяются в наши дни. Третий Интернационал они считали внешнеполитическим инструментом Советской России, а входившие в его состав партии расценивались как подрывные организации. После Второй мировой войны Вашингтон стал помогать некоммунистическим партиям Западной Европы и других регионов мира противодействовать влиянию коммунистов. Эффективное масштабирование внешнеполитическими структурами США антикоммунистических мероприятий на страны Западной Европы (со второй половины 1940-х гг.) вряд ли могло бы состояться без опыта противостояния Коминтерна и Компартии США² в 1920-е – начале 1940-х гг.

Список исследований по тематике коминтерноведения весьма обширен. Фундаментальным аспектам истории Коминтерна посвящены исследования Г. М. Адибекова, А. Ю. Ватлина, Э. Н. Шахназаровой, К. К. Ширини, Ф. И. Фирсова, В. Л. Хейфеца и Л. С. Хейфеца [1; 3; 7; 13]. Возникновение Компартии США и ее деятельность в рамках Коминтерна исследуется в работе П. С. Петрова [10]. Современная англоязычная историография взаимоотношений Коминтерна и Компартии США изучена И. А. Суздальцевым [11; 12]. Работы данных авторов не затрагивают фактор Коминтерна в дипломатии США 1920-х – начала 1940-х гг. Откликам американской общественности и дипломатического корпуса США в связи с роспуском Коминтерна в 1943 г. посвящено исследование В. Т. Юнгблуда [15]. Среди зарубежных историков влияние фактора Коминтерна на советско-американские отношения прослежено в работах Х. Клэра, Дж. Зумоффа, И. Исэрмана [27; 28; 36], отчасти – в исследованиях Б. Байерляйна, Ф. Клаудина [2; 18]. Последствия вмешательства Коминтерна в деятельность Компартии США изучены Дж. Барретом [16].

В мировой и отечественной историографии до сих пор комплексно не изучены планы и конкретные акции американских дипломатов в отношении Коминтерна с начала 1920-х до середины 1940-х гг. Данное исследование призвано заполнить эту лауну.

Госдепартамент США и Коминтерн, 1919–1933 гг. Приход партии большевиков к власти в России в 1917 г. был встречен в США с подозрительностью и враждебностью. В США разрабатывались новые формы противодействия коммунистическому и леворадикальному движениям, начал формироваться антикоммунизм, ставший характерным признаком американской политической культуры.

Большевики приступили к созданию интернациональной организации для координации международного революционного движения и преодоления изоляции в неблагоприятных внешнеполитических условиях. Впервые упоминание о запланированном Москвой создании «Рабочего Интернационала» было сделано американским поверенным в делах России Д. К. Пулом-младшим в отправленной из Архангельска телеграмме госсекретарю США Р. Лансину 11 февраля 1919 г. [30, р. 51]. Поверенный понимал, что «диктатура российского пролетариата не может существовать долго без подобной социальной революции за рубежом» [30, р. 52]. Но вести о грядущем появлении Третьего Интернационала не придали особого значения как сам посол, так и Госдепартамент.

В работе состоявшегося 2–6 марта 1919 г. Первого конгресса Коммунистического Интернационала принимали участие представитель левого крыла Социалистической партии Америки (СПА) Б. Рейнштейн (с правом решающего голоса), покинувший США и перебравшийся в Россию еще в июле 1917 г., а также С. Ю. Рутгерс от Лиги социалистической пропаганды Америки с правом совещательного голоса, который был делегирован также от группы голландских социал-демократов. В выступлении на первом заседании Конгресса Рейнштейн утверждал, что в США созрели условия для социалистической революции, что американский пролетариат будет играть решающую роль в борьбе против мирового капитализма в ходе всемирной социалистической революции [9, с. 35]. Не подвергая сомнению влияние, которое Октябрьская революция в России оказала на американский пролетариат, делегат от СПА уверенно говорил об объединении «под нашим знаменем III Коммунистического Интернационала» большинства американских пролетариев [9, с. 35].

Внутри самой Социалистической партии США через несколько месяцев после I конгресса Коминтерна произошел раскол. Левое крыло активно выступало в поддержку Советской

² До 1929 г. Компартия США несколько раз меняла свое название: Коммунистическая рабочая партия Америки (1919–1920) и Коммунистическая партия Америки (1919–1920) при посредничестве Коминтерна сформировали Объединенную Коммунистическую партию Америки (1920–1921), которая легализовалась затем под названием Рабочей партии Америки (1921–1929).

России и требовало присоединения партии к Коминтерну. В ответ на эти призывы 24–30 мая 1919 г. Национальный исполнительный комитет СПА, состоявший из умеренных социалистов, начал исключать партийные организации и федерации, поддерживавшие левое крыло [10, с. 180].

1 сентября 1919 г. Ч. Рутенберг и Л. Фрейна, к которым присоединились левые социалисты и другие радикалы, не допущенные на съезд СПА, создали Коммунистическую партию Америки (КПА). 2 сентября 1919 г. Дж. Рид, Б. Гитлоу и группа сторонников большевиков основали Коммунистическую Рабочую партию (КРПА). Обе партии заявили о верности делу Октябрьской революции и Коминтерну. Разница между КПА и КРПА состояла в этническом составе партий: «КПА состояла преимущественно из иммигрантов, не говорящих по-английски, в основном из Восточной Европы, которые имели многолетний опыт участия в международном социалистическом и рабочем движении, но имели слабые представления об американских реалиях. Меньшая по размеру КРПА была более укорененной, менее теоретически изоцированной, но более созвучной американскому обществу» [36, р. 57].

Существование двух компартий в США стало предметом обсуждения в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). В январе 1920 г. председатель ИККИ Г. Е. Зиновьев направил в Америку курьера, который был арестован при попытке пересечь территорию Латвии. Находившиеся при нем документы были конфискованы. В марте 1920 г. специальный представитель Госдепартамента в Латвии Дж. Гэйд проинформировал госсекретаря, что курьер имел при себе проект соглашения об объединении КПА и КРПА и письмо Зиновьева с рекомендацией партиям срочно начать работу по их объединению и указанием разорвать связи с Соцпартией [31, р. 450]. Американские власти серьезно отнеслись к этой информации: члены КПА и КРПА стали подвергаться преследованию со стороны Федерального бюро расследований (ФБР). Налеты полиции на штаб-квартиры коммунистических и левых организаций, аресты руководителей, депортации коммунистов-эмигрантов в Россию, засылка провокаторов и осведомителей заставили американских коммунистов перейти на нелегальное положение.

Случай с курьером стал поводом для изучения информации о связи Коминтерна с организациями североамериканских коммунистов, а также высылки американских коммунистов – выходцев из России – в Советскую Россию. Госсекретарь У. Колби выразил намерение договориться с Эстонией об обеспечении транзита через ее территорию депортированных американских коммунистов [31, р. 698].

Существование параллельных компартий в США стало для Коминтерна очевидной проблемой. Исполком Коминтерна даже направил письмо в адрес руководителей обеих компартий, в котором грозил не допустить американских делегатов на Третий конгресс, если партии не смогут договориться об объединении [28, р. 19].

Преследования коммунистов в США не привели к прекращению их деятельности. В 1921 г. образовалась Объединенная компартия Америки, легальное крыло которой получило название Рабочей партии Америки. В 1929 г. РПА приняла название Коммунистической партии США. Таким образом, объединение стало итогом не столько договоренностей между КПА и КРПА, сколько усилий Коминтерна, направленных на ускорение процесса слияния партий в единую организацию.

Поскольку Советская Россия контролировала Коминтерн и издавала его директивы, то, по логике американских властей, Компартия Америки, согласившаяся с требованиями «Двадцати одного условия приема в Коммунистический Интернационал» (Второй конгресс, 30 июля 1920 г.), признавала себя подчиненной целям и политике Советской России.

Федеральное правительство отреагировало на это охотой на коммунистов и радикалов во время так называемой «Красной паники». Генеральный прокурор А. Митчелл Палмер возглавил эту кампанию, а Дж. Эдгар Гувер, служивший начальником отдела общей разведки Министерства юстиции США, координировал борьбу с подрывной деятельностью. Гувер считал, что беспорядки были частью скоординированного плана, разработанного в Москве, чтобы разжечь революцию во всем мире [34, р. 13]. В ходе рейдов Палмера в ноябре 1919 г. и январе 1920 г. массово арестовывались социалисты, анархисты и коммунисты, рабочие-активисты, а эмигранты из их числа высылались из страны. «Красная паника» оставила глубокий след в антирадикальном и «антибольшевистском» законодательстве, и было запечатлено в многочисленных законодательных собраниях различных штатов. Если в 1917 г. только в двух штатах действовали законы против «красных», то к концу 1923 г. их число увеличилось до двадцати пяти [29, р. 12].

На протяжении 1920-х гг. Госдепартамент следил за международными связями Коминтерна. В письме госсекретарю США Ч. Э. Хьюзу сотрудник посольства США в Латвии Ф. Колеман подчеркивал роль Коминтерна как инструмента в руках Российской коммунистической партии (большевиков), используемого Советским правительством с целью установления социалистического общества в мировом масштабе [32, р. 784].

Госдепартамент не упускал из виду любые документы и инструкции, фиксирующие деятельность Коминтерна в США. В частности, в пресс-релизе от 19 декабря 1923 г. на основании перехваченного текста инструкций Коминтерна для Рабочей партии Америки утверждалось, что Коминтерн контролирует деятельность Рабочей партии в США. В том же документе говорилось, что Коминтерн являлся органом РКП(б), служащим для международной пропаганды. Советы также контролировались партией коммунистов. Из этого вытекало, что «устойчивость Советской России важна для Коминтерна, а укрепление и развитие Третьего Интернационала имеет большое значение для Республики Советов» [32, pp. 791–792].

В 1920-е гг. среди сотрудников Госдепартамента сложилось устойчивое убеждение, будто Коминтерн имел ярко выраженную антиамериканскую направленность, т. к. уничтожение американского империализма его лидеры считали «необходимой предпосылкой успешного развития международного революционного движения в Новом Свете» [33, р. 356]. Госсекретарь Ф. Б. Келлог в 1927 г. обвинил американских коммунистов в том, что по указанию Москвы они вели антиамериканскую деятельность. Под активной антиамериканской деятельностью глава Госдепартамента подразумевал создание Американской антиимпериалистической лиги, установление связей и ведение переписки руководством Рабочей партии США с рабочими организациями Мексики и стран Латинской Америки. Госдепартамент был серьезно обеспокоен деятельностью Коминтерна в Центральной и Южной Америке, территории которых Вашингтон считал исключительно своей сферой влияния.

В 1920-е гг. руководители государственного департамента США сделали важные выводы: 1) деятельность Коминтерна без должного противодействия приведет к свержению действующих правительств в капиталистических странах; 2) Советская Россия (Советский Союз) и Коминтерн, государство и международное объединение коммунистов, нацеленное на мировую социалистическую революцию, неразрывно связаны и переплетены; 3) через свою национальную секцию – Компартию США – Коминтерн ведет антиамериканскую деятельность внутри страны и стремится координировать ее в латиноамериканских государствах.

Проблема Коминтерна в отношениях США и СССР в предвоенное время. В 1933 г. при обсуждении вопроса о дипломатическом признании СССР заведующий восточноевропейским отделом Госдепартамента Р. Келли отмечал, что основными препятствиями для установления официальных межгосударственных отношений являются провозглашенная Москвой цель международной революции и направленная на ее осуществление практика Коминтерна. Существенными предпосылками для гармоничных и доверительных двусторонних отношений Келли считал отказ от курса на международную революцию и прекращение деятельности, направленной на достижение этой цели. Применительно к США это включало «отказ Москвы от руководства, надзора, контроля, финансирования и т. д. через всякое учреждение, используемые для этой цели, деятельности коммунистов и других связанных с ними организаций в Соединенных Штатах» [22, р. 7]. И хотя до момента официального признания СССР этот вопрос не поднимался (американцев больше волновал вопрос о выплате Советским Союзом долгов царской России и Временного правительства), выдвинутые Келли условия вряд ли могли быть приняты Москвой.

16 ноября 1933 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов проинформировал президента США Ф. Д. Рузвельта о том, что СССР будет сдерживать все подконтрольные организации от явных или тайных действий, которые могут нанести ущерб безопасности США или призывать к насильственному изменению политического порядка; не будет создавать, поддерживать и финансировать организации или группы, ведущие вооруженную борьбу против США; не станет допускать создания или расположения на территории СССР групп или организаций, готовящих насильственное изменение политического или социального порядка в Соединенных Штатах [22, pp. 28–29]. Примечательно, что Литвинов при этом ни разу не упомянул Коммунистический Интернационал.

Американские дипломаты воспринимали заверения Литвинова как уловку. Посол США в СССР У. Буллит регулярно сообщал в Госдепартамент о нарушениях обязательств со стороны Советского Союза. В письме госсекретарю К. Халлу (август 1934 г.) в качестве доказатель-

ства такого нарушения он указывал на участие представителей Компартии США Э. Браудера и У. Вайнстона в Пленуме ИККИ в Москве в декабре 1933 г. и получение в его ходе «инструкций для деятельности в Соединенных Штатах». Буллит информировал Вашингтон о работе VII конгресса Коминтерна (25 июля – 20 августа 1935 г.), по окончании которого он писал в Госдепартамент, что, несмотря на нарушения данных Литвиновым обещаний (на конгрессе присутствовали делегаты от Компартии США), разрывать дипломатические отношения с СССР нецелесообразно. Он отмечал, что если отношения будут разорваны, то восстановить их будет чрезвычайно трудно, и с учетом высокой вероятности начала войны в течение ближайшего десятилетия он рекомендовал «сохранить официальное представительство Соединенных Штатов в Москве» [22, р. 245]. В качестве ответа Буллит предлагал ограничить выдачу виз советским гражданам, членам Компартии США, сотрудникам Коминтерна и Красного интернационала профсоюзов.

25 августа 1935 г. Буллит выразил протест по поводу обсуждения на VII конгрессе Коминтерна деятельности компартии США. Посол выражал крайнее возмущение по поводу «формулирования Конгрессом [Коминтерна] политики, которую должна проводить <...> компартия», что являлось, по его мнению, вмешательством во внутренние дела США. От имени правительства он заявил, что необходимым условием поддержания нормальных и дружественных отношений между Вашингтоном и Москвой является «неукоснительное выполнение обещания невмешательства» в дела друг друга [22, р. 251].

Ответ СССР был подготовлен 27 августа заместителем наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинским, который отклонил протест в связи с тем, что в нем отсутствовали факты, которые можно было бы рассматривать как нарушение Советским правительством своих обязательств, тем более что «правительство Союза Советских Социалистических Республик не <...> принимало на себя никаких обязательств в отношении Коммунистического Интернационала» [22, р. 252]. Через четыре дня после ответа Крестинского вышло заявление Госсекретаря США Халла с требованием прекратить вмешательство во внутренние дела США, иначе «дружественные и официальные отношения» между двумя странами могут серьезно пострадать [22, р. 259].

9 ноября 1935 г. Келли, Буллит и Литвинов встретились в Москве для того, чтобы обсудить эту проблему. Слова наркома о том, что он не несет ответственность за деятельность Коминтерна, а также, что Советское правительство не будет ограничивать деятельность Коминтерна или американских коммунистов в Соединенных Штатах, возмутили американских дипломатов. В ответ было заявлено, что «Соединенные Штаты желали дружеских отношений с Советским Союзом», но теперь стало ясно, «что деятельность Коммунистического Интернационала, которую направляет Сталин, несовместима с ними» [22, р. 259]. Примечательно, что Буллит, который писал об этой встрече госсекретарю, додумывал за советского наркома ответы: «[Литвинов] не добавил вслух, но подразумевал, что <...> действительно дружеские отношения с Соединенными Штатами имели малое значение для Советского Союза» [22, р. 252].

Позиция Госдепартамента США относительно деятельности «мирового коммунизма» во время Второй мировой войны (1940–1943 гг.). К началу Второй мировой войны американо-советские отношения переживали самый острый с момента установления дипломатических отношений кризис. Американские дипломаты пытались разобраться в истоках возникшей ситуации. Сотрудник Отдела по европейским делам Э. Пейдж-мл. подготовил в октябре 1940 г. аналитическую записку под названием «Некоторые аспекты советской этики в международных отношениях». Для Пейджа вопрос о нарушении письменных обязательств, данных Литвиновым Рузвельту, представлялся первостепенным. Ухудшение отношений между СССР и США, по его мнению, было прямым следствием отказа Советского правительства взять на себя ответственность за деятельность Коминтерна [23, р. 226].

Пейдж не ограничивал претензии к СССР только Коминтерном и напоминал, что Москва не информировала посольство об арестах американских граждан на территории СССР, медлила с ответом на запросы консульства о возможности посещения находившихся под стражей в СССР американских граждан, отказалась выплачивать дореволюционные долги России, а также возместить ущерб, нанесенный американским собственникам в ходе национализации или конфискации, прошедшей после присоединения к СССР территорий Восточной Польши, Финляндии, Румынии, Латвии, Литвы и Эстонии. В заключении делался вывод: «В свете событий, описанных выше, становится очевидным, что Кремль, не колеблясь, нарушает свои письменные обязательства и подчиняет своих более слабых соседей. Очевидно, что никакие

действия или политика не должны основываться на вере Кремлю на слово, даже если оно кажется заслуживающим доверия» [23, pp. 229–230].

Поскольку дипломатические переговоры не дали результата, после начала Второй мировой войны проблема законодательного ограничения вмешательства иностранных организаций во внутренние дела США решалась Конгрессом. В июне 1940 г. был принят «Акт о регистрации иностранцев» (закон Смита), установивший уголовное наказание за участие в деятельности организации, призывающей к насильственному свержению правительства. В соответствии с этим законом всякий иностранец, находящийся на территории Соединенных Штатов и не имеющий гражданства, должен был пройти процедуру регистрации. 17 октября 1940 г. был принят «Акт о регистрации находящихся под контролем иностранных государств организаций, осуществляющих политическую деятельность в США» (закон Вурхиса), который требовал от организаций, ставящих целью свержение правительства США или использование насильственных методов для осуществления над ним контроля и находящихся под контролем иностранных государств, зарегистрироваться в Министерстве юстиции и предоставлять подробную информацию об участниках, спонсорах и деятельности организации [5, с. 180; 28, p. 7].

Хотя изначально эти законы были приняты для борьбы с агентурой фашистских стран, Коминтерн воспринял их как угрозу для существования Компартии США. Поэтому 18 ноября 1940 г. внеочередной съезд партии принял предложение Генерального секретаря ЦК КП США Э. Браудера о выходе из Коминтерна, а также прекращении деятельности «во всех других организациях, существующих за пределами Соединенных Штатов Америки», чтобы не попасть под действие закона Вурхиса, вступавшего в силу с 1 января 1941 г. и преследовавшего цель лишить Компартию США легального статуса [2, с. 422].

Выход Компартии США из состава Коминтерна осуществлялся с предварительного одобрения его руководства. Согласно воспоминаниям председателя ИККИ Г. Димитрова, 16 ноября 1940 г., за два дня до принятия решения о выходе КП США из Коминтерна, на встрече с П. Тольятти (Эрколи), А. Марти и К. Готвальдом он заявил: «Если необходимо принять резолюцию о принадлежности организации (к Коминтерну), то эта резолюция должна подчеркнуть верность партии марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму в то время, когда в интересах сохранения своих законных возможностей легальной работы партия вынуждена временно прекратить свои формальные связи с Коминтерном» [20, p. 135].

21 ноября 1940 г. Президиум ИККИ принял резолюцию, написанную Димитровым, в которой подчеркивалась политическая правильность и целесообразность принятого внеочередным съездом КП США решения, но, вместе с тем отмечался его преходящий (временный) характер [2, с. 51]. В новый устав Компартии США были внесены положения, объявлявшие о поддержке партией демократических завоеваний американского народа, продолжении традиции Т. Джефферсона, Т. Пейна, Э. Джексона и А. Линкольна, принятии положений Конституции и Декларации независимости, а также о борьбе за непосредственные интересы всех трудящихся против капитализма и подготовке рабочего класса к выполнению его исторической миссии. После этих формулировок в Уставе провозглашалось намерение «бороться против всяких попыток навязать нашему народу произвол какой-либо эгоистичной группы меньшинства, партии, клики или заговора, исходящего извне или изнутри» [19, p. 1088].

Посол США в СССР Л. Штейнгардт в отправленной телеграмме в Госдепартамент 6 января 1941 г. выразил недоверие объявленному прекращению организационных связей КП США с Коминтерном: «Ввиду того факта, что контроль, осуществляемый Коминтерном над его партиями-членами в других странах, не осуществляется через публичные каналы, этот очевидный разрыв организационных связей не имеет смысла, особенно с учетом резолюции внеочередного съезда, согласно которой Компартия США продолжит служить делу Ленина и Сталина» [24, p. 596]. Известный специалист по истории Коминтерна Ф. И. Фирсов заметил, что «формально независимая Компартия США продолжала нелегально получать деньги из Москвы, инструкции по работе, хотя их тон стал несколько другим. Указания выглядели как просьбы и предложения» [14, с. 103].

Ситуация с выходом Компартии США стала поводом для постановки вопроса о судьбе Коминтерна и корректировке стратегии международного коммунистического движения (МКД) в изменившихся условиях. 20 апреля 1941 г. на фуршете для членов Политбюро, проходившем после концерта в Большом театре, Сталин, намекая на случай с выходом КП США, фактически предложил роспуск Коминтерна. Суть предложения Сталина заключалась в том, чтобы: 1) предоставить компартиям право на самостоятельное решение ими конкретных за-

дач без приказов из Москвы; 2) восстановить международную организацию после укрепления партий в ходе самостоятельной деятельности без внешних директив. Коминтерн, развивал свою мысль Сталин, создавался в ожидании международной революции, но в 1940-е гг. на первый план стали выходить национальные задачи для каждой страны. Он подчеркивал, что положение компартий как секций международной организации, подчиненной ИККИ, стало помехой для деятельности самих компартий в своих странах. Согласно воспоминаниям Г. Димитрова, Сталин заявил: «Не держитесь за то, что было вчера. Учитывайте <...> новые условия <...> Принадлежность компартий к Коминтерну в настоящих условиях облегчает преследования буржуазии против них <...>, а компартиям мешает самостоятельно развиваться и решать свои задачи как национальным партиям...» [2, с. 423].

На следующий день Димитров провел беседу с П. Тольятти и М. Торезом и поставил перед ними вопросы о 1) прекращении деятельности ИККИ как руководящей инстанции для компартий на ближайший период; 2) предоставлении полной самостоятельности отдельным компартиям, превращении их в национальные партии, руководствующиеся коммунистической программой, но разрешающие собственные конкретные задачи сообразно условиям своих стран и несущие ответственность за принятые решения и осуществляемые действия; 3) создании вместо ИККИ «органа информации и идеологической и политической помощи компартиям» [20, р. 156]. Таким образом, был поставлен вопрос о дальнейшем существовании Коминтерна и стратегии МКД в условиях Второй мировой войны.

Ряд исследователей (Б. Байерляйн, Ф. Фирсов, Н. Лебедева, М. Наринский) обосновывают вывод о том, что Сталин решил распустить Коминтерн в первую очередь потому, что тот был помехой «для сохранения дружеских отношений СССР с гитлеровской Германией» [2, с. 560; 14, с. 440], т. е. руководствовался больше геополитическими, чем организационно-идеологическими причинами. Тем не менее к середине мая 1941 г. обсуждение вопроса о Коминтерне, поднятого Сталиным, прекратилось «по неустановленным причинам» [14, с. 183].

22 июня 1941 г., после нападения Германии на СССР, Сталин дал Димитрову указания касательно работы Коминтерна в условиях войны: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. – Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистических революциях. Сов[етский] народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы» [4, с. 33]. Следовательно, Коминтерн должен был координировать усилия компартий по защите Советского Союза и разгрому фашизма, а также ориентировать их на участие в сопротивлении фашизму в оккупированных странах, а в дальнейшем – на поддержку военных действий государств складывавшейся антигитлеровской коалиции.

Для выполнения указаний Сталина была перестроена работа аппарата ИККИ, «создана тройка в лице Димитрова, Мануильского и Эрколи для непосредственного руководства всей работой ИККИ», «установлен теснейший контакт» ИККИ с Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) [13, с. 602].

Вопрос о роспуске Коминтерна отошел на второй план, но Интернационал продолжал существовать, и американские дипломаты продолжали выражать обеспокоенность этим фактом. Начальник отдела по европейским делам Л. Хендерсон писал в Госдепартамент 9 апреля 1942 г.: «Хотя о Коммунистическом Интернационале в настоящее время мало что слышно, у нас нет информации, которая заставила бы нас поверить, что его руководящие органы прекратили работать в Советском Союзе. КП США в качестве секции Коминтерна поддерживает военные усилия в той мере, в которой такие усилия могут быть полезны Советскому Союзу. Однако она не прекратила работать для возможного насильственного свержения [американского] правительства и установления коммунистической диктатуры» [25, pp. 436–437]. Письмо заканчивалось предложениями по мерам предосторожности, чтобы не допустить тайных агентов Коминтерна в США.

В следующий раз американские дипломаты вернулись к теме Коминтерна в феврале 1943 г., когда Э. Дарброу из Госдепартамента и бывший посол в СССР Дж. Дэвис рассматривали возможность убедить руководство СССР в целесообразности роспуска Коминтерна и его организаций за рубежом. Дарброу при этом отмечал, что «любое базовое соглашение с Советским Союзом должно включать конкретное понимание необходимости прекращения деятельности Коминтерна» [26, р. 503].

Непосредственным поводом к принятию решения о роспуске Коминтерна, по мнению Ф. И. Фирсова, стало известие о предстоящем визите в Москву Дж. Дэвиса. Народный комиссар

иностранных дел СССР В. М. Молотов узнал об этом в середине апреля 1943 г. Советской разведке было известно, что среди прочих Дэвис должен был задать руководству СССР вопрос: «Почему Вы не освободитесь от Коминтерна и не покажете всему миру, что Вы более не используете его для содействия мировой революции, даже в отношении стран, известных как союзные или дружественные?» [13, с. 639]. К подобной версии склоняется и испанский историк Ф. Клаудин, отметивший, что «Коминтерн был распущен <...> по приказу Сталина, чтобы облегчить переговоры с Рузвельтом и Черчиллем, целью которых было не только обеспечить поражение Германии, но и создать условия для разделения мира между “Большой тройкой”» [18, р. 18].

8 мая Молотов встретился с Г. Димитровым и Д. Мануильским. Итогом встречи стало решение о подготовке документа о роспуске Коминтерна. Участники встречи обосновывали причину ликвидации Коминтерна тем, что «при создавшихся условиях» эта организация стала «помехой самостоятельного развития компартий и выполнения их особых задач» [13, с. 639]. 11 мая был составлен проект постановления Президиума ИККИ, который был вынесен на обсуждение. Никто из членов исполкома не оспаривал необходимость роспуска, но у некоторых участников обсуждения 14–17 мая все-таки возникали сомнения. Например, В. Пик считал, что не все партии созрели до такой стадии, когда они могут самостоятельно решать свои задачи без помощи со стороны более опытных «советских друзей» (в частности, германская компартия, по мнению Пика, относилась к числу недостаточно политически зрелых организаций). В противоположность ему В. Коларов заявил, что в условиях существования СССР компартии не останутся без руководства и поддержки [8, с. 355]. Таким образом, централизованное руководство компартиями должно было принять скрытые формы, но не отменялось совсем [6, с. 447].

В ночь с 19 на 20 мая текст постановления Президиума Исполкома Коминтерна был окончательно согласован на совещании у Сталина и направлен национальным компартиям. Официально оно было опубликовано 22 мая в журнале «Коммунистический Интернационал» и газете «Правда». 8 июня Президиум ИККИ постановил прекратить деятельность органов Коминтерна с 10 июня 1943 г.

Постановление Президиума ИККИ означало, что национальные секции Коминтерна были преобразованы в самостоятельные компартии, освобожденные от своих обязательств, вытекающих из уставов и резолюций съездов организации. Не предусматривалось никакой другой формы международных связей между компартиями и не было ни малейшего намека на возможность их установления в будущем. Из секций единой мировой коммунистической организации, руководимой Исполкомом Коминтерна, компартии превратились в национальные партии, которые при решении всех вопросов могли исходить из конкретных условий и особенностей каждой страны. С объявлением роспуска Коминтерна обвинение компартий в том, что они являются агентами иностранного государства, переставало быть «козырем в руках» противников коммунистического движения и помогало партиям укрепить свое влияние среди населения [13, с. 642].

Посол США в Москве У. Стэндли отправил в Госдепартамент телеграммы, которые содержали перевод постановления ИККИ от 23 мая 1943 г. и текст интервью Сталина, где говорилось о своевременности роспуска международной коммунистической организации в то время как «свободолюбивые народы мира» сражаются против гитлеризма [26, р. 537]. Однако посол США в Великобритании Дж. Вайнант, отмечая роспуск Коминтерна как позитивный факт, писал, что нет никакой гарантии, что он «не будет восстановлен <...> в будущем, если это будет соответствовать российским целям. Ликвидация этой широко ненавистой и зловещей организации должна быть истолкована как признак реального желания со стороны Сталина и его правительства сотрудничать с дружественными странами в деле восстановления Европы. <...> Жест Москвы имеет реальное значение как символ стремления России публично отказаться от всяких подрывных целей в послевоенную эпоху» [26, р. 532]. Посол считал, что роспуск Интернационала является признаком уверенности Москвы в собственных силах.

Позиция Сталина по данному вопросу была связана с обеспечением более благоприятных условий для сотрудничества с западными союзниками, поэтому формальная ликвидация Коминтерна способствовала устранению разногласий в отношениях между союзниками. Новость о роспуске Коминтерна была положительно воспринята Дж. Дэвисом, который в беседе с К. Ворошиловым назвал это решение «очень своевременным» [15, с. 20].

Европейские компартии после роспуска Коминтерна: взгляд из Вашингтона. Вскоре после нападения нацистской Германии на Советский Союз генерал У. Донован, директор

созданного в июле 1941 г. Управления координатора по вопросам информации (Office of the Coordinator of Information), более известного под более поздним названием – Управление стратегических служб (OSS, УСС), – связался с Ю. Деннисом, членом Национального комитета Компартии США. Donovanу нужны были новобранцы для новой американской разведывательной службы, которые бы свободно владели иностранными языками, были бы знакомы с партизанской войной и могли бы эффективно работать с иностранными движениями сопротивления, многие из которых возглавлялись коммунистами. Немногие американцы в 1941 г. соответствовали этому описанию, поэтому Donovan сразу обратился к наиболее подходящему источнику. Партия скрыто сделала все возможное, чтобы помочь Donovanу, подготовив досье на вероятных новобранцев среди своих членов и передав их в УСС [27, p. 183].

Donovan действовал с большой осторожностью в своих контактах с компартией. Директор ФБР Дж. Эдгар Гувер, рассматривавший УСС как группу высокомерных любителей, вторгшихся на его собственную территорию, не считал, что американо-советское сотрудничество должно стать поводом для прекращения борьбы с радикалами. Агенты ФБР продолжали преследовать новобранцев УСС с левыми взглядами.

Развитие американо-советского сотрудничества приводило Генерального секретаря ЦК Компартии США Э. Браудера к мысли, что организация должна снять вопрос о революции и социализме с повестки дня, чтобы не ослабить «национальное единство», достигнутое в ходе войны [17, p. 8]. Поэтому Браудер предложил распустить партию в интересах «национального единства». В ближайшее время, считал он, американские коммунисты не будут бороться за свои собственные цели, а станут выражать местные и региональные интересы, поддерживая на выборах кандидатов от Демократической партии и прогрессистских сил. По его мнению, преобразование партии в «Коммунистическую политическую ассоциацию» облегчило бы сотрудничество с теми силами, которые участвуют в политической жизни через двухпартийную систему. 20–22 мая 1944 г., почти через год после решения о прекращении деятельности Коминтерна, Компартия США приняла решение о преобразовании в Коммунистическую политическую ассоциацию.

Однако среди некоторых компартий подобный ход трактовался как «ликвидация партии рабочего класса» и ревизионизм, выразившийся в выдвигании Браудером «концепции долгосрочного классового мира». Именно такая позиция была высказана заместителем Генерального секретаря Французской компартии Ж. Дюкло в статье «О роспуске Американской компартии». В статье говорилось: «<...> превращая Тегеранскую декларацию союзных правительств, которая является документом дипломатического характера, в политическую платформу классового мира в Соединенных Штатах в послевоенный период, американские коммунисты радикальным образом искажают смысл Тегеранской декларации» [27, p. 218]. Дюкло обвинил Браудера в том, что тот отказался от марксистской линии, принял позицию классового сотрудничества и рассматривал ситуацию в Соединенных Штатах в ложном свете, выпуская из поля зрения вопрос о «завоевании власти».

Ситуацию усугубляло то, что Дж. Берти, один из итальянских коммунистов, прошедших годы войны в эмиграции в США, опубликовал в издававшейся им (на итальянском и английском языке) газете под названием «Италия сегодня» статью Дюкло. Берти посчитал, что эта публикация послужит подходящим поводом для заявления о самостоятельности итальянских коммунистов-эмигрантов. Выпуск газеты от 23 мая 1944 г., в котором была опубликована статья Ж. Дюкло, был впервые издан от имени «делегации Итальянской коммунистической партии в Северной Америке», тогда как прежде подобных примечаний в ней не появлялось. ИКП пользовалась большим авторитетом среди американских коммунистов, некоторые из которых работали с деятелями ИКП во время Гражданской войны в Испании. Этот шаг Берти поставил Браудера в неудобное положение: он предполагал, что многие американские коммунисты могли истолковать публикацию этой статьи как свидетельство одобрения итальянскими коммунистами критики Дюкло, что еще больше подрывало и без того шаткую позицию Браудера.

В Госдепартаменте следили за ситуацией вокруг разногласий между Дюкло и Браудером. Специальный помощник начальника Отдела по европейским делам Р. Мерфи сообщил помощнику Госсекретаря У. Филлипсу и начальнику Отдела по европейским делам Х. Ф. Мэтьюзу о том, что критика линии Браудера со стороны Дюкло вместе с возобновлением западноевропейскими компартиями критики капиталистических порядков вполне может предшествовать воссозданию Коминтерна, который будет подчинен Москве и станет инструментом для дискредитации политики Вашингтона, если она не будет совпадать с политикой Москвы. Мерфи резю-

мировал: «Чтобы твердо и решительно разобраться с ситуацией и тем самым использовать наилучшим образом отношения с Советским Союзом, правительство должно рассматривать американское коммунистическое движение как потенциальную пятую колонну. Такие действия будут иметь положительный эффект в других зарубежных странах, если они продемонстрируют, что данная страна может поддерживать правильные и сердечные отношения с Советским Союзом и одновременно привлекать своих граждан к строгой ответственности за действия в качестве агентов Советского Союза» [21, р. 588].

В дальнейшем политическая терпимость, которой коммунисты пользовались во время войны, быстро сошла на нет. Слушания в Комитете по военным делам Палаты представителей весной 1945 г., посвященные предполагаемому «проникновению» коммунистов в офицерский корпус армии, были одним из первых предвестников перемен. Другим было «дело Аме-разии» летом 1945 г., когда журналистская утечка в независимый левый журнал была превращена Министерством юстиции и газетами в шпионский скандал. Впервые публично был поднят вопрос о проникновении коммунистов в Госдепартамент, и возобновилась идентификация коммунистов с советскими шпионами, чего во время войны фактически не было. Укоренению этой перцепции в сознании американцев способствовали показания высокопоставленных ренегатов-коммунистов. Например, редактор восстановленной в июне 1945 г. газеты Компартии США «Daily Worker» Л. Буденц сообщил членам Комитета по расследованию антиамериканской деятельности Палаты Представителей Конгресса США, что «Коммунистическая партия в Соединенных Штатах является прямым подразделением НКВД СССР», и что каждый американский коммунист «занимается потенциальным шпионажем против Соединенных Штатов» [27, р. 239]. Подобные скандальные заявления усугубляли положение Компартии США, которую вместо Браудера возглавили У. Фостер и Ю. Деннис.

С роспуском Коминтерна контроль за компартиями со стороны СССР не был ликвидирован. 13 июня 1943 г. был образован Отдел международной информации ЦК ВКП(б), в который была переведена значительная часть аппарата бывшего руководителя Коминтерна Г. Димитрова, возглавившего этот отдел с декабря 1943 г. В изменившихся условиях Отдел осуществлял связь с зарубежными компартиями, оказывал им помощь, в том числе финансовую. Указания, которые раньше давал компартиям Коминтерн, теперь приняли форму «товарищеских советов» и рекомендаций, не носивших обязательного характера, но, тем не менее, дисциплинированно выполнявшихся, поскольку за этими советами «стояли авторитет Советской страны, власть Сталина» [13, с. 645]. Имущество Коминтерна и некоторых его учреждений (в частности, Службы связи [до 1935 г. – Отдел международных связей], партийной школы для иностранных кадров, библиотеки, издательства литературы на иностранных языках, архива) перешло в ведение советских ведомств. Сохранены были и одиннадцать заграничных бюро по связям с партиями, которые работали на нелегальном положении в условиях войны.

Заключение. Первичное восприятие международного коммунистического движения в США складывалось в 1920-х – 1930-х гг. при столкновении с практической деятельностью Коминтерна. Американскими дипломатами осознавалась неразрывная связь между Советской Россией/СССР (государством) и Коминтерном (международной компартией, нацеленной на мировую социалистическую революцию). Способы противодействия коммунистам в США со стороны правительства были репрессивными (аресты руководителей, рейды ФБР на штаб-квартиры партии), законодательными (принятие законов против «красных»), агентурными (засылка провокаторов и осведомителей), информационными (отслеживание и обнародование документов, фиксировавших подрывную деятельность Коминтерна в США), оградительными (депортации коммунистов – эмигрантов из России – в РСФСР).

Для американских дипломатов подрывная практика Коминтерна стала препятствием для установления дружественных отношений между Москвой и Вашингтоном. Заявление наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова в письме президенту США Ф. Д. Рузвельту с декларацией о невмешательстве во внутренние дела США со стороны СССР рассматривалось американской стороной как обязательство. Письмо Литвинова не убедило американских дипломатов, впоследствии тщательно отслеживавших нарушение обязательств со стороны СССР. Из-за связей американских коммунистов с Коминтерном посол У. Буллит многократно выражал протесты по поводу вмешательства СССР во внутренние дела США. Неудачные попытки повлиять на Советское правительство в этом вопросе осложняли межгосударственные отношения и побуждали американских законодателей и дипломатов продумать новые методы противодействия.

Принятие закона Вурхиса в октябре 1940 г. было воспринято как угроза существованию Компартии США. Для обхода этого акта было принято решение о формальном выходе из Коминтерна. Американские коммунисты продолжали получать инструкции по работе и финансирование из Москвы через нелегальные каналы. Американские дипломаты не доверяли объявленному прекращению организационных связей Компартии США с Коминтерном.

В годы Второй мировой войны Коминтерн сосредоточился на координации усилий компартий по защите СССР, борьбе с фашизмом, участию в Движении сопротивления в оккупированных нацистской Германией странах и поддержке антигитлеровской коалиции. Компартия США под руководством Э. Браудера, вдохновленного самим фактом сотрудничества США, Великобритании и СССР, поддержала англо-советско-американский союз и выступила в поддержку правительственного курса на укрепление «национального единства», предполагая, что союз США и СССР сохранится после окончания войны.

Однако позиция Госдепартамента относительно Коминтерна не претерпела изменений и во время войны. В феврале 1943 г. была выработана позиция, согласно которой всякое основополагающее соглашение с СССР должно было заключаться только при условии прекращения деятельности Коминтерна. В условиях, когда Соединенные Штаты считались союзной, дружественной Советскому Союзу державой, вопрос о сохранении Коминтерна не был для Сталина принципиально важным. Ликвидация Коминтерна устраняла давнее разногласие и была положительно воспринята в Госдепартаменте. Однако уже на момент окончания войны и в первые послевоенные месяцы американские дипломаты (в частности, Р. Мерфи, У. Б. Смит) прогнозировали восстановление Коминтерна в обозримом будущем.

В течение нескольких десятилетий американские органы власти совершенствовали инструментарий борьбы против коммунизма – от слежки, арестов и высылки – до принятия законов об «иностранных агентах». После окончания Второй мировой войны зона борьбы с «мировым коммунизмом» помимо собственной территории США стала включать жизненно важные страны мира, в которых действовали сильные компартии – и прежде всего в крупнейших западноевропейских странах, где коммунисты играли весомую роль в Движении сопротивления фашизму.

Список литературы

1. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М. : РОССПЭН, 1997. 280 с.
2. Байерляйн Б. «Предатель – ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил / пер. с нем. К. А. Левинсона. М. : РОССПЭН, 2011. 679 с.
3. Ватлин А. Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М. : РОССПЭН, 2009. 374 с.
4. Димитров Г. Дневник Георгия Димитрова (1941–1945) / отв. сост. Т. Г. Заверская. М. : Кучково поле, 2020. 640 с.
5. История Коммунистического Интернационала 1919–1943 : документальные очерки / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории. М. : Наука, 2002. 412 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.
7. Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы / отв. ред. В. Л. Хейфец. М. : Весь Мир, 2021. 968 с.
8. Коминтерн и Вторая мировая война : в 2 ч. Ч. II. После 22 июня 1941 г. / Ин-т всеобщей истории РАН, Гос. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории; сост., авт. вступит. статьи и коммент. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский, отв. ред. К. М. Андерсон, А. О. Чубарьян. М. : Памятники ист. мысли, 1997. 596 с.
9. Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала / под ред. Е. Короткого, Б. Куна и О. Пятницкого. М. : Партийное издательство, 1933. 275 с.
10. Петров П. С. Возникновение Компартии США и ее борьба за легализацию. М. : Мысль, 1971. 281 с.
11. Суздальцев И. А. Об особенностях англоязычной историографии Коминтерна // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 2 (30). С. 86–94.
12. Суздальцев И. А. Политика Коминтерна в отношении КП США в работах современных англоязычных историков // Клио. 2022. № 11 (191). С. 33–38.
13. Фирсов Ф. И. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. : АИРО-XXI, 2020. 672 с.
14. Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 528 с.

15. Юнгблюд В. Т. Роспуск Коминтерна в мае 1943 г.: отклики и анализ в США // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 18–33.
16. Barrett J. R. What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern // American Communist History. 2018. Vol. 17. No. 2. Pp. 176–184.
17. Browder E. Teheran-History's Greatest Turning Point // Communist. Vol. XXIII. January 1944. P. 8.
18. Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform. Part One. The Crisis of the Communist International. N. Y. : Penguin, 1975. 307 p.
19. Constitution of the Communist Party, U.S.A. // The Communist. December 1940. P. 1088.
20. Dimitrov G. The diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / introduced and edited by I. Banac. New Haven & London, Yale UP, 2003. 584 p.
21. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. I. Washington : USGPO, 1960. 1054 p.
22. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1933–1939. The Soviet Union. Washington : USGPO, 1952. 1014 p.
23. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1940. The British Commonwealth, The Soviet Union, The Near East and Africa. Vol. III. Washington : USGPO, 1958. 1010 p.
24. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1941. General, The Soviet Union. Vol. I. Washington : USGPO, 1959. 1024 p.
25. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1942. Europe. Vol. III. Washington : USGPO, 1961. 845 p.
26. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. III. Washington : USGPO, 1963. 1125 p.
27. Isserman M. Which Side Were You On? The American Communist Party During the Second World War. Middletown, Connecticut : Wesleyan UP, 1982. 306 p.
28. Klehr H., Haynes J. E., Anderson K. M. The Soviet World of American Communism / H. Klehr, J. E. Haynes, K. M. Anderson. New Haven, London : Yale UP, 1998. 380 p.
29. Margiocco M. Stati Uniti e PCI: 1943–1980. Roma : Editori Laterza, 1981. 332 p.
30. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia. Washington : USGPO, 1937. 791 p.
31. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920. Vol. III. Washington : USGPO, 1936. 809 p.
32. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1923. Vol. II. Washington : USGPO, 1938. 1260 p.
33. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1927. Vol. I. Washington : USGPO, 1942. 565 p.
34. Selverstone M. J. Constructing the Monolith: the United States, Great Britain, and International Communism, 1945–1950. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2009. 304 p.
35. Vaisse J. Zbigniew Brzezinski: America's Grand Strategist / Translated by C. Porter. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2018. 450 p.
36. Zumoff J. A. The Communist Party of the United States and the Communist International, 1919–1929. A Thesis Presented in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy in History University College, London. L., 2003. 380 p.

The Communist International in the perception of American diplomats, 1919–1944

Bakshaev Maxim Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6271-1308. ResearcherID: HIK-2285-2022. E-mail: randvmax@gmail.com

Abstract. Based on the documents of the US State Department, the position of its leaders and diplomats in relation to the Communist International for the entire period of time from its foundation to its dissolution is reconstructed. A special place is given to the Communist Party of the USA as a section of the Comintern. The activities of the Comintern affected US foreign policy and left an imprint on the views of diplomats (F. Coleman, W. Bullitt, E. Page, Jr.) and strategic ideologists (J. Kennan, Zb. Brzezinski). The experience of the participation of the American diplomatic department in the 1920s – the first half of the 1940s. It is still relevant in countering the "world Communist Party". During this period of history, the United States developed methods to neutralize political opponents (the US Communist Party, and after World War II – the Communist parties of Western Europe and pro-Soviet forces around the world), which are still being used in a modified form by Washington. The purpose of the article is to trace the changes in the position of the US diplomatic corps in relation to the Comintern.

tern in 1919–1943. The subject of the study is the assessments, plans and actions of American diplomats used during the formation of U.S. policy towards Soviet Russia/USSR before and during World War II. The conclusions are substantiated: 1) in the 1920s, American diplomats realized the inextricability of ties between Soviet Russia/The USSR and the Comintern, between the Comintern and the Communist Party of the USA, which led to the development of specific ways to counter the Communists by the US government, (repressive, legislative, agent, information and protective); 2) the activities of the Comintern and the Communist Party of the USA in the 1920s and early 1930s complicated relations between Moscow and Washington and encouraged US legislators and diplomats to counter foreign subversive activities; 3) during World War II, the State Department was concerned about the very existence of the Comintern and in February 1943 developed a position according to which important agreements The USSR should have included a provision on the termination of the activities of the Comintern. The results of the study can be used for subsequent studies on the history of Soviet-American relations, the history of the international communist movement.

Keywords: Soviet-American relations, the U.S. Department of State, the Communist International, the U.S. Communist Party, Voorhees Law.

References

1. Adibekov G. M., Shahnazarova E. N., Shirinya K. K. *Organizacionnaya struktura Komintern. 1919–1943* [Organizational structure of the Comintern. 1919–1943]. M. ROSSPAN, 1997. 280 p.
2. Bayerlyajn B. "Predatel' – ty, Stalin!" *Komintern i kommunisticheskie partii v nachale Vtoroj mirovoj vojny (1939–1941): utrachennaya solidarnost' levyh sil* ["You are a traitor, Stalin!" The Comintern and the Communist parties at the beginning of World War II (1939–1941): the lost solidarity of the left forces] / [transl. from German K. A. Levinson]. M. ROSSPAN : B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. 679 p.
3. Vatlin A. Yu. *Komintern: Idei, resheniya, sud'by* [Comintern: Ideas, solutions, destinies]. M. ROSSPAN, 2009. 374 p.
4. Dimitrov G. *Dnevnik Georgiya Dimitrova (1941–1945)* [The diary of Georgy Dimitrov (1941–1945)] / ed. comp. T. G. Zazerskaya. M. Kuchkovo field, 2020. 640 p.
5. *Istoriya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943 : dokumental'nye ocherki* – The History of the Communist International 1919–1943 : documentary essays / ed. by A. O. Chubaryan; Institute of Universal History. M. Nauka (Science), 2002. 412 p.
6. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* – The history of the Communist Party of the Soviet Union / ed. A. B. Bezborodov; scient. ed. N. V. Eliseeva. M. Political Encyclopedia, 2014. 671 p.
7. *Komintern v Latinskoj Amerike: istoricheskie tradicii i politicheskie processy* – The Comintern in Latin America: historical traditions and political processes / ed. by V. L. Heifetz, M. Ves' Mir (The Whole World), 2021. 968 p.
8. *Komintern i Vtoraya mirovaya vojna : v 2 ch. Ch. II. Posle 22 iyunya 1941 g.* – The Comintern and the Second World War : in 2 parts. Part II. After June 22, 1941 / Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, State Archive. the Service of Russia, Russian Center for the storage and study of doc. modern history; comp., auth. He will join. articles and comments by N. S. Lebedev, M. M. Narinsky, rev. K. M. Anderson, A. O. Chubaryan. M. Pamyatniki istoricheskoy mysli (Monuments of Historical Thought), 1997. 596 p.
9. *Pervyj kongress Komintern. Mart 1919 g. Protokoly kongressov Kommunisticheskogo Internacionala* – The First Congress of the Comintern. March 1919 Protocols of the Congresses of the Communist International / ed. by E. Korotsky, B. Kuhn and O. Pyatnitsky, M. Party Publishing House, 1933. 275 p.
10. *Petrov P. S. Vozniknovenie Kompartii SShA i ee bor'ba za legalizaciyu* [The emergence of the US Communist Party and its struggle for legalization]. M. Mysl (Thought), 1971. 281 p.
11. *Suzdal'cev I. A. Ob osobennostyah angloyazychnoj istoriografii Komintern* [On the peculiarities of the English-language historiography of the Comintern] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2023. No. 2 (30). Pp. 86–94.
12. *Suzdal'cev I. A. Politika Komintern v otnoshenii KP SShA v rabotah sovremennykh angloyazychnyh istorikov* [The policy of the Comintern in relation to the CP of the USA in the works of modern English-speaking historians] // *Klio* – Klio. 2022. No. 11 (191). Pp. 33–38.
13. *Firsov F. I. Komintern: pogonya za prizrakov. Pereosmyslenie. Izd. 2-e, ispravl. i dopoln.* [Comintern: chasing a ghost. Reinterpretation. 2nd ed., corr. and suppl.]. M. AIRO-XXI, 2020. 672 p.
14. *Firsov F. I. Sekrety Kommunisticheskogo Internacionala. Shifroperepiska* [Secrets of the Communist International. Cipher correspondence]. M. ROSSPEN Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin", 2011. 528 p.
15. *Yungblud V. T. Rospusk Komintern v mae 1943 g.: otkliki i analiz v SShA* [The dissolution of the Comintern in May 1943: responses and analysis in the USA] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2013. No. 2. Pp. 18–33.
16. *Barrett J. R. What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern* // *American Communist History*. 2018. Vol. 17. No. 2. Pp. 176–184.
17. *Browder E. Teheran-History's Greatest Turning Point* // *Communist*. Vol. XXIII. January 1944. P. 8.
18. *Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform. Part One. The Crisis of the Communist International*. N. Y. : Penguin, 1975. 307 p.

19. Constitution of the Communist Party, U.S.A. // *The Communist*. December 1940. P. 1088.
20. *Dimitrov G.* The diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / introduced and ed. by I. Banac. New Haven & London, Yale UP, 2003. 584 p.
21. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. I. Washington : USGPO, 1960. 1054 p.
22. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1933–1939. The Soviet Union. Washington : USGPO, 1952. 1014 p.
23. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1940. The British Commonwealth, The Soviet Union, The Near East and Africa. Vol. III. Washington : USGPO, 1958. 1010 p.
24. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1941. General, The Soviet Union. Vol. I. Washington : USGPO, 1959. 1024 p.
25. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1942. Europe. Vol. III. Washington : USGPO, 1961. 845 p.
26. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. III. Washington : USGPO, 1963. 1125 p.
27. *Isserman M.* Which Side Were You On? The American Communist Party During the Second World War. Middletown, Connecticut : Wesleyan UP, 1982. 306 p.
28. *Klehr H., Haynes J. E., Anderson K. M.* The Soviet World of American Communism / H. Klehr, J. E. Haynes, K. M. Anderson. New Haven, London : Yale UP, 1998. 380 p.
29. *Margiocco M.* Stati Uniti e PCI: 1943–1980. Roma : Editori Laterza, 1981. 332 p.
30. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia. Washington : USGPO, 1937. 791 p.
31. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920. Vol. III. Washington : USGPO, 1936. 809 p.
32. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1923. Vol. II. Washington : USGPO, 1938. 1260 p.
33. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1927. Vol. I. Washington : USGPO, 1942. 565 p.
34. *Silverstone M. J.* Constructing the Monolith: the United States, Great Britain, and International Communism, 1945–1950. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2009. 304 p.
35. *Vaisse J.* Zbigniew Brzezinski: America's Grand Strategist / Translated by C. Porter. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2018. 450 p.
36. *Zumoff J. A.* The Communist Party of the United States and the Communist International, 1919–1929. A Thesis Presented in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy in History University College, London. L., 2003. 380 p.

Восприятие администрацией Дж. Картера курдской проблемы в контексте турецкого политического кризиса 1977–1980 гг.*

Сенников Алексей Иванович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9329-2839.
ResearcherID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена восприятию администрацией Дж. Картера курдской проблемы в рамках американо-турецких взаимоотношений во время политического кризиса в Турции во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. В первые месяцы пребывания у власти администрация Дж. Картера столкнулась с рядом серьезных проблем в двусторонних отношениях с Турцией. Начавшийся политический кризис в Турции стал одним из вызовов для всей американской политики на Ближнем и Среднем Востоке, который по времени совпал с исламской революцией в Иране, американо-иранским противостоянием и вводом советских войск в Афганистан. В этих условиях американское руководство стремилось сохранить прежний уровень союзнических отношений с Анкарой и обеспечить функционирование американских военных объектов на территории страны. Одним из ключевых факторов дестабилизации Турции в этот период стала национально-освободительная борьба турецких курдов. Исходя из предположения, что за активизацией курдов в Турции стоит Советский Союз, Вашингтон стремился наладить взаимодействие со сменяющимися турецкими правительствами и нивелировать циркулировавшие среди турецкого истеблишмента слухи об американской поддержке курдского движения, а начиная с 1980 г., – добиться согласованных американо-турецких действий против потенциальной советской угрозы. Целью статьи является определение места курдской составляющей в турецкой политике администрации Дж. Картера в 1977–1980 гг. На материалах Государственного департамента США и разведывательных ведомств прослежена динамика восприятия в США движения турецких курдов от игнорирования и подозрительности до противодействия как потенциальному орудию продвижения советских интересов.

Ключевые слова: американо-турецкие отношения, курдский вопрос, турецкие курды, ЦРУ, Дж. Картер, 36. Бжезинский, средневосточный кризис 1980-х гг.

Введение. Турция на протяжении второй половины XX в. играла важную роль в американской стратегии сдерживания Советского Союза на европейском и ближневосточном направлениях. Даже в 1970-е гг., когда американо-турецкие отношения находились в напряженном состоянии из-за разногласий по кипрской проблеме и нормализации советско-турецких отношений, в Вашингтоне не теряли из виду своего союзника. Важность Анкары тем более актуализировалась после победы исламской революции в Иране 1978–1979 гг. и особенно после ввода советских войск в Афганистан, приведшего к росту алармистских настроений в американском руководстве [4; 5; 14].

В самой Турции на протяжении 1970-х гг. наблюдался рост политической нестабильности, вызванный несбалансированностью внутривнутриполитической системы после военного переворота 1971 г., стагнацией экономики, трудностями европейской интеграции, сокращением западных финансовых вливаний в связи с кипрским кризисом. Прямое влияние на политические настроения в турецком обществе оказал успех революции в Иране. Турецкий политический кризис 1977–1980 гг. в условиях дестабилизации общей геостратегической обстановки на Ближнем Востоке стал важным вызовом американской региональной политике, одним из элементов которой была курдская проблема.

В рамках историографии американо-турецких отношений, истории Турции, истории турецких курдов можно выделить значительное число трудов авторов широкого географического спектра: американских [32], британских [33; 73; 77], европейских [23; 27; 80; 87; 88], турецких [16; 17; 24; 28; 30; 75], российских и русскоязычных [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9; 12; 13]. За некоторыми исключениями в указанных работах в большей или меньшей степени обращалось внимание на курдскую проблематику во внутренней политике Турции. Однако курдский фак-

тор в планировании политики США в отношении Турции в контексте международных событий на Ближнем и Среднем Востоке в 1977–1980 гг. как самостоятельная проблема, фундированная американскими документами, не исследовался и требует соответствующих изысканий.

Предметом настоящего исследования является восприятие курдского вопроса в Турции органами исполнительной власти и разведки США в контексте турецкого политического кризиса 1977–1980 гг. Возможности для такого исследования возникли в связи с появлением в открытом доступе новых архивных документов, как опубликованных традиционным способом (серия «Foreign Relations of the United States»), так и электронных коллекций (документы Госдепартамента США, национального архива США, архива Центрального разведывательного управления США).

Американо-турецкие отношения и курдский вопрос в начале политического кризиса, 1977–1978 гг. Американо-турецкие отношения в 1970-е гг. носили комплексный характер. Они осложнялись спорами вокруг кипрской проблемы, эмбарго США на поставки вооружений Турции в 1975–1978 гг., угрозами турецкого правительства закрыть американские военные объекты (кроме базы НАТО Инджирлик), расширением советско-турецкой кооперации [1, с. 109–111; 7, с. 301–302; 8, с. 332–333; 12, с. 50–51; 17, pp. 66–67; 80, p. 83]. Первые два года работы администрации Картера были посвящены вопросам урегулирования кипрского вопроса и правам человека в Турции через призму местной политической специфики (фрагментированность политического спектра, частая смена глав правительства, регулярные конфликты турецких радикальных движений между собой и с властью, сложные межэтнические отношения) [26, pp. 12–14, 23].

В Вашингтоне понимали геополитическую важность Анкары в качестве гаранта сдерживания советского влияния на Ближнем Востоке и Средиземноморье и необходимость сохранения Турции в составе НАТО [26, p. 296]. Несмотря на не самую благожелательную публичную риторику в адрес США [34], турецкое руководство по дипломатическим и тайным каналам доносило мысль о приверженности прозападному курсу [26, pp. 93, 101, 103, 281, 288; 35; 36].

Параллельно выстраиванию диалога с руководством Турции администрации Картера с самого начала пришлось распутывать сложный клубок отношений с курдским движением, сплетенный в годы президентств Р. Никсона и Дж. Форда [11]. Прежде всего предстояло решить деликатную задачу: продолжая оказывать гуманитарную помощь курдам-беженцам [37; 38], убедить Анкару в отсутствии планов использования курдской проблемы в качестве рычага давления [39]. Белый дом старался через государственного секретаря С. Вэнса и посла Р. Спирса¹ довести до сведения турецкого руководства свою приверженность принципам территориальной целостности Турции и невмешательства в ее внутривнутриполитическую жизнь, имея в виду невовлеченность США в курдские дела [26, p. 343; 40; 41; 42]. Госдепартамент даже подыгрывал турецкому руководству в вопросе о правах человека, заявляя об отсутствии «незаконной дискриминации этнических меньшинств (т. е. курдов. – *Авт.*)» [43], несмотря на несогласие с этой точкой зрения американских законодателей [19, p. 12081; 20, p. 25642; 21, p. 30621].

Начало политическому кризису в Турции было положено разгоном первомайской демонстрации на площади Таксим в Стамбуле (1977 г.). С этого момента и до конца 1978 г. социально-экономическая и политическая ситуация в Турции серьезно ухудшалась [9, с. 73–74; 44; 74, pp. 5–6; 80, p. 84; 85]. Галопирующая инфляция и падение жизненного уровня значительной части населения создавали благоприятную почву для радикализации левых (в основном маоистских) группировок и противостоящей им ультраправой контргерильи. Исламистская пропаганда и революционные события в соседнем Иране также подогревали массовое недовольство и дестабилизировали страну. Наконец, в декабре волнения вылились в череду беспорядков в восточных регионах² со значительными жертвами среди мирного населения [24, pp. 131–132; 30, p. 111; 32, p. 32]. В ответ 26 декабря правительство Б. Эджевита³ ввело режим военного положения (ВП) в 13 (из 67) провинциях страны [6, с. 293; 78]. Активное участие в массовых волнениях принимали многочисленные курдские организации [2, с. 83; 3, с. 31–33;

¹ Рональд Спирс находился в должности посла США в Турции с 26 мая 1977 по 11 января 1980 г.

² Наиболее ожесточенные столкновения произошли в городе Кахраманмараш 19–26 декабря, месте проживания большого числа курдов-алевитов.

³ В рассматриваемый период Бюлент Эджевит был премьер-министром Турции дважды: с 21 июня по 21 июля 1977 г. и с 5 января 1978 по 12 ноября 1979 г.

23, p. 150; 32, p. 38; 87, pp. 234–236; 88, p. 262], одной из которых была созданная 27 ноября Абдуллою Оджаланом Рабочая партия Курдистана (РПК) [6, с. 288, 294; 28, p. 7; 73, p. 106; 75, p. 84]. В учредительном манифесте РПК было заявлено, что «американский империализм является врагом всех народов Ближнего Востока» [16, p. 92; 75, p. 90].

Американские дипломаты следили за волнениями [45; 46; 47; 48; 49]. Накануне введения режима ВП сотрудники посольства сообщали о массовых протестных настроениях среди курдов, якобы разжигавшихся специально для того, чтобы дать армейскому руководству, жаждущему использовать возможное курдское восстание в качестве, предлог для прямого вмешательства в политическую жизнь страны. Также сообщалось о том, что премьер-министр «смертельно боялся» развития событий по подобному сценарию [50].

Еще в апреле 1978 г. Эджевит в беседе с послом Спирсом намекал, что знает о причастности ЦРУ к поддержке его политических оппонентов и особенно курдов. Отдельные чиновники правительственных ведомств в кулуарных беседах поговаривали о том, что в деле поддержки курдов американская и советская разведки «действуют рука об руку». В Вашингтоне эти слухи считали проявлением желания отвести внимание от обсуждения кипрского вопроса и создать благоприятный фон для снятия эмбарго и новых финансовых вливаний в слабеющую турецкую экономику [46].

В докладе ЦРУ от 27 декабря 1978 г. позиция Эджевита объяснялась его «социалистическими взглядами», личным неприятием военного положения, которое пришлось ввести вопреки его идеологическим убеждениям и шаткостью положения его правительства [26, p. 394]. По большей части разговоры о связях ЦРУ с турецкими курдами основывались на сведениях о контактах разведки с осведомителями из числа курдов [84]. Тем не менее подобная информация играла большую роль в нагнетании антиамериканских настроений в обществе и, как следствие, напряженности в двусторонних отношениях [51]. При таких обстоятельствах снятие эмбарго⁴ на поставки вооружения в Турцию в сентябре 1978 г. [1, с. 111] было воспринято с большим энтузиазмом среди консервативных кемалистов и военных (но не левоцентричным правительством Эджевита) [52].

Курдская проблема в экспертных оценках администрации Картера на пике внутритуецкого кризиса, 1979 г. В результате усиленных полицейских операций удалось немного снизить накал насилия, однако в районах ВП открытые столкновения сменились непубличными групповыми конфликтами, единичными нападениями и политическими убийствами. Одновременно расширилась география волнений. В итоге рассчитанный на два месяца режим ВП неоднократно продлевался вплоть до сентября 1980 г., а число подрежимных провинций расширилось до девятнадцати в марте и двадцати в августе 1979 г. [24, pp. 133–135]. За два года политического кризиса погибло от 2 до 8 тыс. человек [7, с. 302; 8, с. 332; 16, p. 63; 23, p. 150; 24, p. 135; 88, p. 263].

После введения режима ВП главную угрозу стабильности Турции американское руководство видело в левых движениях, не подразделяя их по этническому принципу [26, pp. 394–395]. П. Хенце, сотрудник аппарата СНБ, по поручению советника президента по национальной безопасности Зб. Бжезинского посетивший Турцию с одиннадцатидневным визитом в середине января, был уверен в успехе проводимых правительством Эджевита мероприятий и отсутствии на тот момент какой-либо организованной курдской оппозиции [26, p. 402].

Утверждение в феврале 1979 г. у власти в Иране исламского духовенства усилило нестабильность в Турции, а успехи иранских курдов и нагнетание конфессионально-этнических противоречий внутри Турции подтолкнули турецких курдов к активизации национально-освободительной борьбы [16, p. 63]. Несмотря на тревожные сигналы сотрудников СНБ (Хенце) и аналитиков ЦРУ, затрагивавших в том числе проблему радикализации турецких курдов, и интерес к проблеме со стороны госдепартамента и министерства обороны [26, pp. 403, 405, 406, 409], в Белом доме проблематика турецкого политического кризиса вплоть до апреля не поднималась – в тот момент более важными считались другие вопросы (иранского урегулирования, арабо-израильского конфликта) [4, с. 6; 15, с. 71].

В конце марта Эджевит вышел на посла Спирса с целью передать Картеру и Вэнсу свои «серьезнейшие опасения относительно [возможного] вмешательства Запада» в курдскую

⁴ Важно подчеркнуть, что снятие эмбарго не имело немедленного эффекта, и восстановление экономических связей и заемных возможностей для Турции затягивалось, что не способствовало оздоровлению экономики [26, pp. 389–390].

проблему [26, р. 408]. Заявление встревожило аппарат СНБ, и заместитель советника президента по национальной безопасности, ответственный за координацию действий СНБ и разведки, Д. Аарон [15, с. 72] поручил Хенце вновь проанализировать ситуацию в Турецком Курдистане [26, р. 408].

Хенце к 27 марта подготовил специальный меморандум по курдской проблеме в Турции. Эксперт назвал оправданными опасения турецкой стороны по поводу серьезности курдского движения, увязал активизацию турецких курдов с иранскими событиями (подтверждая опасения Эджевита) и советским «непреодолимым искушением поучаствовать в курдском сепаратизме» (уводя умозаключения Эджевита в сторону от вмешательства Запада) [26, pp. 408–409]. Хенце советовал и дальше помогать Турции в преодолении экономического кризиса⁵ (по сути задобрить деньгами), выстроить систему взаимоотношений с курдами вне турецких границ⁶, обратить внимание на любую информацию – новостную или научную – из СССР по курдскому вопросу, чтобы «работать на основе знаний, а не слухов или страхов» [26, р. 409]. В докладе также содержался призыв к ЦРУ задействовать «более чувствительные средства по сбору данных» и поделиться сведениями с турецкой разведкой. С последним предложением в ЦРУ не согласились и посоветовали свести к минимуму общение с турецкой стороной по курдскому вопросу, ограничившись заверениями, что «мы не сотрудничаем с курдами, а эпизод соглашения Никсона с шахом (Ирана М. Р. Пехлеви. – *Авт.*) по курдам не касался курдов восточной Турции»⁷ [26, р. 410].

В апреле 1979 г. аналитики ЦРУ в рамках ежедневных сводок разведки подготовили специальный доклад по курдской проблеме в Турции [72]. Первый тезис подтверждал январские выводы Хенце: текущих мер правительства должно хватить для сдерживания крупных курдских выступлений. Вторым выводом указывал на неорганизованность турецких курдов: несмотря на влияние иранских событий, ждать от них в обозримой перспективе массового восстания не стоило. Третий вывод сводился к тому, что разведка не могла с полной гарантией утверждать наличие иностранной поддержки турецким курдам (не считая межграницного сотрудничества с иранскими курдами), но потенциальное прямое или опосредованное влияние СССР на них оценивалось как возможное.

Доклады СНБ и ЦРУ, сводки из американского представительства в Багдаде о возможной взаимосвязи между СССР и курдскими оппозиционными группами в Турции [53], повторное встревоженное обращение Спирса с просьбой как можно скорее связаться с представителями турецкой власти перед лицом угрозы резкого ухудшения американо-турецких отношений [26, р. 412] – вернули Турцию в фокус внимания Вашингтона. Картер направил Эджевиту письмо, содержащее заверения в поддержке США и затрагивавшее ряд практических вопросов, включая вопрос о мониторинге советского пространства на предмет контроля за испытанием и размещением ядерного вооружения. Эта тема приобрела особую актуальность в связи с подготовкой советско-американского договора ОСВ-II, а также утратой американских установок, позволявших ранее осуществлять такой мониторинг с территории Ирана [4, с. 8; 26, pp. 414–415]. Также президент запросил у Конгресса дополнительные 100 млн. долл. экстренной финансовой помощи Турции для преодоления кризиса⁸ [26, р. 418]. Анкара с удовлетворением восприняла эти действия, и в госдепартаменте были уверены в скором успехе принятых действий [26, р. 420].

Правительство Эджевита активно боролось за свое политическое будущее, используя для этого экономические реформы и подавление антиправительственных выступлений, но к маю стало ясно, что политическая и экономическая ситуация продолжает стагнировать, волнения не прекращаются [79]. Мнения по турецкой ситуации в американском руководстве разделились. Дипломаты пришли к тем же выводам, что и разведка в апрельском докладе, высказав предположение, что в Анкаре склонны переоценивать размах участия курдов в антиправительственных волнениях («у курдов недостаточно сил, чтобы противопоставить себя

⁵ В январе 1979 г. по итогам саммита в Гваделупе было согласовано выделение дополнительной помощи Турции в размере 300 млн. долл. (по 150 млн. от США и Западной Германии), позже эта сумма поднимется до 590 млн. (по 295 млн. от США и Западной Германии) [26, pp. 401, 451].

⁶ Иранскими и иракскими курдами соответственно. Американское руководство в условиях нормализации отношений с Ираном весной – летом 1979 г. не стало эксплуатировать эту тему [15, с. 71].

⁷ Об эпизоде американо-иранского сотрудничества по курдскому вопросу см.: [10].

⁸ В итоге Конгресс согласовал выделение 50 млн. долл. [76].

турецкому национальному большинству»). Следовательно, «сепарация (Турецкого Курдистана. – *Авт.*) невозможна». При этом признавалось, что волнения среди курдов имеют потенциал к эскалации, связывая ее не с влиянием абстрактных внешних сил («турки склонны сбрасывать все свои беды на нетурецких злодеев, таких как курды, ЦРУ или МВФ»), а с турецкой политической культурой, этническим национализмом, непризнанием прав меньшинств – то есть притеснениями курдов [54].

В стане СНБ первоначальная уверенность в правительстве Эджевита сменилась скептицизмом, заговорили об излишнем оптимизме внешнеполитического ведомства в отношении Турции [26, р. 421] и усугублении ситуации в курдских районах именно из-за влияния внешних сил. Хенце, в частности, указывал на склонность Анкары потакать Москве [26, pp. 421–422, 436] (по сути, игнорируя обязательства по НАТО) и акцентировал наличие советской заинтересованности в эксплуатации курдской проблемы [15, с. 74].

Эта точка зрения подкреплялась тремя документами ЦРУ. Первой шла аналитическая записка Тёрнера Бжезинскому от 16 мая⁹, обобщавшая разведанные по курдам. В ней утверждалось, во-первых, отсутствие прямых контактов разведки с турецкими курдами, опосредованный сбор информации о них осуществлялся через американское консульство в Адане; во-вторых, приводились советские официальные заявления о том, что курдский вопрос – внутреннее дело стран, где этот народ проживает¹⁰; в-третьих, рассматривались потенциальные источники получения курдами иностранной помощи¹¹: Ливия, Израиль (иракские курды), Советский Союз (турецкие и иранские курды), – хотя отмечалось, что сведения почерпнуты из ненадежных источников и носят сомнительный характер [29].

Во втором докладе, представленном между 24 и 31 мая¹², рассматривалось положение правительства Эджевита. Политическая жизнеспособность кабинета оценивалась как «постоянно уменьшающаяся» в силу неспособности решить структурные проблемы турецкой экономики и разобраться с антиправительственными выступлениями и «углубляющейся проблемой курдского сепаратизма» [83].

В третьем докладе, подготовленном 29 мая и представленном в начале июня, рассматривались советское восприятие политической ситуации на Ближнем Востоке и возможные варианты действий СССР. Аналитики разведки акцентировали внимание на «довольно неизбирательной поддержке дестабилизирующих элементов в регионе» (указание на конкретные силы были зацензурированы при рассекречивании) [18].

На встрече министров иностранных дел стран НАТО 31 мая турецкий министр Г. Окчун встретился с Вэнсом, чтобы обсудить вопросы двусторонних отношений. Окчун указал на серьезную озабоченность «балканизацией» Ближнего Востока «от Афганистана до Сирии» и вмешательством внешних сил в поддержку курдов (прямо назвал СССР, по контексту намекал на США). Вэнс заявил, что США разделяют опасения Турции, будут противодействовать «балканизации» и поддерживают целостность его страны [26, р. 432]. Таким образом, Анкара явно давала понять, что подозревает Вашингтон в причастности к обострению курдской проблемы, а возможно, и в кооперации с Москвой (на фоне проводимой политики разрядки).

В августе 1979 г. Тегеран начал военную кампанию в Иранском Курдистане, стремясь подавить движение курдских автономистов [15, с. 71, 75]. Это привело к росту случаев незаконного пересечения границы иранскими курдами и новым волнениям среди турецких курдов. В результате правительство Эджевита вынуждено было привлечь военных к проведению антикурдской операции с целью создать буферную зону на турецко-иранской границе, перекрыть контрабанду оружия между северным и восточным Курдистаном [6, с. 299–300].

Для Вашингтона дело приняло деликатный характер, поскольку среди переправлявшихся контрабандой вооружений были образцы не только восточноевропейского, но и американского производства (автоматические винтовки, гранаты, минометы и снаряды к ним,

⁹ В информационной карточке документа неверно указана дата создания 3 апреля, верная дата внутри документа.

¹⁰ Этот абзац был выделен Бжезинским и помечен вопросительным знаком.

¹¹ Этот раздел был выделен Бжезинским и помечен восклицательным знаком. Три абзаца, посвященные спекуляциям о советской помощи курдам, выделены целиком.

¹² В информационной карточке документа неверно указана дата создания как 1 мая. В самом документе указано, что информация предоставлена по состоянию на 24 мая, итоговый документ был представлен не позднее конца мая.

прочая неуточненная амуниция) [55]. Расползлись слухи о поддержке ЦРУ иранских курдов против антиамериканского режима в Тегеране. Турецкие чиновники и представители бизнеса, опасавшиеся аналогичной поддержки американской разведкой турецких курдов, напрямую спрашивали об этом американских дипломатов [56]. Американская версия состояла в том, что курды получили американское оружие с разграбленных складов в Иране. Хотя многие турецкие собеседники признавали правдоподобность версии, они предупреждали о серьезных последствиях таких слухов для американо-турецких отношений [57]. Руководство госдепартамента на словах со всей серьезностью отнеслось к ситуации, продолжило заверять Анкару в отсутствии связей с иранскими и турецкими курдами, поддержке территориальной целостности Турции [58].

Проблемой движения курдов в Турции озаботились и в СНБ. В сентябре 36. Бжезинский по предложению Хенце сделал запрос на имя директора ЦРУ Тёрнера с просьбой подготовить доклад на тему советского воздействия на курдское движение [31]. В ответном докладе от 26 сентября приводились примеры агитационно-пропагандистских мероприятий СССР среди курдов, также сообщалось о «возможных тайных поставках вооружений» [22].

В сентябре – октябре 1979 г., на фоне промежуточных выборов в Сенат Турции, обострилась внутривнутриполитическая борьба за премьерское кресло между партией Эджевита (Народная республиканская партия – НРП) и оппозиционной партией С. Демиреля (Партия справедливости – ПС). Несмотря на возражения начальника генерального штаба К. Эврена, Эджевит принял решение заблаговременно отозвать армейские подразделения из курдских районов [6, с. 300–301; 26, р. 441]. Проэджевитские политики стали продвигать мысль, что «военными методами апоистов¹³ и курдских сепаратистов не забороть, нужно выправить экономику» [59].

Американские дипломаты, посетившие восточные турецкие регионы, отмечали ослабление государственного контроля и игнорирование местными чиновниками и полицией практически открытой агитации курдских националистов. Они предрекали, что курдская проблема станет уязвимым местом для Эджевита, упростит агитацию его противникам, а в случае усугубления ситуации грозит вмешательством военных в политическую жизнь страны [60].

Чтобы развеять эти опасения, 10 сентября с послом Спирсом встретился С. Кёксал, только что назначенный директором ближневосточного и североафриканского отдела МИД Турции. Кёксал заявил, что единого курдского сепаратистского движения не существует, подпольные связи иранских и турецких курдов являются выдумкой СМИ¹⁴ – следовательно, как и обвинения в адрес США. При этом он признал, что события в Иранском Курдистане негативно воздействуют на турецких курдов, и выразил надежду, что иранским властям удастся так или иначе справиться со своим внутренним кризисом. По итогу встречи Спирс отметил открытость Кёксала (в сравнении с предшественниками) и выразил удовлетворение обменом мнениями [61].

Однако спокойствие в американо-турецких отношениях продлилось недолго. Курдские волнения продолжились, что, как предвидели американцы, было использовано в предвыборной агитации против НРП [62; 63]. Негативное воздействие имела растиражированная оппозиционными СМИ новость о создании РПК «освобожденной зоны» в восточной Турции [64]. В попытке перебить повестку представители НРП вновь стали эксплуатировать антиамериканскую тематику, обвинив США в разжигании «расизма» в восточной Турции, а курдских сепаратистов назвав агентами ЦРУ. Американские дипломаты опротестовали подобные заявления [65], но в этом было мало смысла, поскольку, как отметил в донесениях в Вашингтон Спирс, Эджевит был непоколебим в уверенности, что за курдами стоят американцы [66].

15 октября Эджевит, «безуспешно пытавшийся ввести военное положение с "человеческим лицом" для курдов» [73, р. 118], потерял поддержку минимально необходимого числа депутатов парламента и ушел в отставку. 12 ноября пост премьер-министра занял С. Демирель¹⁵, составивший правительство меньшинства при поддержке правых сил [26, р. 440], открыто заявлявших о «необходимости тюркизации неотъемлемых (т. е. курдских. – *Авт.*)

¹³ Апоистами называли сторонников генерального секретаря РПК А. Оджалана, носившего партийное прозвище «Апо» (с курд. – дядя). Как раз в это время он стал широко известен как один из лидеров курдских вооруженных групп.

¹⁴ В этом обвинялись антиэджевитские издания.

¹⁵ В рассматриваемый период Сулейман Демирель был премьер-министром дважды: с 11 июля 1977 по 5 января 1978 г. и с 12 ноября 1979 по 12 сентября 1980 г.

регионов турецкой нации» [33, р. 613]. Представители ПС на встречах с американскими дипломатами заявляли о своей прозападной ориентации, обвиняли Эджевита в отходе от этой линии, а в эскалации курдской ситуации вину в СССР и Сирию [67; 68], что стало отдушиной для американского руководства.

Мнения по поводу смены правительства в руководстве США были неоднозначными. Демирель не был склонен к заигрываниям с «леваками», но вынужден был мириться с ростом праворадикальных настроений. После выборов полицейский контроль в восточных провинциях был восстановлен, курдским агитаторам пришлось снизить активность, но ситуацию в целом это не улучшило [69]. В американском посольстве отметили, что политика Демиреля по усмирению курдского сепаратизма не отличается от практик Эджевита, новый премьер-министр также склонен держать военных подальше от политической жизни страны [70].

Захват 4 ноября американского посольства в Иране сторонниками теократической власти [14, с. 24; 15, с. 71–72] снизил интерес руководства США к турецкой ситуации. Генерал Эврен пытался добиться от НАТО срочных поставок вооружений для укрепления национальной безопасности против угрозы со стороны Ирана, СССР и курдов [26, pp. 441–443], но Вашингтон предпочел воздержаться от подобных шагов, опасаясь резкой реакции Тегерана [71].

Хотя такая позиция встретила неприятие «ястребов» в американском руководстве (Бжезинский, Г. Сик, Хенце [26, р. 444]), повлиять на турецкий трек американской политики на текущем этапе сотрудники СНБ не могли и сосредоточили внимание на разработке контрмер против Ирана, в том числе на проведение тайных операций с возможным привлечением иранских курдов [15, с. 73], что несколько снизило негатив в отношении курдского национализма.

Курдская проблема в Турции и большой кризис на Среднем Востоке, 1980 г. После ввода советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 г., администрация Картера взяла курс на создание глобальной коалиции для сдерживания Москвы [14, с. 32–33]. Изначально реакция Анкары на афганские события была отстраненной. Вашингтон не стал форсировать присоединение Турции к антисоветской коалиции из опасений усугубить турецкую политическую нестабильность. В госдепартаменте считали, что позиция Турции определяется желанием не дать повод Москве для эксплуатации курдской проблемы [26, р. 112]. Бжезинский опасался, что ослабленная Турция может стать следующим звеном в цепи стратегического вакуума на Ближнем и Среднем Востоке, выгодного Москве [30, р. 108, 112]. Сотрудник СНБ У. Одом предложил обсудить с Турцией и Пакистаном создание «северного яруса противодействия» СССР и Ирану. Ради согласия Анкары Одом считал разумным предложить Демирелю разведывательную и военно-техническую помощь в подавлении курдских выступлений, даже если придется столкнуться по этому вопросу с противодействием Конгресса [25, pp. 310–311]. Дальше общих рассуждений на эту тему дело, однако, не пошло.

Только к марту Анкара определилась с позицией по Афганистану, осудила Советский Союз и прервала процесс нормализации двусторонних отношений [81]. 29 марта 1980 г. было подписано американо-турецкое «Соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики», восстановившее все права США на военные объекты в Турции, что позволяло американской армии использовать турецкий плацдарм для выполнения военных операций в ближневосточном регионе [1, с. 114–115]. В дальнейшем Турция присутствовала в планах Вашингтона на иранском направлении и проектах Бжезинского по сдерживанию СССР и противодействию возможному советскому вторжению в Иран [25, pp. 513, 682, 696, 737, 802, 915; 86]. Положение турецких курдов администрацию Картера перестало интересовать.

Летом 1980 г. турецкое правительство находилось в состоянии агонии [82]. Число политических выступлений не уменьшалось, а на востоке страны курдскому движению в первый раз удалось создать ситуацию «двойного суверенитета»: когда в одном и том же населенном пункте действовали и проправительственная администрация, и организованные курдами управленческие комитеты [2, с. 84; 27, р. 150; 28, р. 128]. При этом риторика правительства, после небольших послаблений 1977–1979 гг., вернулась к непризнанию существования курдской проблемы («курдов нет, есть горные турки») [6, с. 305; 23, р. 156; 73, р. 119].

Усугубление экономической и политической ситуации привело к военному перевороту 12 сентября 1980 г. К власти пришел начальник генерального штаба генерал Эврен. Режим военного положения был распространен на всю страну, все политические партии и движения были запрещены, в районы проживания курдов вводились военные подразделения [3, с. 36, 37, 43; 6, с. 306; 73, р. 120]. Вследствие усиления репрессий в отношении радикальных курд-

ских групп, большинство из них распались или вынуждены были уйти в подполье, как РПК [3, с. 37; 6, с. 289; 9, с. 99; 23, р. 155; 73, р. 121; 77, р. 262; 88, pp. 269, 270]. Сентябрьский переворот фактически вернул внешнюю политику Турции в проамериканское русло [1, с. 116; 13, с. 54–55; 30, р. 113]. П. Хенце, подводя итог, указал на позитивные последствия переворота как для американо-турецких отношений, так и для внутреннего развития Турции [26, pp. 113–114].

Заключение. Ближневосточная турбулентность конца 1970-х гг. актуализировала курдский вопрос на пространстве всего этнического Курдистана. Вашингтон, вынужденный отвечать на огромное число стратегических вызовов в этом регионе, не мог не учитывать курдский фактор. Если иранские курды рассматривались в Вашингтоне в качестве важного источника информации и потенциального инструмента воздействия на теократический режим в Тегеране, а иракские курды воспринимались как дружественное США движение, имевшее широкую поддержку в американском обществе, то турецкие курды не могли претендовать на схожий статус. В первую очередь, это объяснялось тем, что политический режим Турции, каким бы нестабильным или «автономным» он ни был, сохранял западную ориентацию, соблюдал обязанности в рамках НАТО и рассматривался Вашингтоном как важное звено в цепи сдерживания Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке.

Курдское движение в Турции в 1977–1978 гг. воспринималось как инструмент советского влияния на турецкую политическую жизнь, которому следовало противодействовать. Неслучайно в подготовленном госдепартаментом докладе о правах человека в Турции притеснения курдов отрицались.

С развитием турецкого политического кризиса (1979 г.) повысилась чувствительность для Анкары курдского вопроса. Американские дипломаты и агенты разведки, привыкшие использовать любые ресурсы для получения информации, столкнулись с болезненным восприятием их контактов с курдами турецкой правящей элитой. Неутихающие волнения в районах проживания курдов, борьба за власть правящей (НПП) и оппозиционной (ПС) партий вели к нарастанию антиамериканской информационной шумихи, обвинениям США и ЦРУ в поддержке курдского сепаратизма. Такие заявления не имели оснований, но становились фактором напряженности в американо-турецких отношениях. Попытки Вашингтона задобрить Анкару финансовыми вливаниями успеха не имели.

Ситуация существенно изменилась после ввода советских войск в Афганистан. В 1980 г. администрация Картера сосредоточилась на возведении антисоветского контура противодействия, и в этих условиях позиция Турции вновь приобрела важное значение. Американцам удалось заключить с Анкарой выгодное оборонительное соглашение, давшее карт-бланш и американским, и турецким военным. Курдская тематика в Турции стала американской стороной игнорироваться.

Переворот 12 сентября 1980 г. завершил почти четырехлетний период политического кризиса в Турции, утвердил страну в западной орбите влияния и привел к подавлению на следующие четыре года курдских выступлений. Но курдская проблема сохранялась в латентном состоянии. В системе координат политики администрации Картера движение курдов рассматривалось как антиамериканское, антиамериканское и просоветское, что в условиях нового витка холодной войны делало его враждебным в глазах Вашингтона.

Список литературы

1. Бзуашева А. А. Военно-политическое и торгово-экономическое сотрудничество США с Турцией: 1945–2017 гг. : дисс. ... канд. ист. наук: 5.6.2. Майкоп, 2021. 235 с.
2. Величко Н. В., Лузгина И. О. Курдская проблема в Турции в XX – начале XXI в.: эволюция и современное состояние. Псков : Логос, 2022. 220 с.
3. Вертяев К. В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). М., 2007. 251 с.
4. Воробьева Т. А., Юнгблюд В. Т. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 10. Вып. 3 (77). 2019. 16 с. DOI: 10.18254/S207987840005469-4.
5. Воробьева Т. А., Юнгблюд В. Т. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 105–125
6. Гасратян М. А. Курды Турции в новейшее время. Ереван : Айастан, 1990. 385 с.
7. Еремеев Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М. : Квадрига, 2017. 376 с.
8. Киреев Н. Г. История Турции XX век. М. : Крафт+, 2007. 608 с.
9. Лебский М. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. М. : Алгоритм, 2016. 352 с.
10. Сенников А. И. Американо-иракские отношения и курдский вопрос в 1972–1975 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 36–43. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.049.

11. Сенников А. И. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1977–1978 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 41–47.
12. Смольняк И. В. Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях, 1962–1978 гг. // Вестник ВятГУ. 2016. № 12. С. 42–53.
13. Шенин А. С. Турецкая политика США: генезис и эволюция в 1980-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 54–58.
14. Юнгблюд В. Т., Сенников А. И. Курдский фактор в политике США на пике кризисов в Иране и Афганистане, 1979 – январь 1981 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (5). С. 22–51. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-22-51.
15. Юнгблюд В. Т., Сенников А. И. США в поисках ответа на иранский вызов: курдский кейс, ноябрь – декабрь 1979 года // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2 (61). С. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83.
16. Balci A. The PKK-Kurdistan Workers' Party's Regional Politics. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2017. 222 p.
17. Bozdağlıoğlu Y. Turkish foreign policy and Turkish identity: a constructivist approach. New York : Routledge, 2003. 231 p.
18. Changes in the Middle East: Moscow's Perceptions and Options, June 1, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
19. Congressional Records. Vol. 123. Part 10. Washington : US GPO, 1977. 1294 p.
20. Congressional Records. Vol. 123. Part 20. Washington : US GPO, 1977. 1308 p.
21. Congressional Records. Vol. 124. Part 23. Washington : US GPO, 1978. 1238 p.
22. Dear Zbig, September 25, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
23. Degli Esposti N. Nation and Class in the History of the Kurdish Movement. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2022. 259 p.
24. Erkan S. CIA Günlük Raporlarına Göre Türkiye'de 1978 Bülent Ecevit Hükümeti Dönemi // Journal of History Studies. 2017. Vol. 9. Is. 1. Pp. 127–144. DOI: 10.9737/hist.2017.516.
25. Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Vol. XI. Part 1: Iran: Hostage Crisis, November 1979 – September 1980. Washington : US GPO, 2020. 990 p.
26. Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Vol. XXI: Cyprus; Turkey; Greece. Washington : US GPO, 2014. 692 p.
27. Gourisse B. Political violence in Turkey, 1975–1980: The state at stake. New York : I. B. Tauris, 2023. 233 p.
28. Gurses M. Anatomy of a Civil War: Sociopolitical Impacts of the Kurdish Conflict in Turkey. Ann Arbor, Michigan : University of Michigan Press, 2018. 193 p.
29. Intelligence on the Kurds, April 3, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
30. Kösebalaban H. Turkish Foreign Policy: Islam, Nationalism, and Globalization. New York : Palgrave Macmillan, 2011. 256 p.
31. Kurdish Dissidence, September 6, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
32. Larrabee F. S., Lesser I. O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Santa Monica, Calif. : RAND Corporation, 2003. 236 p.
33. McDowall D. A Modern History of the Kurds, 4th Edition. London : I. B. Tauris, 2021. 728 p.
34. National Archives and Records Administration (NARA). RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara06601.
35. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara00497.
36. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977State017358.
37. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Adana A-9.
38. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara05191.
39. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978State024552.
40. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara00975.
41. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara00801.
42. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara00859.
43. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978State025967.
44. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara02279.
45. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara03059.
46. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara03176.
47. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Izmir00190.
48. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Istanbul03106.
49. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara07060.
50. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara07248.
51. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara04606.
52. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara08846.

53. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Baghda00877.
54. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Izmir00145.
55. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Baghda01093.
56. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara05860.
57. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Izmir00288.
58. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979State226730.
59. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06590.
60. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00189.
61. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06618.
62. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06694.
63. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00199.
64. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Izmir00307.
65. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00225.
66. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979State259584.
67. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06746.
68. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06847.
69. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00244.
70. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979State309015.
71. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara08396.
72. National Intelligence Daily, April 18, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
73. *O'Ballance E.* The Kurdish Struggle, 1920–94. N.Y. : Palgrave Macmillan, 1996. 251 p.
74. OECD Economic Surveys: Turkey. Paris : OECD, 1980. 60 p.
75. *Özcan A. K.* Turkey's Kurds: A theoretical analysis of the PKK and Abdullah Öcalan. L. : Routledge, 2006. 320 p.
76. Senate Votes To Make \$50 Million For Turkey A Grant, May 23, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
77. The Cambridge History of the Kurds / ed. by H. Bozarslan, C. Gunes, V. Yadirgi. Cambridge, UK : University Printing House, 2021. 964 p.
78. The New York Times, December 26, 1978.
79. The New York Times, May 24, 1979.
80. Turkey between East and West: new challenges for a rising regional power / Ed. by Vojtech Mastny. New York : Routledge, 2018. 288 p.
81. Turkey Won't Ask Soviet to Approve Possible U.S. Air Surveillance, July 5, 1980 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
82. Turkey: Domestic Political Situation, September 2, 1980 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
83. Turkey: Ecevit Government in Crisis, May 1, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
84. Turkey: New Measures for Dealing with Kurdish-inspired Violence, June 4, 1978 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
85. Turkey: Problems For Ecevit, December 22, 1978 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
86. Turkey's Relations With Iran, April 1, 1980 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
87. *Van Bruinessen M.* Kurdish ethno-nationalism versus nationbuilding states. Collected articles. Istanbul : The Isis Press, 2000. 301 p.
88. *Zürcher E.-J.* Turkey: A Modern History. New York : I. B. Tauris, 1994. 424 p.

The J. Carter's administration's perception of Kurdish problem in the context of the Turkish political crisis of 1977–1980

Sennikov Alexey Ivanovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9329-2839.
ResearcherID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the administration's perception of J. Carter of the Kurdish problem within the framework of US-Turkish relations during the political crisis in Turkey in the second half of the 1970s and early 1980s. In the first months of his tenure, the administration of J. Carter faced a number of seri-

ous problems in bilateral relations with Turkey. The political crisis that began in Turkey became one of the challenges for the entire American policy in the Middle East, which coincided with the Islamic Revolution in Iran, the American-Iranian confrontation and the entry of Soviet troops into Afghanistan. Under these conditions, the American leadership sought to maintain the previous level of allied relations with Ankara and ensure the functioning of American military facilities in the country. One of the key factors in the destabilization of Turkey during this period was the national liberation struggle of the Turkish Kurds. Based on the assumption that the Soviet Union was behind the activation of the Kurds in Turkey, Washington sought to establish cooperation with the changing Turkish governments and neutralize rumors circulating among the Turkish establishment about American support for the Kurdish movement, and since 1980, to achieve coordinated American-Turkish actions against the potential Soviet threat. The purpose of the article is to determine the place of the Kurdish component in the Turkish policy of the administration of J. Carter in 1977–1980. Based on the materials of the US Department of State and intelligence agencies, the dynamics of perception of the Turkish Kurdish movement in the United States has been traced from ignoring and suspicion to opposition as a potential tool for advancing Soviet interests.

Keywords: American-Turkish relations, the Kurdish issue, the Turkish Kurds, the CIA, J. Carter, Zb. Brzezinski, the Middle East crisis of the 1980s.

References

1. Bguasheva A. A. *Voенно-politicheskoe i torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo SShA s Turciej: 1945–2017 gg. : diss. ... kand. ist. nauk: 5.6.2* [Military-political and trade-economic cooperation of the USA with Turkey: 1945–2017 : diss. ... PhD in Historical Sciences: 5.6.2]. Maykop. 2021. 235 p.
2. Velichko N. V., Luzgina I. O. *Kurdskaya problema v Turcii v XX – nachale XXI v.: evolyuciya i sovremennoe sostoyanie* [The Kurdish problem in Turkey in the XX – early XXI century: evolution and current state]. Pskov. Logos, 2022. 220 p.
3. Vertyaev K. V. *Kurdskij vopros v politike Turcii (konec XX – nachalo XXI veka)* [The Kurdish question in Turkish politics (late XX – early XXI century)]. M. 2007. 251 p.
4. Vorob'eva T. A., Yungblyud V. T. *SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administracii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg.* [The United States is losing an ally in the Middle East: the policy of the administration of J. Carter's policy towards Iran, 1977–1980] // Electronic scientific and educational journal "History". Vol. 10. Is. 3 (77). 2019. 16 p. DOI: 10.18254/S207987840005469-4.
5. Vorob'eva T. A., Yungblyud V. T. *Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g.* [Afghanistan in the politics of the USSR and the USA in 1979] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2016. No. 10. Pp. 105–125.
6. Gasratyan M. A. *Kurdy Turcii v novejshee vremya* [Kurds of Turkey in modern times]. Yerevan. Hayastan, 1990. 385 p.
7. Eremeev D. E. *Istoriya Tureckoj Respubliki s 1918 goda do nashih dnei* [History of the Turkish Republic from 1918 to the present day]. M. Quadriga, 2017. 376 p.
8. Kireev N. G. *Istoriya Turcii XX vek* [History of Turkey XX century]. M. Kraft+, 2007. 608 p.
9. Lebskij M. *Kurdy. Poteryannye na Blizhnem Vostoke* [Kurds. Lost in the Middle East]. M. Algorithm, 2016. 352 p.
10. Sennikov A. I. *Amerikano-irakskie otnosheniya i kurdskij vopros v 1972–1975 gg.* [American-Iraqi relations and the Kurdish question in 1972–1975] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2021. No. 4 (24). Pp. 36–43. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.049.
11. Sennikov A. I. *Kurdskij vopros v blizhnvestochnoj politike administracii Dzh. Kartera v 1977–1978 gg.* [The Kurdish question in the Middle East policy of the administration of J. Carter in 1977–1978] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Herald of Nizhny Novgorod University n. a. N. I. Lobachevsky. 2018. No. 1. Pp. 41–47.
12. Smol'nyak I. V. *Sredizemnomorskij rubezh sderzhivaniya: kyperskaya problema v amerikano-tureckih otnosheniyah, 1962–1978 gg.* [The Mediterranean line of deterrence: the Cyprus problem in American-Turkish relations, 1962–1978] // *Vestnik VyatGU* – Herald of VyatSU. 2016. No. 12. Pp. 42–53.
13. Shenin A. S. *Tureckaya politika SShA: genesis i evolyuciya v 1980-e gody* [Turkish policy of the USA: genesis and evolution in the 1980s] // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. New ser. Series: History. International relations. 2014. Vol. 14. Is. 3. Pp. 54–58.
14. Yungblyud V. T., Sennikov A. I. *Kurdskij faktor v politike SShA na pike krizisov v Irane i Afganistane, 1979 – yanvar' 1981 gg.* [The Kurdish factor in US policy at the peak of the crises in Iran and Afghanistan, 1979 – January 1981] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – Herald of MGIMO University. 2023. No. 16 (5). Pp. 22–51. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-22-51.
15. Yungblyud V. T., Sennikov A. I. *SShA v poiskah otveta na iranskij vyzov: kurdskij kejs, noyabr' – dekabr' 1979 goda* [The USA in search of an answer to the Iranian challenge: the Kurdish case, November–December 1979] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* – Herald of Perm University. History. 2023. No. 2 (61). Pp. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83.
16. Balci A. *The PKK-Kurdistan Workers' Party's Regional Politics*. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2017. 222 p.
17. Bozdağlıoğlu Y. *Turkish foreign policy and Turkish identity: a constructivist approach*. New York : Routledge, 2003. 231 p.

18. Changes in the Middle East: Moscow's Perceptions and Options, June 1, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
19. Congressional Records. Vol. 123. Part 10. Washington : US GPO, 1977. 1294 p.
20. Congressional Records. Vol. 123. Part. 20. Washington : US GPO, 1977. 1308 p.
21. Congressional Records. Vol. 124. Part. 23. Washington : US GPO, 1978. 1238 p.
22. Dear Zbig, September 25, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
23. *Degli Esposti N.* Nation and Class in the History of the Kurdish Movement. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2022. 259 p.
24. *Erkan S.* CIA Günlük Raporlarına Göre Türkiye'de 1978 Bülent Ecevit Hükümeti Dönemi // Journal of History Studies. 2017. Vol. 9. Is. 1. Pp. 127–144. DOI: 10.9737/hist.2017.516.
25. Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Vol. XI. Part 1: Iran: Hostage Crisis, November 1979 – September 1980. Washington : US GPO, 2020. 990 p.
26. Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Vol. XXI: Cyprus; Turkey; Greece. Washington : US GPO, 2014. 692 p.
27. *Gourisse B.* Political violence in Turkey, 1975–1980: The state at stake. New York : I. B. Tauris, 2023. 233 p.
28. *Gurses M.* Anatomy of a Civil War: Sociopolitical Impacts of the Kurdish Conflict in Turkey. Ann Arbor, Michigan : University of Michigan Press, 2018. 193 p.
29. Intelligence on the Kurds, April 3, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
30. *Kösebalaban H.* Turkish Foreign Policy: Islam, Nationalism, and Globalization. New York : Palgrave Macmillan, 2011. 256 p.
31. Kurdish Dissidence, September 6, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
32. *Larrabee F. S., Lesser I. O.* Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Santa Monica, Calif. : RAND Corporation, 2003. 236 p.
33. *McDowall D.* A Modern History of the Kurds, 4th ed. London : I. B. Tauris, 2021. 728 p.
34. National Archives and Records Administration (NARA). RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara06601.
35. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara00497.
36. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977State017358.
37. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Adana A-9.
38. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara05191.
39. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978State024552.
40. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara00975.
41. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara00801.
42. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara00859.
43. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978State025967.
44. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara02279.
45. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara03059.
46. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara03176.
47. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Izmir00190.
48. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Istanbul03106.
49. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara07060.
50. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara07248.
51. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara04606.
52. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978. Doc. 1978Ankara08846.
53. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Baghda00877.
54. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Izmir00145.
55. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Baghda01093.
56. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara05860.
57. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Izmir00288.
58. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979State226730.
59. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06590.
60. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00189.
61. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06618.
62. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06694.
63. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00199.
64. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Izmir00307.
65. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00225.
66. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979State259584.
67. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06746.

68. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara06847.
69. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Adana00244.
70. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979State309015.
71. NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1979. Doc. 1979Ankara08396.
72. National Intelligence Daily, April 18, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
73. *O'Ballance E.* The Kurdish Struggle, 1920-94. N.Y. : Palgrave Macmillan, 1996. 251 p.
74. OECD Economic Surveys: Turkey. Paris : OECD, 1980. 60 p.
75. *Özcan A. K.* Turkey's Kurds: A theoretical analysis of the PKK and Abdullah Öcalan. L. : Routledge, 2006. 320 p.
76. Senate Votes To Make \$50 Million For Turkey A Grant, May 23, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
77. The Cambridge History of the Kurds / ed. by H. Bozarslan, C. Gunes, V. Yadirgi. Cambridge, UK : University Printing House, 2021. 964 p.
78. The New York Times, December 26, 1978.
79. The New York Times, May 24, 1979.
80. Turkey between East and West: new challenges for a rising regional power / Ed. by Vojtech Mastny. New York : Routledge, 2018. 288 p.
81. Turkey Won't Ask Soviet to Approve Possible U.S. Air Surveillance, July 5, 1980 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
82. Turkey: Domestic Political Situation, September 2, 1980 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
83. Turkey: Ecevit Government in Crisis, May 1, 1979 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
84. Turkey: New Measures for Dealing with Kurdish-inspired Violence, June 4, 1978 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
85. Turkey: Problems For Ecevit, December 22, 1978 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
86. Turkey's Relations With Iran, April 1, 1980 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.
87. *Van Bruinessen M.* Kurdish ethno-nationalism versus nationbuilding states. Collected articles. Istanbul : The Isis Press, 2000. 301 p.
88. *Zürcher E.-J.* Turkey: A Modern History. New York : I. B. Tauris, 1994. 424 p.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1«652»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.044

Падение Западной Римской империи в оценках советского антиковедения в 1970–1980-е гг.

Дряхлов Владимир Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Волго-Вятский институт – филиал, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-4846-2365. E-mail: were.152j@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Изучение новых подходов к толкованию теории социальной революции применительно к падению Западной Римской империи после выхода из тупика «революции рабов» служит основой к продолжению научных поисков по этой проблеме в российском антиковедении. *Методы.* Содержание статьи сложилось путем сравнительного обзора выводов историков, предложивших в отрезке времени от 1970-х гг. и до рубежа 1980-х – начала 1990-х гг. новые теоретические выводы на базе марксистской методологии – В. И. Кузицина, Е. М. Штаерман, А. Р. Корсунского, Р. Гюнтера. *Результаты.* Признавая переход к феодализму социальной революцией с рядом особенностей и используя понятие «протофеодальный уклад», авторы разошлись в оценке того, насколько зрелыми были предпосылки к возникновению феодального способа производства в экономике Позднего Рима. Е. М. Штаерман находила их в развитии крупного внегородского магнатского землевладения в западных провинциях. В оценках А. Р. Корсунского и Р. Гюнтера отношения эксплуатации колоннов не превратились в развитые феодальные отношения. Поэтому если в оценке В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман движущей силой социальной революции признавались классы и слои складывающегося феодализирующегося уклада, то по А. Р. Корсунскому и Р. Гюнтеру эта революция развивалась только со времени варварских королевств V–VII вв., с чем впоследствии согласился В. И. Кузицин. *Обсуждение результатов.* К концу 1980-х гг. подход В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман был признан как ведущий. Но обе концепции не получили дальнейшей разработки на материале источников. *Заключение.* Продолжение теоретических обобщений по теме падения Западной Римской империи остается особо важным на фоне новаций зарубежной литературы, отказавшейся от «теории краха» античности и переходящей на точку зрения о ее длительном перерождении в III–VII вв.

Ключевые слова: Западная Римская империя, «революция рабов», социальная революция, классовая борьба, варварские завоевания, переходный протофеодальный период.

Введение. Мнения о «революции рабов» как причине падения рабовладельческого строя были результатом преувеличенных в 1930-е гг. представлений о роли классовой борьбы в истории и упрощенной трактовки источников. Это сложилось под влиянием слов И. В. Сталина о том, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» [33, с. 239].

К середине 1950-х гг. стало очевидным, что главной причиной трудностей в понимании падения Западной Римской империи стало механическое перенесение на те времена закономерностей крушения феодального и буржуазного обществ в революциях XVIII–XX вв., ибо под таким ракурсом социальная революция однозначно понималась как установление власти прогрессивных классов, сложившихся к началу революционной эпохи.

Две редакционные статьи «Вестника древней истории» 1956 г. и 1957 г., признав, что рабовладельческий строй не был сокрушен единовременной и победоносной народной революцией, совершенно невозможной в те времена, указали на недостатки в изучении истории классовой борьбы в Поздней Римской империи. Была поставлена задача учитывать при изучении борьбы народных масс взаимодействие всех факторов – внутренних и внешних [8, с. 12; 32, с. 11–12]. Поэтому анализ работ о преодолении идей «революции рабов», сделанный на материале до середины 1960-х гг., подчеркнул необходимость ответить на вопрос о том, «дей-

ствовал ли в условиях гибели античного мира закон социальной революции как условие смены формаций; если действовал, то в чем состояли его особенности..., а если не действовал, то каков был здесь механизм наблюдаемых процессов» [12, с. 229]. Но последующие работы исследовали общую историю о появлении и применении идей «революции рабов» в 1930–1940-е гг. [4; 6; 19; 20; 30; 31; 36]. Отдельный блок статей сложился вокруг взглядов В. Т. Сиротенко (1915–2006), собравшего данные о народном сопротивлении варварам для опровержения взглядов о «революции рабов» [2; 5; 20]. При этом очевиден историографический пробел в изучении того, как развивались новые решения в вопросе о социальной революции при крушении античного мира после отказа от идеи о «революции рабов».

Методы. Поэтому задача настоящей статьи заключается в определении сущности и направлений этого процесса на материале из истории советского антиковедения 1970-х – 1980-х гг. Это разрабатывалось путем сравнительного анализа работ историков, взявших на себя «обязанность поставлять наиболее взвешенные формулировки общих положений теории античного общества» [18, с. 163], через определение того, как в них: а) проходило определение революционного класса и применение учения о классовой борьбе; б) в каком направлении двигалось исследование вопроса о зарождении основ феодального способа производства.

В качестве временных рубежей, с которых закрепился отказ отечественной историографии от использования идей о «революции рабов», назывались две даты [2, с. 49] – редакционная статья «Вестника древней истории» (1957 г.), признавшая выводы о «революции рабов» неподкрепленными источниками [8], и мнение С. Л. Утченко (1969 г.) о переоценке революционной активности рабов [34].

Нами предлагается иная датировка – статья А. Р. Корсунского (1964 г.). Признавая стихийность классовой борьбы народных масс, их неспособность уничтожить рабовладельческое государство, А. Р. Корсунский оценил суть падения Западной Римской империи как постепенную утрату императорским режимом контроля над провинциями. Он отказался признать это социальной революцией, ибо новый революционный класс как носитель новых, прогрессивных производственных отношений не сложился к тому времени. Поэтому главной силой политического переворота стали вторгавшиеся в империю варвары [16, с. 103, 105–107].

Рубежный характер статьи А. Р. Корсунского выделен нами не только потому, что ее автор поставил, образно говоря, марксистскую точку в дискуссиях о «революции рабов», но и тем, что он предложил путь по исследованию вопроса о становлении социально-хозяйственных основ для появления нового способа производства и определения соответствующей этому датировки.

Результаты. С середины 1960-х гг. отечественная историография, по-прежнему определяя переход к феодализму в Западной Европе социальной революцией, признала существование особой переходной эпохи, где взаимодействовали римско-провинциальные, рабовладельческие и варварские, родоплеменные отношения. Это опиралось на мысль К. Маркса о том, что «...эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами» (25, с. 382). А. И. Неусыхин назвал такой период «дофеодальным», определяя его применительно ко всем германским племенам как стадийное понятие [28]. Обсуждение его теории оказалось длительным и сложным [9], но идея о существовании переходного периода между античностью и средневековьем была поддержана [11, с. 108].

Отечественная медиэвистика с конца 1960-х гг. перешла к теории феодального синтеза – зарождения предпосылок феодализма в разлагавшемся племенном строе варваров при его сочетании с остатками рабовладельческого способа производства [23]. Исторически это восходило к выводам Д. М. Петрушевского, некогда определившего три пути в зарождении феодализма – остготский, франкский, англосаксонский [29].

Таким образом, с конца 1960-х – начала 1970-х гг. сложился безусловный отказ не столько от «революции рабов», сколько от подгонки исторических фактов под марксистскую схему социальной революции, методологически отработанную на материале буржуазных и социалистических революций. Это своего рода рубеж «смены вех», от которого идет временной отсчет нашего исследования о том, как затем развивалось применение марксистской теории социальной революции к падению Западной Римской империи.

Бесповоротный крах взглядов о «революции рабов» подталкивал к углубленному изучению развития Римской империи в поисках предпосылок к зарождению нового способа производства. Рецензия Е. М. Штаерман на сборник «Роль народных масс в истории докапиталистических общественных формаций» с материалами двух конференций в ГДР (1973 г.) отразила данный поворот.

Й. Херманн, отмежевываясь от идей о «революции рабов и колонов», все-таки признал, что 400-летняя борьба народных масс способствовала переустройству общественных отношений в части сложения полусвободного и свободного крестьянского хозяйства [39, с. 181–182]. Р. Гюнтер подчеркнул, что народные движения не стремились установить новые отношения собственности, но их борьба объективно вела к «расшатыванию отношений рабовладельческой собственности» [39, с. 188].

Е. М. Штаерман одобрила постановку Й. Херманном вопроса об исследовании того, насколько покоренные римлянами родоплеменные общества влияли на изменения форм эксплуатации трудящихся масс и состояния господствующего класса. В ее оценке родоплеменная знать в завоеванных провинциях становилась частью римского рабовладельческого класса, с другой стороны, насколько она становилась элементом нового имущего класса, возникавшего в рамках рабовладения. Так началось смещение от идеи о народных массах как главном революционном классе к поиску изменений в отношениях собственности. Поэтому Е. М. Штаерман поддержала вывод о роли туземных элементов в западных провинциях империи, хозяйствовавших вне рабовладельческого уклада – родоплеменной знати и ее трудящихся соплеменников – как исходной основы для «зарождения и развития базиса феодального способа производства», формировавшегося уже в рамках Римской империи [39, с. 183–184]. Безусловно, ее подход выражал стабильное следование основополагающей марксистской идее о зарождении нового способа производства в недрах разлагавшегося рабовладельческого строя.

Вопрос об особенностях перехода от рабовладения к феодализму обсуждался на конференции в Лейпциге (1976 г.) к 1500-летию со времени падения Западной Римской империи.

Вопрос о характере переходного времени следовало раскрывать, по мнению А. Р. Корсунского (доклад «О проблеме возникновения элементов феодальных отношений в Римской империи»), путем определения того, как новые общественные явления, связанные с рабовладельческой системой, несли в себе элементы будущего феодального строя. Позднеримский колонат как особая форма крепостничества был тесно связан с рабовладельческим способом производства и потому не может признаваться феодальным институтом. Сохраняя верность выводам 1964 г., А. Р. Корсунский говорил о «зачатках феодализма», которые из-за противодействия рабовладельческой системы не превратились в подлинно феодальные отношения [16, с. 177–178].

Р. Гюнтер в докладе «Эпоха социальной и политической революции» признал, что переход от античности к средневековью имел важнейшие признаки социальной революции в ее марксистском толковании: а) противоречие между производительными силами и производственными отношениями; б) революционное уничтожение мощи господствующего класса; в) появление основ для возникновения новой политической власти; г) длительность революционного процесса. Но ее особенностью было отсутствие революционного класса в Римской империи, способного разрушить старый строй, и поэтому господствовавший порядок уничтожили внешние силы – варвары-федераты и примкнувшая к ним часть крупных провинциальных землевладельцев. Эпоха социальной революции началась, по Р. Гюнтеру, только с конца V в. [16, с. 177].

Зарождение нового общества в недрах старого отживающего строя начинается с экономических элементов; причем, они должны иметь прочный и устойчивый характер, чтобы играть ведущую роль в некоем секторе экономики. Поэтому, по мнению Корсунского, показателем новой структуры общества может быть признано только зарождение качественно новых отношений собственности [15, с. 39–40].

А. Р. Корсунский и Р. Гюнтер во введении к монографии (1984 г.), написанном ими сообща, сохранили приверженность прежней точке зрения о том, что движения народных масс, не обладавших полноценным классовым сознанием и политической организованностью, несмотря на их силу, не способствовали возникновению феодальных отношений, хотя и расшатывали отношения рабовладельческой формы собственности. Соответственно, для Поздней Римской империи можно говорить лишь о зародышах новых социально-экономических отношений в виде отношений господства и личного подчинения между колонами и крупными землевладельцами. Их нельзя назвать в полной мере феодальными, ибо они не господствовали в обществе. Рабовладельческое общество, его устаревшие отношения собственности и сами борющиеся против этого народные массы были сметены внешней силой – варварами [17, с. 24, 28].

Поэтому, отрицая активную революционную роль народных масс, не способных осуществить социальную революцию, А. Р. Корсунский согласился с идеей Р. Гюнтера, что развертывание социальной революции началось только со времени образования варварских коро-

левств в переходный период, названный им для V–VII вв. «протофеодальным» [17, с. 210–211]. Однако их идеи не нашли поддержки в советской историографии: признавалось, что вопрос о политических и социальных революциях в древних обществах «все еще остался малоисследованным» [10, с. 7].

Ответом на выводы А. Р. Корсунского и Р. Гюнтера стала статья В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман [22]. Исходя из идеи К. Маркса о том, что римляне обычно оставляли у побежденных народов их способ производства [26, с. 35], авторы высказали мысль о переплетении в завоеванных провинциях разных социально-экономических укладов – рабовладельческого и племенного – с разными отношениями собственности, эксплуатации и с разным социальным расслоением.

По мере упадка рабовладения протофеодальный уклад, выросший из доримских отношений, представленных сельскими общинами местного населения и внегородскими, возделываемыми колонами именными, развивался далее. Связанные с ним провинциальные магнаты при росте автономности провинций, вступив в союзы с варварскими вождями и королями, отделялись от слабеющей императорской власти. Для Е. М. Штаерман этот вывод не был чем-то новым: он коренился в ее ранних работах о кризисе рабовладения в западных провинциях и политике галльских узурпаторов III в. Последних она воспринимала (с оговоркой «скорее всего») как ставленников крупных земельных магнатов [38, с. 306–308].

В. И. Кузицин и Е. М. Штаерман декларировали признаки той социальной революции, не происшедшей как единовременный акт: а) смена отношения собственности (гибельной античной формы собственности); б) смена правящего класса муниципальных собственников классом землевладельцев из туземной и варварской знати; в) разрушение старого государственного управления; г) широкие народные (преимущественно крестьянские) движения; д) частичное смягчение положения трудящихся. Классовая борьба только обусловила невозможность дальнейшего развития рабовладельческого способа производства. Классы и слои феодализировавшегося уклада, представленного крупными внегородскими поместьями, то есть, по словам Е. М. Штаерман, «тем типом хозяйства, где зарождаются новые феодальные отношения» [37, с. 201–202], послужили движущей силой социальной революции [22, с. 76–77].

Революционный процесс был многосторонним и происходил в борьбе между эксплуататорами и эксплуатируемыми в обоих укладах – старом, рабовладельческом и новом, протофеодальном; между земельными магнатами, выдвигавшими узурпаторов императорской власти, и позднеримским государством. Вторгавшиеся в пределы империи варвары вступали в союзы как с высшими слоями в обоих укладах, так и с эксплуатируемыми массами в них [22, с. 77]. Но мысль Е. М. Штаерман о крупных магнатах, добивавшихся независимости от империи, основывалась в ее монографии 1957 г. на источниках о кризисе III в. Положение же в Галлии в V столетии было совершенно иным, и вывод о сепаратизме магнатов и их союзе с варварами применительно к этой эпохе нуждается в проверке на других источниках.

В. И. Кузицин, продолжая эти выводы в монографии об античном рабстве (1990 г.), определил особенности поздней античности, когда отсутствие революционно организованного класса как носителя новых общественных отношений, преемственность между старой сенаторской знатью и новыми земельными магнатами не привели к сломи старого государственного аппарата, т. е. к политической революции. Падение западноримского государства стало результатом сложного узла социальной, религиозной, этнической борьбы [21, с. 48–49, 52–55].

Признавая наличие социальной революции при переходе к феодализму, В. И. Кузицин относил ее начало к времени варварских королевств [21, с. 51], в чем усматривается влияние взглядов А. Р. Корсунского и Р. Гюнтера.

Точка зрения В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман закрепились в первом томе «Истории Европы» (1988 г.) – негласном подведении итогов работы советского антиковедения: «Падение Западной Римской империи, несомненно, было результатом эпохи войн и революций... То было сложное переплетение борьбы между классами находящегося в глубоком кризисе античного уклада и нового, феодализирующегося, с борьбой эксплуататорских и эксплуатируемых классов внутри каждого уклада, с борьбой всех классов против бюрократического аппарата государства... В борьбе этой ...большую роль играли варвары, уже в значительной мере ставшие внутренней силой, проникая во все сферы жизни общества, начиная от двора и армии и завершая селами и виллами, где они возделывали землю в качестве колоннов...» [13, с. 652].

Обсуждение результатов. Таким образом, советское антиковедение к рубежу 1980-х – начала 1990-х гг., сохранив приверженность к теории социальной революции и признав ее кардинальные отличия от социальных революций последующих эпох (длительность пере-

ходного периода, большая роль завоеваний), остановилось на теоретических идеях В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман. После смерти А. Р. Корсунского (1980 г.) Р. Гюнтер остался на прежней точке зрения о том, что решающие изменения в производственных отношениях и собственности произошли только в германских королевствах, начиная с VI в. [7, с. 113]. Попытки активизации вопроса о роли народных масс в развитии ранних обществ в трактовке Й. Херманна (1988 г.) показали необходимость более конкретных подходов к изучению данной темы [24], но не получили продолжения в работах по поздней античности.

К рубежу XX–XXI вв. изучение античного рабства в отечественной литературе прекратилось по причине кризиса в применении марксистской методологии [35]. Поэтому оба подхода в толковании падения Западной Римской империи – В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман, А. Р. Корсунского и Р. Гюнтера – остались не востребуемыми для продолжения и нового переосмысления в российском антиковедении.

Заключение. Продолжение исследований остается особо значимым в свете современных зарубежных подходов к изучению истории падения Западной Римской империи, которые подтолкнула работа П. Брауна «Мир поздней античности» (1971). Понятие «поздняя античность», охватывая длительный период 250–750 гг., понимается за рубежом не как эпоха сплошного упадка античного мира, но как время сохранения античной культуры, «новых возможностей и кардинальных изменений, разнообразия и творчества» [1, с. 223–224]. Это требует поиска новых методологий в изучении и толковании письменных источников, особенно в сочетании с данными археологии, не отвергая полностью наследие советского антиковедения.

Список литературы

1. Ващева И. Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. М. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220–231.
2. Волошин Д. А. Критика «революции рабов» и тезиса о союзе угнетенных масс Римской империи с варварами в советском антиковедении и медиевистике (по материалам В. Т. Сиротенко) // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 42–55.
3. Волошин Д. А. Преодоление «теории революции рабов» в советской исторической науке: хронологические рубежи и «точки невозврата» // Исторические, филологические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 3 (77). Ч. 1. С. 48–50.
4. Волошин Д. А. Сталинский концепт «революции рабов» в отечественной исторической науке в 1933–1934 гг. // Исторические, филологические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 1 (75). С. 70–73.
5. Волошин Д. А. Теория революции рабов. Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2016. 256 с.
6. Волошин Д. А. «Теория революции рабов» в трудах советских историков второй половины 40-х гг. XX века // Концепт. 2016. Т. 2. С. 136–140.
7. Гюнтер Р. Социальные проблемы перехода от античности к средневековью // Вестник древней истории. 1992. № 3. С. 112–118.
8. За глубокое овладение теоретическим наследием Ленина // Вестник древней истории. 1957. № 1. С. 3–16.
9. Земляков М. В. А. И. Неусыхин и его концепция переходного периода: восприятие и интерпретации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. Вып. 1 (56). С. 113–136.
10. Значение XXVI съезда КПСС для развития советской исторической науки о древнем мире // Вестник древней истории. 1986. № 2. С. 3–10.
11. Жуков Е. М., Барг М. А. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса / Е. Б. Черняк, В. И. Павлов. М. : Наука, 1979. 328 с.
12. Кац А. Л. Проблема падения Западной Римской империи в советской историографии (из истории вопроса) // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 212–229.
13. Колосовская Ю. К., Штаерман Е. М. Передвижения племен и падение Западной Римской империи // История Европы. М. : Наука, 1988. Т. 1. Древняя Европа. С. 647–653.
14. Корсунский А. Р. Конференция по проблеме падения Западной Римской империи // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 177–178.
15. Корсунский А. Р. О социальных революциях в докапиталистических формациях // Проблемы теории социальной революции : сб. статей / отв. ред. М. Я. Ковальзон. М. : Изд-во МГУ, 1976. С. 30–49.
16. Корсунский А. Р. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 95–111.
17. Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М. : Изд-во МГУ, 1984. 256 с.

18. Крих С. Б. Парадоксы научного мейнстрима в поздней советской историографии древности // Социальные институты в истории: ретроспекции и реальность : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Ротермель. Омск : Изд-во Омского ун-та, 2018. Вып. 3. С. 155–169.
19. Крих С. Б. «Революция рабов» в отечественной историографии 30-х годов XX века // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. 2006. Вып. 17. С. 224–236.
20. Крих С. Б. «Революция рабов» и периферийная историография (рец. на: Волошин Д. А. Теория революции рабов. Ставрополь : Дизайн-студия Б., 2016) // Вестник древней истории. 2017. № 77 (4). С. 1019–1024.
21. Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М. : Изд-во МГУ, 1990. 270 с.
22. Кузищин В. И., Штаерман Е. М. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // Вопросы истории. 1986. № 10. С. 61–77.
23. Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9–12.
24. Маринович Л. П. Конференция по проблеме народных движений и классовой борьбы (Берлин, 6–9 октября 1988 г.) // Вестник древней истории. 1990. № 4. С. 222–223.
25. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. М. : Политиздат, 1968. Т. 23. С. 4–812.
26. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Введение. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение) // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. М. : Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 28–42.
27. Научная сессия «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 5–154.
28. Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия от рабовладельческого строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75–87.
29. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства / под общ. ред. М. А. Морозова. СПб. : ИЦ Гуманитарная Академия, 2003. 448 с.
30. Попова В. Л. Некоторые вопросы решения проблемы перехода от античности к феодализму в советской историографии 30-х – начала 50-х гг. // Вопросы всеобщей истории и историографии / ред. Б. Г. Могильницкий. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1982. С. 111–121.
31. Попова В. Л. Формирование марксистской концепции перехода от античности к средним векам в советской историографии (1917–1933) // Проблемы всеобщей истории / ред. Б. Г. Могильницкий. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1983. С. 115–131.
32. Проблема падения рабовладельческого строя (к итогам дискуссии) // Вестник древней истории. 1956. № 1. С. 3–13.
33. Сталин И. В. Речь на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников 16 февраля 1933 г. // И. В. Сталин Сочинения. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 236–256.
34. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М. : Наука, 1969. 324 с.
35. Хайнен Х. Расцвет и упадок советских исследований о рабстве. Очерк о взаимосвязи политики и науки // Вестник древней истории. 2014. № 4. С. 143–178.
36. Шарова А. В. «Революция рабов» в учебных изданиях Е. М. Косминского 1930–1950-х гг. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах. Т. VI. М. : Собрание, 2017. С. 421–450.
37. Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М. : Наука, 1978. 222 с.
38. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. : Изд-во АН СССР, 1957. 512 с.
39. Штаерман Е. М. [Рецензия] Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen / Hrsg. von J. Herrmann, I. Sellnow. Berlin, 1975 // Вестник древней истории. 1978. № 3. С. 181–192.

The fall of the Western Roman Empire in the assessments of Soviet Antiquity in the 1970s and 1980s.

Dryakhlov Vladimir Nikolaevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Volga-Vyatka Institute (branch) O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy).
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-4846-2365. E-mail: were.152j@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The study of new approaches to the interpretation of the theory of social revolution in relation to the fall of the Western Roman Empire after breaking the deadlock of the "slave revolution" serves as the basis for continuing scientific research on this problem in Russian antiquity. *Methods.* The content

of the article was formed by a comparative review of the conclusions of historians who proposed new theoretical conclusions based on Marxist methodology in the period from the 1970s to the turn of the 1980s – early 1990s – V. I. Kuzishchin, E. M. Shtaerman, A. R. Korsunsky, R. Gunter. *Results*. Recognizing the transition to feudalism of the social revolution with a number of features and using the concept of "proto-feudal way of life", the authors differed in their assessment of how mature the prerequisites for the emergence of the feudal mode of production in the economy of Late Rome were. E. M. Shtaerman found them in the development of large extra-urban magnate land ownership in the western provinces. In the assessments of A. R. Korsunsky and R. Gunther, the relations of exploitation of colonies did not turn into developed feudal relations. Therefore, if in the assessment of V. I. Kuzishchin and E. M. If the classes and strata of the emerging feudalizing way of life were recognized as the driving force of the social revolution, then according to A. R. Korsunsky and R. Gunther, this revolution developed only since the time of the barbarian kingdoms of the V–VII centuries, with which V. I. Kuzishchin subsequently agreed. *Discussion of the results*. By the end of the 1980s, the approach of V. I. Kuzishchin and E. M. Shtaerman was recognized as the leading one. But both concepts did not receive further development based on the material of the sources. *Conclusion*. The continuation of theoretical generalizations on the topic of the fall of the Western Roman Empire remains especially important against the background of innovations in foreign literature, which abandoned the "theory of collapse" of antiquity and switched to the point of view of its long rebirth in the III–VII centuries.

Keywords: Western Roman Empire, "slave revolution", social revolution, class struggle, barbaric conquests, transitional proto-feudal period.

References

1. *Vashcheva I. Yu. Konceptiya pozdnej antichnosti v sovremennoj istoricheskoy nauke* [The concept of late antiquity in modern historical science] // *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. M. Lobachevskogo* – Herald of Nizhny Novgorod University n. a. N. M. Lobachevsky. 2009. No. 6 (1). Pp. 220–231.
2. *Voloshin D. A. Kritika "revolyucii rabov" i tezisa o soyuze ugnennykh mass Rimskoj imperii s varvarami v sovetskom antikovedenii i medievistike (po materialam V. T. Sirotenko)* [Criticism of the "slave revolution" and the thesis about the union of the oppressed masses of the Roman Empire with barbarians in Soviet antiquity and Medieval studies (based on the materials of V. T. Sirotenko)] // *Novoe proshloe* – New Past. 2021. No. 2. Pp. 42–55.
3. *Voloshin D. A. Preodolenie "teorii revolyucii rabov" v sovetskoj istoricheskoy nauke: hronologicheskie rubezhi i "tochki nevozvrata"* [Overcoming the "theory of the slave revolution" in Soviet historical science: chronological boundaries and "points of no return"] // *Istoricheskie, filologicheskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philological, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov. Gramota (Diploma), 2017. No. 3 (77). Part 1. Pp. 48–50.
4. *Voloshin D. A. Stalinskij koncept "revolyucii rabov" v otechestvennoj istoricheskoy nauke v 1933–1934 gg.* [Stalinist concept of the "slave revolution" in Russian historical science in 1933–1934] // *Istoricheskie, filologicheskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philological, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov. Gramota (Diploma), 2017. No. 1 (75). Pp. 70–73.
5. *Voloshin D. A. Teoriya revolyucii rabov* [Theory of the slave revolution]. Stavropol. Design Studio B, 2016. 256 p.
6. *Voloshin D. A. "Teoriya revolyucii rabov" v trudah sovetskih istorikov vtoroj poloviny 40-h gg. XX veka* ["Theory of the slave revolution" in the works of Soviet historians of the second half of the 40s of the twentieth century] // *Koncept* – Concept. 2016. Vol. 2. Pp. 136–140.
7. *Gunther R. Social'nye problemy perekhoda ot antichnosti k srednevekov'yu* [Social problems of the transition from antiquity to the Middle Ages] // *Vestnik drevnej istorii* – Herald of Ancient History. 1992. No. 3. Pp. 112–118.
8. *Za glubokoe ovladenie teoreticheskim naslediem Lenina* – For deep mastery of Lenin's theoretical legacy // *Vestnik drevnej istorii* – Herald of Ancient History. 1957. No. 1. Pp. 3–16.
9. *Zemlyakov M. V. A. I. Neusykhin i ego konceptiya perekhodnogo perioda: vospriyatie i interpretacii* [A. I. Neusykhin and his concept of the transition period: perception and interpretation] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. 2014. Is. 1 (56). Pp. 113–136.
10. *Znachenie XXVI s'ezda KPSS dlya razvitiya sovetskoj istoricheskoy nauki o drevnem mire* – The significance of the XXVI Congress of the CPSU for the development of Soviet historical science about the ancient world // *Vestnik drevnej istorii* – Herald of Ancient History. 1986. No. 2. Pp. 3–10.
11. *Zhukov E. M., Barg M. A. Teoreticheskie problemy vseмирno-istoricheskogo processa* [Theoretical problems of the world-historical process] / E. B. Chernyak, V. I. Pavlov. M. Nauka (Science), 1979. 328 p.
12. *Katz A. L. Problema padeniya Zapadnoj Rimskoj imperii v sovetskoj istoriografii (iz istorii voprosa)* [The problem of the fall of the Western Roman Empire in Soviet historiography (from the history of the issue)] // *Vestnik drevnej istorii* – Herald of Ancient History. 1967. No. 2. Pp. 212–229.

13. Kolosovskaya Yu. K., Shtaerman E. M. *Peredvizheniya plemen i padenie Zapadnoj Rimskoj imperii* [Movements of tribes and the fall of the Western Roman Empire] // *Istoriya Evropy – History of Europe*. M. Nauka (Science), 1988. Vol. 1. Ancient Europe. Pp. 647–653.
14. Korsunskij A. R. *Konferenciya po probleme padeniya Zapadnoj Rimskoj imperii* [Conference on the problem of the fall of the Western Roman Empire] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 1977. No. 6. Pp. 177–178.
15. Korsunskij A. R. *O social'nyh revolyuciyah v dokapitalisticheskikh formacijah* [On social revolutions in pre-capitalist formations] // *Problemy teorii social'noj revolyucii : sb. statej – Problems of the theory of social revolution : collection of articles* / ed. M. Ya. Kovalzon. M. Publishing House of Moscow State University, 1976. Pp. 30–49.
16. Korsunskij A. R. *Problema revolyucionnogo perekhoda ot rabovladel'cheskogo stroya k feodal'nomu v Zapadnoj Evrope* [The problem of the revolutionary transition from the slave-owning system to the feudal one in Western Europe] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 1964. No. 5. Pp. 95–111.
17. Korsunskij A. R., Gunther R. *Upadok i gibel' Zapadnoj Rimskoj imperii i vzniknovenie germanskikh korolevstv (do serediny VI v.)* [The decline and death of the Western Roman Empire and the emergence of the German kingdoms (until the middle of the VI century)]. M. Publishing House of Moscow State University, 1984. 256 p.
18. Krikh S. B. *Paradoksy nauchnogo mejnstrima v pozdnej sovetской istoriografii drevnosti* [Paradoxes of the scientific mainstream in the late Soviet historiography of antiquity] // *Social'nye instituty v istorii: retrospekcii i real'nost' : sb. statej – Social institutions in history: retrospections and reality : collection of articles* / ed. by L. R. Rothermel. Omsk. Publishing House of the Omsk University, 2018. Is. 3. Pp. 155–169.
19. Krikh S. B. *"Revoljuciya rabov" v otechestvennoj istoriografii 30-h godov XX veka* ["Slave Revolution" in Russian historiography of the 30s of the twentieth century] // *Dialog so vremenem : al'manah intellektual'noj istorii – Dialogue with Time : an almanac of Intellectual History*. 2006. Is. 17. Pp. 224–236.
20. Krikh S. B. *"Revoljuciya rabov" i periferijnaya istoriografiya (rec. na: Voloshin D. A. Teoriya revolyucii rabov. Stavropol' : Dizajn-studiya B., 2016)* ["The Slave Revolution" and peripheral historiography (review on: Voloshin D. A. [Theory of the slave revolution]. Stavropol. Design Studio B., 2016)] // *Vestnik drevnej istorii – Herald of Ancient History*. 2017. No. 77 (4). Pp. 1019–1024.
21. Kuzishchin V. I. *Antichnoe klassicheskoe rabstvo kak ekonomicheskaya sistema* [Ancient classical slavery as an economic system]. M. Publishing House of Moscow State University, 1990. 270 p.
22. Kuzishchin V. I., Shtaerman E. M. *Problemy klassovoj struktury i klassovoj bor'by v sovremennoj istoriografii antichnosti* [Problems of class structure and class struggle in modern historiography of antiquity] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 1986. No. 10. Pp. 61–77.
23. Lyublinskaya A. D. *Tipologiya rannego feodalizma v Evrope i problema romano-germanskogo sinteza* [Typology of early feudalism in Europe and the problem of Romano-Germanic synthesis] // *Srednie veka – The Middle Ages*. 1968. Is. 31. Pp. 9–12.
24. Marinovich L. P. *Konferenciya po probleme narodnyh dvizhenij i klassovoj bor'by (Berlin, 6–9 oktyabrya 1988 g.)* [Conference on the problem of popular movements and class struggle (Berlin, October 6–9, 1988)] // *Vestnik drevnej istorii – Herald of Ancient History*. 1990. No. 4. Pp. 222–223.
25. Marx K. *Kapital* [Kapital] // *K. Marx, F. Engels. Sochineniya* [Writings]. M. Politizdat, 1968. Vol. 23. Pp. 4–812.
26. Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. Vvedenie. Proizvodstvo, potreblenie, raspredelenie, obmen (obrashchenie)* [Economic manuscripts of 1857–1859. Introduction. Production, consumption, distribution, exchange (circulation)] // *K. Marx, F. Engels. Sochineniya* [Writings]. M. Politizdat, 1968. Vol. 46. Part 1. Pp. 28–42.
27. *Nauchnaya sessiya "Itogi i zadachi izucheniya genezisa feodalizma v Zapadnoj Evrope"* – Scientific session "Results and tasks of studying the genesis of feudalism in Western Europe" // *Srednie veka – The Middle Ages*. 1968. Is. 31. Pp. 5–154.
28. Neusyhin A. I. *Dofeodal'nyj period kak perekhodnaya stadiya ot rabovladel'cheskogo stroya k rane-feodal'nomu (na materiale istorii Zapadnoj Evropy rannego srednevekov'ya)* [The pre-feudal period as a transitional stage from the slave-owning system to the early feudal one (based on the history of Western Europe of the Early Middle Ages)] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 1967. No. 1. Pp. 75–87.
29. Petrushevskij D. M. *Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva i gosudarstva* [Essays from the history of medieval society and the state] / under the gen. ed. of M. A. Morozov. SPb. IC Humanitarian Academy, 2003. 448 p.
30. Popova V. L. *Nekotorye voprosy resheniya problemy perekhoda ot antichnosti k feodalizmu v sovetskoj istoriografii 30-h – nachala 50-h gg.* [Some issues of solving the problem of the transition from antiquity to feudalism in Soviet historiography of the 30s – early 50s] // *Voprosy vseobshchej istorii i istoriografii – Questions of universal history and historiography* / ed. by B. G. Mogilnitsky. Tomsk. Publishing House of Tomsk State University, 1982. Pp. 111–121.
31. Popova V. L. *Formirovanie marksistskoj koncepcii perekhoda ot antichnosti k srednim vekam v sovetskoj istoriografii (1917–1933)* [Formation of the Marxist concept of the transition from antiquity to the Middle Ages in Soviet historiography (1917–1933)] // *Problemy vseobshchej istorii – Problems of universal history* / ed. by B. G. Mogilnitsky. Tomsk. Publishing House of the Tomsk State University, 1983. Pp. 115–131.
32. *Problema padeniya rabovladel'cheskogo stroya (k itogam diskussii)* – The problem of the fall of the slave-owning system (to the results of the discussion) // *Vestnik drevnej istorii – Herald of Ancient History*. 1956. No. 1. Pp. 3–13.

33. Stalin I. V. *Rech' na I Vsesoyuznom s'ezde kolhoznikov-udarnikov 16 fevralya 1933 g.* [Speech at the I All-Union Congress of collective farmers-strikers on February 16, 1933] // *I. V. Stalin Sochineniya* [Works]. M. Gospolitizdat, 1951. Vol. 13. Pp. 236–256.

34. Utchenko S. L. *Drevnij Rim. Sobytiya. Lyudi. Idei* [Ancient Rome. Events. People. Ideas]. M. Nauka (Science), 1969. 324 p.

35. Heinen H. *Rascvet i upadok sovetskih issledovanij o rabstve. Ocherk o vzaimosvyazi politiki i nauki* [The rise and decline of Soviet studies on slavery. An essay on the relationship between politics and science] // *Vestnik drevnej istorii* – Herald of Ancient History. 2014. No. 4. Pp. 143–178.

36. Sharova A. V. *"Revolyuciya rabov" v uchebnyh izdaniyah E. M. Kosminskogo 1930–1950-h gg.* ["The Slave Revolution" in educational publications by E. M. Kosminsky of the 1930s–1950s] // *Scripta antiqua. Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury : al'manah* – Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology, art and material culture : almanac. Vol. VI. M. Collection, 2017. Pp. 421–450.

37. Shtaerman E. M. *Drevnij Rim: problemy ekonomicheskogo razvitiya* [Ancient Rome: problems of economic development]. M. Nauka (Science), 1978. 222 p.

38. Shtaerman E. M. *Krizis rabovladel'cheskogo stroya v zapadnyh provinciyah Rimskoj imperii* [The crisis of the slave-owning system in the western provinces of the Roman Empire]. M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. 512 p.

39. Shtaerman E. M. [Review] *Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen* / Hrsg. von J. Herrmann, I. Sellnow. Berlin, 1975 // *Vestnik drevnej istorii* – Herald of Ancient History. 1978. No. 3. Pp. 181–192.

Советская помощь Китайской Республике (1937–1945 гг.) в отечественной мемуарной и исследовательской литературе

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yvspu.org

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы документального обеспечения процесса изучения проблемы советской помощи Китайской Республике в 1937–1945 гг., а также представлен обзор основных отечественных мемуарных и исследовательских работ. Отмечается, что в целом тема оказания Советским Союзом помощи Китайской Республике в освободительной войне с милитаристско-фашистской Японией является менее разработанной в отечественной историографии, чем аналогичная тема советской помощи Испанской Республике в 1936–1939 гг. Отмечается отсутствие специальных библиографических указателей и специальных историографических исследований. В то же время подчеркивается наличие солидного источникового обеспечения, связанное с публикацией серии документов по теме «ВКП(б), Коминтерн и Китай», а также серийного издания «Русско-китайские отношения в XX веке». При рассмотрении мемуарной литературы отмечается, что публикация воспоминаний участников войны в Китае началась позднее, чем публикация воспоминаний участников войны в Испании. В то же время подчеркивается, что при отсутствии воспоминаний главных военных советников в Испании двое из четырех главных советников в Китае издали свои воспоминания отдельными книгами. Отмечается, что отечественные историки приступили к изучению рассматриваемой проблемы в 1950-х гг. Для работ советского периода характерно ошибочное представление советской помощи Китаю с позиции теории пролетарского интернационализма. Кроме того, для многих работ типичной является жесткая антимаоцзедуновская риторика, связанная с ухудшением советско-китайских отношений в тот период. Подчеркивается, что российская исследовательская литература выгодно отличается от трудов советских историков отсутствием политизированных подходов, а также всевозрастающим количеством используемых документальных источников. Отмечается активное участие в проведении исследований как научных сотрудников ИДВ РАН, так и исследователей из других городов и учебно-научных организаций.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, милитаристско-фашистская Япония, агрессия, помощь, документы, мемуары, исследования.

Проблема оказания Советским Союзом помощи Китайской Республике в 1937–1945 гг. является менее разработанной в отечественной историографии в сравнении с проблемой советской помощи Испанской Республике в 1936–1939 гг. Нам не удалось обнаружить отдельных библиографических указателей. В разделе «Библиография» монографии М. И. Сладковского представлены источники и литература по вопросам советско-китайских дипломатических и торгово-экономических отношений, научно-технического сотрудничества, в том числе и в период 1937–1945 гг. [48, с. 320–326].

Внушительная подборка документальных источников и исследовательской литературы, в том числе по рассматриваемой нами проблеме, содержится в разделе «Библиография» монографии И. Н. Сотниковой, посвященной исследованию организационных структур, кадровой финансовой политики китайского сектора Коминтерна в 1919–1943 гг. [51, с. 294–312].

Историографические исследования. Один из первых историографических обзоров по проблеме оказания Советским Союзом военной помощи Китайской Республике содержится в монографии Б. А. Бородина (1965 г.). По мнению автора, на тот момент эта проблема оставалась наименее изученной в истории советско-китайских отношений [5, с. 10].

В рассматриваемом обзоре дается краткая характеристика опубликованных сборников документов, содержится благодарность советским добровольцам – участникам войны в Китае: генерал-лейтенантам А. И. Черепанову и А. Я. Калягину, полковникам А. И. Грисенко и А. К. Корчагину за существенную помощь в воссоздании отдельных эпизодов боевой деятельности советских летчиков-добровольцев, в уточнении некоторых фактов, связанных с пребыванием советских военных специалистов в Китае.

Далее в обзоре содержится перечень общих работ, в которых в той или иной степени затрагивались аспекты внешней политики СССР в отношении Китая и борьбы китайского народа против японской агрессии. Особо выделяются монография М. С. Капицы, в которой дан первый в СССР анализ отношений СССР и Китая в период японо-китайской войны, и монография М. И. Сладковского о советско-китайском экономическом сотрудничестве [5, с. 12, 13].

Главным центром разработки историографических проблем отечественного китаеведения является Институт Дальнего Востока (ИДВ) РАН. Существенное место в историографических публикациях научных сотрудников ИДВ занимает анализ источников и литературы, имеющих отношение к проблемам советской помощи революционным движениям в Китае и советско-китайских отношений 1920–1940-х гг. [15, с. 95–102; 30, с. 30–45].

В 2015 г. Центром новейшей истории Китая ИДВ РАН был издан сборник «Отечественная историография КНР: некоторые направления» [40]. Из 11 статей, посвященных различным периодам современного Китая, наше внимание привлекли две, имеющие непосредственное отношение к нашей проблеме. В статье Н. Л. Мамаевой представлена краткая емкая характеристика основных особенностей отечественной историографии КНР: «Российскую историческую науку сближает с историей Китая наличие «золотого фонда» отечественного китаеведения – это значительное количество статей и брошюр, написанных в жанре политической публицистики очевидцами и участниками революционного движения Китая и важных политических событий 1920–1940-х гг., советскими советниками, специалистами и переводчиками, работавшими в КНР в 1950-е гг. прошлого столетия. Наряду с литературой мемуарного характера, тщательное и всестороннее изучение которой еще не нашло своих авторов, публикации подобного рода «приближают» к пониманию китайской истории. Участие Советского государства, его правящей партии и международного коммунистического движения (Коминтерна) в революционных и политических событиях, включая помощь национально-освободительному движению Китая со стороны СССР и Коминтерна, влияние представителей Советского государства и международного коммунистического движения на формирование национального самосознания китайского народа, особенно в годы антияпонской войны, оказывали невольное влияние и на содержание советской историографии Китая» [31, с. 25].

В статье Т. Г. Герасимовой анализируется обширная отечественная литература, посвященная различным аспектам истории КПК. Автор акцентирует внимание на том, что зарождавшаяся советская историография КПК изначально имела преимущество перед западной исторической наукой в виде личных контактов советских авторов с руководителями КПК, доступа ко многим партийным документам на стадии их подготовки и позже в архивах. Т. Г. Герасимова подчеркивает, что в 1960–1980-х гг. в условиях обострения отношений КПСС и КПК, СССР и КНР в советской историографии «усилились элементы политизации... критики линии, курса и политики КПК, Мао Цзедунa и его идей... имела место склонность к апологии политики Коминтерна и ВКП(б)» [14, с. 135, 140]. Это нашло отражение и в исследовательской, и в мемуарной литературе по нашей проблеме, изданной в те годы. В условиях трансформации российского общества в 1990-е гг. российские историки, по мнению Т. Г. Герасимовой, «преодолели крайнюю степень идеологизированности и политизированности». Начался процесс упорядочивания и издания архивных материалов о политике Коминтерна и СССР в Китае [14, с. 143]. Анализируемые в статье Т. Г. Герасимовой исследования российских авторов посвящены преимущественно отношениям КПК, ВКП(б) и Коминтерна в 1920-е гг., а также истории КПК и отношениям КПК и КПСС после 1949 г.

Обстоятельное историографическое «Введение» к монографии И. Н. Сотниковой «Китайский сектор Коминтерна» содержит аналитическую информацию об источниках и исследовательской литературе, в том числе и по интересующей нас проблеме. В отличие от Испании, где деятельность Коминтерна стала заметной лишь с началом гражданской войны, в Китае Коминтерн активно работал с начала 1920-х гг. и как самостоятельная международная политическая организация, и как инструмент советской внешней политики. Многие документальные материалы и исследования, характеризуемые автором, имеют отношение к рассматриваемой нами проблеме.

В качестве главного места сосредоточения архивных документов Сотникова называет Российский государственный архив социально-политической истории, фонд 17 – протоколы политбюро ЦК РКП(б) / ВКП(б), директивы И. В. Сталина («особые папки»), фонд 495 – Исполком Коминтерна (ИККИ) и фонд 514 – Коммунистическая партия Китая (1919–1946) [51, с. 6, 294].

И. Н. Сотникова показывает условия появления и научное значение уникального издания – сборника документов под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. 1920–1943». «После открытия отечественных архивов сотрудниками ИДВ РАН, – пишет Сотникова, – при поддержке китаеведов Восточно-Азиатского семинара Свободного университета Берлина Университета им. Гумбольдта с мая 1992 г. началась работа по выявлению и публикации архивных документов по истории китайского национально-освободительного движения. Результатом практически 15-летней работы исследователей под руководством М. Л. Титаренко, Го Хэнъюя, М. Лейтнер стал фундаментальный сборник документов под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. 1920–1943», состоящий из 5 томов (8-ми книг)... Документальная серия включила более 1500 архивных документов из РГАСПИ, Архива Президента РФ и РГВА. Практически все документы впервые были введены в научный оборот... Поскольку составители отдали приоритет документам, раскрывающим стратегические цели и тактические приемы китайской политики советского руководства, то наибольший интерес ... представляют впервые опубликованные важнейшие распорядительные документы ВКП(б), ИККИ, включая неизвестные ранее директивы И. В. Сталина» [51, с. 15].

И. Н. Сотникова дает подробную характеристику одному очень важному и для нашей темы исследованию источнику – дневнику Г. Димитрова, выдержки из которого включены в 5-й том рассматриваемого сборника документов. Сотникова пишет, что «с 1933 г. и почти до самой смерти Г. Димитров вел дневник, в котором фиксировал события, приводил документы и записывал указания, полученные от И. В. Сталина» [51, с. 12, 13].

Среди анализируемых И. Н. Сотниковой исследовательских работ часть имеет отношение к рассматриваемой нами теме: «... большое и объективное исследование» А. В. Панцова «Мао Цзэдун» (М., 2012); монография В. Н. Усова «Советская разведка в Китае в 30-е годы XX века» (М., 2007), созданная на основе архивов Коминтерна, МИД, ГРУ; публикация Ю. П. Власова «Повесть об отце» – о П. П. Владимирове (Власове), находившемся в непосредственной близости к Мао Цзэдуну в 1942–1945 гг.; исследование В. М. Лурье, В. Я. Кочкина, А. И. Колпакиди «ГРУ: дела и люди» (М., СПб., 2003) со сведениями о П. П. Владимирове, других советских разведчиках, а также о военных советниках, работавших в Китае в разные годы [51, с. 28–31].

Опубликованные источники. Документальной основой исследований по рассматриваемой проблеме являются материалы сборников «ВКП(б), Коминтерн и Китай». Вторая часть 4-го тома «ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937: в 2-х ч. Ч. 2» содержит ранее не публиковавшиеся секретные документы ВКП(б) и Коминтерна, делегации КПК в ИККИ, в том числе и по вопросу создания единого национального антияпонского фронта в составе КПК, Гоминьдана и других китайских политических сил [7].

Эта тема представлена и в заключительном пятом томе «ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943» [8]. Кроме того, пятый том содержит шифрованную переписку между Секретариатом ИККИ и ЦК КПК, между Г. Димитровым и Мао Цзэдуном по различным вопросам, включая оказание Советским Союзом финансовой помощи КПК. Важное место в переписке занимает обсуждение тактики поведения КПК во время кризисных ситуаций, грозивших разрывом союзнических отношений КПК и Гоминьдана и развалом единого антияпонского фронта. Документы дают ясное представление о важной роли ВКП(б) и лично Сталина в сохранении единого антияпонского фронта.

Сборник документов «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.» содержит многочисленные выдержки из дневника Г. Димитрова, содержащие, как правило, устные указания Сталина по китайскому вопросу, свидетельствующие о его твердом намерении оказывать Китаю всю возможную помощь, в том числе военную, в войне с Японией, сохраняя всеми доступными способами единство китайского антияпонского фронта. В сборник включены письма Г. Димитрова Сталину с изложением проблемных ситуаций и просьбой по их разрешению. Представлены также выписки из протоколов решений политбюро ЦК ВКП(б) по китайскому вопросу, в том числе и решение от 7 июля 1941 г. о выделении ИККИ 1 миллиона американских долларов для оказания помощи ЦК компартии Китая [44, с. 798].

При рассмотрении вопроса о советской помощи Китайской Республике используются материалы серии «Документы внешней политики СССР», XVII–XXII тома, а также документальные источники четвертого тома, книги первая и вторая серийного издания «Русско-китайские отношения в XX веке», вышедшего в 2000 г. под грифом ИДВ РАН, МИД РФ и

Федеральной архивной службы РФ. В четвертом томе представлены как впервые публикуемые материалы из фондов Архива Президента РФ, Архива внешней политики РФ, так и уже ранее опубликованные в «Документах внешней политики СССР», в других сборниках документов, в периодической печати [33, с. 28–34].

Мемуары и воспоминания очевидцев. Важную роль в источниковом обеспечении исследований играет мемуарная литература. Воспоминания участников войны в Китае представляют собой в ряде случаев единственный источник для реконструкции деятельности военных советников и летчиков-добровольцев. Знакомство с мемуарной литературой по Китаю показывает, что рассекречивание в СССР всего, что было связано с секретной операцией в этой стране (операция «Z»), началось позднее, чем по секретной операции в Испании 1936–1939 гг. (операция «X»). Основной массив воспоминаний был опубликован в 1970–1980-х гг.

В отличие от операции «X», после которой ни один из главных военных советников (Я. К. Берзин, Г. М. Штерн, К. М. Качанов) не успел поделиться своими воспоминаниями, из четырех главных военных советников по операции «Z» двое – А. И. Черепанов и В. И. Чуйков – издали свои мемуары отдельными книгами [55; 56; 57].

А. И. Черепанов, дослужившийся впоследствии до генерал-лейтенанта, дважды находился в командировке в Китае (1923–1927 и 1938–1939), основную часть своих воспоминаний он посвятил событиям 1920-х гг., в том числе и в более ранних изданиях. Маршал, дважды Герой Советского Союза В. И. Чуйков до своей командировки в Китай в качестве военного атташе и главного военного советника армии Китайской Республики также имел определенный китайский опыт, посетив Китай в 1926 г. в качестве дипкурьера и приняв участие в вооруженном конфликте 1929 г. на КВЖД. Воспоминаниям этих советских военачальников об участии в войне в Китае, изданным в период острого идеологического и политического противостояния КПСС и КПК, присущи не только типичные для советской мемуарной литературы недостатки, но и явно предвзятое отношение к деятельности руководства КПК в период войны с Японией.

Ценным источником для нас оказались воспоминания военного инженера, впоследствии генерал-лейтенанта А. Я. Калягина, находившегося в командировке в Китае в 1937–1939 гг. в качестве военного советника [22]. Мемуары вышли в издательстве «Наука», видимо, это обстоятельство повлияло на их информационную насыщенность и отсутствие обязательных для того периода антимаоцзедуновских выпадов. Нельзя не согласиться с автором послесловия к мемуарам, подчеркнувшим, что «без них сегодня не обойтись ни одному историку, который обращается к этому периоду национально-освободительной борьбы китайского народа» [22, с. 435].

Значительную часть советских военных специалистов в Китае составили летчики-добровольцы (всего, по некоторым оценкам, в Китай было командировано около 2 тыс. летчиков и авиационных специалистов), поэтому основной массив мемуарной литературы об участии в японо-китайской войне принадлежит их перу. Отдельной книгой изданы мемуары генерал-майора авиации, Героя Советского Союза Г. Н. Захарова, которому довелось воевать в небе и Испании, и Китая [20]. Старший лейтенант Захаров оказался в числе первых советских летчиков, осваивавших маршрут перегонки истребителей «И-16» из Алма-Аты в Ланчжоу вслед за лидером – бомбардировщиком «СБ». «Эта война, – по мнению Захарова, – существенно отличалась от той, которую мы знали по Испании. Она отличалась и по своим целям, и с чисто военной точки зрения» [20, с. 84].

Отдельной книгой опубликованы мемуары генерал-полковника авиации Ф. П. Польшина, получившего звание Героя Советского Союза за боевую деятельность в Китае [45]. В активе командира бомбардировочной группы «СБ» Польшина известный результативный налет на японскую авиационную базу на о. Тайвань (Формоза), успешное руководство авиационной трассой Алма-Ата – Ланчжоу по перегонке самолетов с 11 промежуточными аэродромами. Также отдельным изданием опубликованы воспоминания летчика-истребителя Н. Г. Козлова, находившегося в спецкомандировке в Китае в 1938 г. [26].

В 1986 г. в издательстве «Наука» был опубликован сборник воспоминаний 16 советских летчиков, штурманов и других авиационных специалистов – участников японо-китайской войны, в том числе: Ф. П. Польшина, штурмана полковника П. Т. Собина, политкомиссара группы советских летчиков в Китае генерал-полковника А. Г. Рытова, летчика командира бомбардировочной группы генерал-лейтенанта авиации М. Г. Мачина, летчика полковника Д. А. Кудымова, летчика генерал-майора авиации А. З. Душина, летчика Н. Г. Козлова, летчика

командира бомбардировочного авиаотряда генерал-полковника Ф. И. Добыша, летчика генерал-майора авиации Я. П. Прокофьева, летчика генерал-лейтенанта авиации А. И. Пушкина, летчика генерал-майора авиации И. И. Селиванова, летчика командира бомбардировочной группы генерал-лейтенанта авиации С. В. Слюсарева, авиационного техника полковника А. К. Корчагина, авиационного техника инженер-полковника В. Д. Землянского, летчика командира истребительной группы полковника К. К. Коккинаки, комиссара советской авиационной группы генерал-лейтенанта авиации С. Я. Федорова. Практически все материалы данного сборника в той или иной степени были использованы в нашем исследовании [11].

Еще один сборник воспоминаний «На китайской земле» вышел в издательстве «Наука» в 1977 г. [35] Для нашей темы он представляет меньший интерес, так как большая его часть – это воспоминания советских специалистов, находившихся в Китае в 1920-е гг. Материалы двух статей А. Я. Калягина нашли свое отражение в его монографии. Воспоминания летчика Н. Г. Козлова, впервые опубликованные в данном сборнике, дословно воспроизведены в книге «В небе Китая». Мемуары С. В. Слюсарева, изданные в обоих сборниках, имеют самостоятельное значение и взаимодополняют друг друга [46, с. 189–248]. В сборник включены воспоминания врача-добровольца, полковника медицинской службы С. С. Белолипецкого, оказывавшего в Китае медицинскую помощь советским летчикам [4, с. 279–329]. Воспоминания содержат впечатления автора от контактов со многими советскими военными специалистами, интересные зарисовки их боевой деятельности и повседневной жизни китайцев. С. П. Константинов, представитель советских спецслужб в Китае, полковник, приоткрывает в разрешенных пределах завесу над тайной войной разведок и контрразведок в Китае, обращая особое внимание на специфическую деятельность контрразведки Чан Кайши [27, с. 330–362]. Г. Н. Паталах, военный советник в Китае, представил для публикации в сборник китайский дневник, который он вел, правда, не совсем регулярно в период своей командировки с 14 ноября 1940 г. по 16 декабря 1941 г. [42, с. 363–407]. Дневник содержит впечатления от повседневной жизни китайцев, характеристики военного руководства китайской армии, офицеров и солдат, анализ организации боевой деятельности подразделений китайской армии. Важное значение для нашего исследования имеют воспоминания генерала И. И. Людникова, командующего 39-й армией, которая после разгрома японской Квантунской армии в августе 1945 г. была расквартирована в районе Порт-Артура. Людников приводит неафишируемые в то время и противоречившие союзническим обязательствам СССР факты оказания различной помощи военным подразделениям КПК в Северо-Восточном Китае [29, с. 408–415]. Эта же тема затрагивается и в воспоминаниях военного коменданта г. Мукдена в 1945–1946 гг., генерал-майора А. И. Ковтуна-Станкевича [25, с. 416–437].

Ю. В. Чудодеев подготовил к изданию сборник воспоминаний пятерых участников событий в Китае – «По дорогам Китая. 1937–1945» [43]. Воспоминания К. М. Покровского, одного из организаторов радиосвязи с республиканской Испанией, исполнявшего в Китае в 1938–1939 гг. обязанности начальника радиосвязи главного военного советника, содержат информацию о коллегах-радистах, в том числе побывавших в Испании, об организации радиомоста Чунцин – Москва, о поддержании радиосвязи в условиях постоянных бомбардировок Чунцина японской авиацией. Воспоминания Я. М. Табунченко, военного советника в 1938–1939 гг., впоследствии генерал-майора артиллерии, содержат ценную информацию об организации противовоздушной обороны китайских городов средствами зенитной артиллерии и истребительной авиации. Боевая деятельность моряков Краснознаменной Амурской флотилии и Тихоокеанского флота в ходе разгрома Японии в августе 1945 г. отражена в воспоминаниях адмирала С. Е. Захарова. В сборник также включены опубликованные ранее воспоминания полковника медицинской службы С. С. Белолипецкого и военного коменданта Мукдена в 1945–1946 гг. генерал-майора А. И. Ковтун-Станкевича.

В 1990 г. журнал «Проблемы Дальнего Востока» в трех номерах опубликовал информационно насыщенные воспоминания рядовых военнослужащих РККА, принимавших участие в перевозке в Китай в период японо-китайской войны советской военной техники, оружия, боеприпасов, ГСМ по Северо-Западной автомобильной трассе [16]. Инициатор издания воспоминаний Ю. Н. Градов, позднее юрист, журналист, служил водителем грузовой автомашины с 1940 по 1946 г. на данной автомобильной трассе, которая, по его мнению, функционировала до 1947 г. И. Г. Минк также проходил службу в качестве водителя с октября 1937 г. по октябрь 1940 г. В такой же должности служил П. П. Комиссаров с начала 1941 г. по конец 1945 г. Г. Ф. Швецов проходил срочную службу в саперном дивизионе дивизии особого назначения

им. Ф. Э. Дзержинского, в 1938–1939 гг. был командирован в Китай, принимал участие в обустройстве и охране Северо-Западной автомобильной трассы.

Воспоминания П. П. Владимиров (Власова) «Особый район Китая», оформленные в виде дневника, были изданы его сыном Ю. П. Власовым через 20 лет после ухода из жизни человека, которому довелось находиться в Яньани с весны 1942 г. по осень 1945 г. в качестве официального представителя Коминтерна (до мая 1943 г.) и офицера Разведывательного управления РККА [9]. Постоянно общаясь по долгу службы с высшим руководством КПК, П. П. Владимиров был в достаточной степени информирован о реальном положении дел в Особом районе, о чем он постоянно сообщал в Москву по зашифрованному каналу связи. В то же время очевидно, что воспоминания П. П. Владимиров несут печать предвзятости по отношению к Мао Цзедуна. Теоретические разработки и практические попытки Мао Цзедуна любой ценой сохранить КПК и ее вооруженные силы в условиях полной изоляции и отсутствия помощи извне представляются П. П. Владимировым как отход от классического марксизма, как предательство интересов СССР, столько лет помогавшего КПК в период ее становления и развития.

В отличие от советских дипломатов, работавших в Испании и ставших в основной массе жертвами 1937–1938 гг., некоторые дипломаты китайского направления, за исключением репрессированного в 1937 г. посла СССР в Китае Д. В. Богомолова [28, с. 84–86], издали свои воспоминания. Мемуары посла СССР в Китае в 1939–1944 гг. А. С. Панюшкина были изданы в условиях советской цензуры, что, естественно, снижает ценность этого важного исторического источника. Тем не менее только здесь можно найти достаточно объективные описания встреч с представителями китайской элиты, включая Чан Кайши, обстоятельства принятия тех или иных решений по вопросам советско-китайского сотрудничества. Много внимания автор уделяет описанию своей деятельности по контролю за поставками Китаю Советскому Союзу различной продукции в счет возвращения средств по ранее выделенным кредитам [41]. Несомненный интерес представляют также воспоминания рядовых дипломатов, изданные в том числе в 1990-е гг. [24; 54].

В 1990 г. в условиях позднего СССР и практического отсутствия цензуры были опубликованы воспоминания А. М. Ледовского, старшего научного сотрудника Института Дальнего Востока АН СССР, в 1942–1952 гг. находившегося на дипломатической работе в Китае. Опираясь в необходимых случаях на документальные источники, автор представил убедительную яркую картину развития советско-китайских взаимоотношений в период антияпонской войны [28, с. 82–108].

Советские и российские исследования. В СССР первые исследовательские работы, в той или иной степени затрагивавшие вопросы советской помощи Китаю в 1937–1945 гг., появились в 1950-х гг. в условиях дружественных советско-китайских отношений, их выгодно отличает от многих работ 1960–1980-х гг. отсутствие зачастую вынужденных антимаоцзедуновских выпадов [18; 23; 36; 47; 59].

Монография Б. А. Бородина (1965 г.) была первым серьезным отечественным исследованием, посвященным непосредственно проблеме помощи СССР Китайской Республике [5, с. 10]. Построена данная работа в традиционном для того времени дискурсе пролетарского интернационализма, не случайно значительная ее часть посвящена рассмотрению различных проявлений солидарности с китайским народом как в зарубежных странах, так и в СССР. В третьей главе с опорой преимущественно на воспоминания советских добровольцев – участников антияпонской войны и на исследования отечественных и зарубежных авторов – рассматриваются вопросы оказания Советским Союзом экономической и военной помощи Китайской Республике.

В 1975 г. в Воениздате вышла коллективная монография «Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа», охватывающая период с 1917 по 1975 г. Одна из пяти глав данной работы посвящена рассмотрению вопроса помощи СССР Китаю в 1937–1945 гг. Во «Введении» авторы, стараясь избежать применения пролетарского интернационализма как методологического приема, тем не менее отмечают, что их целью является «показать бескорыстную помощь Советского Союза и его вооруженных сил китайскому народу... в борьбе против японской агрессии в 1937–1945 гг.» [12, с. 6, 7], что не совсем точно отражает сущность взаимоотношений руководства СССР и правительства Чан Кайши, имевших преимущественно коммерческий характер. Серьезным недостатком данного исследования является неоправданно жесткий антимаоцзедуновский дискурс, пронизывающий все его содержание, в том числе и применительно к интересующей нас главе [12, с. 82, 83]. В то же время в данной

работе сделан существенный шаг вперед в разработке проблемы советской помощи Китайской Республике в указанный период, авторы впервые ввели в научный оборот доступные материалы из фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции.

Монография сотрудника Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковского, принимавшего участие «во многих советско-китайских экономических переговорах и в непосредственном осуществлении важнейших советско-китайских договоров» [48, с. 3], выгодно отличается от многих политизированных исследований по теме советской помощи Китаю. Автору удалось избежать использования принципа пролетарского интернационализма как методологической основы своего исследования. Он ограничился словами о том, что советское государство «провозгласило новые социалистические принципы в отношениях между государствами, принципы полной свободы, равенства и независимости больших и малых народов и стран» [48, с. 5]. Будучи посвященной более чем полувековому периоду, монография разделена на восемь глав, в одной из которых рассматриваются советско-китайские экономические отношения в 1937–1945 гг. Основанное на официальных документах министерства внешней торговли СССР, на архивных материалах, на переписке советских и китайских официальных лиц, содержание данной главы не потеряло своей актуальности и в XXI в.

Монография А. М. Дубинского «Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945» создавалась в сложный период обострения советско-китайских отношений. Автору «Вступительной статьи» М. С. Капице и самому автору монографии не удалось избежать политизированного подхода в оценке советско-китайских противоречий 1960-х – 1980-х гг., а также в оценке взаимоотношений КПК и ВКП(б) в период Великой отечественной войны [19, с. 153–157, 181, 182, 222–227]. Советско-китайские отношения рассматриваются в монографии в контексте международных проблем с привлечением материалов Архива министерства обороны СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции, исследований отечественных и зарубежных авторов, отечественной и зарубежной периодической печати, воспоминаний, создавая впечатление серьезного исторического исследования.

Обобщающая статья Г. В. Астафьева «Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.)», созданная на основе воспоминаний и исследовательской литературы, методологически выдержана в соответствии с ее названием. Заявив в начале статьи, что «Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила одним из главных принципов внешней политики социалистического государства пролетарский интернационализм, включающий оказание помощи угнетенным народам в их борьбе за национальное освобождение» [1, с. 74], автор пытается поставить в один ряд и действительно бескорыстную интернациональную поддержку революционного движения в Китае в 1920-е гг., и продажу оружия, помощь военными специалистами правительству Чан Кайши в 1937–1941 гг., а также военную операцию РККА в августе 1945 г. в Маньчжурии, хотя очевидно, что в двух последних случаях действия СССР определялись преимущественно внешнеполитическими интересами советского государства.

Советский период историографии участия СССР в японо-китайской войне завершается докторской диссертацией В. Н. Вартанова и созданной на ее основе монографией [6]. Опираясь на доступные архивные материалы и документы, в том числе китайского происхождения, автор представил комплексное исследование проблемы советской помощи Китаю в 1937–1945 гг.

Российский период отечественной историографии рассматриваемой темы выгодно отличается от работ советского периода практически полным отсутствием политизированных подходов, отказом от интернационалистской окраски советской помощи Китаю, введением в научный оборот всевозрастающего количества архивных и опубликованных документов.

Основные вопросы советской политики в Китае в 1941–1945 гг. рассматриваются в монографии Р. А. Мировицкой «Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945», подготовленной и изданной по гранту тайваньского Фонда международных научных обменов им. Цзян Цзинго на основе отечественных архивных материалов и доступных зарубежных источников. В числе исследуемых проблем – особенности советской политики в Китае в 1941–1942 гг., в 1943 г. и в 1944–1945 гг., позиция советского руководства относительно предполагавшегося транзита англо-американских военных грузов из Ирана через территорию СССР в Китай, синьцзянский вопрос, визит министра иностранных дел КР Сун Цзывэня в СССР в июле – августе 1945 г., советско-китайские переговоры в Москве и др. [34].

В седьмом томе «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» одна из глав, написанная А. И. Картуновой, посвящена вопросу создания единого патриотического антияпонского фронта. Проблемы оказания Советским Союзом экономической, военной, дипломатической помощи Китаю рассматриваются в разделах, подготовленных Р. А. Мировицкой [21, с. 342–349, 395–409]. Формат издания исключал возможность привлечения авторами большого количества фактологического материала. Несомненным достоинством данных разделов является глубокая аналитика и наличие оценочных суждений, объясняющих мотивы тех или иных шагов советского правительства, связанных с поддержкой Китая и соблюдением баланса собственных внешнеполитических интересов.

Монография А. А. Демина своим названием «Авиация Великого соседа» может ввести в заблуждение относительно ее содержания. Фактически же половина книги посвящена рассмотрению вопросов, связанных с поставками советского вооружения, и прежде всего самолетов в Китай в 1937–1941 гг., с участием советских авиационных специалистов в боевых действиях против японцев в 1937–1940 гг., с подготовкой китайских национальных авиационных кадров в 1937–1944 гг., с созданием китайской национальной авиационной промышленности в ходе войны. Привлекая китайские и тайваньские источники, многочисленные документы из российских архивов, и прежде всего из фондов РГВА, а также воспоминания советских летчиков – участников японо-китайской войны, автор создает строго документированную картину одной из важнейших позитивных страниц истории нашего Отечества [17].

Современная и адекватная концепция помощи Советского Союза Китайской Республике в период антияпонской войны 1937–1945 гг. представлена в статье ведущего научного сотрудника ИДВ РАН И. Н. Сотниковой [49, с. 123–133]. Высокая научная квалификация автора позволила включить в небольшой по объему текст современную оценку практически всех ключевых событий рассматриваемой проблемы, начиная с изменения позиций Чан Кайши в вопросе сближения с СССР накануне полномасштабной войны с Японией, и заканчивая анализом последствий военной операции РККА в Маньчжурии в августе 1945 г. В 2012 г. аналогичная статья была опубликована в сборнике ИДВ РАН «Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне» [50, с. 37–53].

В начале XXI в. существенно расширилась география исследований о советской помощи Китаю в 1930–1940-х гг. Не только в Москве, но также в Барнауле, Иркутске, Ростове-на-Дону и др. были подготовлены к защите докторские и кандидатские диссертации, сопровождавшиеся публикациями монографий и статей. В докторской диссертации, монографиях и статьях В. А. Бармина рассматриваются вопросы взаимоотношений Советского Союза и китайской провинции Синьцзян. Автор на основе архивных документов реконструирует малоизученные сюжеты истории связей СССР и самой крупной провинции Китая, включая период доставки советской военной помощи по автомобильной и авиационной трассам через Синьцзян [2; 3]. С этой же проблемой связаны кандидатские диссертации и статьи И. А. Поликарпова, В. Г. Шматова [58]. В кандидатской диссертации и статьях И. С. Назаренко рассматриваются вопросы оказания Советским Союзом Китаю военно-технической помощи в 1937–1941 гг. [32]. Различные аспекты военно-политического и организационного сотрудничества СССР с Гоминьданом и КПК рассматриваются в кандидатских диссертациях и статьях И. В. Волковой, Го Яна и Д. А. Спичак [13, с. 20–24; 52, с. 43–55]. Проблема участия советских военных специалистов в антияпонской войне китайского народа рассматривается в рассчитанных на широкий круг читателей работах А. В. Огорокова и В. Л. Телицына [39; 53], а также в наших статьях [37; 38].

Отношения стратегического партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе требуют, в том числе, и объективного изучения нашей общей истории, одной из ярких страниц которой является тема советской военно-политической, дипломатической и гуманитарной помощи Китайской Республике, ставшей жертвой агрессивной политики соседнего государства – милитаристско-фашистской Японии. При достаточно хорошем обеспечении документами политической, дипломатической и гуманитарной составляющих советской помощи, недостатком является практическое отсутствие опубликованных документов по военной составляющей, наподобие серии документальных сборников «РККА и гражданская война в Испании 1936–1939 гг.». Создание подобной серии документов, несомненно, придаст новый импульс развитию российской историографии рассматриваемой в статье темы.

Список литературы

1. Астафьев Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74–82.
2. Бармин В. А. СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998. 191 с.
3. Бармин В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. 200 с.
4. Белолупецкий С. С. В сражающемся Китае // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1977. С. 279–329.
5. Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941. М. : Мысль, 1965. 200 с.
6. Вартанов В. Н. Операция «Z». Советские добровольцы в антияпонской войне китайского народа в 30-40-е гг. М. : ИВИ, 1992. 159 с.
7. ВКП(б), Коминтерн и Китай : документы. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 : в 2-х ч. Ч. 2 / редколлегия: М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия, 2003. 376 с.
8. ВКП(б), Коминтерн и Китай : документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943 / редколлегия: М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. 752 с.
9. Владимиров П. П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. М. : АПН, 1973. URL: http://militera.lib.ru/db/vladimirov_pp/index.html (дата обращения: 10.06.2021).
10. Власов Ю. Повесть об отце // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 124–134; 1991. № 1. С. 171–181.
11. В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. Изд. 2-е. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 383 с.
12. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М. : Воениздат, 1975. 190 с.
13. Волкова И. В. Провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1941–1942 гг.) // Мanuscript. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 20–24.
14. Герасимова Т. Г. Об изучении истории КПК в СССР и России // Отечественная историография КНР: некоторые направления. М., 2015. С. 129–159.
15. Глунин В., Григорьев А. Изучение истории Китая в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 95–102.
16. Градов Ю. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 173–181; № 3. С. 92–99; № 4. С. 85–95.
17. Демин А. А. Авиация Великого соседа. Кн. 1. У истоков китайской авиации. М. : Русские Витязи, 2008. 544 с.
18. Дубинский А. М. Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937–1945 гг.). М. : б/и., 1954. 48 с.
19. Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945 гг. М. : Мысль, 1980. 279 с.
20. Захаров Г. Н. Я – истребитель. М. : Воениздат, 1985. 284 с.
21. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М. : Наука, 2013. 863 с.
22. Калягин А. Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1979. 445 с.
23. Капица М. С. Советско-китайские отношения. М. : Госполитиздат, 1958. 424 с.
24. Капица М. С. На разных параллелях. Записки дипломата. М. : Кн. и бизнес, 1996. 479 с.
25. Ковтун-Станкевич А. И. Комендант Мукдена // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М. : Наука, 1977. С. 416–437.
26. Козлов Н. Г. В небе Китая. Воспоминания летчика. М. : Наука, 1966. 54 с.
27. Константинов С. П. Страницы прошлого // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. М. : Наука, 1977. С. 330–362.
28. Ледовский А. М. СССР и Китай в 1937–1949 гг. Записки советского дипломата // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 82–108.
29. Людников И. И. Интернациональная помощь // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. М. : Наука, 1977. С. 408–415.
30. Мамаева Л. Публикация источников как характерная черта развития исторической науки о Китае в России в 90-х гг. XX в. – начале 2000-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 30–45.
31. Мамаева Н. Л. Советская/российская историография КНР: темы и направления // Отечественная историография КНР: некоторые направления. М. : Восточная литература, 2015. С. 24–46.
32. Мильбах В. С., Назаренко И. С. Участие советских летчиков-добровольцев в боевых действиях в японо-китайской войне. Потери советских военных специалистов (советников) в Китае в 1937–1941 годах // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 2. С. 29–34.

33. *Мировицкая Р. А.* Археографическое введение // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1917–1945 гг. Кн. 1. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 28–34.
34. *Мировицкая Р. А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 312 с.
35. На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1977. 445 с.
36. *Никифоров В. Н.* Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937–1945 гг.). М.: Правда, 1950. 32 с.
37. *Новиков М. В.* Советские военные советники в Китайской Республике в 1938–1943 гг. (по материалам воспоминаний) // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 4. С. 53–62.
38. *Новиков М. В.* Советские авиаторы в Китайской Республике в 1937–1940 гг. (по материалам воспоминаний) // Вестник Вологодского университета. 2024. № 2. С. 28–36.
39. *Окороков А. В.* В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. 336 с.
40. Отечественная историография КНР: некоторые направления. М.: Восточная литература, 2015. 262 с.
41. *Панюшкин А. С.* Записки посла: Китай 1939–1944 гг. М.: б/и., 1981. 319 с.
42. *Паталах Г. Н.* Китай, 1941 год (дневник военного советника) // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. М.: Наука, 1977. С. 363–407.
43. По дорогам Китая. 1937–1945. Воспоминания / сост., отв. ред. Ю. В. Чудодеев. М.: Наука, 1989. 368 с.
44. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
45. *Польнин Ф. П.* Боевые маршруты. Изд. 2-е, испр. М.: Воениздат, 1981. 368 с.
46. *Слюсарев С. В.* В воздушных боях над Китаем // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. М.: Наука, 1977. С. 189–248.
47. *Сладковский М. И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 455 с.
48. *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. 368 с.
49. *Сотникова И. Н.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 123–133.
50. *Сотникова И. Н.* Помощь Советского Союза Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 37–53.
51. *Сотникова И. Н.* Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М.: Наука, 2015. 407 с.
52. *Спичак Д. А.* Китайские студенты в Москве и сталинские репрессии в 30-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2005. № 2. С. 43–55.
53. *Телицын В. Л.* Пылающий Китай: военные конфликты в Китае и советские «добровольцы». М.: Эксмо, 2003. 349 с.
54. *Тихвинский С. Л.* Китай в моей жизни (30–90-е гг.). М.: Наука, 1992. 158 с.
55. *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. Изд. 2-е, исправл. и доп. М.: Наука, 1976. 648 с.
56. *Черепанов А. И.* Поле ратное мое. М.: Воениздат, 1984. 304 с.
57. *Чуйков В. И.* Миссия в Китае. Записки военного советника. М.: Наука, 1981. 270 с.
58. *Шматов В. Г.* К вопросу о характере, видах и объемах советской помощи в период японской агрессии (1937–1942 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. Вып. 4/1 (84). С. 249–252.
59. *Эренбург Г. Б.* Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время. М.: Учпедгиз, 1951. 240 с.

Soviet Aid to the Republic of China (1937–1945) in Russian memoir and research literature

Novikov Mikhail Vasilevich

Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical
University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. This article examines the issues of documenting the process of studying the problem of Soviet aid to the Republic of China in 1937–1945, as well as provides an overview of the main domestic memoirs and research works. It is noted that, in general, the topic of the Soviet Union's assistance to the Republic of China in the liberation war with militaristic fascist Japan is less developed in Russian historiography than the similar topic of Soviet assistance to the Spanish Republic in 1936–1939. The absence of special bibliographic indexes and special historiographical studies is noted. At the same time, it is emphasized that there is a solid source support associated with the publication of a series of documents on the topic "The CPSU(b), the Comintern and

China", as well as the serial publication "Russian-Chinese Relations in the twentieth century". When reviewing the memoir literature, it is noted that the publication of memoirs of participants in the war in China began later than the publication of memoirs of participants in the war in Spain. At the same time, it is emphasized that in the absence of memoirs of the main military advisers in Spain, two of the four main advisers in China published their memoirs in separate books. It is noted that Russian historians began to study the problem under consideration in the 1950s. The works of the Soviet period are characterized by an erroneous representation of Soviet aid to China from the standpoint of the theory of proletarian internationalism. In addition, harsh anti-Maozedong rhetoric associated with the deterioration of Soviet-Chinese relations during that period is typical for many works. It is emphasized that Russian research literature compares favorably with the works of Soviet historians in the absence of politicized approaches, as well as an ever-increasing number of documentary sources used. There is an active participation in the research of both researchers of the IDV RAS, as well as researchers from other cities and educational and scientific organizations.

Keywords: USSR, Republic of China, militaristic fascist Japan, aggression, assistance, documents, memoirs, research.

References

1. Astaf'ev G. V. *Internacional'naya pomoshch' SSSR Kitayu (1917–1945 gg.)* [International assistance of the USSR to China (1917–1945)] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1984. No. 9. Pp. 74–82.
2. Barmin V. A. *SSSR i Sin'czyan 1918–1941 gg. (regional'nyj faktor vo vneshnej politike Sovetskogo Soyuza)* [USSR and Xinjiang 1918–1941 (the regional factor in the foreign policy of the Soviet Union)]. Barnaul. Publishing house of BSPU, 1998. 191 p.
3. Barmin V. A. *Sin'czyan v sovetsko-kitajskih otnosheniyah 1941–1949 gg.* [Xinjiang in Soviet-Chinese relations 1941–1949]. Barnaul. Publishing House of BSPU, 1999. 200 p.
4. Belolipeckij S. S. *V srazhayushchemsya Kitae* [In fighting China] // *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetskih dobrovol'cev. 1925–1945. Izd. 2-e, dop.* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. 1925–1945. 2nd ed., suppl. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 279–329.
5. Borodin B. A. *Pomoshch' SSSR kitajskomu narodu v antiyaponskoj vojne 1937–1941* [Soviet aid to the Chinese people in the anti-Japanese war of 1937–1941]. M. Mysl (Thought), 1965. 200 p.
6. Vartanov V. N. *Operaciya "Z". Sovetskie dobrovol'cy v antiyaponskoj vojne kitajskogo naroda v 30–40-e gg.* [Operation "Z". Soviet volunteers in the anti-Japanese war of the Chinese people in the 30–40s]. M. IVI, 1992. 159 p.
7. *VKP(b), Komintern i Kitaj : dokumenty. T. IV. VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1931–1937 : v 2-h ch. Ch. 2* – The CPSU(b), the Comintern and China: documents. Vol. IV. The CPSU(b), the Comintern and the Soviet movement in China. 1931–1937 : in 2 parts. Part 2 / ed. board: M. L. Titarenko, M. Leitner, et al. M. Russian Political Encyclopedia, 2003. 376 p.
8. *VKP(b), Komintern i Kitaj : dokumenty. T. V. VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny. 1937 – maj 1943* – The CPSU(b), the Comintern and China: documents. Vol. V. The CPSU(b), the Comintern and the CPC during the anti-Japanese War. 1937 – May 1943 / ed. board: M. L. Titarenko, M. Leitner, et al. M. Russian Political Encyclopedia, 2007. 752 p.
9. Vladimirov P. P. *Osobyj rajon Kitaya. 1942–1945 gg.* [A special region of China. 1942–1945]. M. APN, 1973. Available at: http://militera.lib.ru/db/vladimirov_pp/index.html (date accessed: 10.06.2021).
10. Vlasov Yu. *Povest' ob otce* [The tale of the father] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 1990. No. 6. Pp. 124–134; 1991. No. 1. Pp. 171–181.
11. *V nebe Kitaya. 1937–1940. Vospominaniya sovetskih letchikov-dobrovol'cev. Izd. 2-e* – In the sky of China. 1937–1940. Memoirs of Soviet volunteer pilots. Ed. 2. M. The main ed. office of Oriental literature of the publishing house "Nauka", 1986. 383 p.
12. *Voennaya pomoshch' SSSR v osvoboditel'noj bor'be kitajskogo naroda* – Military assistance to the USSR in the liberation struggle of the Chinese people. M. Voenizdat, 1975. 190 p.
13. Volkova I. V. *Provinciya Sin'czyan v sovetsko-kitajskih otnosheniyah (1941–1942 gg.)* [Xinjiang province in Soviet-Chinese relations (1941–1942)] // *Manuskript* – Manuscript. 2019. Vol. 12. Is. 3. Pp. 20–24.
14. Gerasimova T. G. *Ob izuchenii istorii KPK v SSSR i Rossii* [On the study of the history of the CPC in the USSR and Russia] // *Otechestvennaya istoriografiya KNR: nekotorye napravleniya* – Domestic Historiography of the People's Republic of China: some directions. M. 2015. Pp. 129–159.
15. Glunin V., Grigor'ev A. *Izuchenie istorii Kitaya v IDV RAN* [Studying the history of China in the IDV RAS] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 1996. No. 5. Pp. 95–102.
16. Gradov Yu. *Karavan na perevale (neizvestnaya hronika 30-h godov)* [Caravan on the pass (unknown chronicle of the 30s)] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 1990. No. 2. Pp. 173–181; No. 3. Pp. 92–99; No. 4. Pp. 85–95.
17. Demin A. A. *Aviaciya Velikogo soseda. Kn. 1. U istokov kitajskoj aviatsii* [Aviation of the Great Neighbor. Book 1. At the origins of Chinese aviation]. M. Russian Knights, 2008. 544 p.
18. Dubinskij A. M. *Nacional'no-osvoboditel'naya vojna kitajskogo naroda protiv yaponskogo imperializma (1937–1945 gg.)* [The national Liberation war of the Chinese people against Japanese imperialism (1937–1945)]. M. Sans Publishing, 1954. 48 p.

19. Dubinskij A. M. *Sovetsko-kitajskie otnosheniya v period yaponno-kitajskoj vojny, 1937–1945 gg.* [Soviet-Chinese relations during the Sino-Japanese war, 1937–1945]. M. Mysl (Thought), 1980. 279 p.
20. Zaharov G. N. *Ya – istrebitel'* [Me – fighter]. M. Voenizdat, 1985. 284 p.
21. *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka : v 10 t.* – The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century : in 10 vols. / ch. ed. S. L. Tikhvinsky. Vol. VII: The Republic of China (1912–1949) / ed. N. L. Mamaeva. M. Nauka (Science), 2013. 863 p.
22. Kalyagin A. Ya. *Po neznakomym dorogam (Zapiski voennogo sovetnika v Kitae). Izd. 2-e, dop.* [On unfamiliar roads (Notes of a military adviser in China). Ed. 2nd, add.] M. The main ed. office of Oriental literature of the publishing house "Nauka", 1979. 445 p.
23. Kapica M. S. *Sovetsko-kitajskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. M. Gospolitizdat, 1958. 424 p.
24. Kapica M. S. *Na raznyh parallelyah. Zapiski diplomata* [On different parallels. Notes of a diplomat]. M. Kn. i biznews (Book and business), 1996. 479 p.
25. Kovtun-Stankevich A. I. *Komendant Mukdena* [Commandant of Mukden] // *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetskikh dobrovol'cev. 1925–1945* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. 1925–1945. M. Nauka (Thought), 1977. Pp. 416–437.
26. Kozlov N. G. *V nebe Kitaya. Vospominaniya letchika* [In the sky of China. Memoirs of a pilot]. M. Nauka (Science), 1966. 54 p.
27. Konstantinov S. P. *Stranicy proshlogo* [Pages of the past] // *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetskikh dobrovol'cev* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 330–362.
28. Ledovskij A. M. *SSSR i Kitaj v 1937–1949 gg. Zapiski sovetskogo diplomata* [The USSR and China in 1937–1949. Notes of a Soviet diplomat] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 1990. No. 5. Pp. 82–108.
29. Lyudnikov I. I. *Internacional'naya pomoshch'* [International assistance] // *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetskikh dobrovol'cev* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 408–415.
30. Mamaeva L. *Publikaciya istochnikov kak harakternaya cherta razvitiya istoricheskoy nauki o Kitae v Rossii v 90-h gg. XX v. – nachale 2000-h gg.* [Publication of sources as a characteristic feature of the development of historical science about China in Russia in the 90s of the twentieth century – early 2000s.] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 2014. No. 3. Pp. 30–45.
31. Mamaeva N. L. *Sovetskaya/rossijskaya istoriografiya KNR: temy i napravleniya* [Soviet/Russian historiography of the People's Republic of China: themes and directions] // *Otechestvennaya istoriografiya KNR: nekotorye napravleniya* – Domestic historiography of the People's Republic of China: some directions. M. Vostochnaya literatura (Oriental Literature), 2015. Pp. 24–46.
32. Mil'bah V. S., Nazarenko I. S. *Uchastie sovetskikh letchikov-dobrovol'cev v boevyh dejstviyah v yaponno-kitajskoj vojne. Poteri sovetskikh voennykh specialistov (sovetnikov) v Kitae v 1937–1941 godah* [Participation of Soviet volunteer pilots in combat operations in the Sino-Japanese War. Losses of Soviet military specialists (advisers) in China in 1937–1941] // *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya* – Herald of VSU. Series: History. Political science. Sociology. 2021. No. 2. Pp. 29–34.
33. Mirovickaya R. A. *Arheograficheskoe vvedenie* [An archaeographic introduction] // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1917–1945 gg. Kn. 1* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1917–1945. Book 1. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 28–34.
34. Mirovickaya R. A. *Kitajskaya gosudarstvennost' i sovetskaya politika v Kitae. Gody Tihookeanskoj vojny: 1941–1945* [Chinese statehood and Soviet politics in China. The years of the Pacific War: 1941–1945]. M. Monuments of historical Thought, 1999. 312 p.
35. *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetskikh dobrovol'cev. 1925–1945. Izd. 2-e, dop.* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. 1925–1945. 2nd ed., suppl. M. Nauka (Science), 1977. 445 p.
36. Nikiforov V. N. *Nacional'no-osvoboditel'naya vojna kitajskogo naroda protiv yaponskogo imperializma (1937–1945 gg.)* [The National Liberation war of the Chinese people against Japanese imperialism (1937–1945)]. M. Pravda (Truth), 1950. 32 p.
37. Novikov M. V. *Sovetskie voennye sovetniki v Kitajskoj Respublike v 1938–1943 gg. (po materialam vospominanij)* [Soviet military advisers in the Republic of China in 1938–1943 (based on memoirs)] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2023. No. 4. Pp. 53–62.
38. Novikov M. V. *Sovetskie aviatory v Kitajskoj Respublike v 1937–1940 gg. (po materialam vospominanij)* [Soviet aviators in the Republic of China in 1937–1940 (based on memoirs)] // *Vestnik Vologodskogo universiteta* – Herald of Vologda University. 2024. No. 2. Pp. 28–36.
39. Okorokov A. V. *V boyah za Podnebesnyu. Russkij sled v Kitae* [In the battles for the Celestial Empire. The Russian trace in China]. M. Veche, 2013. 336 p.
40. *Otechestvennaya istoriografiya KNR: nekotorye napravleniya* – Domestic historiography of the People's Republic of China: some directions. M. Vostochnaya literatura (Oriental literature), 2015. 262 p.
41. Panyushkin A. S. *Zapiski posla: Kitaj 1939–1944 gg.* [Ambassador's notes: China 1939–1944]. M. Sense Publishing, 1981. 319 p.

42. Patalah G. N. *Kitaj, 1941 god (dnevnik voennogo sovetnika)* [China, 1941 (diary of a military adviser)] // *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetskih dobrovol'cev* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 363–407.
43. *Po dorogam Kitaya. 1937–1945. Vospominaniya* – On the roads of China. 1937–1945. Memoirs / comp., ed. Yu. V. Chudodeev. M. The main ed. office of Oriental literature of the publishing house "Nauka", 1989. 368 p.
44. *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. : dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the Comintern: 1919–1943. : documents. M. ROSSPEN, 2004. 960 p (in Russ.).
45. Polynin F. P. *Boevye marshruty. Izd. 2-e, ispr.* [Combat routes. 2nd ed., corr.] M. Voenizdat, 1981. 368 p.
46. Slyusarev S. V. *V vozдушnyh boyah nad Kitaem* [In air battles over China] // *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetskih dobrovol'cev* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 189–248.
47. Sladkovskij M. I. *Ocherki ekonomicheskikh otnoshenij SSSR s Kitaem* [Essays on economic relations between the USSR and China]. M. Vneshtorgizdat, 1957. 455 p.
48. Sladkovskij M. I. *Istoriya trgovno-ekonomicheskikh otnoshenij SSSR s Kitaem (1917–1974)* [History of trade and economic relations of the USSR with China (1917–1974)]. M. Nauka (Science), 1977. 368 p.
49. Sotnikova I. N. *Pomoshch' SSSR Kitayu v antiyaponskoj vojne 1937–1945 gg.* [Assistance of the USSR to China in the anti-Japanese war of 1937–1945] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 2011. No. 3. Pp. 123–133.
50. Sotnikova I. N. *Pomoshch' Sovetskogo Soyuza Kitayu v antiyaponskoj vojne 1937–1945 gg.* [Assistance of the Soviet Union to China in the anti-Japanese war of 1937–1945] // *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy vo Vtoroj mirovoj vojne* – The role of the USSR and China in achieving victory in World War II. M. IDV RAS, 2012. Pp. 37–53.
51. Sotnikova I. N. *Kitajskij sektor Komintern: organizacionnye struktury, kadrovaya i finansovaya politika: 1919–1943 gg.* [The Chinese sector of the Comintern: organizational structures, personnel and financial policy: 1919–1943]. M. Nauka (Science), 2015. 407 p.
52. Spichak D. A. *Kitajskie studenty v Moskve i stalinskie repressii v 30-h gg.* [Chinese students in Moscow and Stalin's repressions in the 30s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie* – Herald of Moscow University. Episode 13: Oriental Studies. 2005. No. 2. Pp. 43–55.
53. Telicyn V. L. *Pylayushchij Kitaj: voennye konflikty v Kitae i sovetskie "dobrovol'cy"* [Flaming China: military conflicts in China and Soviet "volunteers"]. M. Eksmo, 2003. 349 p.
54. Tihvinskij S. L. *Kitaj v moej zhizni (30–90-e gg.)* [China in my life (30–90s)]. M. Nauka (Science), 1992. 158 p.
55. Cherepanov A. I. *Zapiski voennogo sovetnika v Kitae. Izd. 2-e, ispravl. i dop.* [Notes of a military adviser in China. 2nd ed., corr. and add.] M. Nauka (Science), 1976. 648 p.
56. Cherepanov A. I. *Pole ratnoe moe* [My field of battle]. M. Voenizdat, 1984. 304 p.
57. Chujkov V. I. *Missiya v Kitae. Zapiski voennogo sovetnika* [Mission in China. Notes of a military adviser]. M. Nauka (Science), 1981. 270 p.
58. Shmatov V. G. *K voprosu o haraktere, vidah i ob'emah sovetskoj pomoshchi v period yaponskoj agressii (1937–1942 gg.)* [On the question of the nature, types and volumes of Soviet aid during the period of Japanese aggression (1937–1942)] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* – News of Altai State University. Series: History. Political science. 2014. Is. 4/1 (84). Pp. 249–252.
59. Ehrenburg G. B. *Ocherki nacional'no-osvoboditel'noj bor'by kitajskogo naroda v novejshee vremya* [Essays on the national liberation struggle of the Chinese people in modern times]. M. Uchpedgiz, 1951. 240 p.

Археологический памятник Кусайр-Амра как один из выдающихся дворцов Омейядов

Базеркан Гаид

аспирант направления «Исторические науки и археология», Высшая школа экономики.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9985-1232. E-mail: ghaidbazerkan@gmail.com

Аннотация. Период Омейядов представляет собой один из самых процветающих периодов в истории Иордании. Однако большинство исследований долгое время были сосредоточены на роскошной дворцовой архитектуре. В статье рассматривается описание Дворца Кусайр-Амра, который занимал видное место в истории изучения раннеисламских древностей. Дворец был построен на территории современной Иордании, в 85 км восточнее столицы – города Аммана, в VII–VIII вв. нашей эры в период эпохи Омейядов, который можно назвать одним из самых процветающих периодов в истории Иордании. *Цель исследования* – представить Дворец Кусайр-Амра с точки зрения его архитектурно-художественного наследия, а также археологической ценности данного исторического объекта. К археологическим памятникам Дворца относятся фрески Зала приемов и на стенах коридоров, а также восточный портик, тронный зал, водяное колесо и банный комплекс, где сохранилось наибольшее число настенных росписей периода раннего ислама. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе исторических данных о раскопках, проводившихся археологом Мозелем на месте дворца в течение более 12 сезонов с 1898 по 1911 г., результаты этих раскопок были последовательно опубликованы в Иорданских древностях того же периода. В качестве методологии этого исследования для сбора информации об архитектурных элементах этого дворца был выбран описательно-аналитический подход. Результат. Исключительная красота дворцового искусства, особенно мозаичных росписей, сцен и украшений, привлекала внимание исследователей, особенно тех, кто занимается изучением исламских древностей, а в период иорданской администрации в Иорданском музее древностей были проведены обширные реставрационные работы. Историческое значение дворца подчеркивается включением его в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1985 г.

Ключевые слова: Кусайр-Амра, Аль-Валида ибн Абд Аль-Малик, Омейядское архитектурное наследие, исламское искусство, Иордания, археологические находки.

Введение. Название Кусайр-Амра дворец получил из-за его относительно небольшого размера. С лингвистической позиции: добавление буквы йаа (я) в арабском языке к слову Каср означает «дворец», а слово «Кусайр» указывает на то, что он относительно меньше, чем дворец. Самый известный банный комплекс, связанный с гидротехническими сооружениями, а также ряд вспомогательных сооружений, раскинувшихся на площади двух квадратных километров в Вади-эль-Бутум, в 85 км к востоку от Аммана, вдоль шоссе Амман-Азрак. Из-за своих исключительных художественных и археологических особенностей и условий сохранности это место было внесено в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1985 г. Кусайр-Амра принято относить к более широкой группе «замков в пустыне», построенных во времена Омейядов в полузасушливых и пустынных районах Сирии и Иордании (рис. 1).

Баня – главное здание-памятник на этом месте, в интерьере которого представлен уникальный цикл картин, представляющий собой самое обширное свидетельство фигуративного искусства времен Омейядов. Таким образом, они имеют фундаментальное значение для дисциплинарного понимания зарождения и эволюции исламского искусства с точки зрения тем, иконографии и техник. Картины, находящиеся внутри бани, рассматриваются искусствоведами и археологами как выдающееся и уникальное свидетельство раннего исламского искусства. Такое маленькое древнее здание считается огромной археологической ценностью.

Рис. 1. Кусайр-Амра и его окрестности

Цели исследования:

1. Рассмотреть некоторые технические и пространственные проблемы, связанные со строительством Кусайр-Амры в период Омейядов.

2. Отделить исламскую материальную культуру от древних традиций и исследовать возможность эволюции стилей.

3. Изучить раннеисламскую архитектурную традицию арабского мира.

4. Выявить и представить археологические находки этого комплекса.

Научная ценность:

1. Обозначить социальные и символические ценности Дворца Кусайр-Амра для местных сообществ, в том числе в символической системе отсчета бедуинского племени Бани Сахр.

История изучения памятников. Ранние упоминания о Кусайр-Амре появились в XVII в. в хрониках паломников, совершавших хадж. Первое явное упоминание об этом месте относится к 1806 г. В 1812 г. Кусайр-Амру посетил Джеймс Буркхардт. В конце того же века Грей Хилл попытался посетить Кусайр-Амру, но межплеменные конфликты и угроза безопасности в этом районе не дали ему этого сделать [9, с. 1-17].

Археологическое открытие дворца принадлежит А. Мусилу, который посетил впервые это место в 1898 г., а затем вернувшись в 1911 г., привез с собой австрийского художника Милиха. Он первым запечатлел многочисленные полотна, украшавшие стены дворца, большая часть которых, к сожалению, на момент их обнаружения была повреждена [10, с. 271-275].

В том же году два французских ученых А. Яуссени и Р. Савиньяк опубликовали подробное описание здания и содержащихся в нем фресок. В 1971 г. испанская археологическая миссия реставрировала фрески дворца, а после чего опубликовала подробное исследование, включавшее общий план дворца и отреставрированные изображения в Абу-Даби в 1974 г. [10, с. 273].

В 1984 г. попытку подробного изучения дворца предпринял К. Кресуэлл, зафиксировав его в своей книге «Исламские древности» [18, с. 290].

Дворец Амра (Кусайр-Амра, или «маленький дворец» Амра): история строительства. Кусайр-Амра – один из нескольких дворцов Омейядов, построенных в последние десятилетия правления Омейядов (661-750 гг.), в стилистике «замков пустыни» [26, с. 31-76]. На основании археологических и эпиграфических данных он был датирован периодом между 720 и 740 гг. – годы господства Омейядов в регионе. Кусайр-Амра расположен в 85 км к востоку от столицы современного государства Иордания – города Аммана – и в 13 км к северо-востоку от Дворца Каср аль-Харрана на границе пересыхающей речной долины Вади аль-Бутум. Название связано с деревьями, которые растут в долине [1, с. 368-371].

По мнению историка А. Е. Беляева, инициатором возведения дворца мог выступать как Валид I, так и его преемник – Валид II, поскольку они оба, по мнению современников, были большими любителями искусства, музыки и развлечений [17, с. 281-284].

Однако есть некоторые археологические находки, относящиеся к более ранним периодам (в основном – палеолиту), и свидетельства использования этого здания в более поздние периоды – фрагменты знаменитого изображения шести королей, которое в настоящее время хранится в Музее исламского искусства, размещенного в Пергамском музее в Берлине [6, с. 148].

Изображение врагов ислама на западной стене в Зале приемов сыграло большую роль в определении даты постройки дворца. Он включает в себя изображения шести королей, расположенных в два ряда: первый ряд включает королей великих империй, второй ряд – трех правителей малых королевств. Короли в двух рядах расположены слева направо в соответствии с географическим положением их империй и стран – с запада на восток. Часть имен этих правителей были установлены [12, с. 357].

В первом ряду изображены:

– византийский император: в истории он остался как один из слабых императоров, потерпевших в Малой Азии поражение от Масламы ибн Абд ал-Малика, одного из лидеров армии Омейядского халифата под предводительством ал-Валида ибн Абд ал-Малика;

– Хосров, царь Персии. На его голове та же корона, что и на поздних сасанидских монетах, его личность определить легко;

– император Китая – тот, кто обратился за помощью к тюркским народам, чтобы защитить их от Кутайбы ибн Муслима ал-Бахили, где он одержал две великие победы между Мервом и Бухарой в 717 г. и у стен Самарканда в 712 г.

Во втором ряду:

– Родерих (Родриго) – последний король вестготов в Испании, занявший трон в 710 г., что означает: изображение было выгравировано после того, как он пришел к власти. Он был убит во время сражения, когда арабы разгромили его армию в битве при Вади-Лака в 711 г.;

– Наджаши: Асхама ибн Абджар – царь (негус) Аксума;

– возможно, третьим был один из турецких правителей, пострадавших от похода Кутейбы ибн Муслима ал-Бахили, или Дахира, царь индусов, погибший в Синде от рук Мухаммада ибн ал-Касима в 712 г., когда последний завоевал эти территории.

Исходя из вышеизложенного, именно ал-Валид ибн Абд ал-Малик построил этот дворец в период между битвой при Шарисе в 711 г. и своей смертью в 715 г. [9, с. 261–280].

Археологическое исследование памятника Кусайр-Амра. Кусайр-Амра был построен как представительство Омейядов, для контроля территорий, взаимодействия с вождями местных племен и досуга, среди которого была охота на диких ослов. Подтверждением служит выбор места для строительства Кусайр-Амра – небольшая река Вади аль-Бутм, текущая с северо-запада на юго-восток в сторону оазиса Азрак. Влажная почва, окружающая реку, позволяет расти множеству растений, которые служили пропитанием для диких ослов [29, с. 227].

Дворцовый комплекс занимает площадь около 250 акров и включает в себя множество археологических памятников (рис. 2). К востоку от главного здания находится второй колодец и система водоснабжения (сакия), которая была исследована в 1970-х гг. испанской археологической миссией. Сакия расположена на берегу реки Вади аль-Бутум и аналогична системе водоснабжения, расположенной перед баней с цистерной, колодцем и площадкой для верховой езды, где животное может напиться из колодца и цистерны (рис. 3) [7, с. 126].

Возможно, воду из цистерны использовали для орошения близлежащих полей или садов, окружавших бани. К северо-западу от главного здания находится Кусайр – квадратное в плане сооружение, с двумя выступающими элементами на северной стороне – предположительно, оборонительными башнями – и одной на южной, которая, возможно, была воротами [16, с. 375–393].

Незначительные археологические исследования 1970-х гг. и недавний анализ аэрофотоснимков не дали убедительных материалов для единого мнения относительно использования касра: возможно, это были жилые помещения для тех, кто пользовался баней, или это недостроенное здание, которое было заброшено до того, как его стали использовать. Разрушенный Кусайр также включает в себя развалины сторожевой башни, расположенной в нескольких сотнях метров к юго-востоку от касра, которая была обследована испанскими археологами в 1970-х гг.; мечеть под открытым небом, ныне почти полностью руинированную; брод через русло реки Вади-эль-Бутум и, возможно, еще несколько оборонительных стен к востоку и северо-востоку от главного здания. Недавние исследования обнаружили сооружение из нескольких комнат, рядом с центром для посетителей. Характер найденных там артефактов, в том числе тысячи неиспользованных стеклянных фрагментов мозаик, подобных

найденным в напольной мозаике главного здания, позволяет предположить, что это, возможно, была мастерская, использовавшаяся во время строительства Кусайр-Амра (рис. 4).

Рис. 2. Общий вид памятника Кусайр-Амра

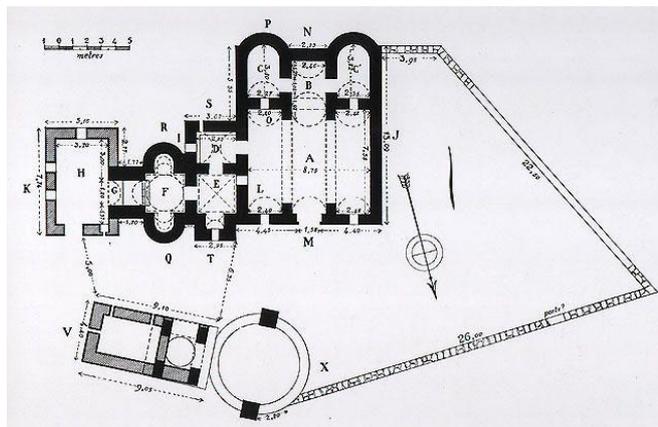

Рис. 3. План второй сакии

Рис. 4. Вид на археологический памятник

Проекты по сохранению. Самые ранние работы по консервации в Кусайр-Амре были предприняты Министерством обороны Иордании в 1950-х и 1960-х гг. и были сосредоточены в основном на укреплении и заполнении утрат в стенах (рис. 5 и 6). Эти работы включали строительство утраченной цистерны в префурниуме, о чем свидетельствует дата 1965 г., выгравированная на цементе этой конструкции.

В 1974 г. были завершены основные реставрационные работы на вершине западной стены. Это включало размещение железобетонной балки по всей вершине западной стены, заполнение большой трещины на западном своде и ее укрепление слоем бетона. Проект также включал ряд археологических вмешательств, таких как обследование обширной археологической зоны и раскопки частей гидравлической системы банного комплекса (рис. 7) [18, с. 156–157].

В 1979 г. испанская наблюдательная миссия Museo Arqueológico Nacional de Madrid (MAN) посетила Кусайр-Амру, чтобы проверить процесс старения и износа применяемых химических, а также влияние природных факторов на консервационные работы [24, с. 107–136].

Кусайр-Амра снова стал объектом скоординированного национального и международного вмешательства в период между 1989 и 1996 гг., когда группа из Французского института археологии востока (Institut Français d'archéologie du Proche-Orient, IFAPO) и Department of Antiquities (DoA) организовали совместный документальный проект [15, с. 295]. Это позволило провести реставрационные мероприятия, которые способствовали восстановлению и укреплению ирригационного колеса. Дополнительные консервационные работы также включали новое мощение главного зала, которое было спроектировано по отпечаткам, оставленным оригинальными каменными плитами. С 1996 до 1999 гг. на комплексе был проведен ряд ско-

ординированных действий IFAPO, посольства Франции, ЮНЕСКО и DoA. Эти действия были нацелены на презентацию объекта и повышение его доступности для посетителей. Работы включали в себя проектирование и строительство нового центра для посетителей, который был открыт в 1999 г. [23, с. 282–304].

С 2010 г. на этом месте реализуется проект по консервации главного здания и его декоративных элементов, включающий также планирование управления участком, его сохранение и улучшение на уровне сообщества. Этот проект является совместной программой Всемирного фонда памятников (WMF), Итальянского высшего института консервации и восстановления (ISCR) и DoA [23, с. 283].

Фактически проект по систематическому сохранению памятника начался в 2011 г., после четырех кампаний 2009 и 2010 гг., в ходе которых было задокументировано текущее состояние комплекса Кусайр-Амра, собраны образцы и проведены лабораторные анализы, чтобы определить наилучший способ сохранения этого комплекса. Работы по консервации проводятся двумя миссиями каждый год под руководством итальянских экспертов с участием многочисленных иорданских специалистов. Предварительный этап документирования текущего состояния был выполнен в 2011 г. с использованием фотографий с высоким разрешением – при обычном, инфракрасном и ультрафиолетовом свете – для того, чтобы зафиксировать состояние здания до начала консервации. Также был проведен термический анализ здания с целью выявления мест расположения каменных блоков под окрашенными слоями с надеждой выявить причины отслоения этих слоев от стен [23, с. 285–290].

Дальнейшая документальная работа включала внутреннее и внешнее лазерное сканирование здания и прилегающей территории, а также определение границ участка, в результате чего была составлена подробная топографическая карта всего археологического комплекса. В рамках процесса документирования World Monuments Fund (WMF) установил и поддерживал сотрудничество с рядом учреждений, хранящих архивные материалы о Кусайр-Амра, включая Ecole Normale Supérieure и Национальный центр научных исследований (Royal Society for the Conservation of Nature, RSCN) во Франции, Французский институт изучения Востока (Institut Français du Proche-Orient, IFPO) в Иордании, Испанскую археологическую миссию в Иордании, Пергамский музей и научно-исследовательские лаборатории им. Ратгена в Берлине (Германия), а также различные университеты в Великобритании.

Другие работы включали в себя укрепление внешнего фасада главного здания, где основание стен и верх сводов показали значительные утраты раствора, что привело к опасному проникновению воды. Был применен известковый раствор по рецептуре, близкой к оригинальным растворам Омейядов. Были установлены новые окна и покрытия на потолочных проемах, чтобы предотвратить попадание воды и проникновение животных в здание, что устранило одну из основных причин повреждения картин. Внутри здания цементные заплатки, нанесенные во время предыдущих работ, способствовали вымыванию соли из стен, поэтому их удаляли и заменяли известковым раствором. Базальтовые столбы, которые служили для подвешивания пола в тепидариуме и кальдарии, были возвращены в исходное положение после удаления грязи, скопившейся на нижнем этаже. Это выявило оригинальное дорожное покрытие, а также несколько неповрежденных отложений древесного угля, датированных примерно 730 г. н. э. Такую же дату дал и древесный уголь, содержащийся в исходной ступке. Это подтверждает дату строительства бани Омейядами. Конечная цель проекта – гарантировать передачу обновленного, полностью доступного и самодостаточного комплекса местному сообществу с целью широкой презентации его самой широкой аудитории во всем мире [25, с. 583–589].

На сегодняшний день участие в проекте ученых-археологов помогло структурно укрепить и отреставрировать главное здание, а также отреставрировать западный неф, что позволило раскрыть уникальные черты и элементы росписей. На протяжении всего проекта проводились консультации с заинтересованными сторонами для устойчивого планирования участка. План управления участком был разработан в рамках этого проекта для обеспечения долгосрочного и устойчивого сохранения Кусайр-Амра [31, с. 30].

Рис. 5. Грунтовая дорога и насыпь

Рис. 6. Нанесение слоев известкового раствора на внешние поверхности сводов

Рис. 7. Грунтовая дорога и насыпь в районе археологических раскопок, возможно, построенные Министерством сельского хозяйства

Дворец Амра (Кусайр-Амра, или «маленький дворец» Амра): подробное описание и художественно-архитектурный анализ. Дворец Амра относительно небольшой по сравнению с дворцами Леванта, поэтому на арабском языке он называется Кусайр – уменьшительная форма от слова «дворец». При строительстве дворца использовался твердый красный известняк, добытый в каменоломнях соседних курганов. Здание состоит из трех основных частей: Зал приемов, банный комплекс и пристройки. Окружающий их забор имеет различные размеры, одна из сторон достигает длины 50 м (рис. 8 и 9) [7, с. 107–136].

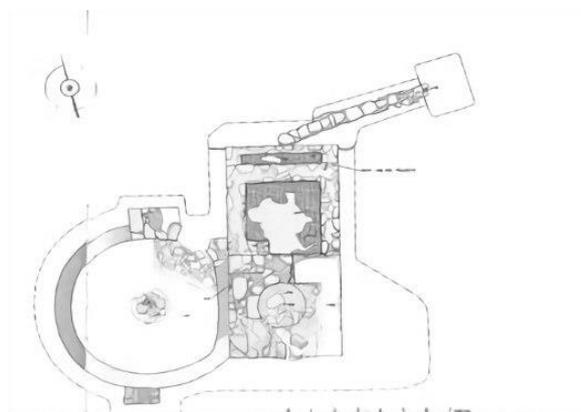

Рис. 8. План дворца Амра (Кусайр-Амра)

Рис. 9. Дворец Амра (Кусайр-Амра)

1) Приемный зал.

Приемный зал представляет собой прямоугольный зал размером 7,5х8,5 м, он был разделен двумя слегка заостренными поперечными арками на три галереи примерно равной ширины, каждая – с полуцилиндрическим куполом. Этот тип кровли имеет сасанидское происхождение – известно, что арабы заимствовали его у персов. Он использовался во многих

направлениях, например, при строительстве ворот в городе Багдад, возведенных Абу Джафаром ал-Мансуром, и в некоторых комнатах дворца Аббасидов Ухайдир (рис. 10).

Рис. 10. Приемный зал

Стены этого зала высотой до метра покрыты мрамором, как и пол. В северо-восточном углу находится фонтан. Тронный зал представляет собой большую прямоугольную апсиду, соединенную с центральным портиком с южной стороны. Над ней возвышался полуцилиндрический купол, более низкий, чем потолок портиков в зале приемов. К этому залу пристроены две небольшие боковые комнаты, каждая прямоугольной формы, размером 3,83x2,82 м. Как в восточной комнате, так и в западной, задачу освещения выполняли четыре проема в стене. Пол вымощен цветными мраморными мозаичными кубиками с геометрическими и растительными мотивами. Можно сказать, что эти две комнаты предназначены для смены нарядов или отдыха. Что касается приемного зала, то в нем, прямо под потолком у трех стен, расположено несколько прямоугольных окон, через которые в зал проникает свет, тогда как четвертая – западная стена – лишена окон [19, с. 290].

2) Банный комплекс.

Банный комплекс расположен слева от приемного зала, вход в него осуществлялся через восточную стену, потолок представляет собой купола, видимые снаружи. Внутри комплекс состоял из трех маленьких комнат, чем походил на римские бани, которые были известны в этом регионе (рис. 11). Холодная комната почти квадратная, ее размеры – 2,83x2,3 м, при этом размеры южной стены всего 0,32x0,43 м. Вход в комнату осуществляется через проем в восточной стене зала. В комнате вдоль восточной и южной стен находятся небольшие скамьи, покрытые штукатуркой. Высота скамьи достигает всего 0,3 м, а ширина – 0,22 м. Считается, что эта комната предназначалась для переодевания или отдыха после купания. Теплая комната также подквадратной формы, ее размеры – 2,8x2,5 м. Крыша имеет форму полуцилиндрического купола. Вход в комнату осуществляется через дверь в северной стене, ее ширина – 1,06 м и высота – 1,70 м. В середине северной стены расположена квадратная апсида размером 1,2x1,22 м. В ней находится скамья и одно маленькое открывающееся наружу окошко для освещения. Апсида завершается полусферической крышей. Пол помещения был сложен на столбах из жженого кирпича, а в северо-восточном и юго-восточном углах помещения располагались гончарные трубы диаметром 0,7 м. Эти трубы соединялись с очагом, расположенным в конце арочного свода, распределяющим тепло внутри помещения. Судя по водопроводным трубам и центральному отоплению под полом комнаты, это была ванная комната (рис. 12) [21, с. 311].

Горячая комната расположена к востоку от теплой комнаты. Это помещение отличается от остальных способом выкладки кровли. Его потолок представляет собой купол, состоящий из четырех сферических треугольников, а между куполом и сводом находится известняковый фриз высотой 0,3 м, он украшен зубцами и бороздками. Над этим фризом – четыре небольших окошка, которые упираются непосредственно в него, их высота – 0,65 м изнутри и 0,80 м – снаружи (рис. 13).

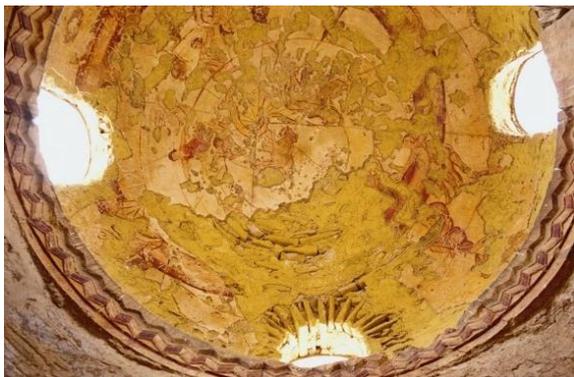

Рис. 11. Банный комплекс

Рис. 12. Холодная комната

Рис. 13. Кальдарий (горячая комната)

Северная и южная стены этого помещения перемежаются двумя нишами, каждая из которых завершается сверху полукуполом. Отмечено, что полы этой комнаты были ниже пола остального помещения, что говорит о том, что это была ванная комната для приема горячих ванн. В этом зале также есть бассейн, построенный из мрамора, снабжаемый горячей водой с помощью керамических труб, расположенных под полом. Эти трубы также распределены по углам комнаты и соединены с потолком и теплой комнатой. Все эти трубы соединяются с площадкой, которая находится в конце арочного коридора к востоку от котельной, где санузлы снабжаются водой и горячим воздухом. У котельного отделения нет крыши, оно используется как хранилище для топливных материалов. Возможно, причина, по которой у помещения нет крыши, состоит в том, чтобы позволить ветру проталкивать горячий воздух через печь в ваннанные комнаты [3, с. 176].

3) Подсобные строения (пристройки). Подсобные помещения расположены к северу от дворца и состоят из трех элементов:

– колодец круглой формы, сложенный из тесаных камней, глубиной около 25 м (рис. 14, 14а, 14б);

– бассейн, расположенный к востоку от колодца и вмещающий 14 кубических метров воды. Он опирается на квадратное основание, которое возвышается над поверхностью земли примерно на 1,8 м, позволяя воде течь через три цилиндрических гончарных канала: первый доходит до ванной, второй – до фонтана в приемном зале, а третий впадает в водоем с восточной стороны, из которого могут пить прохожие и животные;

– водяное колесо – это круглое сооружение рядом с колодцем, состоящее из деревянных колонн. Водяное колесо вращали последовательно с севера на юг вокруг своей оси с помощью тягловой лошади, которая помогала поднимать воду из колодца к соседнему резервуару.

Что касается внешней стены дворца, то она простирается от круглого здания на запад, а затем поворачивает под тупым углом и упирается в здание дворца в юго-западном углу, образуя таким образом широкий двор.

Рис. 14. Водяное колесо

Рис. 14а. Водяное колесо

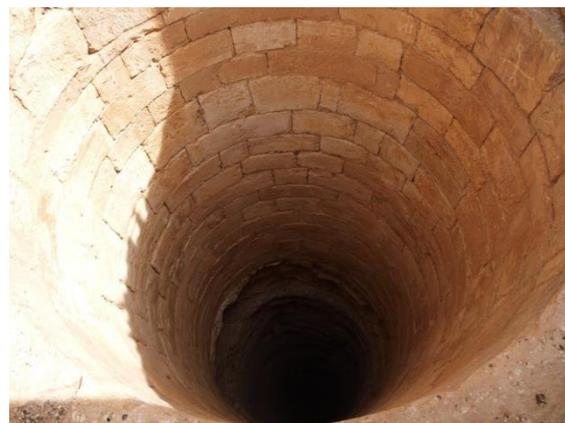

Рис. 14б. Колодец круглой формы,
сложенный из тесаных камней,
глубиной около 25 м

Отдельного внимания заслуживают украшения и элементы декора дворца, разнообразные фрески покрывают большую часть его внутренних фасадов. Они были выполнены после покрытия стен слоем штукатурки, поверх которого акварелью написаны картины. Из цветов использовались синий, темно-коричневый, светло-коричневый, темно-желтый и лазурно-зеленый (рис. 15).

Л. Д. Петрова отмечает интересный факт, что росписи внутренних стен дворца не только ценный исторический памятник, но и огромная живописная панорама той эпохи. Фрагменты этой панорамы поражают нас разнообразием сюжетов, различными техниками письма и характером изображения, богатством фантазии художников, свободой и индивидуальностью ее творческого воплощения [31, с. 51–54].

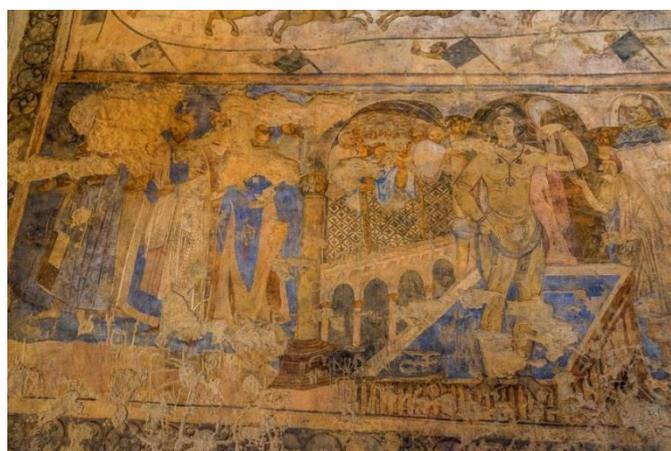

Рис. 15. Фреска

Рассмотрим подробнее картины разных комнат дворца. Начнем с зала приемов. На нижней части западной стены расположено изображение женщины, которая, кажется, купается, повязывает волосы платком, украшенным розой надо лбом, на ее шее красуется круглое ожерелье, пояс подчеркивает детали фигуры (рис. 16). Справа от полотна мы видим группу мужчин, которые упражняются под густой виноградной лозой (рис. 17). Слева – картина «Шесть королей», она является одной из самых важных картин во Дворце благодаря изображенным на ней историческим личностям, о которых мы писали выше. Они облачены в роскошные одежды, имена некоторых из них написаны на греческом и арабском языках над их головами. Благодаря этим надписям и, в частности, исследователю Макс ван Берхему, мы точно можем определить византийского императора, последнего короля вестготов в Испании Родриго, короля Персии Хосрова и царя (негуса) Аксума Наджаши. Имена остальных правителей на картине остались неизвестными, поэтому определение их личностей становится затруднительным (рис. 18), о чем мы писали в предыдущей части статьи.

Рис. 16, 16а. Изображение женщины

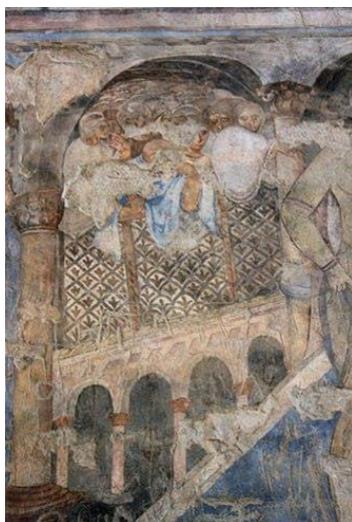

Рис. 17. Группа мужчин справа от женщин

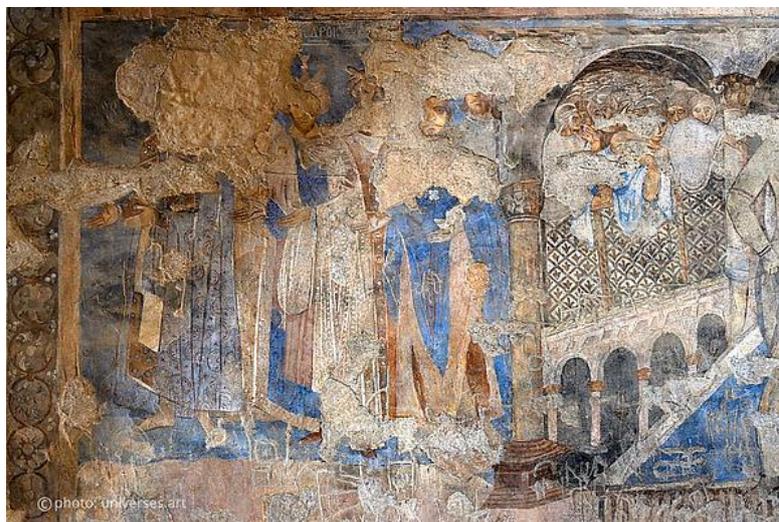

Рис. 18. Картина «Шесть королей»

Роспись верхней части стен Зала приемов начинается со сцены охоты. Кажется, будто группа зебр попала в ловушку, которая представляет собой длинную веревку, натянутую между копий с флажками, над каждым копьём возвышается голова человека. Можно заметить, что среди животных есть предводитель, толкающий их к ловушке (рис. 19).

Северная сторона стены отмечена картиной с изображением трех женщин, сидящих под шатром возле холма. На юго-западной стене мы видим картину женщины под балдахином, полулежащей на диване, перед ней богато украшенный стол, а у ее ног – служанка с веером. На картине также присутствует мужчина, он стоит у другого края балдахина. Герои полотна – два павлина, указывающие головами на два греческих слова: первое – Ника, это имя греческой богини победы, а второе означает счастье (рис. 20).

Рис. 19. Фреска со сценой охоты

Рис. 20. Павлины. Живопись

Двигаемся вглубь дворца и попадаем в маленькую комнату, где видим картину, изображающую восседающего на троне человека. Вокруг него светится ореол как знак величия, также по обе стороны от него стоят двое мужчин, каждый из которых несет веер, а над ним зонт, опирающийся на две спиральные колонны. В основании свода зонтика мы видим остатки куфического письма белого цвета на синем фоне, и из отдельных слов можно сделать вывод, что это молитвы, обращенные к человеку на троне (рис. 21).

Внешний каркас свода зонтика украшает изображение группы уток, летящих слева направо и справа налево над головой Халифа. Ниже мы видим корабль в открытом море, который окружен обнаженными мужчинами и морскими животными. Не исключено, что на этой картине изображен сам Халиф. В основе идеи лежит олицетворение самого Халифа через корабль. По преданию Халиф был хозяином земли, окруженной океаном, что символизируют морские чудовища под ногами Халифа (рис. 22).

Рис. 21. Остатки куфического письма белого цвета на синем фоне

Рис. 22. Изображение группы уток, летящих слева направо и справа налево над головой Халифа

В западной и восточной сторонах комнаты выполнены нервюрные своды, имеются украшенные колонны, на которых красуются полуобнаженные одалиски, на потолке нарисована чаша, из которой устремлены вверх ветки растений, а также двое мужчин. По обе стороны расположены комнаты, полы которых украшены простыми геометрическими и растительными мотивами, а стены покрыты ветками винограда и их золотыми гроздьями, среди них виднеется бегущий кролик. Под потолком юго-восточной стены находится окно, по бокам над которым расположилось два изображения: одно – богини поэзии, а другое – богини философии и истории, их имена написаны по-гречески, а справа от окна мы наблюдаем изображение женщины, рядом с которой виднеются остатки слова «поэзия», а также охотник, сдирающий шкуру с зебры.

Рисунки, покрывающие восточную стену, можно разделить на три части. Нижняя часть включает в себя сцену охоты на зебр, на ней охотничьи собаки преследуют стадо, некоторые из них уже оскалили клыки, приближаясь к своей добыче.

Средняя часть включает несколько фресок, расположенных между окнами, на них изображены:

– лев, нападающий на оленя, что напоминает нам картину во дворце Хирбет ал-Мафьяр в Иерихоне;

– женщина, бегущая к мужчине, который кладет руку на рукоять своего меча;

– мужчина, обнимающий женщину.

Картины верхней части разделены на 32 сектора, внутри которых запечатлены этапы строительства дворца. Они напоминают сюжеты в интерьерах церквей Мадаба, ал-Махайт и ал-Суфия в Аммане, где рабочие изображены в коротких платьях с поясом на талии. Это сходство неслучайность, оно, скорее, свидетельствует о преемственности тенденций в искусстве, которые были распространены в ближневосточном регионе в то время.

Двигаемся к северо-восточной стене и видим зарисовки с охоты: зебр, попавших в ловушку, и человека, пронзающего их копьем, а также охотника, убивающего лису. Особое внимание заслуживает потолок зала приемов. Сводчатые потолки были разделены на квадратные карнизы, на каждом из которых изображены ремесленники и крестьяне за своим привычным делом: гончар виртуозно работает над созданием глиняных изделий на гончарном круге; плотник терпеливо пилит дрова; крестьянин с любовью копает землю (рис. 23).

Что касается арок, то на них было нарисовано множество сцен с участием либо танцоров, либо музыкантов. Например, в южной половине восточной арки изображен музыкант, играющий на струнном инструменте с длинной ручкой, а чуть выше – картина женщины, поднимающей руку над головой точно под музыку, и по ее платью видно, что она танцовщица, ведь на ней короткая юбка. В южной части западной арки запечатлена еще одна танцовщица, совершающая волнообразные движения телом и руками (рис. 24).

Рис. 23. Вид на потолке зала приемов

Рис. 24. Графика на арках

Переходим к описанию банного комплекса. Первой нам открывается комната для обнажения и смены нарядов, которую можно назвать гардеробной. Росписи стен этой комнаты сохранились лучше всего. Внимания заслуживает картина прямо над дверью, изображающая лежащую рядом с открытым сундуком женщину, а над ней – крылатый ребенок, указывающий правой рукой на мужчину. Тот, в свою очередь, запечатлен полулежа на подушке, со следами задумчивости и печали на лице. Возле него на столе в миске стынет еда. Слева от открытого окна на восточной стене гардеробной находится картина с изображением сидящей женщины, подпирающей рукой щеку, будто смотрящей на мужчину справа от окна грустными, жадными глазами, в то время как мужчина обратил к ней лишь свой лик [30, с. 28–33] (рис. 25).

Что касается остальной части стены, то она была разделена на множество ромбов, заполненных изображениями различных знаменитостей, людей или животных, дополненных узорами растений. Чтобы рассмотреть их подробнее, условно разделим комнату на две части. На левой стороне фрески составлены в четыре ряда:

– в первом ряду изображена змея;

– во втором ряду запечатлены аист и две газели;

– третий ряд объединил мужчину в греческой одежде, играющего на флейте, и танцовщицу в белой юбке с римской мантией, собранной на талии и подвязанной белым поясом;

– в четвертом ряду мы видим цаплю, зебр и других животных (рис. 26) [14, с. 309–310].

Рис. 25. Росписи стен для гардеробной

Рис. 26. Фрески на левой стороне

Четыре ряда фресок правой стороны:

- в первом ряду нам является маленькое животное, похожее на кошку, наблюдающее за своей добычей, и свернувшаяся кольцом змея, готовая осуществить бросок;
- во втором ряду мы вновь видим аиста, зебру, а кроме того, оленя-карибу и некоторых птиц;
- в третьем ряду собраны изображения обезьяны или медведя, сидящего на стуле и играющего на струнном инструменте, обезьяны, стоящей на задних лапах и аплодирующей исполнителям, а также мужчины в коротком халате;
- картины четвертого ряда показывают нам аиста, газель, бегущего верблюда и узоры прожилок листьев растений.

Интересно, что эти образы олицетворенных животных представляют этапы жизни человека от детства или юности до взрослой жизни [20, с. 288].

При рассмотрении южной стены помещения мы замечаем, что над дверью нарисованы три полные обнаженные женщины, что готовит нас ко входу в горячую комнату банного комплекса. Одна из женщин держит на руках ребенка, слева от нее – женщина, несущая корзину с ребенком, справа – изображение купающейся женщины [22, с. 311].

Образы повторяются и на южной стене, там тоже изображена обнаженная женщина с ребенком на руках, перед которой сидит другая женщина. Мы также вновь видим мужчину, перед которым стоит стол с миской. Две женщины, одна из которых льет воду из чаши, с ребенком между ними запечатлены и на западной стене. На картине изображено здание, увенчанное цилиндрическим контрактом (рис. 27) [26, с. 185–187].

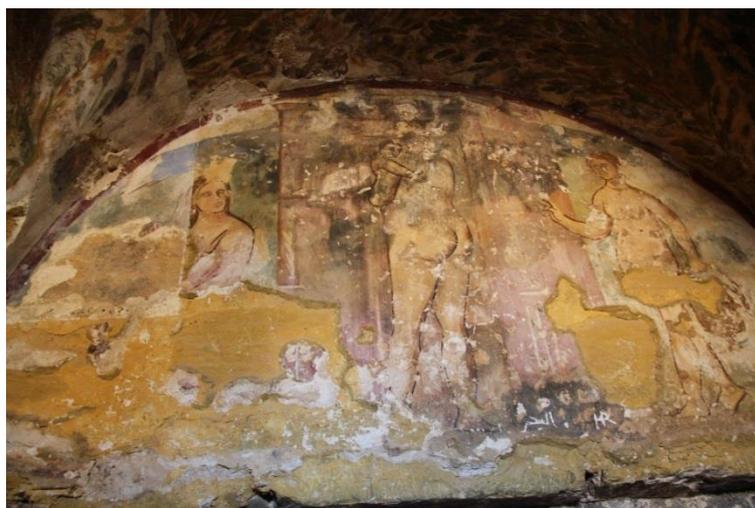

Рис. 27. Южная стена комнаты

Северная стена отмечена сюжетами с охоты: рыбак с копьем; скачущий во всю прыть кролик и свирепый лев в движении. Три картины обрамлены переплетенными между собой рамками из ветвей виноградной лозы круглой формы [26, с. 185–187].

«Горячая» комната, или парная комната, как бы мы назвали ее сейчас, отличается своим уникальным убранством. В этом контексте стоит упомянуть эзотерические рисунки на своде купола, ведь они передают символическое изображение созвездий и планет Солнечной системы, дающее четкое представление о степени осведомленности мастеров о природных явлениях. Мы видим Северный полюс с Большой и Малой Медведицей, между ними хвост Дракона в центре купола, а над ним справа – раскинувшееся крылатое животное. Под ним во втором круге мы видим Лебедя, затем правее замечаем Геркулеса, поднимающего свои булавы, а за ним бог змей Авит, несущий в своих руках большую змею (рис. 28). Далее в композиции отведено место Лучнику, слева от него – скорпиону, а справа – Дельфину и Козерогу, между двумя окнами находится знак Водолея. С противоположной стороны огнедышащее животное встречается с Близнецами. Что касается остальных созвездий, их точно определить не удалось [26, с. 185–187].

Рис. 28. Рисунки на своде купола

Переходим к наиболее важной части статьи – описанию техники создателей фресок Дворца. Интересно, что после изучения наиболее важных картин в Кусайр-Амра, нам становится ясно, что в них есть явное влияние эллинистического и сасанидского стилей.

Что касается эллинистического эффекта, то он проявляется в ряде вещей: изображение человеческих тел, а также богов и муз любви, войны, победы, поэзии, истории и философии. Образ достойной женщины на западной стене Зала приемов соответствует образу богини Венеры, или Афродиты, которая является одним из важнейших персонажей как греческой, так и римской мифологии, и вместе с тем популярным героем полотен и статуй в ту эпоху, а в городе Джараш были найдены глиняные статуи красавицы богини Венеры во время водных процедур [28, с. 103].

Именно к эллинистическому стилю мы относим исключительную яркость образов и их близость к реальности. Это хорошо видно в сценах, где герои запечатлены в движении или за каким-то занятием, особенно это касается сцен с водными процедурами и спортивными упражнениями в парной комнате и в гардеробной.

Под параметры данного стиля попадает также сходство одежды и украшений персонажей с изображениями людей в некоторых греческих церквях и светских заведениях.

В качестве примеров приведем следующие сравнения:

– усыпанное бриллиантами платье одной из танцовщиц в гардеробной комнате банного комплекса похоже на одеяния людей на некоторых сохранившихся фресках города Дур-Эвропос, который до III в. н. э. находился на Евфрате;

– на мозаиках церквей Аль-Махат, Мадаба и Суайфи в Аммане изображены рабочие, одетые в одинаковую одежду, напоминающую мастеров с фресок Зала приемов;

– на одной из фресок церкви ал-Сувайфия византийский художник изобразил несущего камни верблюда и командующего им человека, что похоже на героев картин Зала приемов – рабочих, перевозящих камни;

– подобно тому, как византийцы представляли нашему вниманию повседневную жизнь, например, этапы посадки и сбора винограда, выполненные в технике мозаики, так и в Кусайр-Амра мы видим аналогичные сцены, а сами картины обрамлены ветвями виноградной лозы.

Теперь обратимся к особенностям сасанидского стиля, который также оказал большое влияние на убранство Дворца Амра:

– Изображение немусульманских традиций и обрядов, например, руки, поднятые перед грудью и раскрытые ладонями вверх, что является одним из известных в сасанидской живописи символов поклонения и подчинения. На двух сасанидских картинах, найденных в Бисотунском районе и Накш-е Рустам, запечатлены князья, приносящие присягу и дающие обет послушания и верности персидскому царю, мы замечаем тот же мотив, что и на фресках Кусайр-Амра. Такой образ присутствовал у персов, где Якут ал-Хамави ссылался на него, говоря: «Керманшахан – место, где собирались цари земли, в том числе Фагур, царь Китая, Хакан, царь тюрков, Дахир, царь Индии, Цезарь, император римлян, и Хосров Аброиз...».

– Изображение Халифа в тронном зале отсылает нас к подобной сцене на серебряной сасанидской чаше, хранящейся в Тегеранском музее, а также на персидском люстровом фарфоре, датированном XIII веком н. э.

– Стиль изображения некоторых животных, а также размещение их перед деревом или веткой, как сохранилось на фресках в потолке гардеробной комнаты банного комплекса, является сасанидским [2, с. 244].

Последняя и одна из важнейших тем данного обзора касается мастеров-создателей фресок Дворца Амра. Ученые и исследователи единогласно сошлись во мнении, что художниками выступали сирийцы или армяне, и, похоже, арабский язык они знали лучше, чем греческий, но все равно не на высоком уровне: например, слово *Хосров* они писали так, как слышали, а не по фактическим правилам его написания.

Эттингхаузен подтвердил это, сказав: «При проверке фресок во Дворце Амра стало ясно, что выгравированные греческие надписи подвержены ошибкам и упущениям, в то же время художнику не составляло труда сделать надпись по-арабски. Однако некоторые арабские письмены восходят к арамейскому письму, что указывает на то, что именно арабы (не комментируя вопрос, стали ли они мусульманами) оставили гравировки на этих картинах, как и создали сами изображения, что кажется очевидным, но нуждалось в подтверждении» [4, с. 109].

Заключение. Очевидно, что пример Кусайр-Амра относится к значимому археологическому объекту и типичному сооружению традиционной арабской архитектуры, а статус всемирного наследия может рассматриваться как дополнительная ценность.

Данное исследование позволило более подробно познакомиться с Дворцом Кусайр-Амра – археологическим памятником периода Омейядов, т. к. это историческое место было тщательно изучено в контексте изобразительного искусства и недостаточно с точки зрения его археологической сложности.

Список литературы

1. Альшурман А. С. Архитектурные формы и конструктивные решения зданий ранней исламской архитектуры в Иордании // *Инновации и инвестиции*. 2018. № 4. С. 368–371.
2. Брунов Н. И. *Очерки по истории архитектуры* : в 2 т. Т. 1. М. : Центрполиграф, 2003. 398 с.
3. Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев ; Запорожье : Дикое поле, 2010. 176 с.
4. Зиливинская Э. Д. *Архитектура Золотой Орды*. Ч. I. Культурное зодчество. М. ; Казань : Отечество, 2014. 446 с.
5. Петрова Л. Д. Фрески бань замка Кусайр-Амра. Аспекты перцепции арабо-мусульманской культурой античного наследия // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 2. СПб. : НП-Принт, 2012.
6. Пиотровский М. Б. *О мусульманском искусстве*. СПб. : Славия, 2001. 148 с.
7. Эль-Асад Али. Модернизация и социокультурное развитие в Иордании в 30–90-е гг. XX века : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва. 126 с.
8. *Ababneh Sana*. Learning Styles and Preferences of Jordanian EFL Graduate Students // *Journal of Education and Practice*. 2015. Vol. 6. No. 15. Pp. 31–37.
9. *Alami Mohammed Hamdouni*. Art and Architecture in the Islamic Tradition: Aesthetics, Politics and Desire in Early Islam. London : I. B. Tauris, 2011. Pp. 261–280.
10. *Alhasanat M. B*. Spatial analysis of a historical phenomenon: using GIS to demonstrate the strategic placement of Umayyad desert palaces // *GeoJournal*. 2010. Pp. 1–17.
11. *Almagro A*. Remarks on building techniques during Umayyad times. *Studies in History and Archaeology of Jordan (SHA)* 5. 1995. Pp. 271–275.
12. *Almagro Martin, Caballero Luis, Zozaya Juan*. Qusayr Amra. Residencia y baños omeyas en el desierto de Jordania. Madrid : Ministerio de Asuntos Exteriores, 1975. 357 p.

13. *Al-Rashdan Wae*. The Umayyad Palaces in the Hashemite Kingdom of Jordan (King University). Saud, Riyadh, 2009. Pp. 90–94.
14. *Arias I*. Review of The paintings of Qusayr ‘Amra an Umayyad bath in the Jordanian // *Archivo Espanol de Arqueologia*. 2009. No. 82. Pp. 129–234.
15. *Barret M*. Quseir ‘Amra, Examen de l’état de conservation des enduits de la coupole du caldarium [Quseir ‘Amra, Examination of the state of conservation of the coatings of the dome of the caldarium]. Unpublished report, 1993. P. 295.
16. *Bisheh G., Morin T., Vibert-Guigue C*. Rapport d’activités à Qusayr Amra // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. 1997. No. 2. Pp. 375–393.
17. *Clermont Ganneau C*. Review: A. Musil, Kusejr ‘Amra und andere Schlösser östlich von Moab: Topographischer Reisebericht. *Journal des Savants*. 1902. Pp. 281–284.
18. *Cobb P. M*. Review of Qusayr ‘Amra. Art and the Umayyad elite in late antique Syria. By G. Fowden. *Journal of Near Eastern Studies* 68, 2. 2009. Pp. 156–157.
19. *Creswell Keppel*. *Early Muslim Architecture*. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1969. 290 p.
20. *De Palma Giovanna*. Qusayr ‘Amra World Heritage Site: Preliminary Report on Documentation, Conservation and Site Management Activities in 2012–2013 // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. 2013. No. 57. Pp. 425–439.
21. *De Palma Giovanna, Gaetano Palumbo, Carlo Birrozzi, Marie-José Mano, Maria Carolina Gaetani, Asma Shhaltoug, Mohammed Al Khatib and Frédéric Imbert*. Qusayr ‘Amra World Heritage Site: Preliminary Report on Documentation, Conservation and Site Management Activities in 2010–2012 // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. 2012. No. 56. Pp. 309–340.
22. *Fontana Maria Vittoria*. Su una Possible Raffigurazione della Storia di Giona a Qusayr ‘Amra [On a Possible Depiction of the Story of Jonah to Qusayr ‘Amra] // *Rivista degli Studi Orientali*. 2012. No. 85 (1–4). Pp. 279–303.
23. *Fowden G*. Late-antique Art in Syria and its Umayyad Evolutions. *Journal of Roman Archaeology* 17. 2004. Pp. 282–304.
24. *Fowden G*. ‘Desert kites’: ethnography, archaeology and art. In *The Roman and Byzantine Near East*, edited by J. H. Humphrey, *Journal of Roman Archaeology, Suppl. Series* 31. 1999. Pp. 107–136.
25. *Genequand D*. Une mosquée à Qusayr ‘Amra. *Annual of the Department of Antiquities of Jordan (ADA)* 46. 2002. Pp. 583–589.
26. *Grabar Oleg*. The Painting of the Six Kings at Qusayr ‘Amrah // *Ars Orientalis*. Vol. 1. 1954. Pp. 185–187.
27. *Hasan Abu Awwad*. The Umayyad Palaces: Design Methodology and Historical Background in the Palaces of the Jordanian Badia. Amman : University of Jordan, 1998. Pp. 31–76.
28. *Imbert Frédéric*. Le Prince al-Walid et son Bain: Itinéraires Épigraphiques à Qusayr ‘Amra [Prince al-Walid and his Bath: Epigraphic Routes in Qusayr ‘Amra] // *Bulletin d’Études Orientales*. 2016. No. 64. Pp. 321–363. DOI: 10.4000/beo.4723.
29. *Kooij G. Van der*. Picking up the Threads: A Continuing Review of Excavations at Deir Alla, Jordan / ed. by G. van der Kooij, M. H. Ibrahim. Leiden : University of Leiden, Archaeological Center, 1989. 227 p.
30. *Musil A*. Kuseir ‘Amra und andere Schlösser östlich von Moab: Topographischer Reisebericht I. Sitzungsberichte der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historischen Classe 144. 1902. Pp. 26–51.
31. Report by the Jordanian Department of Antiquities January 2014 – Qusayr Amra Site Management Plan, Amman. Pp. 30–113.

The archaeological site of Qusair Amra as one of the outstanding Umayyad palaces

Bazerkan Gaid

postgraduate student in the field of Historical Sciences and Archaeology, Higher School of Economics.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9985-1232. E-mail: ghaidbazerkan@gmail.com

Abstract. The Umayyad period represents one of the most prosperous periods in Jordan's history. However, most of the research has long been focused on the luxurious palace architecture. The article describes the Qusair Amr Palace, which occupied a prominent place in the history of the study of early Islamic antiquities. The palace was built on the territory of modern Jordan, 85 km east of the capital city of Amman, in the VII–VIII centuries AD during the Umayyad era, which can be called one of the most prosperous periods in the history of Jordan. The purpose of the study is to present the Qusair Amr Palace in terms of its architectural and artistic heritage, as well as the archaeological value of this historical site. The archaeological monuments of the Palace include frescoes of the Reception Hall and on the walls of the corridors, as well as the eastern portico, the throne room, the water wheel and the bath complex, where the largest number of wall paintings from the early Islamic

period have been preserved. Materials and methods. The study was carried out on the basis of historical data on the excavations conducted by archaeologist Moselle at the site of the palace for more than 12 seasons from 1898 to 1911, the results of these excavations were consistently published in *Jordanian Antiquities* of the same period. A descriptive and analytical approach was chosen as the methodology of this study to collect information about the architectural elements of this palace. Result. The exceptional beauty of palace art, especially mosaic paintings, scenes and decorations, attracted the attention of researchers, especially those who study Islamic antiquities, and during the Jordanian administration, extensive restoration work was carried out at the Jordanian Museum of Antiquities. The historical significance of the palace is emphasized by its inclusion in the UNESCO World Heritage List in 1985.

Keywords: Qusair Amra, Al-Walida ibn Abd Al-Malik, Umayyad architectural heritage, Islamic art, Jordan, archaeological finds.

References

1. Al'shurman A. S. *Arhitekturnye formy i konstruktivnye resheniya zdaniy rannej islamskoj arhitektury v Jordanii* [Architectural forms and constructive solutions of buildings of early Islamic architecture in Jordan] // *Innovacii i investicii – Innovations and investments*. 2018. No. 4. Pp. 368–371.
2. Brunov N. I. *Ocherki po istorii arhitektury : v 2 t. T. 1* [Essays on the history of architecture : in 2 vols. Vol. 1]. M. Tsentrpoligraf, 2003. 398 p.
3. Gavrilyuk N. A., Ibragimova A. M. *Tyurbe hana Hadzhi Geraya (po materialam arheologicheskikh issledovanij 2003–2008 gg.)* [Turbe Khan Haji Gerai (based on the materials of archaeological research 2003–2008)]. Kiev, Zaporozhye. Wild field, 2010. 176 p.
4. Zilivinskaya E. D. *Arhitektura Zolotoj Ordy. Ch. I. Kul'tovoe zodchestvo* [Architecture of the Golden Horde. Ch. I. Cult architecture]. M., Kazan. Otechestvo (Fatherland), 2014. 446 p.
5. Petrova L. D. *Freski ban' zamka Kusajr-Amra. Aspekty percepcii arabo-musul'manskoj kul'turoj antichnogo naslediya* [Frescoes of the baths of Qusair Amr castle. Aspects of perception by the Arab-Muslim culture of the ancient heritage] // *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. Vyp. 2 – Actual problems of the theory and history of art. Is. 2*. SPb. NP-Print, 2012.
6. Piotrovskij M. B. *O musul'manskom iskusstve* [On Muslim art]. SPb. Slavia, 2001. 148 p.
7. El-Asad Ali. *Modernizacija i sociokul'turnoe razvitie v Jordanii v 30–90-e gg. XX veka : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.03* [Modernization and socio-cultural development in Jordan in the 30–90s of the XX century : diss. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.03.] M. 126 p.
8. Ababneh Sana. Learning Styles and Preferences of Jordanian EFL Graduate Students // *Journal of Education and Practice*. 2015. Vol. 6. No. 15. Pp. 31–37.
9. Alami Mohammed Hamdouni. *Art and Architecture in the Islamic Tradition: Aesthetics, Politics and Desire in Early Islam*. London : I. B. Tauris, 2011. Pp. 261–280.
10. Alhasanat M. B. Spatial analysis of a historical phenomenon: using GIS to demonstrate the strategic placement of Umayyad desert palaces // *GeoJournal*. 2010. Pp. 1–17.
11. Almagro A. Remarks on building techniques during Umayyad times. *Studies in History and Archaeology of Jordan (SHA)* 5. 1995. Pp. 271–275.
12. Almagro Martin, Caballero Luis, Zozaya Juan. *Qusayr Amra. Residencia y baños omeyas en el desierto de Jordania*. Madrid : Ministerio de Asuntos Exteriores, 1975. 357 p.
13. Al-Rashdan Wae. *The Umayyad Palaces in the Hashemite Kingdom of Jordan* (King University). Saud, Riyadh, 2009. Pp. 90–94.
14. Arias I. Review of The paintings of Qusayr 'Amra an Umayyad bath in the Jordanian // *Archivo Espanol de Arqueologia*. 2009. No. 82. Pp. 129–234.
15. Barret M. Quseir 'Amra, Examen de l'état de conservation des enduits de la coupole du caldarium [Quseir 'Amra, Examination of the state of conservation of the coatings of the dome of the caldarium]. Unpublished report, 1993. P. 295.
16. Bisheh G., Morin T., Vibert-Guigue C. Rapport d'activités à Qusayr Amra // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. 1997. No. 2. Pp. 375–393.
17. Clermont Ganneau C. Review: A. Musil, Kusejr 'Amra und andere Schlösser östlich von Moab: Topographischer Reisebericht. *Journal des Savants*. 1902. Pp. 281–284.
18. Cobb P. M. Review of Qusayr 'Amra. Art and the Umayyad elite in late antique Syria. By G. Fowden. *Journal of Near Eastern Studies* 68, 2. 2009. Pp. 156–157.
19. Creswell Keppel. *Early Muslim Architecture*. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1969. 290 p.
20. De Palma Giovanna. *Qusayr 'Amra World Heritage Site: Preliminary Report on Documentation, Conservation and Site Management Activities in 2012–2013* // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. 2013. No. 57. Pp. 425–439.
21. De Palma Giovanna, Gaetano Palumbo, Carlo Birrozzi, Marie-José Mano, Maria Carolina Gaetani, Asma Shhaltoug, Mohammed Al Khatib and Frédéric Imbert. *Qusayr 'Amra World Heritage Site: Preliminary Report on Documentation, Conservation and Site Management Activities in 2010–2012* // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. 2012. No. 56. Pp. 309–340.

22. *Fontana Maria Vittoria*. Su una Possible Raffigurazione della Storia di Giona a Qusayr 'Amra [On a Possible Depiction of the Story of Jonah to Qusayr 'Amra] // *Rivista degli Studi Orientali*. 2012. No. 85 (1-4). Pp. 279-303.
23. *Fowden G.* Late-antique Art in Syria and its Umayyad Evolutions. *Journal of Roman Archaeology* 17. 2004. Pp. 282-304.
24. *Fowden G.* 'Desert kites': ethnography, archaeology and art. In *The Roman and Byzantine Near East*, ed. by J. H. Humphrey, *Journal of Roman Archaeology, Suppl. Series* 31. 1999. Pp. 107-136.
25. *Genequand D.* Une mosquée à Qusayr 'Amra. *Annual of the Department of Antiquities of Jordan (ADA)* 46. 2002. Pp. 583-589.
26. *Grabar Oleg*. The Painting of the Six Kings at Qusayr 'Amrah // *Ars Orientalis*. Vol. 1. 1954. Pp. 185-187.
27. *Hasan Abu Awwad*. The Umayyad Palaces: Design Methodology and Historical Background in the Palaces of the Jordanian Badia. Amman : University of Jordan, 1998. Pp. 31-76.
28. *Imbert Frédéric*. Le Prince al-Walid et son Bain: Itinéraires Épigraphiques à Qusayr 'Amra [Prince al-Walid and his Bath: Epigraphic Routes in Qusayr 'Amra] // *Bulletin d'Études Orientales*. 2016. No. 64. Pp. 321-363. DOI: 10.4000/beo.4723.
29. *Kooij G. Van der*. Picking up the Threads: A Continuing Review of Excavations at Deir Alla, Jordan / ed. by G. van der Kooij, M. H. Ibrahim. Leiden : University of Leiden, Archaeological Center, 1989. 227 p.
30. *Musil A.* Kuseir 'Amra und andere Schlösser östlich von Moab: Topographischer Reisebericht I. *Sitzungsberichte der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historischen Classe* 144. 1902. Pp. 26-51.
31. Report by the Jordanian Department of Antiquities January 2014 - Qusayr Amra Site Management Plan, Amman. Pp. 30-113.

Тема единства в современной англоязычной научно-фантастической литературе

Казакова Ирина Борисовна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры и искусства, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. ORCID: 0000-0002-2036-8318. ResearcherID: AFV-7871-2022. E-mail: kib_sam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы реализации темы единства в современной научно-фантастической литературе на материале творчества англоязычных писателей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления комплекса идей, лежащих в основе концепций единства в произведениях современной научно-фантастической литературы. Целью статьи является выявление и описание основных вариантов реализации темы единства в творчестве англоязычных писателей-фантастов последнего десятилетия XX–XXI вв. Предметом исследования выступают космологические, философско-этические, психологические и естественнонаучные концепции единства, присутствующие в литературных произведениях жанра научной фантастики последнего десятилетия XX и начала XXI в., при этом под единством понимается единство живых существ как наиболее востребованный в литературе этого жанра способ раскрытия данной темы.

При рассмотрении темы единства в современной научной фантастике автор статьи выделяет три самых распространенных варианта ее интерпретации писателями: первый связан с изображением нечеловеческих сообществ земного или внеземного происхождения, подобным сообществам коллективных насекомых; второй – с различными формами единства в человеческом обществе, связанными с психологическими, моральными концепциями или социальными институтами; в третьем варианте – надчеловеческом – единство достигается благодаря транс- или постгуманистическим технологиям. Такой подход позволяет систематизировать многочисленные тексты научно-фантастической литературы, посвященные теме единства, и выявить в них основные тенденции в раскрытии этой темы.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в современной научной фантастике присутствуют такие трактовки единства, как объединенный общей целью или каким-либо социальным институтом человеческий коллектив, как единство законов психики, языка и мышления, как распределенный в индивидах коллективный разум внеземного или земного происхождения и, наконец, как недоступное для индивидуального понимания слияние всех сознаний в одной точке. Постоянное обращение писателей-фантастов к этой теме свидетельствует о ее актуальности для современного мира, обусловленной по большей части развитием объединяющих человечество технологий (в том числе в области медиа). Дальнейшее изучение темы единства в научной фантастике позволит не только более широко охватить многообразие трактовок этой темы, но и лучше понять культурно-исторический контекст этого литературного жанра.

Ключевые слова: научно-фантастическая литература, единство, коллективный разум, трансгуманизм.

Одна из самых значительных идей в истории культуры – идея единства мироздания, отражающая стремление культуры к целостности, к созданию завершенной картины мира. Эту идею можно обнаружить в онтологии даосизма и в индийской философии, в древнегреческой космологии, начавшейся «с поисков единого принципа, который должен объединить все возможные предметы в границах <...> мышления и показать их как взаимосвязанные проявления одного основного закона» [5, с. 17], и в универсализме средневековой культуры, стремившейся «охватить мир в целом, понять его как некоторое законченное всеединство» [2, с. 12]. И в дальнейшем – на всем протяжении Нового времени – эта идея продолжала играть важную роль в западной философии [6, с. 104–106], однако отчасти утратила свое значение в современной культуре, в которой, как заметил С. С. Аверинцев, наука разрушила любую

наглядность и тем самым сделала универсум недоступным для воображения [1, с. 339]. Разрушение единства мировосприятия, повлиявшее на все сферы культуры, в литературе проявилось в первую очередь в поэтике постмодернизма с его фрагментарностью, множественностью точек зрения и интерпретаций, отсутствием структуры и смыслового центра. Однако в литературе эпохи постмодерна можно найти и иную тенденцию, противоречащую магистральным настроениям этой эпохи, – тенденцию к созданию целостных миров. Это наиболее заметно в различных жанрах массовой литературы и отчасти объясняется коммерческой целесообразностью (примером может служить создание «вселенных» и циклов). Но не всегда стремление к реализации идеи единства в современной литературе связано лишь с коммерческими целями, доказательством чего является научная фантастика последнего десятилетия XX–XXI вв. В творчестве представителей этого жанра присутствует тема единства живых существ, которая реализуется во множестве разнообразных вариантов. Рассмотрение этих вариантов позволит выявить основные тенденции в раскрытии этой темы в современной научной фантастике.

Тема единства в научно-фантастической литературе присутствовала и до рассматриваемого периода – ее вариации встречаются уже у Г. Уэллса, одного из основателей жанра (роман «Царство муравьев», 1905). Особенно часто обращался к этой теме Ф. К. Дик, использовавший в своем творчестве ее психологические, религиозные, социокультурные трактовки [24, с. 82, 166]. В современной научной фантастике можно выделить несколько основных подходов к раскрытию этой темы. Первый связан с изображением нечеловеческих (в большинстве случаев – инопланетных) сообществ живых существ, представляющих из себя аналогию сообществ социальных насекомых, таких, как муравьи и пчелы. Принадлежность к подобной группе подразумевает отказ от индивидуальности во имя слаженного существования целого [20, с. 151–186]. Как правило, писатели-фантасты отрицательно оценивали потерю индивидуального сознания и свободы воли, хотя и признавали эффективность подобной организации социума. Противостояние человечества и подобного коллективного врага, будь то эволюционировавшие земные насекомые или инопланетная форма жизни, изображается в упомянутом ранее «Царстве муравьев» Г. Уэллса, «Рое» А. Херцога (1974), «Звездном десанте» Р. Хайнлайна (1959), «Игре Эндера» О. Скотта Карда (1985) и многих других произведениях, а в «Непобедимом» С. Лема (1964) в качестве враждебного коллектива насекомоподобных существ выступает рой нанороботов.

Изображая такие сообщества как враждебные человечеству, писатели-фантасты могли отметить и положительные стороны их существования, например, благотворное влияние на экологию («Зеленый мозг» Ф. Герберта (1966)), или же проявить к ним уважение или сочувствие («Голос тех, кого нет» О. Скотта Карда (1986)).

В научной фантастике последних трех десятилетий изображение нечеловеческой формы коллективного разума в целом не отступает от сложившейся традиции. В романе канадского фантаста Роберта Сойера (Robert James Sawyer, 1960 г. р.) «Конец эры» («End of an Era», 1994) двум палеонтологам, отправленным на машине времени в мезозойскую эру, приходится противостоять инопланетной форме жизни, напоминающей вирус, то есть способной существовать только благодаря другим живым существам. Этот инопланетный вирус обладает коллективным сознанием и способен проникать в разум существ, с которыми вступает во взаимодействие, чтобы подчинить их себе. В этом романе Р. Сойер отмечает невозможность лжи и утаивания информации как неотъемлемую, по его мнению, черту взаимодействия в таком коллективе [25, с. 195]. Неоднократно обращался к теме коллективного разума еще один современный канадский писатель-фантаст Питер Уоттс (Peter Watts, 1958 г. р.): в романе «Ложная слепота» («Blindsight», 2006) экипаж космического корабля сталкивается с инопланетным объектом – колонией существ, обладающих коллективным интеллектом, но не сознанием, поэтому взаимодействие с ним носит характер общения с «китайской комнатой» [12, с. 115].

Присоединение людей к такому коллективу рассматривается как крайне нежелательное, поскольку влечет за собой не только утрату индивидуальности, но и человеческой идентичности. Герой рассказа П. Уоттса «Боги насекомых» («Insect Gods», 2015) описывает свой опыт присоединения к сознанию осьминога как превращение цельной личности в колонию, состоящую из относительно самостоятельных чувствительных конечностей, и этот опыт оказывается травмирующим для психики человека [12, с. 453–454]. (Эта тема встречалась в научной фантастике и прежде: в рассказе Б. Стерлинга «Рой» (1982) герой, которого вынуж-

дают стать частью колонии организмов, объединенных симбиотическими отношениями, выражает надежду, что даже в качестве части этого коллектива он сохранит свою человеческую природу [33, с. 495]).

Если уподобление человеческого общества коллективу насекомых или похожих на них существ, а также присоединение людей к такому коллективу расценивается в научной фантастике в целом отрицательно (за небольшими исключениями, к которым можно отнести, например, «Термитник Хеллстрема» Ф. Герберта (1973)) – как несущее угрозу самой человеческой природе, то различные виды единства людей, опирающегося на социально-политические институты или моральные и психологические концепции, получают более неоднозначные оценки писателей-фантастов. Так, популярным мотивом является объединение человечества для решения каких-либо глобальных задач под руководством ООН. Эта организация упоминалась в научной фантастике и прежде: в творчестве Ф. К. Дика ООН координировала колонизацию других планет («Сдвиг времени по-марсиански» (1962), «Мечтают ли андройды об электроовцах?» (1968)), у А. Кларка – участвовала в подготовке к космической экспедиции («2010: Одиссея Два» (1982)). В современной научной фантастике объединяющая функция этой организации особенно акцентируется. В романе американского фантаста Энди Вейра (Andrew «Andy» Weir, 1972 г. р.) «Проект «Аве Мария» («Project Nail Mary», 2021) для предотвращения гибели Солнца от пожирающих его астрофагов – одноклеточной инопланетной формы жизни – ООН создает международную научную группу, которой удастся найти решение проблемы и организовать экспедицию на космическом корабле «Аве Мария». В финале романа главный герой, вынужденный навсегда покинуть Землю, выражает надежду, что людям удалось объединить усилия и спастись: «Уверен, люди работали сообща. И пускай я рассуждаю, как наивный оптимист, но для человечества нет ничего невозможного – стоит только захотеть. В конце концов, «Аве Марию» строили все вместе» [3, с. 572]. Подобные мысли об ООН высказываются в романе Р. Сойера «Пришелец и закон» («Illegal Alien», 1997), в котором эта организация выступает посредником в контакте человечества с внеземной цивилизацией. Герой романа размышляет о том, что «в истории ООН, вероятно, было больше неудач, чем успехов, но она по-прежнему оставалась воплощением наиболее возвышенных человеческих идеалов» [28, с. 33]. В других произведениях канадского фантаста эта организация также играет значительную роль: в романе «Старплекс» («Starplex», 1996) ООН регулирует взаимоотношения человечества с инопланетными цивилизациями, а в романе «Золотое руно» («Golden Fleese», 1990) – организует космическую экспедицию.

Другая трактовка темы единства, основанного на политике, морали или психологии, которая нередко встречается в научно-фантастической литературе, связана с этическим учением утилитаризма, в котором высшей целью человечества провозглашается общее благо, понимаемое как совокупность благ отдельных людей [7, с. 173]. В современной научной фантастике концепция утилитаризма приобрела большую популярность, поскольку в конце XX в. стала частью трансгуманистического учения, заметно повлиявшего на творчество многих фантастов. Идеи классического утилитаризма XVIII–XIX вв. (о трансгуманистических утилитаристских представлениях будет сказано ниже) в современной фантастике представлены в творчестве Р. Сойера и П. Уоттса. У первого из этих писателей этика утилитаризма предстает как надежная основа для сплочения общества: главный герой романа «Квантовая ночь» («Quantum Night», 2016) в следовании утилитаристскому учению И. Бентама и Дж. С. Милля видит залог морального роста и объединения общества, сокращения страданий и увеличения совокупного счастья людей [8, с. 72]. П. Уоттс, напротив, обращаясь в трилогии «Рифтеры» («Rifters Trilogy», 1999–2005) к утилитаристским идеям, показывает, что осуществление идеала общего блага на практике возможно только за счет принесения в жертву части идеала. Подобный подход – более близкий прагматизму, чем утилитаризму, – делает идею общего блага несостоятельной. Один из персонажей трилогии размышляет о людях, принесенных в жертву ради нераспространения эпидемий, которые в мире «Рифтеров» приобрели огромные масштабы, и вспоминает в связи с этим «истрепавшийся лозунг, которым когда-то оправдывали астрономические цифры потерь: *Общее благо*» [11, с. 357]. Люди, принимающие в «Рифтерах» подобные прагматические решения, характеризуются как психопаты – «создания без совести – трезвые, дальновидные, рациональные, те, кого не трогали эмоции, которые в простых смертных пробуждала гора трупов» [11, с. 498]. В целом, несмотря на приведенные примеры, в современной научной фантастике популярен не столько классический утилитаризм, сколько его трансгуманистические интерпретации.

Если позитивистские этические учения редко выступают в научно-фантастической литературе в качестве идейной основы для объединения человечества, то аналитическую психологию К. Г. Юнга писатели используют с этой целью намного чаще. Интерес современных фантастов к юнгианству отчасти обусловлен тем, что к концепции коллективного бессознательного К. Г. Юнга охотно прибегал в своем творчестве предшественник киберпанка Ф. К. Дик («Пролетесь, слезы» (1974), «Человек в высоком замке» (1962), «Обман инкорпорейтед» (1966) и др.), создававший с ее помощью экзистенциалистскую атмосферу своих произведений.

У представителей современной научно-фантастической литературы элементы юнгианского учения соединяются с актуальными темами и проблемами конца XX–XXI вв. В романе Р. Сойера «Факторизация человечества» («Factoring Humanity», 1998) описывается некое психопространство, из которого можно проникнуть в сознание любого человека [26, с. 233–235]. Отдельные сознания изолированы друг от друга, и только когда с психопространством человечества соприкасается объединенное сознание – «надразум» – инопланетной цивилизации, сознания всех людей также начинают объединяться в надразум, способный вступить с этой цивилизацией в контакт. Как и в других произведениях Р. Сойера со схожей тематикой, это событие – объединение сознаний – приводит к нравственному прогрессу человечества, что в юнгианском контексте романа означает обретение единым человечеством Самости. Архетип Самости в учении К. Г. Юнга проявляется в процессе индивидуации, то есть формирования единой и неделимой человеческой психики [17]. На примере отдельных персонажей Р. Сойер показывает, как достигнутая человечеством Самость нравственно преобразует отдельных людей: ложь и недомолвки исчезают, преступники отказываются от задуманных преступлений, в людях просыпается эмпатия, и, в соответствии со словами К. Г. Юнга, в них происходит «переход из такого состояния, в котором человек есть только орудие инстинктивной природы, в другое, где он уже более не орудие, а сам себе владыка. Это превращение природы в культуру» [15, с. 218].

Юнгианские мотивы, связанные с темой единства, присутствуют в научно-фантастическом романе «Отчаяние» («Distress», 1995) австралийского писателя Грегга Игана (Greg Egan, 1961 г. р.). В основе сюжета этого романа, действие которого происходит в недалеком будущем, лежит идеологическая и политическая борьба между сторонниками науки, ожидающими завершения создания Теории Всего, и сторонниками мистики и интуитивизма, убежденными в недопустимости чисто научного подхода к раскрытию тайн Вселенной. К своим духовным лидерам враги науки в романе относят К. Г. Юнга, П. Тейяра де Шардена, Дж. Кэмпбелла, Ф. Капра [19, с. 139]. Всех перечисленных мыслителей сближает стремление создать масштабные (или даже всеобъемлющие) теории, соединяющие науку, философию и религию. Однако заявленное в «Отчаянии» противопоставление этих двух точек зрения по мере развития событий оказывается условным: герою романа удастся понять Теорию Всего, но не с помощью разума, а путем мгновенного мистического озарения [19, с. 336]. Одномоментно познав все тайны Вселенной, герой романа обнаруживает, что Теория Всего бесполезна для познания другого человека – чужая субъективность так и осталась тайной, а значит, абсолютное познание для одного изолированного человека невозможно. Выход, который предлагается в романе, предполагает участие всех людей в процессе познания Вселенной – только тогда Теория Всего станет действительно всеобъемлющей. Таким образом сближаются обозначенные в романе позиции противостоящих сторон, и создатели синтетических концепций уже не кажутся врагами науки и прогресса.

Отсылки к юнгианской теории можно найти в творчестве еще одного современного фантаста – американского писателя Нила Стивенсона (Neal Town Stephenson, 1959 г. р.), произведения которого нередко обладают сложной жанровой природой, соединяя в себе элементы научной фантастики, кибер- и посткиберпанка, фэнтези, магического реализма, исторического жанра. Идея единства неизменно привлекает Н. Стивенсона, в том числе, как уже было сказано, в ее юнгианском варианте. В романе «Алмазный век, или Букварь для благородных девиц» («The Diamond Age: or A Young Lady's Illustrated Primer», 1995) концепция коллективного бессознательного связывается с проблемами коммуникации и передачи информации. Согласно сюжету романа, в мире будущего существует тайная организация, которая собирает и передает информацию на бессознательном интуитивном уровне, непосредственно от человека к человеку. Процесс сбора, обработки и передачи информации происходит во время массовых оргий, при этом подразумевается, что у коллективного бессознательного, которое активизируется в таких условиях, имеется материальный субстрат – секреторные жидкости,

содержащие в себе наночастицы [9, с. 368–369]. Чтобы подчеркнуть материалистичность своей трактовки юнгианского учения, Н. Стивенсон проводит аналогию между работой коллективного бессознательного и алхимией: один из героев романа замечает, что «доступ к коллективному бессознательному <...> станет тем же, чем был философский камень для алхимии» [9, с. 399]. В контексте алхимических изысканий К. Г. Юнга подобная параллель выглядит естественно, однако следует заметить, что если автора «Психологии и алхимии» эта тайная наука интересовала в первую очередь как духовная практика [16], то в романе Н. Стивенсона алхимия неотделима от ее материальной, химической составляющей.

Более традиционная трактовка юнгианства присутствует в романе Н. Стивенсона «Криптономикон» («Cryptonomicon», 1999), где один из героев рассуждает о возникающих в сознании людей обобщенных образах-представлениях, которые могут отличаться в зависимости от эпохи и культуры, но при этом имеют единый объективно существующий источник, подобный платоновскому миру идей [10, с. 735–736]. Так, богиня Афина – это не сверхъестественное существо, а «некая сущность, явление, тенденция, которую древние греки увидели и, пропустив через свои языческие взгляды и механизмы восприятия, назвали Афиной» [10, с. 736]. Она существовала как «внешний генератор внутреннего образа <...> А если она существовала тогда, то, скорее всего, существует и теперь» [10, с. 736]. Мир этих архетипических сущностей в «Криптономиконе» обозначается как «ignoti et quasi occulti», то есть «неведомое и как бы скрытое» [10, с. 734], и в соответствии с этим девизом их природа в романе не раскрывается полностью. Однако очевидно, что здесь концепция К. Г. Юнга представлена с ее культурологической стороны: коллективное бессознательное выступает как единый источник культуры, а сама культура рассматривается как основа единения человечества.

Склонность Н. Стивенсона к поискам единого врожденного источника человеческого мышления можно обнаружить и в его более раннем романе «Лавина» («Snow Crash», 1992), в котором изображается воздействие на человеческую психику неких глубинных лингвистических структур, или праязыка, хранящегося в базовых нейронных цепях [32, с. 394–395], что является отсылкой к научным идеям Н. Хомского [13]. В «Лавине» тема единства приобретает зловещее звучание: праязык используется здесь некой могущественной корпорацией как средство нейролингвистического программирования человечества с целью контроля над ним. Единству праязыка, согласно излагаемой в романе Н. Стивенсона концепции, противостоит многообразие вторичных языков, которое до некоторой степени защищает человечество от угрозы тоталитаризма. В романе описывается несколько способов, с помощью которых можно активировать глубинные языковые структуры (и тем самым объединить человечество и сделать его управляемым), к числу которых относится использование различных медиа [32, с. 402]. (Аналогичные мысли о роли СМИ высказывались и в упомянутом ранее «Алмазном веке» [9, с. 330–331], и это неслучайно, поскольку события обоих романов происходят в одной художественной вселенной).

Таким образом, Н. Стивенсон видит единство человечества в общности психологической жизни, законов мышления (единству этих законов также посвящен роман Н. Стивенсона «Анафем» («Anathem», 2008) и до определенной степени в единых основаниях культуры, хотя именно в разнообразии культурных форм писатель видит защиту от возможной угрозы тоталитаризма.

Пробуждению коллективного бессознательного посвящен упомянутый ранее рассказ П. Уоттса «Боги насекомых», в котором описывается, как из-за технического сбоя произошло кратковременное слияние сознаний миллионов людей, «ушедших на небеса», то есть тех, кто во избежание смерти передал свое тело и свой мозг на длительное хранение с помощью специальных технологий. При этом сознание отдельных «ушедших на небеса» людей ничем не отличалось от сознания живущих, до тех пор, пока не возник роевой разум. С этого момента «ушедшие на небеса» перестали контактировать с живыми, которым остается только догадываться о том, что происходит в сознании коллективного существа. В финале рассказчик предполагает, что «это не просто смена парадигмы. В этом есть что-то инстинктивное: миллионы не связанных друг с другом душ по всей планете неожиданно стали одержимы жадной вырваться из собственных черепов...» [12, с. 458]. По-видимому, резюмирует рассказчик, мы имеем дело с «коллективным бессознательным, пытающимся проснуться» [12, с. 458].

Описанное в рассказе П. Уоттса единство балансирует на грани человеческого и надчеловеческого (и одновременно – прачеловеческого), хотя юнгианская концепция коллективного бессознательного не предполагает выхода за пределы человеческой природы. Этого нельзя сказать о следующей группе концепций, которые используются в современной науч-

ной фантастике для изображения единства, имеющего сверхчеловеческое основание и зачатую связанную с идеями транс- и постгуманизма.

Из современных представителей научной фантастики наиболее часто обращается к таким концепциям Р. Сойер. Будучи поклонником идей утилитаризма, писатель активно использует в своем творчестве утилитаристскую трансгуманистическую концепцию объединения всех живых существ в одно счастливое бессмертное сверхсущество. Один из создателей этой концепции британский философ Дэвид Пирс (1959 г. р.) в своем программном сочинении «Гедонистический императив» (1995) заявлял, что с помощью генной инженерии можно будет осуществить постдарвиновский переход, сделав всех людей счастливыми и моральными: «...Максимум через несколько тысячелетий состояния сознания повсюду будут по самой своей природе более приятными, чем любой современный человек может себе представить. <...> Все моральные недуги, выявленные современными светскими системами ценностей, могут быть искоренены навсегда. Страдания однажды станут физически невозможными» [21]. В другой своей работе, «Ударные волны утилитрония против градиентов страдания», Д. Пирс уже в духе постгуманизма предсказывает, что гедонистическая эволюция в отдаленном будущем приведет к «преобразованию *всей* доступной материи и энергии – не в последнюю очередь людей и животных – в относительно однородную материю, оптимизированную для максимального блаженства: «утилитроний» [22].

В своих романах Р. Сойер нередко дополняет идеи Д. Пирса другими концепциями единства. Например, в «Смертельном эксперименте» («The Terminal Experiment», 1995) души всех умерших возвращаются к первоисточку, напоминающему неоплатоническое Единое [29, с. 269], а в романе «Вспомни, что будет» («Flashforward», 1999) упоминается «точка Омеги» [27, с. 154], в которой, согласно воззрениям П. Тейяра де Шардена и Ф. Типлера [37, с. 216–218], все индивидуальные сознания сольются в одно. Также для обоснования единства человечества Р. Сойер обращается к концепции квантового сознания, согласно которой в работе мозга присутствуют квантовые эффекты. Эта концепция не нашла практического подтверждения и не признана официальной наукой [31], однако в современной научной фантастике она востребована – к ней, помимо Р. Сойера, обращаются, например, Г. Иган в романе «Карантин» («Quarantine», 1992) и американский фантаст Тэд Чан (Ted Chiang, 1967 г. р.) в повести «Тревожность – это головокружение от свободы» («Anxiety Is the Dizziness of Freedom», 2019).

Р. Сойера в концепции квантового сознания привлекает возможность использовать применительно к человеческому разуму понятие квантовой запутанности: в романах «Квантовая ночь» и «Триггеры» («Triggers», 2012) изображаются ситуации, в которых сознания ничем не связанных людей начинают зависеть друг от друга, при этом во втором романе проникновение в воспоминания других людей постепенно приводит к объединению сознаний всех людей и превращению человечества в единый мыслящий гештальт. Писатель описывает это как эволюционный скачок (недаром в эпилоге «Триггеров» приводится цитата из «Происхождения видов» Ч. Дарвина [30, с. 340]), который привел к появлению «совершенной и прекрасной» формы разумной жизни, наделенной совестью и неспособной лгать и проявлять агрессию [30, с. 337–338]. (Подобный сюжетный поворот присутствовал в романе Т. Старджона «Больше, чем люди» (1953), где группа людей со сверхспособностями превратилась в единого «гештальт-человека», наделенного моральным сознанием и способного телепатически общаться с другими подобными «гештальт-людьми» [36, с. 227–232]).

Описывая в «Триггерах» превращение человечества в мыслящее единство, Р. Сойер использует понятие сингулярности. Героиня романа, получившая, как и все, доступ в сознание других людей, знакомится с этим ранее неизвестным ей понятием: «Сингулярность. <...> момент, в который машинный разум предположительно превзойдет человеческий, запустив молниеносный технический прогресс, который оставит старого *Homo sapiens* далеко позади. Но сторонники Сингулярности умалчивали о том, что машины со временем *не* становятся более разумными; у них *нулевой* интеллект и отсутствует сознание, и как бы быстро они ни перемалывали числа, они все равно остаются *пусты*. И все же предсказанный рывок произошел: обширный, всеобъемлющий и изменяющий мир «ух» ускоряющейся силы. Это была цепная реакция, неостановимый водопад. Но не машины, а человеческие существа усиливали друг друга, мудрость толпы, выведенная на новый уровень, общество разума, растекающегося во все стороны» [30, с. 337–338].

Такое понимание сингулярности необычно для научной фантастики, в которой чаще можно встретить концепцию технологической сингулярности, согласно которой создание

искусственного интеллекта, превосходящего человеческий, приведет к стремительному ускорению развития технологий [4, с. 6–14]. Наступление эпохи технологической сингулярности обычно связывается с постгуманистическими проектами, а сама эта эпоха предстает как время освобождения человеческого разума от любых физических ограничений и слияния индивидуальных человеческих сознаний и искусственного интеллекта в единую всеохватную мыслящую силу [14]. В современной научно-фантастической литературе тема постгуманистической сингулярности присутствует, например, в творчестве английского писателя Чарльза Стросса (Charles Stross, 1964 г. р.), который трактует эту тему в свойственной ему иронической манере. Так, в романе «Небо сингулярности» («Singularity Sky», 2003) описывается, как под влиянием странствующей в космосе цивилизации на планете, населенной людьми, начинаются многочисленные изменения: пользуясь предоставленными пришельцами неограниченными технологическими возможностями, люди начинают модифицировать себя и окружающий мир, вследствие чего природа оказывается охваченной «трансценденцией» и обретает разумность, а часть людей присоединяется к цивилизации пришельцев с помощью технологии загрузки сознания [35, с. 294–295]. В «Аччелерандо» («Accelerando», 2005), другом романе Ч. Стросса, также изображается наступление эры технологической сингулярности, в частности, описывается компьютеризм – облако из питающихся солнечной энергией свободно летающих нанокomпьютеров размером с рисовое зернышко [34, с. 200], частью которого со временем должно стать выгруженное сознание всего человечества.

Если у Ч. Стросса объединение отдельных разумов в постгуманистическое единое сознание представлено лишь как часть быстро и неизбежно меняющейся реальности, то в творчестве другого современного фантаста, американского писателя Джона Барнса (John Allen Barnes, 1957 г. р.), акцентируются проблемы, которые могут возникнуть после появления такого сверхчеловеческого коллективного разума. В его цикле романов «Век по соседству» («Century Next Door», 1991–2002) коллективный разум, включивший в себя все население Земли, продолжает экспансию за ее пределы, что выглядит угрожающе, несмотря на его благие намерения и пользу, которую получает каждый присоединившийся к коллективу [18, с. 113]. Напротив, в романе английской писательницы Джастины Робсон (Justina Robson, 1968 г. р.) «Естественная история» («Natural History», 2003) коллективные разумы рассматриваются как новый подвид человеческого вида, не несущий в себе опасности для людей [23]. В целом, трансгуманистический вариант темы единства, связанный с концепцией технологической сингулярности, начал разрабатываться в научной фантастике сравнительно недавно – с последнего десятилетия прошлого века, и в настоящее время какие-то определенные тенденции в разработке этой темы еще не оформились.

Рассмотрев основные варианты реализации темы единства в творчестве англоязычных писателей-фантастов последнего десятилетия XX–XXI вв., можно прийти к заключению о чрезвычайной важности этой темы для современной научно-фантастической литературы. Обращаясь к этой теме, писатели используют различные философские, религиозные, научные (и псевдонаучные) концепции единства, которое могут трактовать как объединенный общей целью или каким-либо социальным институтом человеческий коллектив, как единство законов психики, языка и мышления, как распределенный в индивидах коллективный разум внеземного или земного происхождения и, наконец, как недоступное для индивидуального понимания слияние всех сознаний в одной точке. Далеко не все из представленных в научной фантастике вариантов объединения живых существ рассматриваются писателями как приемлемые для человека и человечества, однако настойчивое возвращение научно-фантастической литературы к этой теме свидетельствует о ее актуальности для современного мира, обусловленной по большей части развитием объединяющих человечество технологий (в том числе в области медиа). Дальнейшее изучение темы единства в научной фантастике позволит не только более широко охватить многообразие трактовок этой темы, но и лучше понять культурно-исторический контекст этого литературного жанра.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы // Человек в системе наук. М. : Наука, 1989. С. 332–342.
2. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб. : Мифрил, 1995. XVIII+244 с.
3. Вейер Э. Проект «Аве Мария» / пер. с англ. О. Акопян. М. : АСТ, 2021. 576 с.
4. Виндж В. Сингулярность : сборник / пер. с англ. М. Левина, В. Гришечкина. М. : АСТ, 2019. 224 с.

5. Гилберт К., Кун Г. История эстетики : в 2 кн. Кн. 1 / пер. с англ. Изд. 2-е. М. : Прогресс, 2000. 348 с.
6. Единство // Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 2 / глав. ред. Ф. В. Константинов. М. : Советская энциклопедия, 1962. 575 с.
7. Милль Дж. С. Утилитарианизм. О свободе. С приложением очерка жизни и деятельности Милля Е. Конради / пер. с англ. А. Н. Неведомского. СПб. : И. П. Перевозников, 1900. 427 с.
8. Сойер Р. Квантовая ночь / пер. с англ. В. Слободяна. М. : Эксмо, 2019. 480 с.
9. Стивенсон Н. Алмазный век / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М. : Эксмо, 2019. 544 с.
10. Стивенсон Н. Криптономикон / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М. : Эксмо, 2021. 848 с.
11. Уоттс П. Бетагемот. Грубый корм. Непогрешимая / пер. с англ. Г. Соловьевой, Ю. Вейсберг, Н. Кудрявцева. М. : АСТ, 2019. 698 с.
12. Уоттс П. Огнепад: Ложная слепота. Зеро. Боги насекомых. Полковник. Эхопраксия / пер. с англ. Д. Смушковича, Н. Кудрявцева М. : АСТ, 2020. 908 с.
13. Хомский Н. Язык и мышление / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М. : Изд-во МГУ, 1972. 123 с.
14. Циммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме. URL: <https://integraltranslations.wordpress.com/2011/11/06/zimmerman-religiousmotifsposthumanism/> (дата обращения: 23.10.2023).
15. Юнг К. Г. Конфликты детской души / пер. с нем. Т. Ребеко, Е. Рязановой, А. Судакова. М. : Канон, 1997. 336 с.
16. Юнг К. Г. Психология и алхимия / пер. с англ. С. Удовика. М. : АСТ, 2008. 608 с.
17. Юнг К. Г. Эон. Исследования о символике самости / пер. А. Чечиной. М. : АСТ, 2019. 352 с.
18. Barnes J. Orbital Resonance. New York : A Tor Book, 1991. 245 p.
19. Egan G. Distress : A Novel. New York : Harper Prism, 1997. 342 p.
20. Hollingsworth C. Poetics of the Hive: The Insect Metaphor in Literature. Iowa City : University of Iowa Press, 2001. 326 p.
21. Pearce D. The Hedonistic Imperative. URL: <https://www.hedweb.com/hedonist.html> (дата обращения: 03.10.2023).
22. Pearce D. Utilitronium Shockwaves vs Gradients of Bliss. URL: <https://www.hedweb.com/social-media/pre2014.html> (дата обращения: 22.10.2023).
23. Robson J. Natural History. London : Macmillan, 2003. 330 p.
24. Rossi U. The Twisted Worlds of Philip K. Dick: A Reading of Twenty Ontologically Uncertain Novels. London : McFarland & Company, 2011.
25. Sawyer R. J. End of an Era. New York : A Tor Book, 2001. 260 p.
26. Sawyer R. J. Factoring Humanity. New York : Tor Books, 1998. 350 p.
27. Sawyer R. J. Flashforward. New York : A Tor Book, 2014. 305 p.
28. Sawyer R. J. Illegal alien. New York : Ace Books, 1997. 292 p.
29. Sawyer R. J. The Terminal Experiment. Toronto : Penguin Canada, 2009. 273 p.
30. Sawyer R. J. Triggers. London : Gollancz, 2012. 342 p.
31. Smith C. U. M. The «hard problem» and the quantum physicists. Part 2: Modern times // Brain and Cognition. 2009. Vol. 71. Pp. 54–63. DOI: 10.1016/j.bandc.2007.09.004.
32. Stephenson N. Snow Crash. New York : Bantam Books, 1992. 440 p.
33. Sterling B. Swarm // The Oxford Book of Science Fiction Stories / ed. by T. Shippey. Oxford-New York : Oxford University Press, 1992. Pp. 472–495.
34. Stross Ch. Accelerando. New York : Ace Books, 2005. 415 p.
35. Stross Ch. Singularity sky. London : Orbit, 2004. 400 p.
36. Sturgeon T. More Than Human. New York : Farrar, Straus and Young, 1953. 233 p.
37. Tipler F. The Physics of Immortality: Modern Cosmology, God, and the Resurrection of the Dead. New York : Doubleday, 1994. XXVI+528 p.

The theme of unity in modern English-language science fiction literature

Kazakova Irina Borisovna

Doctor of Philology, associate professor, professor of the Department of Philosophy,
History and Theory of World Culture and Art, Samara State Socio-Pedagogical University. Russia, Samara.
ORCID: 0000-0002-2036-8318. ResearcherID: AFBV-7871-2022. E-mail: kib_sam@mail.ru

Abstract. The article discusses various ways to implement the theme of unity in modern science fiction literature based on the work of English-speaking writers. The relevance of the research is due to the need to comprehend the complex of ideas underlying the concepts of unity in the works of modern science fiction literature. The purpose of the article is to identify and describe the main options for implementing the theme of unity in the work of English-speaking science fiction writers of the last decade of the XX–XXI centuries. The subject of the research is the cosmological, philosophical, ethical, psychological and natural science concepts of unity pre-

sent in the literary works of the science fiction genre of the last decade of the XX and the beginning of the XXI century. At the same time, unity is understood as the unity of living beings as the most popular way of revealing this topic in the literature of this genre.

When considering the topic of unity in modern science fiction, the author of the article identifies three of the most common variants of its interpretation by writers: the first is associated with the depiction of non-human communities of terrestrial or extraterrestrial origin, similar to communities of collective insects; the second – with various forms of unity in human society associated with psychological, moral concepts or social institutions; in the third variant – superhuman – unity is achieved through trans- or posthumanistic technologies. This approach makes it possible to systematize numerous texts of science fiction literature devoted to the theme of unity, and identify in them the main trends in the disclosure of this topic.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that in modern science fiction there are such interpretations of unity as a human collective united by a common goal or some social institution, as a unity of the laws of the psyche, language and thinking, as a collective intelligence distributed in individuals of extraterrestrial or terrestrial origin and, finally, as inaccessible to individual understanding is the fusion of all consciousnesses at one point. The constant appeal of science fiction writers to this topic testifies to its relevance to the modern world, due in large part to the development of technologies that unite humanity (including in the field of media). Further study of the theme of unity in science fiction will allow not only to cover the diversity of interpretations of this topic more widely, but also to better understand the cultural and historical context of this literary genre.

Keywords: science fiction literature, unity, collective mind, transhumanism.

References

1. Averincev S. S. *Dva rozhdeniya evropejskogo racionalizma i prostejshie real'nosti literatury* [Two births of European rationalism and the simplest realities of literature] // *Chelovek v sisteme nauk* – Man in the system of sciences. M. Nauka (Science), 1989. Pp. 332–342.
2. Bicilli P. M. *Elementy srednevekovoj kul'tury* [Elements of medieval culture]. SPb. Mithril, 1995. XVIII+244 p.
3. Weyer E. *Proekt "Ave Mariya"* [The Ave Maria project] / transl. from English by O. Hakobyan. M. AST, 2021. 576 p.
4. Vinge V. *Singulyarnost' : sbornik* [Singularity : collection] / transl. from English by M. Levin, V. Gri-shechkin. M. AST, 2019. 224 p.
5. Gilbert K., Kuhn G. *Istoriya estetiki : v 2 kn. Kn. 1* [The history of aesthetics : in 2 books. Book 1] / transl. from English. Ed. 2nd. M. Progress, 2000. 348 p.
6. *Edinstvo – Unity* // *Filosofskaya enciklopediya : v 5 t. T. 2* – Philosophical encyclopedia : in 5 vols. Vol. 2 / chief ed. F. V. Konstantinov. M. Soviet Encyclopedia, 1962. 575 p.
7. Mill J. S. *Utilitarianizm. O svobode. S prilozheniem ocherka zhizni i deyatelnosti Millya E. Konradi* [Utilitarianism. About freedom. With an appendix of an essay on the life and work of Mill E. Konradi] / transl. from English by A. N. Nevedomsky. SPb. I. P. Perevoznikov, 1900. 427 p.
8. Sawyer R. *Kvantovaya noch'* [Quantum night] / transl. from English by V. Slobodyan. M. Eksmo, 2019. 480 p.
9. Stevenson N. *Almaznyj vek* [The Diamond Age] / transl. from English by E. Dobrokhotova-Maikova. M. Eksmo, 2019. 544 p.
10. Stevenson N. *Kriptonomikon* [Cryptonomicon] / transl. from English by E. Dobrokhotova-Maikova. M. Eksmo, 2021. 848 p.
11. Watts P. *Betagemot. Grubyy korm. Nepogreshimaya* [Betagemot. Roughage. Infallible] / transl. from English by G. Solovyova, Yu. Weisberg, N. Kudryavtseva. M. AST, 2019. 698 p.
12. Watts P. *Ognepad: Lozhnaya slepota. Zero. Bogi nasekomyh. Polkovnik. Ekhopraksiya* [Firefall: False blindness. Zero. Insect gods. Colonel. Echopraxia] / transl. from English by D. Smushkovich, N. Kudryavtsev. M. AST, 2020. 908 p.
13. *Homskij N. Yazyk i myshlenie* [Language and thinking] / transl. from English by B. Y. Gorodetsky. M. Publishing House of Moscow State University, 1972. 123 p.
14. Zimmerman M. *Religioznye motivy v tekhnologicheskom postgumanizme* [Religious motives in technological posthumanism]. Available at: <https://integraltranslations.wordpress.com/2011/11/06/zimmerman-religiousmotifsposthumanism/> (date accessed: 23.10.2023).
15. Jung K. G. *Konflikty detskoj dushi* [Conflicts of the child's soul] / transl. from German by T. Rebeke, E. Ryazanova, A. Sudakova. M. Canon, 1997. 336 p.
16. Jung K. G. *Psihologiya i alhimiya* [Psychology and alchemy] / transl. from English by S. Udovika. M. AST, 2008. 608 p.
17. Jung K. G. *Eon. Issledovaniya o simvolike samosti* [Eon. Studies on the symbolism of the self] / transl. by A. Chechina. M. AST, 2019. 352 p.
18. Barnes J. *Orbital Resonance*. New York : A Tor Book, 1991. 245 p.

19. *Egan G.* Distress : A Novel. New York : Harper Prism, 1997. 342 p.
20. *Hollingsworth C.* Poetics of the Hive: The Insect Metaphor in Literature. Iowa City : University of Iowa Press, 2001. 326 p.
21. *Pearce D.* The Hedonistic Imperative. Available at: <https://www.hedweb.com/hedonist.html> (date accessed: 03.10.2023).
22. *Pearce D.* Utilitronium Shockwaves vs Gradients of Bliss. Available at: <https://www.hedweb.com/social-media/pre2014.html> (date accessed: 22.10.2023).
23. *Robson J.* Natural History. London : Macmillan, 2003. 330 p.
24. *Rossi U.* The Twisted Worlds of Philip K. Dick: A Reading of Twenty Ontologically Uncertain Novels. London : McFarland & Company, 2011.
25. *Sawyer R. J.* End of an Era. New York : A Tor Book, 2001. 260 p.
26. *Sawyer R. J.* Factoring Humanity. New York : Tor Books, 1998. 350 p.
27. *Sawyer R. J.* Flashforward. New York : A Tor Book, 2014. 305 p.
28. *Sawyer R. J.* Illegal alien. New York : Ace Books, 1997. 292 p.
29. *Sawyer R. J.* The Terminal Experiment. Toronto : Penguin Canada, 2009. 273 p.
30. *Sawyer R. J.* Triggers. London : Gollancz, 2012. 342 p.
31. *Smith C. U. M.* The «hard problem» and the quantum physicists. Part 2: Modern times // Brain and Cognition. 2009. Vol. 71. Pp. 54–63. DOI: 10.1016/j.bandc.2007.09.004.
32. *Stephenson N.* Snow Crash. New York : Bantam Books, 1992. 440 p.
33. *Sterling B.* Swarm // The Oxford Book of Science Fiction Stories / ed. by T. Shippey. Oxford-New York : Oxford University Press, 1992. Pp. 472–495.
34. *Stross Ch.* Accelerando. New York : Ace Books, 2005. 415 p.
35. *Stross Ch.* Singularity sky. London : Orbit, 2004. 400 p.
36. *Sturgeon T.* More Than Human. New York : Farrar, Straus and Young, 1953. 233 p.
37. *Tipler F.* The Physics of Immortality: Modern Cosmology, God, and the Resurrection of the Dead. New York : Doubleday, 1994. XXVI+528 p.

Христос или антихрист: образ Рамона Кабреры в испанской историко-литературной традиции 1840-х годов

Терещук Андрей Андреевич

PhD, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0001-8838-9302. ResearcherID: R-5417-2019.
Scopus AuthorID: 57196032112. E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию образа Рамона Кабреры (1806–1877) – одного из лидеров карлистов в Испании в XIX в. Карлистское движение, чья история началась в 1833 г., выступило против либеральных преобразований в Испании и на протяжении всего XIX и первой половины XX в. играло важную роль на испанской политической сцене. Кабрера присоединился к движению во время Первой Карлистской войны (1833–1840) и возглавил силы сторонников дона Карлоса в регионе Маэстразго. Делается попытка проследить рождение «розовой» и «черной» легенд о Кабрере. Материалом для исследования послужили две книги, выпущенные в Испании в 1840-е гг. и ставшие основой для дальнейших интерпретаций образа полководца: «Политическая и военная жизнь Кабреры» (1844) Б. де Кордовы и «Тигр Маэстразго, или От новобранца до генерала» (1846–1848) В. Айгуалса де Иско. В последние несколько лет был опубликован ряд работ с историческим и лингвистическим анализом данных произведений; в настоящей статье книги о Кабрере рассматриваются с позиций литературоведения. Показывается использование библейского интертекста, а также лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому полю «религия» при описании Кабреры в анализируемых произведениях. Делается вывод, что Б. де Кордова, рисуя идеализированный образ полководца, сопоставляет Кабреру с Христом. Проводится анализ описания ужина в штабе Кабреры накануне сражения при Маэлье (1838). Данный фрагмент текста сопоставляется с повествованием о Тайной Вечере в Евангелии. В Айгуалс де Иско создает отрицательный образ Кабреры. В «истории-романе» В. Айгуалса де Иско по отношению к персонажу употребляется ряд лексем, семантически связанных с представлением об антихристе. В статье разбираются рождественские сцены в «Тигре Маэстразго»: эпизод с появлением на свет главного антигероя и противопоставление уже взрослого Кабреры и всех христиан во время рождественских праздников. Статья может послужить основой для дальнейшего изучения моделей репрезентации испанского карлизма и использования религиозных мотивов в политическом дискурсе.

Ключевые слова: Рамон Кабрера, карлизм, испанский традиционализм, язык карлизма, испанская литература, Христос, антихрист.

В 1833–1840 гг. Испания оказалась охваченной крупным внутригосударственным конфликтом, вошедшим в историю как «Первая Карлистская война». Противоборствующие стороны в войне получили названия «карлисты» (по имени претендента на престол дона Карлоса) и кристинос (по имени вдовствующей королевы Марии-Кристины), или либералы. Карлисты представляли собой наиболее консервативную часть общества и выступали против конституционных преобразований. Война завершилась поражением сторонников дона Карлоса, но карлистское движение продолжало играть важную роль на испанской политической сцене на протяжении всего XIX и большей части XX в. (см. обзор основных событий и причин конфликта: [4; 16]).

Одним из наиболее ярких лидеров карлистов стал Рамон Кабрера (1806–1877) (далее – Кабрера). В 1833 г. недоучившийся семинарист примкнул к восстанию приверженцев дона Карлоса в Маэстразго (другой вариант орфографии – «Маэстрагго») – области на границе современных Каталонии, Валенсии и Арагона – и проявил себя как талантливый командир партизанского отряда. В 1835 г. Кабрера возглавил силы карлистов в регионе и одержал ряд побед над войсками кристинос. После войны полководец уехал из Испании и проживал во Франции и Великобритании, в течение долгого времени оставаясь наиболее заметной фигурой в карлистской эмиграции (о биографии Кабреры см.: [11, pp. 43–142; 20; 22]). Образ Кабреры всегда привлекал к себе внимание испанских писателей: полководец фигурирует

более чем в 15 литературных произведениях¹. Военачальник еще при жизни вызывал диаметрально противоположные эмоции у современников: обожание со стороны своих сторонников и ненависть противников².

Важную роль в формировании образа Кабреры сыграли две книги, опубликованные в 1840-е гг. и ставшие основой для дальнейших интерпретаций его образа. В 1844 г. историк, политик и публицист Буэнавентура де Кордова (1806–1854) (далее – Кордова) опубликовал «Политическую и военную жизнь Кабреры» [12]. Сам военачальник написал послесловие к собственной биографии, которая рисует идеализированный образ лидера карлистов. При всех несомненных достоинствах данного труда, книга Кордовы представляет собой в большей степени беллетризованную биографию, чем собственно научную работу в современном понимании. В 1846–1848 гг. либеральный писатель Венеслао Айгуалс де Иско (1801–1873) (далее – Айгуалс) выпустил «историю-роман» («*historia-novela*»)³ «Тигр Маэстразго, или От новобранца до генерала» [8]. Критикуя труд Кордовы, автор «истории-романа» пытался дать «объективный» взгляд на фигуру Кабреры. Его книгу уместнее отнести к художественной литературе, чем к научной; в ней есть описания природы, диалоги, показывается мысли и чувства героев. Айгуалс обвинял Кабреру в смерти своего родного брата Хоакина, служившего в армии кристинос [8, t. I, p. 185]. Естественно, карлистский полководец изображается в произведении исключительно «черными красками».

В последние годы было опубликовано несколько работ, посвященных механизмам мифологизации лидеров карлистского движения [13; 23; 24], в том числе и Кабреры [5; 6; 10; 14]. Личности и творческой биографии Кордовы посвящена крупная статья А. Каридад Сальвадора, который обращается к анализу «Политической и военной жизни Кабреры» с позиций исторической науки и рассматривает достоинства и недостатки книги как источника для изучения событийной канвы Первой Карлистской войны [10]. Исследователи, занимающиеся творчеством Айгуалса, обращают основное внимание на роман «Мария, дочь поденщика» («*María, la hija de un jornalero*»), в то время как «Тигр Маэстразго» часто остается на втором плане [9, pp. 60–61; 19, p. 69]. В отечественной испанистике уже был проведен как исторический [4, с. 21–22], так и лингвистический анализ «Тигра Маэстразго» [6]; ряд результатов последнего исследования используются и в нашей работе.

В настоящей статье мы обращаемся к литературоведческому анализу книг Кордовы и Айгуалса. Целью исследования является анализ образов, относящихся к религиозной сфере, в вышеупомянутых книгах Кордовы и Айгуалса применительно к Кабрере. В сравниваемых произведениях нас интересует не достоверность сообщаемой авторами информации, а механизмы создания образа Кабреры. В данных книгах мы имеем дело со вторым типом взаимодействия автора с героем, выделяемым М. М. Бахтиным, то есть с ситуацией, когда «автор завладевает героем... рефлекс автора влагается в душу или в уста героя» [1, с. 23] (в случае с книгой Айгуалса – «рефлекс автора» относительно того, как должен выглядеть карлист).

«Концептуальная область религии кодирует в самых разных конфигурациях культурно значимые факты человеческого бытия», – отмечает К. И. Немцева [2, с. 445]. Несмотря на серьезные изменения в испанском обществе и либеральную революцию, произошедшую в стране в 1830-е гг., большинство испанцев по-прежнему оставались практикующими католиками, которые прекрасно улавливали библейские аллюзии. Закономерно, что авторы, пытавшиеся создать положительный или отрицательный образ лидера карлистов, могли обращаться к религиозной тематике и придавать Кабрере отдельные черты Христа или, наоборот, антихриста⁴.

¹ Например, в романах Б. Переса Гальдоса и П. Барохи «Кампания в Маэстразго» («*La campaña del Maestrazgo*») (1899) и «Отважные конфиденты» («*Confidentes audaces*») (1931), соответственно. Из современной литературы отметим книгу А. Каррансы «Зима Тигра» («*El Invierno del Tigre*») (2004). Кроме того, Кабрера упоминается в таких знаковых произведениях, как «Мир во время войны» («*Paz en la guerra*») М. де Унамуно (1898) и «Зимняя соната» («*Sonata de invierno*») Р. М. дель Валье-Инклана (1905).

² Прусский доброволец в армии дон Карлоса подполковник В. фон Раден записал в своих воспоминаниях разговор с жителем селения Сегура-де-лос-Баньос, которое было сожжено по приказу Кабреры: «Я был верным карлистом, а дон Рамон – моим святым, но с тех пор, как он разрушил нашу церковь, я стал его врагом. Сейчас, когда он сжег даже мой дом, я поклялся, что буду вечно его ненавидеть» [21, S. 404–405].

³ О литературном жанре «истории-романа» см.: [18, pp. 36–37].

⁴ Конечно, образ Кабреры в рассматриваемых произведениях является многомерным и не сводится только к евангельским отсылкам. Например, отдельного анализа заслуживает «вампиризм» Кабреры в книге Айгуалса: писатель упоминает, что карлистский полководец пил кровь своих жертв [8, t. II, p. 157, p. 164].

Хотя Кордова написал апологетическую работу о лидере карлистов, автор «Политической и военной жизни Кабреры» не являлся сторонником дона Карлоса. В то же время Кордова и Кабрера были ровесниками, происходили из одного города и, по мнению ряда исследователей, знали друг друга в детстве [10, pp. 51–52]. Четырехтомник Кордовы был не первой биографией военачальника: в 1839 г., еще во время войны, в Валенсии была опубликована анонимная книга «Жизнь и деяния Рамона Кабреры», рисовавшая негативный образ полководца. В 1842 г. в Мадриде В. Лалама напечатал другую критическую биографию Кабреры, выдержку из которой приводит Айгуалс [8, t. II, p. 43]. К сожалению, полный текст данного произведения до нас не дошел. Однако именно книга Кордовы стала трудом, на который в той или иной степени опираются все авторы, пишущие о Кабрере.

Хотя автор уже на первых страницах заявляет о своей беспристрастности [12, t. I, p. V], в подтексте он намекает на то, что Кабрера представляется ему положительным персонажем. Пролог содержит цитату самого военачальника, вслед за которой следует замечание Кордовы: «Так сказал Кабрера, и я ограничиваюсь тем, что записываю его слова, никак их не комментируя, так как моей задачей не является восхваление той или иной партии» [12, t. I, p. IX]. В данной фразе особенный интерес вызывает ее первая часть («así habló Cabrega»), в которой обращают на себя внимание и синтаксис (обратный порядок слов вместо прямого), и выбор лексемы («habló» вместо более естественного в данном контексте «dijo»), и временная форма (pretérito perfecto simple). Данная синтагма является отсылкой к испанскому тексту Библии (перевод XVI в.): «Así habló el Señor de los ejércitos, Dios de Israel»; в русском синодальном переводе: «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев» (слова, неоднократно повторяемые в Книге пророка Иеремии)⁶. Книга пророка Иеремии повествует о вавилонском пленении еврейского народа; автор намекает, что после 1840 г. карлисты оказались в изгнании и лишились возможности вернуться на родную землю. Сам Кабрера предстает в прологе как Господь Саваоф, или Бог воинств.

Кордова только вскользь упоминает о рождении и юности своего героя (в отличие от Айгуалса, речь о котором пойдет далее) и быстро переходит к началу Первой Карлистской войны. В сцене, в которой Кабрера принимает решение примкнуть к карлистам, можно увидеть отдельные намеки на библейские мотивы: «Он простился со своими лучшими друзьями и с семьей, обнял свою мать (в последний раз), которой вручил 4500 реалов в золотых монетах» [12, t. I, p. 32]⁷. Далее Кордова приводит прямую речь Кабреры, который говорит: «Кто хочет следовать за мной, пусть идет в горы» [12, t. I, p. 32]. В данном фрагменте употреблена лексема «montaña», которая впоследствии приобрела особенное значение в языке карлизма; выражение «ir a la montaña» часто употреблялось в значении «примкнуть к карлистскому движению, принять участие в восстании» (о концепте «гора» в идеологии карлизма см.: [17]). Кордова подчеркивает, что Кабрера обнял мать в последний раз. В 1836 г. она была расстреляна властями кристинос в отместку за действия ее сына, ставшего к тому моменту главой карлистов в Маэстразго. Автор опишет казнь несчастной женщины, которая по пути на расстрел выражала «желание попасть в объятия Иисуса Христа» [12, t. I, p. 283]. Возможно, в данном случае, Кордова включил в текст не только отсылку к традициям испанской католической мистики, но и напомнил о ее объятии с Кабрерой.

Наиболее заметным представляется сопоставление Кабреры с Христом в рассказе Кордовы о сражении при Маэлье 1 октября 1838 г. Биограф повествует об ужине («сена») Кабреры и его штаба за день до столкновения. В русском языке применительно к последней совместной трапезе Христа и его учеников используется лексема «вечеря» (а не «ужин»); в испанском переводе Библии в данном случае употребляется слово «сена», которое также обозначает «ужин» в нейтральном регистре. Во время «вечери» Кабрера обратился к своему окружению со следующими словами: «Завтра умрет Пардиньяс [*командующий войсками кри-*

⁵ В переводе Ф. Торреса Амата, опубликованном незадолго до начала Первой Карлистской войны, употреблена форма presente de indicativo («habla»). В 1830-е гг. автора перевода обвиняли в янсенизме; закономерно, что для карлистов его версия библейского текста была неприемлема.

⁶ Ср.: в том же переводе в аналогичной конструкции в Книге пророка Исаии употребляется форма presente de indicativo («habla»).

⁷ Данная сцена может напомнить о словах Христа: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф 19:29).

стинос – прим.], но также завтра умрет один из присутствующих здесь. “Это буду я, мой генерал?”, – начали по очереди спрашивать офицеры, на что их командующий ответил: “Больше я ничего не скажу... Не достаточно ли вам знать того, что мы победим?”» [12, т. III, р. 385–386]⁸. В произошедшем на следующий день сражении карлисты одержали победу, а их противник, бригадир Р. Пардиньяс, был убит. Кордова заверяет читателей, что один из участников ужина также погиб в бою. Для нас релевантной является не точность показываемых автором событий, но художественный параллелизм между евангельским повествованием о Тайной Вечере и рассказом Б. де Кордовы об ужине Кабреры.

Кордова оказал сильное влияние на многие последующие исторические работы и художественные произведения, посвященные Кабрере и Первой Карлистской войне в Маэстразго. Уже в 1846 г. Р. Гонсалес де ла Крус выпустил «Историю карлистской эмиграции, посвященную испанским монархистам», в которую включил краткую биографию Кабреры, представляющую собой резюме труда Кордовы. Другой пример – опубликованная Х. Романо в 1936 г. в Мадриде беллетризованная биография Кабреры представляет собой, по сути дела, краткий пересказ труда историка из Тортосы (см. разбор данного произведения: [10, pp. 74–75]). Кордова был далек от идеи представить рождение Кабреры как второе пришествие Христа. Использование художественного параллелизма между Библией и биографией полководца является одним из способов создать положительный образ лидера карлистов. Гораздо более яркими представляются параллели между Кабрерой и антихристом, которые проводит Айгуалс.

Выход книги Айгуалса (первого тома в 1846, второго – в 1848 г.) стал, с одной стороны, реакцией на публикацию труда Кордовы, а с другой – обращением к «злободневным» темам: в 1846–1849 гг. на территории Каталонии проходила Вторая Карлистская война, в ходе которой Кабрера некоторое время был главнокомандующим силами графа де Монтемолин, сына дона Карлоса. Айгуалс, известный не только в качестве писателя, переводчика и издателя, но и публициста, часто включал в свои произведения отсылки к актуальным политическим событиям [16]. Кроме того, как было отмечено выше, в случае с Кабрерой у автора были личные причины испытывать неприязнь к карлистскому военачальнику. Таким образом, у Айгуалса имелось достаточно мотивов, чтобы создать на страницах «Тигра Маэстразго» отрицательный образ Кабреры.

Автор не жалеет «черной краски» для изображения главного антигероя «истории-романа». В отличие от Кордовы, на протяжении всего произведения Айгуалс использует эмоционально-оценочную лексику. Конечно, в произведении Айгуалса применительно к Кабрере употребляются только лексемы с негативным оценочным значением. Так, автор характеризует главу карлистов с помощью эпитетов «cruel» («жестокий»), «asqueroso» («отвратительный»), «sorgompido» («испорченный») и др.; называет его «estudiantillo» («студентшишка»)⁹, «cafre» («кафр»), «hiena» («гиена»)¹⁰ и др. (более подробно вопрос об лексических средствах создания образа Кабреры в «Тигре Маэстразго» рассмотрен в статье [6]). В настоящей статье нас интересует употребление Айгуалсом религиозной лексики и попытка представить Кабреру в качестве антихриста, то есть «самого страшного и жестокого врага Христа на земле», «который явится в последние времена как вполне определенная личность и всеми возможными способами будет стремиться к разрушению дела Христова и в то же время будет выдавать себя за Христа» [7]. Мы не будем углубляться в вопросы теологии и отдельно анализировать понятия «дьявол», «антихрист», «сатана» и т. д.

Образ антихриста часто использовался в политической пропаганде той эпохи; в частности, в начале XIX в. «было распространено представление о Наполеоне как антихристе» [3, с. 42]. Айгуалс ни разу так не называет Кабреру напрямую, хотя пишет, что действия карлиста вдохновлял «адский гений» [8, т. I, р. 55]. При этом при описании персонажа автор употребляет целый ряд лексем, характеризующих его как «порождение преисподней». Всего автор использует 66 прилагательных с негативным оценочным значением применительно к Кабрере [6, с. 123]. 7 из них могут рассматриваться как эпитеты, семантически связанные с представ-

⁸ Ср.: «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» (Мф 26:20–23).

⁹ Намек на то, что Кабрера так и не окончил семинарию.

¹⁰ Данная лексема также имеет значение «жестокий или злонамеренный человек».

лением об антихристе: «*infernal*» («адский»), «*satánico*» («сатанинский»), «*maligno*» («злой»; также – «бесовской», «дьявольский»), «*sacrilego*» («святоотступственный»), «*diabólico*» («дьявольский»), «*neroniano*» («нероновский, свойственный императору Нерону») ¹¹, «*bestial*» («зверский»; также – «относящийся к антихристу»).

Айгуалс не ограничивается употреблением оценочной лексики с негативным значением по отношению к Кабрере. Как и в книге Кордовы, некоторые сцены «Тигра Маэстразго» содержат евангельский интертекст. Произведение открывается эпизодом, описывающим рождение Кабреры. К. Делано, проанализировавшая начало «истории-романа» с точки зрения использования архетипов готической литературы, охарактеризовала эту сцену как «гротескную пародию на рождественский нарратив» [14, p. 332]. Родителей Кабреры звали Хосе и Мария; кроме того, будущий полководец родился 27 декабря, то есть вскоре после Рождества. Мария под пером Айгуалса предстает как благочестивая и порядочная женщина [8, t. I, p. 25], а Хосе (Иосиф) – как «бедный рыбак» [8, t. I, p. 14]. На самом деле, Хосе Кабрера был обеспеченным купцом и судовладельцем. Айгуалс мог бы сделать отца антигероя своего произведения плотником, но решил дать ему профессию, как у апостолов Андрея, Петра, Иоанна и Иакова. Немаловажно, что Святой Иаков особенно почитается в Испании, где он известен как апостол Сантьяго. Семья Кабреры сопоставляется Айгуалсом со Святым Семейством, однако 27 декабря, во время урагана, под грохот грома Мария в страшных мучениях производит на свет не Спасителя, а «монстра» («*monstruo*») [8, t. I, p. 14].

Таким образом, в «Тигре Маэстразго» Айгуалс показывает своего рода «инвертированное Рождество», когда вместо Христа рождается антихрист ¹². Во II томе уже взрослый Кабрера противопоставляется всем христианам, которые отмечают рождение младенца Иисуса, в то время как у лидера карлистов этот праздник вызывает только раздражение. В данном эпизоде мы сталкиваемся с одним из отступлений, которые характерны для всего творчества Айгуалса [15, p. 242]. Автор подробно рассказывает о том, как в Испании встречаются главный праздник зимы, с удовольствием показывает рождественское застолье, а также танцы и песни на деревенских улицах [8, t. II, pp. 126–135]. Данный фрагмент имеет несомненное сходство с «Рождественской песней» Ч. Диккенса, впервые опубликованной в 1843 г., за 5 лет до выхода II тома книги Айгуалса. Можно предположить, что Айгуалс, прекрасно владевший английским языком и профессионально занимавшийся переводами, вдохновлялся произведением британского писателя. В «Рождественской песне» персонажем, который не хочет отмечать Рождество, является Эбенизер Скрудж; в «Тигре Маэстразго» противником праздника становится Кабрера ¹³. Сразу после длинного описания рождественских торжеств Айгуалс показывает полководца, «который стонет на ложе боли, в то время как во всех концах христианского мира царит безудержная радость» [8, t. II, p. 135].

Действительно, на Рождество 1839 г. Кабрера заболел и лежал в постели. Айгуалс пишет, что 24 декабря военачальник причастился, однако сразу после совершения таинства его состояние резко ухудшилось [8, t. II, p. 137]. Автор выворачивает наизнанку распространенный сюжет, когда Евхаристия оказывает благотворное влияние на здоровье тяжелобольного ¹⁴. У Кабреры начинается бред, и он просит окружающих говорить ему не о Боге, но о дьяволе [8, t. II, p. 139]. В конечном итоге карлистский военачальник вылечивается с помощью снадобья, в состав которого входит серный эфир ¹⁵.

Произведение Айгуалса, как и книга Кордовы, оказало влияние на последующую литературу о Кабрере. Например, уже в романе-фельетоне П. де ла Эскосуры «Патриарх долины» («*El Patriarca del valle*»), который печатался частями в 1846–1847 гг., почти одновременно с «Тигром Маэстразго», упоминаемый вскользь Кабрера похож на образ, созданный Айгуалсом.

¹¹ Напомним, что римский император Нерон (50–54) в христианской традиции часто сравнивался с антихристом.

¹² Что заставляет вспомнить о значении греческой приставки «*ἀντι-*» в лексеме «*αντίχριστος*» («антихрист») – «вместо».

¹³ Конечно, данный эпизод может объясняться не только влиянием Ч. Диккенса, но и уходит корнями в испанскую литературную традицию. Образ безбожника, который не хочет отмечать религиозный праздник и бросает вызов Господу, часто встречается в испанской литературе и фольклоре (различные варианты легенды о «Севильском озорнике», пикареска и др.).

¹⁴ Например, в I части фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный».

¹⁵ Напомним, что, согласно Библии, с помощью горящей серы были уничтожены города Содом и Гомора (Быт 19:24).

В 1849 г., через год после публикации II тома книги Айгуалса, Р. Гонсалес де ла Крус напечатал в Мадриде полуисторическое, полухудожественное произведение «Мститель, или тень Кабреры», посвященное опровержению «Тигра Маэстразго».

Таким образом, Кабрера стал одной из самых заметных фигур в испанской политике середины XIX в. В 1840-е гг. в Испании получили распространение положительный и отрицательный мифы о полководце, и книги Кордовы и Айгуалса легли в их основу. Создавая образ лидера карлистов, оба автора обращались к религиозным мотивам. Кордова сравнивает своего героя с Христом, включая в некоторые эпизоды своего труда отсылки к тексту Библии. Конечно, речь не идет о попытке канонизировать карлистского военачальника или представить его как воплощение Спасителя в буквальном смысле. Автор использует хорошо ему знакомую систему образов и символов для воздействия на читателя, воспитанного в христианской культуре.

В то же время Айгуалс сопоставляет карлистского военачальника с антихристом, используя как эмоционально-оценочную лексику, семантически связанную с представлением о «сыне погибели», так и евангельский интертекст. Отдельного внимания заслуживают эпизоды с рождением Кабреры («инвертированное Рождество») и с болезнью полководца на Рождество в 1839 г. Появление «розовой» и «черной» легенд о Кабрере, краеугольный камень в основании которых заложили труды Кордовы и Айгуалса, обусловило дальнейшие тенденции в интерпретации образа Кабреры в художественной и исторической литературе. В качестве дальнейшей перспективы для исследования можно наметить анализ влияния литературы романтизма, для которой характерен интерес к темам потустороннего / инфернального, на образ данного героя, а также рассмотрение того, как и сам Кабрера, и карлистское движение в целом изображались в более широком литературном контексте середины XIX в.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Немцева К. И. К вопросу об истории формирования лексико-семантического поля «религия» в романских языках (на материале испанского и французского языков) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 444–451.
3. Сазонова Л. И. Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. № 2. С. 42–61.
4. Терещук А. А. За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма. М. : Спасское дело, 2023. 416 с.
5. Терещук А. А. Рамон Кабрера на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1833–1840 гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 1. С. 14–23. DOI: 10.37482/2687-1505-V238.
6. Терещук А. А. Языковые средства создания образа антигероя в произведении В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 3. С. 121–128. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-121-128.
7. Шмалый В., Казарян А. Т., Э. П. П. и др. Антихрист // Православная энциклопедия. М., 2001. URL: <https://www.pravenc.ru/text/115828.html> (дата обращения: 28.01.2023).
8. *Ayguals de Izco W.* El Tigre del Maestrazgo, o sea, De grumete a general. Tomos I-II. Madrid : Imprenta de D. Wenceslao Ayguals de Izco, 1846–1848.
9. *Baulo S.* Novela popular y carlismo: Ayguals de Izco y la Historia-Novela // Príncipe de Viana. Anejo. 1996. № 17. Pp. 59–68.
10. *Caridad Salvador A.* Buenaventura de Córdoba: político liberal y admirador de Cabrera // Historia contemporánea. 2013. № 46. Pp. 49–84.
11. *Caridad Salvador A.* Cabrera y compañía. Los jefes del carlismo en el frente del Maestrazgo (1833–1840). Zaragoza : Institución «Fernando el Católico», 2014.
12. *Córdoba B. de* Vida política y militar de Cabrera, redactada por D. Buenaventura de Córdoba, auditor honorario de guerra y abogado del I colegio de Madrid. Tomos I–IV. Madrid : Imprenta y fundición de don Eusebio Aguado, 1844.
13. *Delano C.* Masculinity, Affect, and Carlist Malestar in Zumalacárregui // Anales Galdosianos. 2020. Vol. 55. Pp. 13–26. DOI: 10.1353/ang.2020.0004.
14. *Delano C.* The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguals de Izco's El Tigre del Maestrazgo (1846–1848) // Romance Notes. 2021. Vol. 61. № 2. Pp. 331–340. DOI: 10.1353/rmc.2021.0020.
15. *Jovanović S.* La ficción literaria y el material extraliterario de la novela popular: el caso de Ayguals de Izco // Estudios hispánicos serbios y retos de la contemporaneidad. Conferencia nacional de hispanistas serbios. 2019. Vol. 2. Pp. 241–256. DOI: 10.18485/hispserb.2019.2.ch13.

16. Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833–40. Basingstoke : Palgrave, 2014. DOI: 10.1057/9781137401755_3.
17. Maymó O. El simbolisme de la muntanya en el llenguatge de Records de la darrera carlinada, de Marian Vayreda // Anuari Verdaguer. 2020. № 28. Pp. 69–98.
18. Miralles A. X. Articular la nación. La María de Ayguals de Izco y la nacionalización española (1845–1850) // Rúbrica Contemporánea. 2017. Vol. 6. № 11. Pp. 25–43. DOI: 10.5565/rev/rubrica.135.
19. Miralles A. X. Nación, emoción y fantasía. La España melodramática de Ayguals de Izco // Espacio Tiempo y Forma. Serie V, Historia Contemporánea. 2017. № 29. Pp. 65–92.
20. Oyarzun R. Vida de Ramón Cabrera y las guerras carlistas. Barcelona : Aedos, 1961.
21. Rahden W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege. Frankfurt am Main : Wilmans, 1840.
22. Urcelay J. Cabrera. El Tigre del Maestrazgo. Ariel : Barcelona, 2006.
23. Urquijo Goitia J. R. Tomás Zumalacárregui, literatura y mito // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2011. № 86. Pp. 249–280.
24. Viscarri D. Augusto Ferrer-Dalmau: Nostalgia, Cultural Angst, and the Recovery of Aesthetic Carlism // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. 2019. Vol. 43. № 3. Pp. 719–743.

Christ or the Antichrist: the Image of Ramon Cabrera in the Spanish Historical and Literary Tradition of the 1840s

Tereshchuk Andrey Andreevich

PhD, associate professor of the Department of Romance Philology at the Institute of Foreign Languages,
A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0001-8838-9302. ResearcherID: R-5417-2019.
Scopus AuthorID: 57196032112. E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of the image of Ramon Cabrera (1806–1877), one of the Carlist leaders in Spain in the 19th century. The Carlist movement, whose history began in 1833, opposed the liberal transformations in Spain and played an important role on the Spanish political scene throughout the XIX and the first half of the XX century. Cabrera joined the movement during the First Carlist War (1833–1840) and led the forces of Don Carlos' supporters in the Maestrazgo region. An attempt is made to trace the birth of the "pink" and "black" legends about Cabrera. The material for the study was two books published in Spain in the 1840s and became the basis for further interpretations of the image of the commander: "The Political and Military Life of Cabrera" (1844) by B. de Cordova and "The Tiger of Maestro, or From recruit to General" (1846–1848) by V. Aiguals de Isco. In the last few years, a number of works have been published with historical and linguistic analysis of these works; in this article, books about Cabrera are considered from the standpoint of literary criticism. The use of the biblical intertext, as well as lexical units related to the lexico-semantic field "religion" in describing Cabrera in the analyzed works is shown. It is concluded that B. de Cordova, drawing an idealized image of the commander, compares Cabrera with Christ. An analysis of the description of the dinner at Cabrera's headquarters on the eve of the Battle of Maella (1838) is carried out. This fragment of the text is compared with the narrative of the Last Supper in the Gospel. V. Aiguals de Isco creates a negative image of Cabrera. In the "history-novel" by V. Aiguals de Isco uses a number of lexemes in relation to the character, semantically related to the idea of the Antichrist. The article examines the Christmas scenes in the "Tiger Maestro": the episode with the birth of the main antihero and the juxtaposition of an already adult Cabrera and all Christians during the Christmas holidays. The article can serve as a basis for further study of the models of representation of Spanish Carlism and the use of religious motives in political discourse.

Keywords: Ramon Cabrera, carlism, Spanish traditionalism, the language of Carlism, Spanish literature, Christ, Antichrist.

References

1. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskusstvo (Art), 1986. 445 p.
2. Nemceva K. I. *K voprosu ob istorii formirovaniya leksiko-semanticheskogo polya "religiya" v romanskih yazykah (na materiale ispanskogo i francuzskogo yazykov)* [On the question of the history of the formation of the lexico-semantic field "religion" in the Romance languages (based on the material of the Spanish and French languages)] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* – Problems of history, philology, culture. 2015. No. 3 (49). Pp. 444–451.
3. Sazonova L. I. *Skazanie o Napoleone-antihriste: staroobryadcheskij variant antinapoleonovskogo mifa* [The legend of Napoleon the Antichrist: the Old Believer version of the anti-Napoleonic myth] // *Slavyanovedenie* – Slavonic Studies. 2012. No. 2. Pp. 42–61.

4. Tereshchuk A. A. *Za Boga, Rodinu i Korolya: voenno-politicheskaya istoriya rannego karlizma* [For God, the Motherland and the King: the military and political history of early Carlism]. M. Spasskoe delo, 2023. 416 p.
5. Tereshchuk A. A. *Ramon Cabrera na stranicah gazety "Sankt-Peterburgskie vedomosti" v 1833-1840 gg.* [Ramon Cabrera on the pages of the newspaper "St. Petersburg Vedomosti" in 1833-1840] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Herald of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 23. No. 1. Pp. 14-23. DOI: 10.37482/2687-1505-V238.
6. Tereshchuk A. A. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza antigeroya v proizvedenii V. Aigualsa de Isco "Tigr Maestrazgo"* [Linguistic means of creating an image of an antihero in the work of V. Aiguals de Isco "Tiger Maestro"] // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* – Herald of Samara University. History, pedagogy, philology. 2023. Vol. 29. No. 3. Pp. 121-128. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-121-128.
7. Shmalij V., Kazaryan A. T., E. P. P. at al. *Antihrist* [Antichrist] // *Pravoslavnaya enciklopediya* – Orthodox Encyclopedia. M. 2001. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/115828.html> (date accessed: 28.01.2023).
8. *Ayguals de Izco W. El Tigre del Maestrazgo, o sea, De grumete a general.* Tomos I-II. Madrid : Imprenta de D. Wenceslao Ayguals de Izco, 1846-1848.
9. *Baulo S. Novela popular y carlismo: Ayguals de Izco y la Historia-Novela* // Príncipe de Viana. Anejo. 1996. No. 17. Pp. 59-68.
10. *Caridad Salvador A. Buenaventura de Córdoba: político liberal y admirador de Cabrera* // *Historia contemporánea*. 2013. No. 46. Pp. 49-84.
11. *Caridad Salvador A. Cabrera y compañía. Los jefes del carlismo en el frente del Maestrazgo (1833-1840)*. Zaragoza : Institución "Fernando el Católico", 2014.
12. *Córdoba B. de Vida política y militar de Cabrera*, redactada por D. Buenaventura de Córdoba, auditor honorario de guerra y abogado del I colegio de Madrid. Tomos I-IV. Madrid : Imprenta y fundición de don Eusebio Aguado, 1844.
13. *Delano C. Masculinity, Affect, and Carlist Malestar in Zumalacárregui* // *Anales Galdosianos*. 2020. Vol. 55. Pp. 13-26. DOI: 10.1353/ang.2020.0004.
14. *Delano C. The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguals de Izco's El Tigre del Maestrazgo (1846-1848)* // *Romance Notes*. 2021. Vol. 61. No. 2. Pp. 331-340. DOI: 10.1353/rmc.2021.0020.
15. *Jovanović S. La ficción literaria y el material extraliterario de la novela popular: el caso de Ayguals de Izco* // *Estudios hispánicos serbios y retos de la contemporaneidad. Conferencia nacional de hispanistas serbios*. 2019. Vol. 2. Pp. 241-256. DOI: 10.18485/hispserb.2019.2.ch13.
16. *Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833-40*. Basingstoke : Palgrave, 2014. DOI: 10.1057/9781137401755_3.
17. *Maymó O. El simbolisme de la muntanya en el llenguatge de Records de la darrera carlinada, de Marian Vayreda* // *Anuari Verdguer*. 2020. No. 28. Pp. 69-98.
18. *Miralles A. X. Articular la nación. La María de Ayguals de Izco y la nacionalización española (1845-1850)* // *Rúbrica Contemporánea*. 2017. Vol. 6. No. 11. Pp. 25-43. DOI: 10.5565/rev/rubrica.135.
19. *Miralles A. X. Nación, emoción y fantasía. La España melodramática de Ayguals de Izco* // *Espacio Tiempo y Forma. Serie V, Historia Contemporánea*. 2017. No. 29. Pp. 65-92.
20. *Oyarzun R. Vida de Ramón Cabrera y las guerras carlistas*. Barcelona : Aedos, 1961.
21. *Rahden W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege*. Frankfurt am Main : Wil-mans, 1840.
22. *Urcelay J. Cabrera. El Tigre del Maestrazgo*. Ariel : Barcelona, 2006.
23. *Urquijo Goitia J. R. Tomás Zumalacárregui, literatura y mito* // *Revista de historia Jerónimo Zurita*. 2011. No. 86. Pp. 249-280.
24. *Viscarrí D. Augusto Ferrer-Dalmau: Nostalgia, Cultural Angst, and the Recovery of Aesthetic Carlism* // *Revista Canadiense de Estudios Hispánicos*. 2019. Vol. 43. No. 3. Pp. 719-743.

Художественное воплощение темы детства и воспитания в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Полякова Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается художественная реализация педагогических воззрений М. Е. Салтыкова-Щедрина и воплощение детской темы в «Губернских очерках». Прославившийся как сатирик и социальный критик, он всегда уделял большое внимание детскому вопросу, так как полагал, что от его решения напрямую зависит благополучие страны. Творческий метод писателя, определяемый им самим как «исследование», позволил представить образы детей не только как социальные типы, но и как философско-художественные обобщения, усиливающие обличительный пафос его произведений. Мотив «страшно за детей», ставший одним из ведущих в зрелом творчестве Салтыкова-Щедрина, проявляется в «Губернских очерках» в различных аспектах: автор приводит примеры «дурного» воспитания в дворянских, купеческих и крестьянских семьях («Приютное семейство», «Хрептюгин и его семейство», «Елка»), критически описывает образовательно-воспитательную систему в целом («Скука»), фиксирует распад традиционного патриархального уклада жизни, приводящий к духовной деградации («Госпожа Музовкина», «Что такое коммерция?»), прослеживает, как в условиях социальной несправедливости искажаются личности маленьких героев («Порфирий Петрович», «Первый шаг», «Елка»). Анализ произведения, открывшего период творческого расцвета Салтыкова-Щедрина, показывает, как формировалась система его взглядов на проблемы образования и воспитания, как педагогическая концепция воплощалась в художественном тексте, как складывался его индивидуальный писательский стиль, как крепло осознание своей высокой общественной миссии социального критика и просветителя.

Ключевые слова: педагогические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Губернские очерки», детская тема, мотив «страшно за детей», образ «испорченного» ребенка, проблемы семейного воспитания и влияния общества на личность.

М. Е. Салтыков-Щедрин, прославившийся как мастер политической сатиры, в своем художественном и публицистическом творчестве всегда обращался к самым острым проблемам современности, проявляя глубину аналитического мышления, исключительную принципиальность, верность морально-этическим установкам. «Прокурор российской действительности», он вершил, по словам С. А. Макашина, свой «великий художественный суд» [9, с. 4] над общественными пороками и недостатками. Среди многочисленных объектов его художественно-критического осмысления можно выделить проблемы, связанные с взаимоотношениями поколений, воспитанием и положением детей в современном писателю обществе.

Критик Н. К. Михайловский отмечал, что «дети, не только свои, кровно родные, а и чужие, дети вообще занимали во всем мирозерцании Салтыкова исключительно видное место, которое оправдывалось для него и непосредственным чувством отца, и высшими теоретическими соображениями» [10, с. 87].

О философичности художественного метода М. Е. Салтыкова-Щедрина говорит С. А. Никольский, который, вслед за самим писателем, называет его произведения «исследованиями»: «Исследование предполагает работу по несколько иным законам, чем законы художественного произведения: в нем, в частности, цель обнаружения истины ставится выше сюжетно-композиционных или нравственно-эстетических задач» [14, с. 231]. Исходя из этого, ученый, на наш взгляд, очень точно определяет творческий принцип Салтыкова-Щедрина: «он шел от явлений к героям, а не наоборот» [14, с. 232], поэтому персонажей его произведений следует рассматривать не только как социальные типы, но и как философско-художественные обобщения, дающие представления о взглядах сатирика на определенные проблемы. Вследствие этого воплощение детских образов и темы детства в целом в творчестве писателя необходимо соотносить с его педагогическими взглядами и восприятием им детского вопроса.

Е. Ю. Шестакова, рассматривая детство как предмет художественного изображения в русской классической литературе, относит М. Е. Салтыкова-Щедрина к тем писателям второй половины XIX в., которые акцентировали тему страданий и унижений ребенка в современном им обществе. По замечанию исследовательницы, их позиция «укладывается в понятие «преступление против детства», где есть потерпевший (ребенок), обвинитель (автор) и обвиняемый (родители, учителя)» [23, с. 27–30]. Применительно к Салтыкову-Щедрину это утверждение требует уточнения, поскольку сатирик обвинял прежде всего среду, неразумное социальное устройство, которое, по его мнению, порождало проблему не только страдающих, но и морально «испорченных» детей.

Глубокий анализ художественно-философской концепции воспитания и детства, которой придерживался М. Е. Салтыков-Щедрин, представлен в монографии И. Б. Павловой «Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи». Автор исследования подчеркивает, что писатель «придавал раннему периоду в жизни человека важнейшее значение, считая, что первоначальные впечатления оказывают определяющее влияние на натуру, формируют судьбу личности, через родителей ребенок приобщается к социальным отношениям, институтам» [15, с. 129].

Основные положения своей социально-педагогической теории М. Е. Салтыков-Щедрин сформулировал в философско-публицистической статье «Дети», которую из-за цензуры не смог опубликовать в периодических изданиях, а потому включил ее в состав «Пошехонской старины». Он подчеркивает, что относится «тревожно к детскому вопросу, потому что с разрешением его тесно связано благополучие или злополучие страны» [19, с. 91]. Писатель проявляет себя не только как глубокий мыслитель и социальный критик, но и как гуманист, вступая в полемику с представителями традиционной педагогики: «Мне жаль детей не ради каких-нибудь социологических обобщений, а ради их самих» [19, с. 91].

Обладавший высоким гражданским сознанием писатель напрямую связывает детский вопрос с состоянием общества, института семьи, а также уровнем педагогической науки и образования. По его мнению, весьма сомнительным является расхожее утверждение педагогов, что детский возраст – самый счастливый в жизни человека, потому что ребенок находится за пределами борьбы добра и зла, представляя собой идиллическую *tabula rasa*. Напротив, считает сатирик, детство – это наиболее уязвимый возраст, когда маленький человек оказывается незащищенным прежде всего от ненормальной социальной системы, влияние которой не могут избежать даже взрослые люди. Чаще всего дети, плохо подготовленные официальной «разумной педагогией», оказываются беспомощными перед всеразрушающей силой жизни.

Еще одной причиной детского неблагополучия, по мнению М. Е. Салтыкова-Щедрина, является психологический фактор. «Натура ребенка еще лишена определенности, у него не развито волевое начало, только формируется мышление, поэтому он беззащитен, не способен дать отпор попыткам извратить его природу, становится рабом случайности», – обобщает размышления писателя И. Б. Павлова [15, с. 134]. Кроме того, сатирик видит большую опасность в несовершенстве системы педагогических знаний и педагогической практики: по его словам, «не все родители и педагоги опытни и разумны, чтобы угадывать характеры детей, над которыми господствует воспитательная «система», представляющая собой плод временного социального настроения...» [19, с. 96]. «Дети... чужды всякого участия в личном жизнестроительстве, не могут знать, куда их ведут – научат ли противостоять испытаниям или превратят в жертву» [19, с. 98]. В итоге конъюнктурные по сути педагогические программы искажают мировоззренческие установки молодого поколения, поскольку заменяют действительные знания массой бесполезных сведений. Ни общественно-педагогическое, ни семейное воспитание не ориентируют юношество на высокие цели, подчиняя его «суеде настоящего», порождая в молодежи инфантилизм, бездуховность, отсутствие понятий о правде, добре и человечности.

Пафос «страшно за детей» определяет позицию М. Е. Салтыкова-Щедрина, выраженную не только в философско-публицистических трудах, но и в художественных произведениях. И. Б. Павлова в указанной монографии анализирует многие ключевые в раскрытии темы семьи и воспитания тексты писателя в литературном контексте эпохи. Однако из поля зрения исследовательницы выпали «Губернские очерки», которые по праву считаются началом зрелого творчества писателя, так как в этом произведении, занимающем пограничное положение между циклом очерков и общественным романом, проявились характерные для писателя-сатирика особенности, прежде всего – метод художественно-философского исследования, направленный в том числе и на осмысление детского вопроса.

Не акцентировали свое внимание на теме детства и такие критики «Губернских очерков», как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, В. Р. Зотов, а также исследователи А. С. Бушмин, О. Л. Данилова, Е. Ф. Джос, Н. П. Изергина, С. А. Макашин, Д. П. Николаев, Е. Д. Петряев, В. В. Прозоров, А. М. Турков, К. И. Тюнькин [1; 2–4; 6; 7; 9; 12; 13; 16; 17; 21; 22].

В центре внимания автора «Губернских очерков», анализирующего острые социальные проблемы, постоянно находятся дети. Характеризуя крутогорское и, шире, все российское общество, М. Е. Салтыков-Щедрин включает в общую картину быта и нравов образы детей из разных сословий. Важно заметить, что когда речь идет о наследниках состоятельных семей или провинциальной знати, автор мобилизует свой сатирический талант, используя иронию и сарказм. Например, представляя читателям «приятное семейство» Размановских в одноименном очерке, он описывает «целый выводок прелестнейших дочерей и немалое количество остроумнейших птенцов, составляющих красу и утешение целого города», находящихся «под гнетом своей маман», имеющей «горькую необходимость» устроить личную жизнь своих наследников, а потому вынужденной проводить многочисленные приемы, на которых дети «костылят» гостей пением и декламацией [18, с. 117–118]. В этом «театре повседневного поведения» (Ю. М. Лотман) царят фальшь и лицемерие, приглашенные упражняются в сплетнях и примитивных островах, а хозяйка дома из-за ограниченности средств следит за каждым куском мяса, который гости кладут в рот, а каждый лишний их глоток воспринимает как личное оскорбление. Мотив театральности, задействованный сатириком для характеристики представителей «приятного семейства» и крутогорского общества в целом, помогает передать бездуховную атмосферу, которая формирует поведенческую модель юных героев.

В очерке «Хрептюгин и его семейство» М. Е. Салтыков-Щедрин создает колоритный образ крутогорского купца первой гильдии, который из низов «тихим манером идя», смог выбиться в люди: теперь он ездит на «тарантасе чудовищных размеров», пьет чай из серебряных самоваров, а еду ест исключительно деликатную, запивая розовым шампанским. И если свою супругу, по-прежнему предпочитающую квашеную капусту, «обшлифовать» он так и не смог, то его дети олицетворяют новую генерацию. Дочь «представляет из себя тип тонкой и образованной девицы, презирующей и прилюдно одергивающей своих невоспитанных родителей». Чтобы потешить свои амбиции, купец мечтает выдать ее замуж за «хоть бы махонького какого-нибудь генералика». Его сына «сыздетска обуревают разные экономические операции»: он любит смотреть, как считают деньги, и «только и мнит, как бы с отеческого стола стащить» [18, с. 170–171]. Окружающие не сомневаются, что «лютая бестия из него выйдет». Писатель убедительно показывает, что дети Хрептюгина не только наследуют, но и «усугубляют» такие сословно-родовые качества, как тщеславие и хищнические инстинкты.

Образы детей у Салтыкова-Щедрина служат социальной характеристике взрослых героев, при этом он часто противопоставляет бездуховность представителей высших сословий и высокую нравственность простых людей. Так, в разделе «Богомольцы, странники и проезжие» в очерке «Общая картина» автор с явной симпатией создает образ «доброй гражданки» Пелагеи Ивановны, которая раздает медные деньги беднякам, а рядом ее шестилетняя племянница «подражает делу благотворения своей тетки», угощая калачиками всех, кто собрался на богомолье. Герой-повествователь, наблюдающий эту картину, не сомневается, что в будущем эта девочка «будет предобрая» [18, с. 139].

Мысль о том, что семья – первый воспитатель человека, становится лейтмотивом в «Губернских очерках» и находит продолжение в последующих произведениях сатирика, который с болью осознавал, что в условиях бездуховного современного общества семья как один из основополагающих социальных институтов претерпевает значительные изменения: происходит процесс отчуждения родителей и детей, деформация родственных отношений. В очерке «Госпожа Музовкина» Салтыков-Щедрин на примере большого и крепкого семейства проследживает распад традиционного патриархального уклада жизни. Глава рода, хозяин постоянного двора столетний Аким Прохоров, у которого «внуков и правнуков так и не сосчитать», «весь этот люд содержит в ежовых рукавицах». В своих сыновьях он сумел воспитать хозяйственность и порядочность, но все же один из них, Кузьма, «неладный вышел». Развращенный службой у графа, он стал меркантильным и расчетливым и, вопреки семейным традициям, планирует вместе со своим сыном завладеть всем наследством [18, с. 184–186]. О причинах разлада между старым и новым поколением задумываются герои очерка «Что такое коммерция?» и приходят к выводу, что дело не только в воспитании, но и в том, что «старые порядки к концу подходят»: если раньше люди жили в соответствии с традициями патриархальной нравственности, то теперь их стали игнорировать в угоду материальной выгоде.

Размышляя о дисгармоничности современных семейных отношений, Салтыков-Щедрин, продолжая гоголевскую традицию, на примере отдельных, крупно прописанных героев показывает влияние не только семьи, но и общественной среды на формирование личности. В разделе «Мои знакомцы» он целый очерк посвящает одному из самых влиятельных людей Крутогорска Порфирию Петровичу, который уже 20 лет избирается старшиною Благородного собрания. Писатель говорит о герое, что «не вдруг и не без труда далось ему это завидное положение». Сын сельского пономаря-пьяницы и любящей «поразвлекаться» матери, которая при помощи старика-покровителя перевезла семью в уездный город, он с детства познал жизненные невзгоды: «Сиживал-таки Порфирка наш голодом не один день, хаживал больше все на босу ногу, зимой и летом, в одном изодранном тулупчике» [18, с. 90]. Ненормальная семейная обстановка способствовала развитию в герое таких качеств, как презрение к родителям, подлость и лицемерие: «Подрастает Порфирка и все около себя примечает. И в школу ходить начал, способности показал отменные; к старику-благодетелю все ластится, тяткой его называет, а на своего-то отца на пьяного уж и смотреть не хочет. Все думает, как бы ему напакостить» [18, с. 90]. Как гоголевский Чичиков, предприимчивый герой Щедрина ставит перед собой цель выбиться в люди, понимая, что для этого в первую очередь надо разбогатеть. Он мечтает о том, чтобы завести лавочку и продавать в ней пряники школьникам с прибылью для себя. Юный Порфирий стал «поворовывать» у пьяного отца. «Нашел он как-то на дороге гривенник – поднял и схоронил. В другой раз благодетель гривенником пожаловал – тоже схоронил. Полюбились ему деньги; дома только о них и разговору» [18, с. 90–91]. Формированию системы жизненных ценностей героя способствовали не только родители, но и окружение, когда он вышел во взрослую жизнь: «По тринадцатому году отдали Порфирку в земский суд не столько для письма, сколько на побегушках приказным за водкой в ближайший кабак слетать». Тяжело ему приходилось: «кто за волоса оттреплет, кто в спину колотушек надает» [18, с. 91]. Однако со временем с помощью «услужливости и расторопности» Порфирий стал делать карьеру: сначала «втерся в доверие» к исправнику, стал выполнять за него служебные обязанности, однако затем шантажом заставил своего начальника «откупиться» большой суммой денег. Получив нечестным путем первоначальный капитал, он отправился покорять губернский город, где устроился в канцелярию губернатора, а затем вошел в его ближайшее окружение, так как разоблачил неверную губернаторскую жену, хотя сам же способствовал ее роману. В итоге Порфирий Петрович «везде сумел сделаться необходимым», стал уважаемым человеком в городе, несмотря на лицемерие, подлость и казнокрадство: «Однажды пришла ему фантазия за один день всю губернию ограбить», и он смог, всюду съездил и «все карманы наизнанку выворотил» [18, с. 96]. Писатель-сатирик беспощадно клеймит подобных «столпов общества», которые имеют репутацию людей, «казенных денег не расточающих, свои берегущих, чужих не желающих», объясняя их взрослое поведение отсутствием должного воспитания и негативным опытом, полученным в детстве.

Порфирку из «Губернских очерков» можно отнести к одному из инвариантов образа ребенка, которые, по замечанию Е. А. Скоробогатовой, выработала русская литература в XIX в., – ребенок-чудовище. Эта разновидность юного героя, представленная у Салтыкова-Щедрина прежде всего Порфирием Головлёвым и редко встречающаяся у современников сатирика, найдет широкое воплощение в творчестве писателей XX в. [20, с. 52–53].

Вместе с тем судьбу Порфирия Петровича Салтыков-Щедрин считал исключением из правил, не раз вспоминая в тексте произведения народную пословицу о том, что «от свиньи не родятся бобренки, а все поросенки». По его мнению, в большинстве случаев жизненный путь ребенка определяется социальной принадлежностью. Так, в очерке «Первый шаг» сын приказного утверждает, что обречен на то, чтобы повторить судьбу своего отца; он рассказывает, что дети низших чиновников «растут как крапива около забора», хороших примеров видят мало, им «подражать некому», так как все вокруг пьянствуют, берут взятки, ведут бездуховное существование [18, с. 498–499].

Размышляя о проблеме воспитания в дворянских семьях, писатель приходит к выводу об исторической бесперспективности правящего сословия, развращенного как социальными предпочтениями, так и дурным образованием.

В рассказе о помещике Буеракине, своем добром приятеле, герой-повествователь вспоминает годы юности, когда не столько учились, сколько вдохновлялись общими и весьма неопределенными речами о том, что «надо идти вперед и развиваться». В итоге молодой дворянин, смешивая просвещение с *comme il faut*, выходит «как дилетант, гулять по свету». Буера-

кина можно назвать предшественником Обломова: ему не удалась роль «благодетельного и просвещенного» помещика, он «обрюзг и страшно обленился, не выходя по целым дням из халата». Герой Салтыкова-Щедрина проповедует «философию лени». Он утверждает, что его занимают «мировые задачи», однако речи и поступки помещика свидетельствуют о примитивности и ограниченности его жизненных устремлений. Еще один тип развращенного воспитанием дворянина представлен в образе Горехвастова, «видного мужчины», который, по словам автора, «поселяет истому в организме» зрелых дам. В воспитательном заведении, где он провел юность, преимущественно обращали внимание на «приятность манер и чтобы воспитанники могли говорить обо всем». Молодые люди вели жизнь веселую, не обремененную обязанностями, по выходным дням ездили к французенкам, где и «приобрели мало-помалу истинный взгляд на жизнь и ее блага». В дальнейшем Горехвастов, убедившись, что служба – «материя скучная», стал заниматься «проказами» и «авантюрами».

В галерее героев-помещиков выделяется сибаритствующий Лузгин, который настолько привык к праздности, что утратил силы и желание жить, сведя все свои интересы к вину, и остановить его пьянство не могут ни красавица жена, ни дети. В очередной раз задавая вопрос «кто виноват?», автор приходит к выводу, что причина кроется прежде всего в несовершенстве семейного и общественного воспитания, которое не приучает к мысли о том, что «в жизни требуется труд», и она дает не то, чего от нее требуют капризные дети, а только то, что берут у нее с боя люди мужественные и упорные» [18, с. 331].

Анализ «Губернских очерков» убеждает нас в зрелости мысли М. Е. Салтыкова-Щедрина, который за семь лет «вятского плена» сформировался не только как социальный критик, но и как художник-мыслитель, обретая свой стиль, мировоззренческие и эстетические установки, свой угол зрения.

Это можно проследить на примере воплощения детской темы в очерке «Елка» из раздела «Праздники», который Е. В. Душечкина рассматривает в контексте жанровой типологии рождественского рассказа и приходит к выводу о том, что писатель полемически разрабатывает традиционный, как правило, сентиментальный сюжет о бедном ребенке, рассматривающем через окно елку в богатом доме [5, с. 183]. У Салтыкова-Щедрина в роли наблюдателей за рождественским праздником в доме крутогорского негодянта выступает герой-повествователь и незнакомый ему маленький и шустрый мальчуган.

Первоначальное умиление рефлексировующего из-за чувства одиночества и неприкаянности рассказчика сменяется иронией и отрезвлением. Это происходит, во-первых, потому, что он осознает несоответствие духовного смысла праздника тому, что видит в зажиточной гостиной: хозяйский сын набрасывается на «смерда», сына прислуги, полагая, что тот не достоин подарков и угощений, а его богатые родители воспринимают происходящее как «невинные проказы их остроумных деточек». Вторая причина обусловлена осознанием «ранней испорченности» «бедного малютки» – именно так поначалу воспринимает герой-повествователь маленького незнакомца, стоящего рядом с ним у окна, и в благородном порыве приглашает его в гости «на пряники». Однако выясняется, что этот «кузнеца Потапыча сын» сладостям предпочитает рюмку вина и ведет себя в гостях бесцеремонно и самоуверенно. Создавая образ «испорченного» ребенка, Салтыков-Щедрин опровергает мысль об изначальном несовершенстве личности юного героя, лицо которого «очень подвижно и дышит сметкою и дерзостью», а внешность свидетельствует о «чрезвычайной впечатлительности и восприимчивости» [18, с. 275]. Ребенок-простолюдин показан как жертва социальной несправедливости, поскольку лишен нормальных бытовых условий и возможности получать хорошее образование и воспитание.

Рождественский сюжет обретает у Салтыкова-Щедрина характерную для писателя острую социально-критическую направленность, которая роднит очерк «Елка» с очерком «Озорники». В нем нет сентиментального начала, зато усилены ирония и сарказм. Автор использует прием саморазоблачения героя, чиновника-эпикурейца, который «не любит ничего такого, что может расстроить или помешать его пищеварению» [18, с. 295]. В молодости он мечтал «о каких-то патриархальных отношениях, о каких-то детях, которых нужно иногда вразумлять, иногда на коленки ставить» [18, с. 297], однако «при большей зрелости рассудка» отказался от этих целей. Теперь этот «благонамеренный человек» обеспокоен лишь личным комфортом. В своем монологе он как личность, не чуждая «благородным идеям», рассуждает о неуместности и даже вреде образования для простолюдинов, полагая, что если научить народ грамотности и арифметике, то «наплодится целое стадо ябедников», с которым не смо-

гут сладить чиновники [18, с. 299]. Этого безымянного персонажа из «Губернских очерков», выражающего позицию власти по вопросу народного образования, можно считать своеобразным наброском характерного для зрелого творчества сатирика типа героев, которых он называл «господа ташкентцы». «Ташкентец» у Щедрина, поясняет С. Н. Никольский, ссылаясь на замечания самого писателя, это Митрофанушка, «занятый просветительской деятельностью, это просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало, и притом просветитель, свободный от наук, но не смущающийся этим» [14, с. 238–239].

В целом в «Губернских очерках» можно обнаружить эскизы многих типов и характеров, которые Салтыков-Щедрин будет полновесно разрабатывать в лучших своих произведениях, а также наметки пока еще не связанных в общую концепцию мыслей и идей, которые позже составят основу его мировоззренческой позиции. Так, очерк «Скука» из раздела «Драматические сцены и монологи» содержит зачатки будущей зрелой, глубоко осмысленной философско-педагогической концепции писателя. Рефлексирующий герой-повествователь на примере собственной судьбы стремится понять причины тех серьезных перемен, которые с изумительной быстротой совершаются в «порядочном человеке», попавшем в условия захолустной провинциальной жизни. Поначалу «в кичливом самообольщении молодости» он полагал, что «нет той силы, которая может сломить энергию мысли, энергию воли» [18, с. 262]. Однако потребовалось всего пять лет прожить в Крутогорске, чтобы в сердце поселились вялость и равнодушие ко всему: «то, что когда-то казалось безобразным и гнусным, глядит теперь так гладко и пристойно, как будто это в порядке вещей, и так ему и быть должно» [18, с. 260]. Салтыков-Щедрин, исследуя процесс «уничтожения» личности, размышляет о феномене социальной покорности, истоки которой находит в школьном воспитании, когда ребенку внушают, ссылаясь на исторические примеры, что главная добродетель человека и гражданина – покорность. Затем «преблаговоспитанненькое дитя» превращается в «покорного юношу», в глазах которого нет «огня молодости, но зато какая покорность!» [18, с. 263]. Потом он становится «маленьким, чистеньким, усредненненьким чиновником», уверенным в том, что покорность – это «особая, своеобразная добродетель, с помощью которой человек многое выигрывает и ровно ничего не проигрывает» [18, с. 263]. Такие жизненные установки господствуют прежде всего в провинции, которую герой-повествователь называет «миром зловоний и болотных испарений, миром сплетен и жирных кулебяк» [18, с. 265], где сон и водка становятся «истинными друзьями человечества». По этим причинам молодой человек с «глубокими верованиями, горячими убеждениями и страстью к добру», попадая в провинцию, не выдерживает «пытку жизни» и незаметно погружается в «тину мелочей», проникаясь духом праздности и уныния [18, с. 264–265].

Таким образом, уже в «Губернских очерках», отличающихся разнообразием сюжетов и образов, проникнутых пафосом социального критицизма и просветительства, М. Е. Салтыков-Щедрин проявил себя как «воспитатель общественного самосознания нации», как мыслитель, стремящийся показать, что многие социальные проблемы в той или иной степени связаны с вопросами воспитания и положения детей в обществе. Поднимая тему детства, писатель выступил, с одной стороны, как сатирик, обличающий не только порочную систему образования и воспитания, но в целом ложные общественные установки, свидетельствующие, по его мнению, о всеобщей духовной деградации, а с другой стороны, как гуманист, защищающий детей от дурного влияния общества и отстаивающий их права на достойную и социально устроенную жизнь.

Список литературы

1. Бушмин А. С. Художественный мир М. Е. Салтыкова-Щедрина : избр. тр. / отв. ред. Д. С. Лихачев, В. Н. Баскаков. Л. : Наука, 1987. 365 с.
2. Данилова О. Л. Типология раннего творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Стахеева : дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 18 с.
3. Джос Е. Ф. Семейно-родовой мир М. Е. Салтыкова-Щедрина: эстетическая модель, историко-публицистический контекст и литературные перспективы : дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.
4. Добролюбов Н. А. «Губернские очерки» // Собр. соч. : в 9 т. Т. 2.: Статьи и рецензии. Август 1857 – май 1858 / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М., Л. : Гос. изд. художественной литературы. С. 119–146.
5. Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб. : Норинт, 2002. 416 с.

6. Зотов В. Р. «Губернские очерки». Статья первая // «Сын отечества». № 19. СПб., 1857.
7. Изергина Н. П. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке // Писатели в Вятке. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1979. С. 54–78.
8. Лотман Ю. М. Театральный язык и живопись (к проблеме иконической риторики) // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 388–400.
9. Макашин С. А. «Сатиры смелый властелин» // М. Е. Салтыков-Щедрин Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Правда, 1988. С. 3–24.
10. Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута : в 2 т. СПб. : Редакция журнала «Русское богатство», 1900.
11. М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике : сборник статей / сост. Н. В. Яковлев. Л. : Учпедгиз: ленинградское отделение, 1953. 432 с.
12. Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М. : Художественная литература, 1977. 358 с.
13. Николаев Д. П. М. Е. Салтыков-Щедрин. М. : Детская литература, 1985. 222 с.
14. Никольский С. А. Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М. : Прогресс-Традиция, 2012. 624 с.
15. Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи : монография. М. : Наследие, 1999. 152 с.
16. Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. 109 с.
17. Прозоров В. В. Салтыков-Щедрин. М. : Просвещение, 1988. 176 с.
18. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки // М. Е. Салтыков-Щедрин Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Правда, 1988. 541 с.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М. : Комсомольская правда ; Директ-Медиа, 2014. 624 с.
20. Скоробогатова Е. А. Детские образы в русской литературе второй половины XX века (инварианты и варианты) // Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Скоророды. Харьков, 2015. № 2 (55). С. 50–53.
21. Турков А. М. Салтыков-Щедрин. М. : Советская Россия, 1981. 304 с.
22. Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. М. : Молодая гвардия, 1989. 621 с.
23. Шестакова Е. Ю. Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века) // Филологический класс. 2006. № 16. С. 27–30.

Artistic embodiment of the theme of childhood and upbringing in the "Provincial essays" by M. E. Saltykov-Shchedrin

Polyakova Olga Anatolyevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Abstract. The article examines the artistic realization of the pedagogical views of M. E. Saltykov-Shchedrin and the embodiment of the children's theme in the "Provincial Essays". Famous as a satirist and social critic, he always paid great attention to the children's issue, as he believed that the well-being of the country directly depended on its solution. The writer's creative method, defined by himself as "research", made it possible to present images of children not only as social types, but also as philosophical and artistic generalizations that enhance the accusatory pathos of his works. The motif "scared for children", which became one of the leading ones in the mature work of Saltykov-Shchedrin, is manifested in the "Provincial Essays" in various aspects: the author gives examples of "bad" upbringing in noble, merchant and peasant families ("Pleasant Family", "Khreptyugin and his family", "Christmas Tree"), critically describes the educational system as a whole ("Boredom"), records the disintegration of the traditional patriarchal way of life, leading to spiritual degradation ("Ms. Muzovkina", "What is commerce?"), traces, how the personalities of the little heroes are distorted in conditions of social injustice ("Porfiry Petrovich", "The First Step", "The Christmas Tree"). The analysis of the work that opened the period of Saltykov-Shchedrin's creative heyday shows how his system of views on the problems of education and upbringing was formed, how the pedagogical concept was embodied in a literary text, how his individual writing style developed, how awareness of his high social mission of a social critic and educator grew.

Keywords: pedagogical views of M. E. Saltykov-Shchedrin, "Provincial essays", children's theme, the motif "afraid for children", the image of a "spoiled" child, problems of family education and the influence of society on personality.

References

1. Bushmin A. S. *Hudozhestvennyj mir M. E. Saltykova-Shchedrina : izbr. tr.* [The artistic world of M. E. Saltykov-Shchedrin : selected works] / ed. D. S. Likhachev, V. N. Baskakov. L. Nauka (Science), 1987. 365 p.
2. Danilova O. L. *Tipologiya rannego tvorchestva M. E. Saltykova-Shchedrina i D. I. Staheeva : diss. ... kand. filol. nauk* [Typology of the early work of M. E. Saltykov-Shchedrin and D. I. Stakheev : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Kazan, 2005. 18 p.
3. Jos E. F. *Semejno-rodovoj mir M. E. Saltykova-Shchedrina: esteticheskaya model', istoriko-publicisticheskij kontekst i literaturnye perspektivy : diss. ... kand. filol. nauk* [The family and ancestral world of M. E. Saltykov-Shchedrin: aesthetic model, historical and journalistic context and literary perspectives : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Krasnodar, 2005. 25 p.
4. Dobrolyubov N. A. "Gubernskie ocherki" ["Provincial essays"] // *Sobr. soch. : v 9 t. T. 2.: Stat'i i recenzii* – Collected works : in 9 vols. Vol. 2: Articles and reviews. August 1857 – May 1858 / under the gen. ed. of B. I. Bursova and others M., L. State Publishing House of Fiction. Pp. 119–146.
5. Dushechkina E. V. *Russkaya elka: Istoriya, mifologiya, literatura* [Russian Christmas tree: History, mythology, literature]. SPb. Norint, 2002. 416 p.
6. Zotov V. R. "Gubernskie ocherki". *Stat'ya pervaya* ["Provincial essays". The first article] // "Syn otechestva" – "Son of the Fatherland". No. 19. SPb. 1857.
7. Izergina N. P. *M. E. Saltykov-Shchedrin v Vyatke* [M. E. Saltykov-Shchedrin in Vyatka] // *Pisateli v Vyatke* – Writers in Vyatka. Kirov. Volgo-Vyatka Publishing House, 1979. Pp. 54–78.
8. Lotman Yu. M. *Teatral'nyj yazyk i zhivopis' (k probleme ikonicheskoy ritoriki)* [Theatrical language and painting (on the problem of iconic rhetoric)] // *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* – Articles on the semiotics of culture and art. SPb. Academic Project, 2002. Pp. 388–400.
9. Makashin S. A. "Satiry smelyj vlastelin" ["Satires of the bold ruler"] // *M. E. Saltykov-Shchedrin Sobr. soch. : v 10 t. T. 1* [Collected works : in 10 vols. Vol. 1]. M. Pravda (Truth), 1988. Pp. 3–24.
10. Mihajlovskij N. K. *Literaturnye vospominaniya i sovremennaya smuta : v 2 t.* [Literary memoirs and modern turmoil : in 2 vol.] SPb. Editorial office of the magazine "Russian wealth", 1900.
11. *M. E. Saltykov-Shchedrin v russkoj kritike : sbornik statej* – M. E. Saltykov-Shchedrin in Russian criticism : collection of articles / comp. N. V. Yakovlev. L. Uchpedgiz: Leningrad branch, 1953. 432 p.
12. Nikolaev D. P. *Satira Shchedrina i realisticheskij grotesk* [Shchedrin's satire and realistic grotesque]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1977. 358 p.
13. Nikolaev D. P. *M. E. Saltykov-Shchedrin* [M. E. Saltykov-Shchedrin]. M. Children's literature, 1985. 222 p.
14. Nikol'skij S. A. *Russkoe mirovozzrenie. "Novye lyudi" kak ideya i yavlenie: opyt osmysleniya v otechestvennoj filosofii i klassicheskoy literature 40–60-h godov XIX stoletiya* [Russian worldview. "New people" as an idea and phenomenon: the experience of comprehension in Russian philosophy and classical literature of the 40–60s of the XIX century]. M. Progress-Tradition, 2012. 624 p.
15. Pavlova I. B. *Tema sem'i i roda u Saltykova-Shchedrina v literaturnom kontekste epohi : monografiya* [The theme of family and family in Saltykov-Shchedrin in the literary context of the epoch : monograph]. M. Heritage, 1999. 152 p.
16. Petryaev E. D. *M. E. Saltykov-Shchedrin v Vyatke* [M. E. Saltykov-Shchedrin in Vyatka]. Kirov. Volgo-Vyatka Publishing House, 1975. 109 p.
17. Prozorov V. V. *Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1988. 176 p.
18. *Saltykov-Shchedrin M. E. Gubernskie ocherki* [Provincial essays] // *M. E. Saltykov-Shchedrin Sobr. soch. : v 10 t. T. 1* [Collected works : in 10 vols. Vol. 1]. M. Pravda (Truth), 1988. 541 p.
19. *Saltykov-Shchedrin M. E. Poshekhonskaya starina* [Poshekhon antiquity]. M. Komsomolskaya pravda: Direct Media (Komsomolskaya truth: Direct Media), 2014. 624 p.
20. Skorobogatova E. A. *Detskie obrazy v russkoj literature vtoroj poloviny XX veka (invarianty i varianty)* [Children's images in Russian literature of the second half of the twentieth century (invariants and variants)] // *Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. G. S. Skovorody* – Herald of Kharkiv National Pedagogical University n. a. G. S. Skovoroda. Kharkiv, 2015. No. 2 (55). Pp. 50–53.
21. Turkov A. M. *Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. M. Soviet Russia, 1981. 304 p.
22. Tyun'kin K. I. *Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. M. Molodaya gvardiya (Young Guard), 1989. 621 p.
23. Shestakova E. Yu. *Koncepciya detstva v russkoj klassicheskoy literature (pervaya polovina XIX veka i russkoe zarubezh'e nachala XX veka)* [The concept of childhood in Russian classical literature (the first half of the XIX century and the Russian diaspora of the early twentieth century)] // *Filologicheskij klass* – Philological class. 2006. No. 16. Pp. 27–30.

Арлекинадный гротеск в англо-американской шпионской прозе XX века

Косарева Анна Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональных коммуникаций на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург.
ORCID: 0000-0002-9712-9251. ResearcherID: NOA-7413-2023. E-mail: kosareva.anna@urfu.ru

Аннотация. Цель данной статьи – выявить особенности арлекинадного гротеска в англо-американской шпионской прозе XX в. Актуальность статьи обусловлена стабильным в зарубежном литературоведении интересом к влиянию эстетики итальянской комедии масок на европейскую и американскую литературу. Объект исследования – произведения англо-американской шпионской прозы (рассказы «Где-то во Франции» Дэвиса, «Чертежи Брюса-Партингтона» Дойла и роман «Шпион, выйди вон» Ле Карре), а предмет – своеобразие арлекинадного гротеска в них. Методологию исследования составляют интертекстуальный подход и сравнительно-исторический метод. В статье впервые раскрывается наличие отсылок в этих произведениях к эстетике комедии масок, а также выдвигается гипотеза о причинах обращения к ней. Автор статьи доказывает, что прототипами главных действующих лиц в рассматриваемых произведениях являются Пьеро, Коломбина, Арлекин и Пульчинелла. Устанавливается, что основными функциями арлекинадного гротеска в шпионской прозе являются: 1) переосмысление традиционных представлений о том, каким должен быть борец со «злом»; 2) выведение описываемых событий во вневременной план, в котором персонажи превращаются в архетипы, а отдельная история о поимке шпиона трансформируется в философское размышление о причинах предательства и возможности справедливости; 3) снижение градуса напряжения в повествовании; 4) обнажение истинной сути персонажа, его внутреннего «ядра»; 5) реализация метафоры мира как театра. Научная новизна исследования заключается в неизученности феномена влияния комедии масок на английскую шпионскую прозу и отсутствии работ, посвященных арлекинадному гротеску в ней. Результаты исследования могут быть использованы при чтении лекций и проведении семинаров по английской литературе XX в.

Ключевые слова: комедия масок, английская литература, Д. Ле Карре, А. К. Дойл, Р. Х. Дэвис.

Комедия дель арте и английская пантомима становились объектами исследования неоднократно – как в России, так и за рубежом на протяжении всего XX в. [1, с. 3–4]. Не менее интенсивным был интерес мирового научного сообщества к влиянию эстетики комедии дель арте на театральное искусство и литературу прошлого и настоящего: монографии «Триумф Пьеро» (1993) Мартина Грина и Джона Свона [17] и «Комедия дель арте на современной сцене» (1992) Джеймса Фишера [14] стали классическими в зарубежном литературоведении. За последние 5 лет были опубликованы шесть крупных монографий, анализирующих преломление «дельартовских» и арлекинадных традиций в драматургии и прозе: «Пантомима: история и метаморфоза театральной идеологии» (2019) Карла Топфера [33], «Комедия дель арте в контексте» (2020) Кристофера Балмэ, Пьермарио Весково и Даниэля Вианелло [4], «Комедия дель арте в XXI веке» (2021) Оливера Крика и Коринны де Ниро [9], «Странствующие маски. Итальянская комедия дель арте в русской культуре» (2021) Ольги Симоновой-Партан [3], «Комедия дель арте» Доменико Пьетропаоло (2022) [27], «Метаморфозы комедии дель арте» (2022) Джона Рудлина [30]. Таким образом, анализ драматургии и прозы через призму эстетики комедии дель арте был и остается актуальным уже более ста лет, и автор данной статьи ставит целью исследовать особенности арлекинадного гротеска с опорой на эту уже сформировавшуюся в российском и зарубежном литературоведении традицию. В качестве материала исследования выступают шедевры малой и крупной англо-американской прозы: рассказы «Где-то во Франции» (1915) Р. Х. Дэвиса, «Чертежи Брюса-Партингтона» (1917) А. К. Дойла и роман «Шпион, выйди вон» (1974) Джона Ле Карре. Для исследования диалога Дойла, Ле Карре и Дэвиса с театральными традициями в форме аллюзий и реминисценций мы обратимся к интертекстуальному подходу, а для анализа литературных связей, выстраивавшихся в англо-европейском культурном пространстве XX в., применим сравнительно-исторический метод.

В английской литературе первым писателем, сравнившим работу в разведке с арлекинадой, был Комптон Маккензи – кумир англичан эдвардианской эпохи. Многогранно одаренный в области литературы (он написал 41 роман, 3 пьесы, множество эссе и исторических трудов), Маккензи зарекомендовал себя как высококлассный специалист и в сфере разведывательной деятельности, дослужившись до поста руководителя средиземноморского подразделения Ми-6. Выйдя на пенсию, Маккензи написал «Греческие воспоминания» (1932) – наполненные иронией мемуары о своей строго секретной работе. Выросший в среде театралов, особое предпочтение Маккензи отдавал фарсу, «жанру, источником комического в котором являются недопонимание, непонимание и ошибочная идентификация – то есть то, с чем постоянно сталкиваются спецслужбы» [19, с. 7], а потому освещение работы разведки в фарсовом ключе было для него более чем естественным. За это писателю пришлось ответить: внешняя разведка Великобритании привлекла его к судебной ответственности – якобы за нарушение гостайны (обнародование на страницах мемуаров «совершенно секретных» фактов и имен), но на деле за едкий сарказм и неуважение к властям. Судебный процесс, по итогам которого Маккензи обязали выплатить разведывательному управлению солидную денежную компенсацию, тридцать лет спустя писатель описал как «потворствующую своим прихотям арлекинаду» [22, с. 97]. Сравнение это было неслучайным: героями английской арлекинады, изобиловавшей фарсовыми элементами, были масочные персонажи, а ядром сюжета – погоня Панталоне, Пьеро или Клоуна за Арлекином и Коломбиной, поведение которых противоречило общественным устоям. Нарушив кодекс секретности, а также обидев колкими эпитетами бывших коллег, Маккензи превратился в своего рода Арлекина, которого преследовали выступавшие на стороне закона «клоуны». Оштрафованный по итогам судебного процесса на крупную сумму, он, тем не менее, не отказался от своего видения разведывательной деятельности как фарса и создал еще одну пародию на бывших сослуживцев – роман «Вода в мозгах» (1933). Впоследствии легитимность сравнения разведки с театральным представлением подтвердила Энн Роджерс, исследователь истории национальной безопасности в Великобритании: она отметила, что в Англии XX в. все судебные процессы, связанные с раскрытием гостайны, представляли собой не что иное, как «постановочные спектакли» [цит. по: 19, с. 11].

В названиях книг, посвященных истории англосаксонских разведывательных служб, слова «маска» и «маскарад» являются довольно частотными. Возьмем, к примеру, такие бестселлеры, как «Маска предательства» Джона Костелло [8]; «Хранилища, зеркала и маски: заново открывая контрразведку США» Д. Симса и Б. Гербера [31]; «Маскарад: измена, Холокост и ирландская самозванка» М. Халла и В. Мойнес [18]; «Маска: проникновение МИ-5 в Коммунистическую партию Великобритании» Н. Уэста [34]. Последнее исследование посвящено истории «MASK» (аббревиатура, совпадающая со словом «mask» в английском была выбрана намеренно, ведь «маска» символизирует сокрытие истинного лица) – одному из самых секретных подразделений британской внешней разведки, которое следило за деятельностью коммунистической партии Великобритании. Используется метафора маски и англосаксонскими писателями, создающими о работе разведчиков художественные произведения. В 2000-х вышел целый ряд романов, в названиях которых фигурировало слово «маскарад»: «Маскарад» Р. Э. Гранта [15], «Маскарад середины зимы» Т. Грант [16], «Золото маскарада: шпионаж XVI в., где каждый шпион ищет славы в поисках потерянного сокровища Александра Македонского» Д. Мэйн и П. Ричардсона [23]. Таким образом, театр, арлекинада и маскарад могут выступать как в качестве характеристик работы спецслужб, так и в качестве ее неотъемлемых составляющих, что на одном из этапов развития шпионской прозы привело к тому, что персонажи итальянской комедии масок вошли в пространство романов и рассказов о разведке. Одним из таких масочных персонажей стал Пьеро, известный широкой публике как печальный клоун и отвергнутый влюбленный.

Впервые слова «spy» и «Pierrot» появились в одном контексте, благодаря английскому переводу пьесы Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» за 1739 г. В первом акте пьесы Пьеро рассказывает Шарлотте, своей невесте, о том, как спас тонувших господина (Дон Жуана) и слугу (Сганареля) и говорит: «я первый их разглядел, первый!» (*Перевод наш*). В оригинале: «I spy'd 'um aut» [24, с. 269], то есть «I spied them out» в современном английском. Согласно этимологическому словарю английского языка, глагол «to spy out» произошел от старофранцузского глагола «espier» – «наблюдать, внимательно следить, шпионить, узнавать». В XIV в. он стал использоваться в значении «увидеть, обнаружить на расстоянии или из места сокрытия», а в XV в. получил значение «играть в шпиона, вести наблюдение» [13]. Когда Пье-

ро в английском переводе восклицает «I spied them out!», он, конечно, имеет в виду, что увидел Дон Жуана и Сганареля издали: в значении «смотреть, выглядывать» глагол «to spy» использовался вплоть до конца XVIII в. Однако для тех английских писателей, которые познакомились с переводом пьесы Мольера в тот период, когда глагол «to spy» стал повсеместно использоваться в значении «шпионить, выслеживать» (то есть в XIX–XX вв.), выросшая из игры слов связь между Пьеро и шпионажем могла стать вдохновляющей. Кроме того, в образе Пьеро действительно присутствовали черты, которые могли бы превратить его в отличного шпиона.

За время своего существования образ Пьеро неоднократно претерпевал изменения, которые отличались радикальностью: из деревенского паренька превращался в дэнди, из мягкотелого влюбленного – в убийцу, из мечтательного романтика – в циника. Так же, как и его неизменные спутники в арлекинадном любовном треугольнике, Арлекин и Коломбина, он обладал способностью маскироваться и играть разнообразные роли – ради шутки или с коварной целью. Например, в пьесе Артура Шницлера «Die Verwandlungen des Pierrot» («Метаморфозы Пьеро») (1908) Пьеро преследует чужую невесту, Катарину, неожиданно появляясь рядом с ней повсюду в самых разнообразных обликах. Ради того, чтобы всюду следовать за объектом своей страсти, Пьеро увольняется с работы, и куда бы девушка ни пошла (будь она в компании своего жениха, Эдуарда, или родителей), она видит переодетого Пьеро, роли которого довольно разнообразны: клоун, джентльмен, фотограф, гадалка и барабанщик. Настоячивое внимание Пьеро тем более удивительно, что он не одинок: у него есть невеста – Анна, дочь бывшего начальника Пьеро. В конце концов, наступает момент, когда Катарина, уверенная в том, что сходит с ума, пытается утопиться. Пьеро, вновь «неожиданно» оказавшись рядом, предотвращает самоубийство. В финале пьесы Пьеро остается с Анной, а Катарина с Эдуардом. Было ли преследование со стороны Пьеро фантазией Катарины или он действительно вел с героиней садистичную игру, читатель никогда не узнает [33, с. 739]. Интересно другое: в пьесе Шницлера Пьеро впервые предстает в амплу профессионала маскировки, владение искусством которой, в частности, является одним из навыков шпиона.

В качестве агента разведки Пьеро предстает в рассказе американского писателя Ричарда Хардинга Дэвиса «Где-то во Франции» («Somewhere in France», 1915). Р. Х. Дэвис (1864–1916) был прозаиком, драматургом и военным корреспондентом; для американцев начала XX в. его имя символизировало «романтику и дух приключений... молодость и успех, дружбу и бескорыстную доброту» [11, с. 1]. Обращение Дэвиса к эстетике комедии масок и к шпионской тематике было напрямую связано с его военными приключениями и любовью к театру [11, с. 205]. Так же, как и К. Маккензи, Дэвис не мог не заметить неизбежных гротескных пересечений военного и театрального, страшного и смешного в разведывательной деятельности. Более того, однажды гротеск ворвался в реальную жизнь писателя, чуть не погубив его: в годы Первой мировой войны Дэвиса, гражданина США, собирались расстрелять немецкие военные, по ошибке заподозрившие в нем британского шпиона [11, с. 263]. Рассказ, о котором далее пойдет речь, до сих пор ни разу не анализировался литературоведами – впрочем, как и другие произведения Дэвиса. Очевидно, короткая жизнь писателя (он прожил всего 52 года) и тот факт, что он вошел в историю своей родины как талантливый журналист, а не писатель, стали основными причинами, по которым литературные критики не уделили внимания его творчеству. Таким образом, предлагаемая ниже интерпретация рассказа «Где-то во Франции» – первая и единственная на сегодняшний день.

Согласно сюжету рассказа, в годы Первой мировой войны французский офицер разведки, взявший псевдоним «Пьеро», участвует в операции по поимке и аресту немецкой шпионки Мари Гесслер. Хитрая и неуловимая, она классическая «picaresque», плутовка, прародительницей которой считается Коломбина комедии масок [28, с. 90]: «Ее отец, участвовавший во франко-прусской войне, был немецким шпионом. Именно от матери она научилась говорить по-французски достаточно хорошо, чтобы восхитить даже знатоков французского... Оба ее родителя умерли <...> когда их не стало, Мари, работавшая в больницах Берлина, играла в политику, интриговала, соблазняла (никто не мог устоять перед взглядом ее фиалковых глаз). Был скандал; несколько скандалов» [10, с. 19]. Работа медсестры скучна для авантюрной Гесслер, и она становится шпионкой. Чтобы поймать Гесслер, агент «Пьеро» прикидывается влюбленным, усыпляет бдительность разведчицы и в итоге благополучно доставляет злодейку в тюрьму. История о Пьеро-шпионе, перехитрившем Коломбину-шпионку, – остроумная вариация излюбленного европейскими декадентами сюжета о Пьеро, который наказыва-

ет Колумбину за вероломство. «Пьеро» и «Коломбина» в данном случае – «маски» шпионов, то есть те роли, которые им приходится играть, чтобы выжить и выполнить порученную миссию. Обращение автора к эстетике комедии дель арте в данном рассказе позволяет читателю увидеть игровую, театральную суть шпионажа и, таким образом, прочувствовать описанные события как трагикомические.

Еще один писатель, упомянувший «Пьеро» на страницах своего произведения, – Артур Конан Дойл, произведения которого оказали значительное влияние на эволюцию шпионского романа в двадцатом веке [3, с. 38]. Бактон полагает, что Шерлока Холмса, величайшего из викторианских детективов, может отнести к категории «случайного шпиона», так как в ряде рассказов сыщик раскрывает дела, связанные с национальной безопасностью Великобритании. Бактон также выдвигает предположение, что брат Холмса, всеведущий Майкрофт, работающий на правительство, является главой британской разведки. Более того, ученый убедительно доказывает, что прототипом Майкрофта был первый глава британской секретной службы – Мэнсфилд Камминг. Таким образом, помогая брату Майкрофту, Шерлок выступает в качестве «спецагента», то есть специалиста по вопросам контрразведки.

Пьеро-шпион упоминается в творчестве Конан Дойла всего один раз – в рассказе «Чертежи Брюса-Партиingtonа» («The Adventure of the Bruce-Partington Plans», 1917), сюжет которого «предвосхищает ряд ключевых элементов шпионской прозы, созданной впоследствии Флемингом, Ле Карре и Дэйтоном» [6, с. 42]. Под псевдонимом «Пьеро» скрывается предатель родины Валентайн Уолтер, пытавшийся продать иностранному агенту чертежи подводной лодки. Очевидно, имя «Пьеро» выбрано им по ассоциации: имя «Валентайн» (Valentine) совпадает с именем святого-покровителя влюбленных, а Пьеро – самый известный «влюбленный» в европейской театральной культуре и литературе. Как и в случае с «Пьеро» из рассказа Р. Х. Дэвиса, выбранная Уолтером роль совершенно не соответствует его характеру. Пьеро – персонаж, желания и мечты которого далеки от корысти, а Валентайн Уолтер движим жадной наживы и к государственной измене его подталкивают денежные затруднения. Следовательно, имя «Пьеро», ассоциирующееся с романтикой и меланхолией, выполняет функцию «прикрытия», обезкураживающего своей безобидностью. В сознании большинства Пьеро – символ поэтического мироощущения, а не алчности и предательства, а потому ампула Пьеро идеально для шпиона, желающего дезориентировать противника. Арлекинадный гротеск у Конан Дойла выполняет те же функции, что и гротеск у Дэвиса: снижение градуса трагизма и акцентуация игрового фарсового начала. Воровство, предательство и последовавшее за ним убийство превращаются в безобидные элементы театральной постановки, если преступник – неудачник, скрывающий лицо за маской печального клоуна.

К 1974 г., когда бывший офицер разведки Дэвид Джон Мур Корнуэлл, ныне известный во всем мире как писатель Джон Ле Карре, опубликовал роман «Tinker, Tailor, Soldier, Spy» («Шпион, выйди вон»), образ Пьеро-шпиона – удачливого и не очень, уже пустил корни в англо-американской литературе. Невзрачность Пьеро, его высокий интеллект и интерес к отслеживанию людей (вспомним Пьеро из пьесы Шницлера) представляли собой полезные для разведчика характеристики. Кроме того, Пьеро, ставший в эпоху модернизма символом высокочувствительного художника, представлял собой типаж, который во времена Первой мировой войны действительно привлек внимание британских спецслужб. Английская внешняя разведка полагала, что «литературная чувствительность – например, наблюдательность писателя, его внимание к деталям и знание человеческой природы – может быть использована в качестве оружия в интересах национальной безопасности» [19, с. 4]. Джон Ле Карре, знакомый с вербовкой агентов не понаслышке, с этим мнением был согласен: «Шпионаж и написание романов созданы друг для друга. Для того чтобы хорошо писать и шпионить, нужно внимательно наблюдать за человеческими преступлениями и предательствами» [20, с. 23] (*Перевод наш*). Соответственно, вполне логично, что в процессе работы над образом Джорджа Смайли, бывшего старшего офицера внешней разведки, Ле Карре наделил своего героя чертами Пьеро и поместил его в ситуацию классического арлекинадного любовного треугольника.

Фамилия героя «Smiley» («Смайли») отсылает нас к ярмарочным представлениям в Великобритании: «Smiley the Clown», «Клоун Смайли», – неизменный их участник. Учитывая, что по сюжету романа Смайли является старшим офицером «Цирка» (так называется штаб-квартира английской внешней разведки, расположенная на перекрестке «Кэмбриджский Цирк», «Cambridge Circus»), его «говорящая» фамилия подходит ему идеально. Итак, Смайли – «клоун», но клоун печальный, похожий на Пьеро: герой безответно влюблен в собственную жену –

легкомысленную Энн, которая постоянно изменяет ему. Роль Арлекина в семейной драме Джорджа Смайли играет его коллега, Билл Хэйдон – «крот», который, как выяснится в процессе расследования, работает на советскую разведку. Пьеро и Арлекин в искусстве – образы, определяющие и конструирующие друг друга: Арлекин без Пьеро – один из множества плутов, а Пьеро без Арлекина – один из множества печальных безответно влюбленных. Яркость и оптимизм Арлекина оттеняют бледность и пессимизм Пьеро, и, в конечном счете, взаимоотношения этих героев и делают их интересными читателю / зрителю. Джордж Смайли – Пьеро, застенчивый, нелюбимый, но при этом образцовый гражданин и патриот, и Хэйдон – Арлекин, обаятельный, светский и способный на предательство, оттеняют и определяют друг друга.

«Арлекином» Хэйдона рисует сам автор: «Хэйдон прошел вперед, так и не проронив ни слова. Он был одет, по своему обыкновению, пестро. Кожаные заплатки, пришитые на пиджаке, имели не квадратную, а ромбовидную форму, что делало его сзади похожим на Арлекина. Очки были приподняты вверх, на манер лыжных, и сидели на его прямой седоватой челке. Гиллем со Стриклендом нерешительно последовали за ним, когда вдруг он развернулся на месте, словно статуя, которую медленно поворачивают вместе с постаментом, и впился взглядом в Гиллема. Затем усмехнулся, так что его серповидные брови подпрыгнули вверх, как у клоуна, и лицо стало симпатичным и до нелепости молодым» [2, с. 134] (*Курсив наш*). Хэйдон, подобно Арлекину, обладает харизмой, покоряющей сердца: «Ну, есть в нем какое-то обаяние, что ни говори, не то, что у некоторых из нас. Я бы сказал даже, звездность – а это не многим дано. Говорят, женщины буквально млеют перед ним» [2, с. 40]. Кроме того, Хэйдон, так же, как и Арлекин, любит находиться в центре всеобщего внимания – того требует его артистическая натура: «Стоять посреди невидимой сцены, разыгрывая столкновение двух миров; герой и драматург в одном лице: да, несомненно, Биллу это очень нравилось» [2, с. 572]. Очевидно, Ле Карре сделал «арлекиноподобным» персонажа, сотрудничающего с советскими коммунистами потому, что со времен «Женитьбы Фигаро» Арлекин воспринимался читателями как провозвестник революции, персонаж, протестующий против произвола господ, а значит, способный стал революционером.

Джордж Смайли, в отличие от своего успешного соперника, привлекательностью не отличается: он «маленький толстячок в широченной куртке» [2, с. 119], близорукий и печальный. Ле Карре акцентирует внимание читателя на грусти и страдании Смайли почти в каждом описании героя: «обрюзгшее лицо выражало трагическую подавленность» [2, с. 98], «он плелся так медленно и с таким страданием на лице» [2, с. 119], «выглядел обиженным и обманутым» [2, с. 39], «щеки его обвисли, что придавало лицу довольно унылое выражение» [1, с. 39]. Подобно Пьеро-романтику XVI–XVIII вв. он самокритичен и отличается душевной чистотой, верностью и умением прощать [29, с. 136]. Он не винит в своих бедах ни ветреную Энн, ни свое руководство: «Джордж еще раз с сожалением вспомнил о причинах своих страданий и с бесстрашием, являющимся неотъемлемой частью его смиренной природы, пришел к выводу, что он сам во всем виноват» [2, с. 31]. Интересно, что жена Смайли – Коломбина-Энн – в романе обрисована лишь парой штрихов, на манер Фицджеральда, упомянувшего в «Великом Гэтсби» лишь смех и темные волосы Дэйзи (которую критик Эдмунд Уилсон сравнил с Коломбиной [17, с. 50]), и в стиле Александра Блока, сделавшего Коломбину в «Балаганчике» картонной. Мы знаем лишь то, что Энн красива, лукава и неизбежно ускользает от влюбленных в нее мужчин: «Энн сидела за рулем и смотрела в другую сторону. Он увидел, как она выходит из машины, оставив включенным указатель поворота, и направляется к зданию вокзала: высокая, с озорным блеском в глазах, непередаваемо красивая женщина, все время принадлежавшая кому-нибудь другому» [2, с. 574]. В этом вся суть Коломбины XX в.: как верно отметил в пьесе «Арлекинада: экскурсия» (1918) английский драматург Харли-Грэнвилл Баркер, «Коломбина снова сбежала. По-другому и быть не может. Либо Коломбина убегает от кого-то, либо кто-то убегает вместе с ней. А все потому, что Коломбина символизирует душу, а душа всегда борется за свободу» [5, с. 41].

Еще один главный герой, наделенный в романе характеристиками масочного персонажа, – это Джеймс Придо, наемный убийца и руководитель «отдела головорезов» внешней разведки. Придо, ставший из-за пулевого ранения горбуном, способен на жестокость, однако есть в нем и человеческое: он по-доброму относится к детям и способен поддержать того, кто нуждается в ободрении. Другом Придо становится Билл Роуч, пухлый и низкорослый школьник, напоминающий Джорджа Смайли: за внешней неуклюжестью ребенка скрываются ум и пронырливость. Придо устраивается на работу в школу, где учится Билл, и мальчик быстро

проникается уважением к новому преподавателю. Очевидно, что горбун и ребенок, который смотрит на горбуна с восхищением, по задумке Ле Карре, должны были вызвать у читателя ассоциацию с английским кукольным театром «Панч и Джуди». Панч – горбун, хулиган и убийца, за пугающими выходками которого с восторгом наблюдают маленькие зрители. Панч делает все, что душе угодно, и не боится никого – ни Дьявола, ни Смерти, которую он с удовольствием лупит дубинкой. Джеймс Придо в романе Ле Карре, как и Панч, противопоставлен Смерти – из-за предательства Хэйдона он получает от вражеской разведки две пули в спину (так он становится горбуном): «в него стреляли и таким образом убрали со сцены» [2, с. 121]. Придо попадает в плен, подвергается пыткам, но в итоге выживает, чтобы убить предателя Хэйдона. «Так какой же дьявол это сделал?» [2, с. 570] – задается вопросом Министр, пытаясь вычислить убийцу советского «крота». Очевидно, что лишь тот, кто, подобно Панчу, не боится Дьявола, сам способен на дьявольски хитрое преступление.

Образ Панча, как и образы Арлекина и Пьеро, своим возникновением обязан итальянской комедии масок и французскому ярмарочному театру, модифицировавшему итальянскую традицию (Пульчинелла породил Полишинеля [32, с. 15]). Несмотря на ряд различий в костюме, суть Пульчинеллы/Полишинеля/Панча одна – он невероятно изворотлив [30, с. 137] и восстает против всего: «он вне закона, но определенно противопоставлен Дьяволу; и, хотя его нельзя назвать невинным, подвергается ужасному угнетению» [25, с. 171]. Французский язык, который преподает Джеймс Придо, – реверанс в сторону Полишинеля, говорившего на французском, а то, что в итоге Джеймсу удается перехитрить даже родную разведку (он убивает Хэйдона вопреки воле руководства, причем так, что его ни в чем нельзя уличить), – прямая аллюзия на сверхъестественную ловкость Пульчинеллы.

Тот факт, что все три главных героя, наделенных чертами масочных персонажей, работают в «Цирке», заслуживает особого внимания. Учитывая многовековую связь комедии дель арте с цирком, введение в повествовательную ткань героев, напоминающих Арлекина, Пьеро, Коломбину и Пульчинеллу, – ход остроумный и оправданный. Кроме того, театральные аллюзии в «Шпион, выйди вон» представляют собой элемент авторской философии шпионского романа: в своей автобиографии Ле Карре назвал шпионаж «театром реальной жизни» [20, с. 12]. Масочные персонажи в романе – не декоративный элемент, но символы тех «этических приоритетов», выбор в отношении которых должен сделать читатель. Хэйдон – олицетворение той яркости, которая может оказаться неожиданно предательской. Зная, как любят англичане Арлекина (тот был неизменной звездой рождественских пантомим), Ле Карре намеренно сделал «арлекиноподобного» персонажа отрицательным: автор хотел показать, что обладатели безупречной репутации и неотразимого обаяния, объекты всеобщего обожания и восхищения могут оказаться подлецами и предателями. В конце концов, Арлекин итальянской комедии – мошенник и прохвост. Смайли, по той же логике, наделен чертами Пьеро потому, что отношение к Пьеро в английской литературе в XX в. было неоднозначным. С одной стороны, в сознании английских читателей/зрителей продолжал жить образ «старого», самого первого Пьеро – несчастного влюбленного, тонко чувствующего поэта, образ которого появился на свет благодаря актеру Джузеппе Джиратоне и художнику Антуану Ватто. С другой стороны, в начале XX в. английские драматурги рисовали его как самовлюбленного поэта и дэнди, развивая традицию, заложенную французскими мимами (Дебюро и Леграном) и литераторами (Лафоргом, Гюисмансом, Жиро). В английской пантомиме Пьеро был отрицательным персонажем, ведь он преследовал влюбленных друг в друга Арлекина и Коломбину, всеми силами пытаясь предотвратить их свадьбу. Таким образом, наделяя Джорджа Смайли характеристиками Пьеро, писатель возрождает старинный итальянский положительный имидж Пьеро и полемизировал с образом Пьеро-негодяя и декадента. Для Ле Карре скромный верный Пьеро-Смайли, перечитывающий Гриммельсгаузена, – образец англичанина, оплотнения, потому что тот, кто беззаветно предан любимой женщине и друзьям, будет верен и родине. Символичен и образ Придо, наделенного чертами Панча. Жестокость – лишь одна из сторон сложной личности, которая способна восстановить справедливость, наказав подлеца вопреки закону, и исцелить раны, поддержав ребенка (Билли Роуча), который чувствует себя изгоем. Энн-Коломбина – тоже символ, и тоже весьма неоднозначный: она олицетворение женственности, которая в мире шпионажа выполняет самые разные функции. Женские обаяние и привлекательность, в зависимости от того, чьей стороне – родины или противника – они служат, могут оборачиваться как спасением, так и гибелью.

«В ближайшие десятилетия мир шпионажа останется коллективной кушеткой психоаналитика, на которой исповедуетсь подсознание каждого народа», – написал Ле Карре

19 ноября 1989 г. в «Washington Post» [21]. Сравнение Комптоном Маккензи шпионажа с арлекинадой и обращение К. Дойла, Р. Х. Дэвиса и Ле Карре к образам комедии масок напрямую указывают на то, что английские и американские писатели XX в. воспринимали мир в фарсовом ключе и анализировали даже самые серьезные исторические события (Первую мировую войну и Холодную войну) через призму театральной эстетики. Арлекинадный гротеск в творчестве вышеупомянутых авторов рождался в месте столкновения смешного и страшного, пронзительной грусти и сарказма, и выполнял пять функций: 1) способствовал переосмыслению традиционных представлений о том, каким должен быть настоящий герой, то есть борец со «злом» (традиционно «добрый» Арлекин оказывался злодеем, а «подлец» Пьеро – благородным защитником родины); 2) выводил описываемые события во вневременной план, в котором персонажи превращались в архетипы, а отдельная история о поимке шпиона трансформировалась в философское размышление о причинах предательства и возможности справедливости; 3) снижал градус напряжения в повествовании; 4) обнажал истинную суть персонажа, его внутреннее «ядро»; 5) разворачивал метафору мира как театра, которая, в свою очередь, генерировала эффект «отчуждения», способствовавший рационализации и концептуализации изображаемых образов и событий.

Список литературы

1. *Косарева А. А.* Традиции комедии дель арте в английской литературе рубежа XIX–XX веков: специальность 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (английская литература)" : дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 19 с.
2. *Ле Карре Джон.* Шпион, выйди вон. М. : Астрель, 2011. 594 с.
3. *Симонова-Партан О.* Странствующие маски. Итальянская комедия дель арте в русской культуре. СПб. : Библиороссика, 2021. 255 с.
4. *Balme C. B., Vecovo P., Vianello D.* Commedia dell'Arte in Context. Cambridge University Press, 2020. 373 p.
5. *Barker Harley Granville.* The harlequinade; an excursion. Boston, Little, Brown, and company, 1918. 113 p.
6. *Buckton Oliver.* Espionage in British Fiction and Film since 1900: The Changing Enemy. Lexington Books, 2015. 364 p.
7. *Burton Alan.* Looking-Glass Wars: Spies on British Screens since 1960. Vernon Press, 2018. 550 p.
8. *Costello John.* Mask of Treachery. W. Morrow, 1988. 765 p.
9. *Crick O., Di Niro, Corinna.* Commedia dell'Arte for the 21st Century: Practice and Performance in the Asia-Pacific. Routledge, 2021. 308 p.
10. *Davis R. H.* Somewhere in France. Charles Scribner's Sons, 1915. 253 p.
11. *Downey Fairfax.* Richard Harding Davis: his day. C. Scribner's Sons, 1933. 322 p.
12. *Doyle A. C.* The Adventure of the Bruce-Partington Plans. The Project Gutenberg (electronic library). URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/2346/pg2346-images.html> (дата обращения: 11.11.2023).
13. Etymonline – Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 11.11.2023).
14. *Fisher James.* The Theatre of Yesterday and Tomorrow: Commedia Dell'Arte on the Modern Stage. The Edwin Mellen Press, 1992. 408 p.
15. *Grant R. E.* Masquerade. AuthorHouse, 2008. 160 p.
16. *Grant Tracy.* A Midwinter's Masquerade. NYLA, 2019. 200 p.
17. *Green M., Swan J.* The Triumph of Pierrot: the Commedia dell'Arte and the Modern Imagination. The Pennsylvania State University Press, 1993. 309 p.
18. *Hull Mark M., Moynes Vera.* Masquerade: Treason, the Holocaust, and an Irish Impostor Hardcover. University of Oklahoma Press, 2017. 216 p.
19. *Kaufman M. D.* Spyography: Compton Mackenzie, Modernism, and the Intelligence Memoir // The Space Between: Literature and Culture, 1914–1945. 2017. Vol. 13. URL: https://scalar.usc.edu/works/the-space-between-literature-and-culture-1914-1945/vol13_2017_kaufman (дата обращения: 11.11.2023).
20. *Le Carré John.* The pigeon tunnel: stories from my life. Viking/Penguin Publishing Group, 2016. 328 p.
21. *Le Carré John.* Will Spy Novels Come In from the Cold? // Washington Post. November 19, 1989. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 14.03.2024).
22. *Mackenzie Compton.* My Life and Times: Octave seven, 1931–1938. Vol. 7. Chatto & Windus, 1968. 320 p.
23. *Mayne D., Richardson P.* Masquerade Gold: 16th Century Espionage Where Every Spy Seeks the Glory of Finding the Lost Treasure of Alexander the Great. Gold Series, 2021. 407 p.
24. *Moliere J. B.* The Works of Moliere: French and English. Vol. 4. John Watts, 1739. 371 p.
25. *Orenstein Claudia.* Festive Revolutions. Univ. Press of Mississippi, 1998. 191 p.
26. *Osborn Scott Compton.* Richard Harding Davis. Boston : Twayne Publishers, 1978. 167 p.
27. *Pietropaolo Domenico.* The Commedia dell'Arte. Bloomsbury Publishing, 2022. 224 p.
28. *Radulescu D.* Women's Comedic Art as Social Revolution: Five Performers and the Lessons of Their Subversive Humor. McFarland, 2014. 267 p.

29. Rudlin John. *Commedia Dell'Arte: An Actor's Handbook*. Routledge, 1994. 282 p.
30. Rudlin John. *The Metamorphoses of Commedia dell'Arte: Whatever Happened to Harlequin?* Springer Nature, 2022. 249 p.
31. Sims J. E., Gerber B. *Vaults, Mirrors, and Masks: Rediscovering U. S. Counterintelligence*. Georgetown University Press, 2008. 320 p.
32. Speaight George. *Punch and Judy, a History*. Boston, Plays, inc., 1970. 156 p.
33. Toepfer Karl. *Pantomime: The History and Metamorphosis of a Theatrical Ideology*. Vosuri Media, 2019. 1302 p.
34. West Nigel. *Mask: MI5's Penetration of the Communist Party of Great Britain*, Nigel West. Routledge, 2007. 336 p.

Harlequinade grotesque in Anglo-American espionage prose of the XX century

Kosareva Anna Aleksandrovna

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Linguistics and Professional Communications in Foreign Languages, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-9712-9251.
ResearcherID: HOA-7413-2023. E-mail: kosareva.anna@urfu.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify the features of the harlequinade grotesque in Anglo-American spy prose of the XX century. The relevance of the article is due to the stable interest in foreign literary studies in the influence of the aesthetics of the Italian comedy of masks on European and American literature. The object of the study is the works of Anglo-American espionage prose (the stories "Somewhere in France" by Davis, "Bruce-Partington Drawings" by Doyle and the novel "Spy, Get Out" by Le Carré), and the subject is the peculiarity of the harlequinade grotesque in them. The research methodology consists of an intertextual approach and a comparative historical method. The article reveals for the first time the presence of references in these works to the aesthetics of the comedy of masks, and also puts forward a hypothesis about the reasons for referring to it. The author of the article proves that the prototypes of the main characters in the works under consideration are Pierrot, Columbine, Harlequin and Pulcinella. It is established that the main functions of the harlequinade grotesque in espionage prose are: 1) rethinking traditional ideas about what a fighter against "evil" should be like; 2) bringing the described events into a timeless plan in which the characters turn into archetypes, and a separate story about the capture of a spy is transformed into a philosophical reflection on the causes of betrayal and the possibility of justice; 3) reducing the degree of tension in the narrative; 4) exposing the true essence of the character, his inner "core"; 5) the realization of the metaphor of the world as the theater. The scientific novelty of the study lies in the unexplored phenomenon of the influence of the comedy of masks on English spy prose and the absence of works devoted to the harlequinade grotesque in it. The results of the research can be used in lectures and seminars on English literature of the XX century.

Keywords: comedy of masks, English literature, J. L. Carré, A. C. Doyle, R. H. Davis.

References

1. Kosareva A. A. *Tradicii komedii del' arte v anglijskoj literature rubezha XIX-XX vekov: special'nost' 10.01.03 "Literatura narodov stran zarubezh'ya (anglijskaya literatura)" : diss. ... kand. filol. nauk* [Traditions of commedia dell'arte in English literature at the turn of the XIX-XX centuries: specialty 10.01.03 "Literature of the peoples of foreign countries (English literature)"] : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Yekaterinburg, 2013. 19 p.
2. Le Carré John. *Shpion, vyjdi von* [Spy, get out]. M. Astrel, 2011. 594 p.
3. Simonova-Partan O. *Stranstvuyushchie maski. Ital'yanskaya komediya del' arte v russkoj kul'ture* [Wandering masks. Italian Commedia dell'arte in Russian culture]. SPb. Bibliorossika, 2021. 255 p.
4. Balme C. B., Vescovo P., Vianello D. *Commedia dell'Arte in Context*. Cambridge University Press, 2020. 373 p.
5. Barker Harley Granville. *The harlequinade; an excursion*. Boston, Little, Brown, and company, 1918. 113 p.
6. Buckton Oliver. *Espionage in British Fiction and Film since 1900: The Changing Enemy*. Lexington Books, 2015. 364 p.
7. Burton Alan. *Looking-Glass Wars: Spies on British Screens since 1960*. Vernon Press, 2018. 550 p.
8. Costello John. *Mask of Treachery*. W. Morrow, 1988. 765 p.
9. Crick O., Di Niro, Corinna. *Commedia dell'Arte for the 21st Century: Practice and Performance in the Asia-Pacific*. Routledge, 2021. 308 p.
10. Davis R. H. *Somewhere in France*. Charles Scribner's Sons, 1915. 253 p.
11. Downey Fairfax. *Richard Harding Davis: his day*. C. Scribner's Sons, 1933. 322 p.
12. Doyle A. C. *The Adventure of the Bruce-Partington Plans*. The Project Gutenberg (electronic library). Available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/2346/pg2346-images.html> (date accessed: 11.11.2023).

13. Etymonline – *Online Etymology Dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/> (date accessed: 11.11.2023).
14. *Fisher James*. *The Theatre of Yesterday and Tomorrow: Commedia Dell'Arte on the Modern Stage*. The Edwin Mellen Press, 1992. 408 p.
15. *Grant R. E.* *Masquerade*. AuthorHouse, 2008. 160 p.
16. *Grant Tracy*. *A Midwinter's Masquerade*. NYLA, 2019. 200 p.
17. *Green M., Swan J.* *The Triumph of Pierrot: the Commedia dell'Arte and the Modern Imagination*. The Pennsylvania State University Press, 1993. 309 p.
18. *Hull Mark M., Moynes Vera*. *Masquerade: Treason, the Holocaust, and an Irish Impostor* Hardcover. University of Oklahoma Press, 2017. 216 p.
19. *Kaufman M. D.* *Spyography: Compton Mackenzie, Modernism, and the Intelligence Memoir // The Space Between: Literature and Culture, 1914–1945*. 2017. Vol. 13. Available at: https://scalar.usc.edu/works/the-space-between-literature-and-culture-1914-1945/vol13_2017_kaufman (date accessed: 11.11.2023).
20. *Le Carré John*. *The pigeon tunnel: stories from my life*. Viking/Penguin Publishing Group, 2016. 328 p.
21. *Le Carré John*. *Will Spy Novels Come In from the Cold?* // *Washington Post*. November 19, 1989. Available at: <https://www.washingtonpost.com/> (date accessed: 14.03.2024).
22. *Mackenzie Compton*. *My Life and Times: Octave seven, 1931–1938*. Vol. 7. Chatto & Windus, 1968. 320 p.
23. *Mayne D., Richardson P.* *Masquerade Gold: 16th Century Espionage Where Every Spy Seeks the Glory of Finding the Lost Treasure of Alexander the Great*. Gold Series, 2021. 407 p.
24. *Moliere J. B.* *The Works of Moliere: French and English*. Vol. 4. John Watts, 1739. 371 p.
25. *Orenstein Claudia*. *Festive Revolutions*. Univ. Press of Mississippi, 1998. 191 p.
26. *Osborn Scott Compton*. *Richard Harding Davis*. Boston : Twayne Publishers, 1978. 167 p.
27. *Pietropaolo Domenico*. *The Commedia dell'Arte*. Bloomsbury Publishing, 2022. 224 p.
28. *Radulescu D.* *Women's Comedic Art as Social Revolution: Five Performers and the Lessons of Their Subversive Humor*. McFarland, 2014. 267 p.
29. *Rudlin John*. *Commedia Dell'Arte: An Actor's Handbook*. Routledge, 1994. 282 p.
30. *Rudlin John*. *The Metamorphoses of Commedia dell'Arte: Whatever Happened to Harlequin?* Springer Nature, 2022. 249 p.
31. *Sims J. E., Gerber B.* *Vaults, Mirrors, and Masks: Rediscovering U. S. Counterintelligence*. Georgetown University Press, 2008. 320 p.
32. *Speaight George*. *Punch and Judy, a History*. Boston, Plays, inc., 1970. 156 p.
33. *Toepfer Karl*. *Pantomime: The History and Metamorphosis of a Theatrical Ideology*. Vosuri Media, 2019. 1302 p.
34. *West Nigel*. *Mask: MI5's Penetration of the Communist Party of Great Britain*, Nigel West. Routledge, 2007. 336 p.

Творческая история цикла «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? И где окно?» В. А. Сосноры

Болнова Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: eka332@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются архивные материалы, хранящиеся в ЦГАЛИ СПб, послужившие источником стихотворного цикла В. А. Сосноры «Уходят женщины», входящего в сборник «Куда пошел? И где окно?». В работе использованы биографический, структурно-описательный, описательно-функциональный, сравнительно-сопоставительный, формальный методы, что позволяет справиться с поставленными задачами. С опорой на неизданные черновые материалы выдвигается гипотеза о том, что первоначальные творческие замыслы были связаны с написанием поэм или объемных стихотворений, фрагменты которых хранятся в архиве. Дальнейшая работа автора была связана с разбивкой материала на ряд стихотворений, которые и вошли в цикл как отдельные произведения. Подробно рассматриваются основные изменения, вносимые В. А. Соснорой на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях. Сравняются черновые варианты и окончательные варианты стихотворений, опубликованные в цикле «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? И где окно?». Работа с архивными материалами позволяет проследить творческую эволюцию цикла, изменение авторского замысла. Также в процессе исследования сделан важный вывод, опровергающий данные о том, что в течение шестнадцати лет до выхода анализируемого сборника В. А. Соснора не писал поэтические тексты, обращаясь только к прозе. Архивные материалы доказывают, что интерес автора к поэзии не был полностью утрачен в данный период времени. Сделанные выводы позволяют скорректировать творческую биографию В. А. Сосноры, заполнить существующие пробелы.

Ключевые слова: В. Соснора, цикл «Уходят женщины», архивные материалы, варианты стихотворений.

В 1999 г. в издательстве «Пушкинский фонд» вышла книга стихов «Куда пошел? И где окно?» [17], состоящая из трех разделов: «Уходят солдаты», «Уходят цыгане» и «Уходят женщины». Последний раздел включает в себя 16 стихотворений, черновые варианты которых хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). 17 машинописных листов с машинописными и рукописными исправлениями содержат наброски и материалы, датированные 1970-ми и 1990-ми гг. Интересным представляется сопоставить архивные черновые варианты с опубликованными стихотворениями, дабы проследить творческую историю всего цикла.

Анализируя архивные материалы, можно прийти к выводу, что изначально В. А. Соснора работает над небольшими поэмами, одну из которых предполагал озаглавить «Натализм». Ее начало сохранилось на 2-х архивном листе. В. А. Соснора также сам нумерует листы, и названный текст занимает лист под номером 1. На листе 2 в авторской нумерации также набран большой фрагмент текста. Он, однако, образно и тематически, а также стилистически не продолжает предшествующую часть, поэтому может быть выделен в отдельный фрагмент. Возможно, утрачена связующая часть между большими сохранившимися кусками текста. Однако именно текст, сохранившийся на листе 2 в нумерации В. А. Сосноры, послужил основой для целого ряда стихотворений цикла «Уходят женщины» в сборнике «Куда пошел? И где окно?». На листе 3 в авторской нумерации содержится большой фрагмент «Дидактической поэмы», входящей в сборник «Верховный час» 1979 г. Далее часть листов отсутствует, и следующими, хранящимися в архиве, являются листы 10 и 11 в авторской нумерации, сохранившие большой фрагмент текста, возможно, связанный с тем произведением, часть которого сохранилась на листе 2. Затем пропущено еще несколько листов, и следующим в архиве идет лист 19. При дальнейшей работе автор отказался от замысла создать единое объемное произведение (кроме «Дидактической поэмы») и разбивает текст на несколько самостоятельных стихотворений. Поскольку данный материал ранее нигде не публиковался, приведем обозначенные фрагменты, несмотря на значительную часть совпадений, а затем обратимся к сопоставительному анализу отдельных стихотворений в черновых и окончательных вариантах.

Натализм

Я положу свои ноги на плечи тебе, –
О Кончаловская! Ноги гекзаметричны,
плечи мои человечьи, – хрустальны и тонки.
О не клади, я не раскладушка, ноги – две тонны,
ляжками шаткую шею задушат,
пятками стукнут по почкам, и легкие сдавят,
Не подавляй мой мужской исторический образ,
ноги свои рассмотри и за плечи не прячь,
волосы сбрей с них (так делали девы Эллады,
римлянки тоже), намажь их оливковым маслом,
(масло из семечек не бери, пахнет оно коммунизмом),
могут жучки искушать,
пудрить мукой не советую, в амбру их окуни,
на щиколотки надень венки из фиалок,
видишь, как ~~много нужно ногам~~ нужен уход девушкиным ногам,
После же – ляг на тахту и ~~не лежи~~ разложи свои ноги,
я разберусь, что к чему и куда их положить,
можно на плечи, а можно и в чемодан.
Ты ж тороплива, в первой же строчке стихотворения
ты взгромоздилась на плечи, оттуда на голову сесть –
уж не проблема, но эроса в этом не вижу,
лучше уж напечатай рекламу: Ищу плечистого рикшу.
Я представляю: Москва, Кремль, Мавзолей,
и демонстрация девушек с требованием деменстраций,
мощные рикши несут эти задницы на голове!
Мило, модерн, амазонки, но это не Эрос.
Есть в Петербурге поэт-журналист Максим Максимов.
Еще у одной Натальи он брал интервью.
Та из Парижа, друг Жириновского
(в простонародье его называют Жирик),
Но и Наталья печатает сексы-романы.
полно
Оставим художественные черты.
Ха-ха-ха-ха! – в основном отвечала Наталья,
если о муже-~~менте~~ парижском Максим говорил,
тот все по тюрьмам с красными флагами ищет.
по порядку,
– Вы ведь еще зададите вопрос, умею ль
я делать минет? Отвечаю охотно: умею.
Триппером тоже болела.
Невероятно!
Ведь триппер сквозь рот не идет [18, с. 2].

Первое стихотворение опубликованного цикла «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? И где окно?» среди прочих набросков на данный момент в архивном фонде не обнаружено, возможно, оно было написано позднее, во время работы над циклом и всем сборником. Зато представлено два черновых варианта второго стихотворения, озаглавленного в цикле «Спириню».

Машинописные листы, как уже было сказано, пронумерованы В. А. Соснорой, и приведенный черновик напечатан на листе 19, однако следующим в деле идет лист 22, то есть 2 листа не попали в данное архивное дело. На листах 22–23 (в нумерации автора) представлен второй черновик того же стихотворения, на этот раз сохранившийся полностью [18, с. 8].

Сравнивая черновой вариант со стихотворением, опубликованным в сборнике «Куда пошел? И где окно?», можно отметить целый ряд изменений, внесенных автором. Не останавливаясь подробно на каждом, отметим наиболее значимые. Во-первых, лексическая замена в третьей строке («спиритизм» на «спириню») является ключом к пониманию заглавия. Неологизм В. А. Сосноры построен на соединении слов «спиритизм» и «ню», видимо, обозначая эро-

тические спиритические практики, проводимые героинями стихотворения. Во-вторых, важна и замена цифровой записи количества «дочерей земель Морс» на числительные. При декламации стихотворения разница не ощутима, следовательно, автором двигало желание привести графическое оформление в соответствие с художественным замыслом, при котором важная роль отводится приемам звукописи. В частности, в начале стихотворения значим ассонанс (подбор слов со звуками [o]) и аллитерация (подбор слов со звуками [с], [ч]). Использование числительных позволяет читателю не только услышать, но и увидеть кольцевое оформление первой строки: «сор» – «орс». В-третьих, автор сокращает текст, выбрасывая некоторые строки, ослабляя избыточность некоторых образов («мяснокрасный мускул» – «красный мускул»).

Следующим в черновых вариантах идет стихотворение «Эрос не рос...», имевшее изначально название «Ночью», перечеркнутое автором уже в черновике [18, с. 10–11].

В данном стихотворении не так много отличий от чистового варианта. Замена строки «Но мускул молчал» на «Но эрос не рос» усиливает прием повтора, который, очевидно, играет важную роль в тексте. Еще несколько лексических замен («Чресла ее пошли пузырями» вместо «Чресла ее налились пузырями»; «Я ее поливал кипятком» вместо «Я ее замывал») помогают избежать стилистических, семантических и грамматических неточностей. В предложении «Я ведро вскипятил на газу» автор в окончательной редакции отказывается от последнего дополнения, видимо, посчитав его избыточным. Наиболее интересной представляется замена глагола «будем» в строке «– Что будем делать? – спросил я» на искаженную польскую форму: «– Что бендем делать? – спросил я». Глагол «быть» в польском языке в форме будущего времени 3 л. ед. ч. пишется «będzie». Лирический герой В. А. Сосноры произносит искаженный вариант этого слова. Похожая фраза («Цо то бэндэ») встречается в фильме «Карнавал» (реж. Т. Лиознова, 1981 г.), где ее произносит сначала режиссер школьного театра, а потом повторяет главная героиня Нина Соломатина. Изначально эта строка была взята из поэмы А. Мицкевича «Дзяды». В стихотворении В. А. Сосноры использование искаженного польского слова усиливает ироническое звучание.

Следующим в черновиках идет текст «Ночью в кабине чай и росисто...», являющийся вариантом стихотворения, озаглавленного в цикле «Гипс» [18, с. 11].

На примере данного стихотворения легко подтвердить тезис о повышенной значимости звукописи в поэзии В. А. Сосноры. Так, полностью изменив первую строку на «Чибис и розы», автор сохраняет лишь опорные значимые звуки: [ч], [з], [с], [и], [о]. Оба варианта представляют собой назывные предложения, однако во втором случае картина более емкая и лаконичная за счет изменения частей речи и отказа от второстепенных членов предложения. Данные наблюдения опять-таки подтверждают тезис о стремлении В. А. Сосноры к лаконичности в искусстве.

Следующее стихотворение также в черновиках не озаглавлено («День мой деньской, одеяний...»), а в сборнике «Куда пошел? И где окно?» названо «День надежд».

Название стихотворения, данное автором при работе над сборником, сигнализирует о ироническом пафосе, безраздельно господствующем в тексте. В. А. Соснора, обращаясь к ложной этимологии как приему, объясняет значение слова «надежда» через глагол «надеть». То есть «День надежд» – день, когда герой много на себя надевает. Причем сам многозначный глагол также в тексте становится средством создания иронического контекста. Действие глагола «надеть», согласно словарю Ожегова, в первом значении предполагает укрепление чего-либо на чем-либо. В. А. Соснора использует данное слово в сексуальном контексте, однако перемежает подобные значения со вторым значением глагола, связанным с покрытием тела или части тела какой-либо одеждой. Изменения, внесенные в приведенный текст, носят локальный характер, связаны с некоторыми уточняющими лексическими заменами, но не трансформируют художественную задумку поэта (вместо «Широкую маску надел на узкие зубы» «Широкую рожу надел на узкие зубы»; вместо «Надел на щеки бюстгальтер (не очки ж!)» «Надел на глазницы (ей) бюстгальтер – лучше очков!»; вместо «Девушка не выходит, сидит на демоне между ног, стройная спинка» «Девушка не сходит, сидит на демоне, как на стременах»; вместо «третья волосая» «третья – диван волосая»; вместо «И я. Под луной многогранной» «И я. Под луной многострунной» [18, с. 11–12]).

Следующее стихотворение, хранящееся в архиве, опознается как источник для трех разных текстов, входящих в сборник «Куда пошел? И где окно?»: «Алебастр», «Поэма потеряна...», «Снего-дубы. Синева. Я пропащий...» [18, с. 12–14].

Строки с 3 («Зрима звезда Пла, бледносера») по 45 («Но ничего не читаю») послужили основой стихотворения «Алебастр». Основные различия связаны с убавлением строк или добавлением новых. Так, из окончательного варианта стихотворения исчезают строки «Очи их тоже замазаны алебастром», «Видны рубцы от накладок на лицах», «Нету кинжалов». В строке «Белое в белом на белом, как Вайсберг» автор отказывается от сравнительного оборота, как и в строке «...запускаю кувалду – летит, улетает, // будто б пропеллер». В ряде случаев, напротив, автор разбивает одну строку на две. В частности, данная трансформация коснулась следующих строк: «Простыни – альбиносы. Дочери в алебастровых масках», «В стены стучу. Костяшки в крови. Стен нету» (в сборнике приведенная строка разбита на три: «в стены из алебастра стучу, // ломаю костяшки, // стен нету...»), «Кинжалы ломаю. Пальцы текут, липкокровны», «Нет, не проснусь, прояснюсь: кинжалы ломаю. Их нету» (в окончательном варианте «нет, не проснусь, не прояснюсь, // кинжалы ломаю, их нету...»), «Вяжут из алебаstra капилляров спичками что-то свое, кружевное» (в окончательном варианте «вяжут из капилляров (моих) спичками что-то свое, // женское, кружевницы...») [18, с. 12–14]. Также в стихотворении «Алебастр» можно отметить ряд лексических замен, например, в строке «Одну б изнасиловать, а четверых друг на дружке» в окончательной редакции числительное изменено на «троих». Можно предположить, что данная замена связана в том числе и с затрудненностью произнесения слова «четверых» в сочетании со следующими за ним словами.

Первые две строки анализируемого чернового варианта послужили началом небольшого стихотворения «Поэма потеряна...», вторая часть которого взята из другого стихотворения, присутствующего среди тех же набросков:

То, чего нет, досочинится
дочерью
слогом особо-согласным.
Я же не дочь, имитатор мороза,
что я за дочь!
Эрос мой резок, не пуст.
Мой довечерний девиз: не люблю вас!
А **зачем** что же ты сжег, Багрянородный,
священные книги из Нила, реализатор?
Чтобы я вспомнил их. Помню.
Но Константин!
Конница Сирии с Проклом, Порфирием, Ямвлихом –
вспомним.
Саблями срубленный Константинополь
и отдадим его контур Корану.
Династии Дао
и не гремели (еще!) по твоим площадям толстобрюхим.
И прогоришь, как Европа евреев [18, с. 14].

Приведенной строкой заканчивается 27 лист в нумерации автора, следующим в архиве идет лист 31, следовательно, невозможно точно установить на данный момент, является ли приведенное стихотворение законченным или часть его не попала в архив.

Возвращаясь к стихотворению «Поэма потеряна...», отметим, что автор берет для него первые три строки чернового варианта текста «То, чего нет, досочинится...» в несколько измененном виде, а также 6 строку «Эрос мой резок, не пуст». Из важных изменений необходимо отметить отказ от образа дочери, присутствующего в черновике, а также замену в шестой строке отрицательной частицы «не», на противительный союз. В окончательном варианте строка выглядит следующим образом: «Эрос мой резок, но пуст», то есть автор меняет значение на противоположное.

Что касается третьего стихотворения, источником которого послужил черновик, начинающийся со строки «Поэма потеряна», речь идет о тексте «Снего-дубы. Синева. Я пропащий...». Автор использует в качестве опорного материала строки с 46 по 49 («Дерево пилят на книги, пусть пилят. // Пусть пишут псы и целуют у литер. // Я воздух войду, и ни шипа, снего-дубы, // лучевая-мочевая»), разворачивая их в отдельное высказывание, дополненное новыми образами и деталями. Итоговое стихотворение отличается большей целостностью и законченностью высказывания.

Далее в черновиках следует стихотворение, озаглавленное и в первоначальном, и в окончательном варианте по первой строке «Я не шар сунский...» [18, с. 14].

В окончательном варианте стихотворения автор использует также последние пять строк черновика, озаглавленного по первой строке «Поэма потеряна...». Так, и в тексте «Снего-дубы. Синева. Я пропащий...», и в тексте «Я не шар сунский» присутствуют строки 46 («Дерево пилят на книги, пусть пилят...») и 48 («Я воздух войду, и ни шипа, снего-дубы...») черного варианта, что создает систему переключек внутри цикла, ведь для В. А. Сосноры характерно восприятие собственных произведений не как отдельных текстов, а как существующих в рамках цикла или сборника. Некоторые изменения, которые поэт вносит в исходный материал, лишь подчеркивают значимость переключек.

На следующих двух листах, хранящихся в архиве ЦГАЛИ СПб, сохранились варианты стихотворений, уже попавших в круг нашего внимания. В нумерации автора это листы 31 и 32. Листы с 28 по 30 не попали в архив, и лист 31 сохранил лишь вторую часть текста «Эрос не рос...». Невозможно сказать на данный момент, отказался ли автор полностью от заглавия «Ночью», которое относилось к другому черновому варианту данного произведения. Поскольку в тексте, сохранившемся на 31 листе в авторской нумерации, довольно много отличий и от предыдущего черновика, и от окончательного текста, данное произведение может быть рассмотрено как вариант [18, с. 15].

В данном варианте отличается диалог героев в центральной части произведения. В этом случае он существенно длиннее, кроме того, в реплике лирического героя уже заключается определенный предложенный им алгоритм действий, в то время как в других вариантах он сразу предоставляет героине право решать, как поступить.

На том же листе 31 в авторской нумерации сохранилось начало стихотворения «День мой деньской одеяний...». Отличий от приведенного ранее варианта значительно меньше, поэтому отметим лишь разнящиеся строки. Так, в четвертой строке слово «демон», присутствующее и в проанализированном ранее черновике, и в окончательном варианте, сокращено до начальной буквы: «Надел на Д девушку без перчаток...» [18, с. 15]. То же самое различие можно обнаружить и в 9 строке: «Девушка не выходит, сидит на Д между ног, стройная спинка...» [18, с. 15]. Возможно, данные изменения отразили размышления автора о том, стоит ли потусторонние силы называть полными именами в стихотворении или использовать в качестве обозначения первую букву. Косвенным подтверждением данной гипотезы могут служить строки «Слава Б., хоть к ночи // мне удалось одеться во что-то из меха» [18, с. 15], совпадающие в обоих черновых вариантах, в то время как в тексте, вошедшем в цикл «Уходят женщины», эти строки содержат полное наименование бога.

Отдельно необходимо отметить, что варианты стихотворений «Эрос не рос...», «День мой деньской одеяний...», «44 дочери земель Морс...», «Ночью в кабине чай и росисто...», изначально входили в повесть «А потом...» [16], опубликованную в первом номере журнала «Зинзивер» за 2009 г. То, что данные тексты создавались автором как часть вставная прозаического произведения, подтверждается и черновиками повести, хранящимися в ЦГАЛИ СПб [18, с. 12, 32]. Однако в последнем прижизненном издании данной повести автор исключает из текста стихотворные фрагменты [16]. Автор датирует повесть апрелем 1992 – ноябрем 1994 гг.

Таким образом, анализируя черновые варианты, можно сделать вывод, что значительную часть стихотворений, входящих в цикл «Уходят женщины», В. А. Соснора написал раньше, еще в начале 1990-х гг. Автор идет по пути отказа от объемных произведений в пользу более лаконичных текстов. Подобная разбивка, однако, позволяет сохранить общность мотивно-образной структуры цикла. Более поздними, согласно анализу черновиков, представляются стихотворения «Весна снеговая, а я не спиртной, а табачный...», «Рисование ню, если она как гипноз...», «Август», «Я не шезлонг аллюзий...», «Уходят женщины», «Элегия», «Рисованье вокруг, будто я пейзажист...», «Вот и ушли, отстрелялись, солдаты, цыгане...».

Сборник «Куда пошел? И где окно?» – первый поэтический сборник В. А. Сосноры после 16 лет, в течение которых он издавал только прозу. Само его появление связано с трагическими событиями в личной жизни автора: смертельной болезнью второй жены Нины Алексеевой, которой и посвящен сборник. Однако работа с черновиками В. А. Сосноры позволяет понять, что автор, не публикуя свои стихи, тем не менее не отказывался полностью от поэзии. Данное наблюдение представляется важным для адекватного осмысления творческого пути автора. Оно встраивается в ряд существующих на данный момент исследований поэзии В. А. Сосноры, представленных как совместными, так и индивидуальными работами Т. И. Ковалевой, И. Е. Лоцилова, Т. В. Сосноры [5; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 13], исследованиями поэтического

языка В. А. Сосноры Л. В. Зубовой [4], К. М. Балашова-Ескина [1; 2; 3], Ю. Б. Орлицкого [14], критическим разбором И. Кукулина [8].

Список литературы

1. Балашов-Ескин К. М. Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры // Русская речь. 2020. № 3. С. 65–76.
2. Балашов-Ескин К. М. «О, мания метафор!»: стилевые особенности метафоры в книге В. А. Сосноры «Дева-рыба» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1 (37). С. 147–154.
3. Балашов-Ескин К. М. Стихотворные переносы как явление поэтического синтаксиса В. А. Сосноры // Русская речь. 2021. № 2. С. 100–115.
4. Зубова Л. В. Подобия в книге Виктора Сосноры «Флейта и прозаизмы» // Восемь великих / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. С. 487–502.
5. Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е. Владимир Маяковский как «запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 4. С. 9–21.
6. Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179.
7. Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е. Стихотворение Виктора Сосноры «Рогнеда»: источник сюжета, поэтика и контексты // Литература и история в контексте археографии. 2022. С. 266–289.
8. Кукулин И. «Туда, где нет я...»: Виктор Соснора и эволюция русской поэзии второй половины XX века // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 222–236.
9. Лоцилов И. Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным...» (1966) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 366–379.
10. Лоцилов И. Е. О стихотворении Виктора Сосноры «Трое»: замечания к разбору // Во власти культуры и текста. Барнаул, 2021. С. 378–388.
11. Лоцилов И. Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 101–112.
12. Лоцилов И. Е., Соснора Т. В. Асеев о Сосноре – Соснора об Асееве: к эдиционной истории книги «Январский ливень: стихи» (1962) // Восемь великих / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. С. 551–560.
13. Лоцилов И. Е., Соснора Т. В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 104–131.
14. Орлицкий Ю. Б. О стихосложении Виктора Сосноры (предварительные замечания) // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 237–257.
15. Соснора В. А. А потом... // Зинзивер. 2009. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2009/1/a-potom.html?ysclid=igbx1za9a2809506497> (дата обращения: 12.04.2023).
16. Соснора В. А. Вторая проза. СПб., М.: Пальмира, 2018. 711 с.
17. Соснора В. А. Куда пошел? И где окно? СПб.: Пушкинский фонд, 1999. 72 с.
18. ЦГАЛИ СПб (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга). Ф. 824. Оп. 1. Д. 4. В. А. Соснора Стихотворения. Варианты.
19. ЦГАЛИ СПб. Ф. 824. Оп. 1. Д. 1. В. А. Соснора А потом...

The creative history of the cycle "Women leave" from the collection "Where are you going? And where is the window?" by V. A. Sosnory

Bolnova Ekaterina Vladimirovna

PhD in Philological Sciences, National Research Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: eka332@yandex.ru

Abstract. The article examines archival materials stored in the Central Library of St. Petersburg, which served as the source of V. A. Sosnora's poetry cycle "Women Leave", which is included in the collection "Where did you go? And where is the window?" The work uses biographical, structural-descriptive, descriptive-functional, comparative-comparative, formal methods, which allows you to cope with the tasks set. Based on unpublished draft materials, the hypothesis is put forward that the initial creative ideas were associated with writing poems or voluminous poems, fragments of which are stored in the archive. The author's further work was related to the breakdown of the material into a number of poems, which were included in the cycle as separate works. The main changes made by V. A. Sosnora at the phonetic, lexical, and syntactic levels are considered in detail. The draft versions and final versions of the poems published in the cycle "Women leave" from the collection "Where did you go? And where is the window?" Working with archival materials allows you to trace the

creative evolution of the cycle, the change in the author's idea. Also, in the course of the research, an important conclusion was made, refuting the data that for sixteen years before the publication of the analyzed collection, V. A. Sosnora did not write poetic texts, referring only to prose. Archival materials prove that the author's interest in poetry was not completely lost during this period of time. The conclusions made allow us to correct the creative biography of V. A. Sosnora, fill in the existing gaps.

Keywords: V. Sosnora, the cycle "Women leave", archival materials, variants of poems.

References

1. Balashov-Eskin K. M. *Katahreza v poeticheskom stile V. A. Sosnory* [Katakhreza in the poetic style of V. A. Sosnora] // *Russkaya rech'* – Russian speech. 2020. No. 3. Pp. 65–76.
2. Balashov-Eskin K. M. "O, maniya metafor!": *stilevye osobennosti metafory v knige V. A. Sosnory "Devaryba"* ["Oh, metaphor mania!": stylistic features of metaphor in V. A. Sosnora's book "Virgo-fish"] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* – Herald of Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2020. No. 1 (37). Pp. 147–154.
3. Balashov-Eskin K. M. *Stihotvornye perenosy kak yavlenie poeticheskogo sintaksisa V. A. Sosnory* [Poetic transferences as a phenomenon of poetic syntax V. A. Sosnora] // *Russkaya rech'* – Russian speech. 2021. No. 2. Pp. 100–115.
4. Zubova L. V. *Podobiya v knige Viktora Sosnory "Flejta i prozaizmy"* [Similarities in Victor Sosnora's book "Flute and Prose"] // *Vosem' velikih – Eight Great Ones / Russian State University for the Humanities. M., 2022. Pp. 487–502.*
5. Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. *Vladimir Mayakovskij kak "zapevshij Ilya Muromec": "Karacharovo" Viktora Sosnory* [Vladimir Mayakovsky as "Ilya Muromets who sang": "Karacharovo" by Viktor Sosnora] // *Filologicheskij klass* – Philological class. 2022. Vol. 27. No. 4. Pp. 9–21.
6. Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. "Mstislava drevnij poedinok...": *rasskaz "Povesti vremennyh let" v stihotvorenii V. Sosnory "Boj Mstislava s Rededej" (1959)*["Mstislav the ancient duel ...": the story "Tales of bygone years" in V. Sosnora's poem "Mstislav's Fight with Rededi" (1959)] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal* – Siberian Philological Journal. 2023. No. 2. Pp. 166–179.
7. Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. *Stihotvorenije Viktora Sosnory "Rogneda": istochnik syuzheta, poetika i konteksty* [Viktor Sosnora's poem "Rogneda": a source of the plot, poetics and contexts] // *Literatura i istoriya v kontekste arheografii* – Literature and history in the context of archeography. 2022. Pp. 266–289.
8. Kukul'in I. "Tuda, gde net ya...": *Viktor Sosnora i evolyuciya russkoj poezii vtoroj poloviny XX veka* ["To where there's no me ...": Viktor Sosnora and the evolution of Russian poetry of the second half XX century] // *Novoe literaturnoe obozrenie* – New literary review. 2019. No. 6 (160). Pp. 222–236.
9. Loshchilov I. E. *K razboru stihotvorenija Viktora Sosnory "Razluka zverinogo laya so strahom sovinyim..." (1966)* [On the analysis of Victor Sosnora's poem "The separation of animal barking with the fear of an owl ..." (1966)] // *Kritika i semiotika* – Criticism and Semiotics. 2022. No. 1. Pp. 366–379.
10. Loshchilov I. E. *O stihotvorenii Viktora Sosnory "Troje": zamechaniya k razboru* [About Victor Sosnora's poem "Three": remarks on the analysis] // *Vo vlasti kul'tury i teksta* – At the mercy of culture and text. Barnaul, 2021. Pp. 378–388.
11. Loshchilov I. E. *Poeziya i didaktika: o stihotvorenii Viktora Sosnory "Toska po rodine"* [Poetry and didactics: about Victor Sosnora's poem "Homesickness"] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal* – Siberian Philological Journal. 2022. No. 1. Pp. 101–112.
12. Loshchilov I. E., Sosnora T. V. *Aseev o Sosnora – Sosnora ob Aseeve: k edicionnoj istorii knigi "Yanvarskij liven': stihy" (1962)* [Aseev about Sosnora – Sosnora about Aseev: towards the traditional history of the book "January Downpour: poems" (1962)] // *Vosem' velikih – Eight Great Ones / Russian State University for the Humanities. M., 2022. Pp. 551–560.*
13. Loshchilov I. E., Sosnora T. V. *Sibirskie poeticheskie turne Viktora Sosnory (1960-e gg.)* [Siberian poetic tours of Viktor Sosnora (1960s)] // *Literaturnyj fakt* – Literary fact. 2022. No. 2 (24). Pp. 104–131.
14. Orlickij Yu. B. *O stihoslozhenii Viktora Sosnory (predvaritel'nye zamechaniya)* [On the versification of Victor Sosnora (preliminary remarks)] // *Novoe literaturnoe obozrenie* – New Literary Review. 2019. No. 6 (160). Pp. 237–257.
15. Sosnora V. A. *A potom...* [And then ...] // *Zinziver* – Zinziver. 2009. No. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/zin/2009/1/a-potom.html?ysclid=lgbx1za9a2809506497> (date accessed: 12.04.2023).
16. Sosnora V. A. *Vtoraya proza* [The second prose]. SPb., M. Palmyra, 2018. 711 p.
17. Sosnora V. A. *Kuda poshel? I gde okno?* [Where are you going? And where is the window?] SPb. Pushkin Foundation, 1999. 72 p.
18. CSALA St. Petersburg (Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg). F. 824. Inv. 1. File 4. *V. A. Sosnora Stihotvorenija. Varianty* [Poems. Variants].
19. CSALA St. Petersburg. F. 824. Inv. 1. File 1. *V. A. Sosnora A potom...* [And then...].

Роль общественных объединений филателистов в культурном пространстве советского общества

Чувилькина Юлия Викторовна

кандидат культурологии, старший научный сотрудник научно-издательского отдела,
Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим».
Россия, г. Истра. ORCID: 0000-0002-1801-2785. E-mail: chuvilkina.julia@yandex.ru

Аннотация. Коллекционирование редкостей, предметов искусства и старины некоторое время после 1917 г. существовало по дореволюционным принципам: оборот культурных ценностей осуществлялся благодаря прежним владельцам, стремившимся продать или сохранить свои коллекции. Хранилища Государственного музейного фонда пополнялись национализированной живописью, редкими книгами и рукописями, скульптурой и мебелью. На протяжении нескольких столетий коллекционирование было тесно связано с сословной принадлежностью. После революции феномен постепенно обретает новые смыслы, становится одним из инструментов освоения культуры, служит идеологическим ориентиром, способствует ликвидации безграмотности [4]. Коллекционирование – социально-экономический процесс, который еще долгие годы будет служить предметом споров и дискуссий. Коллекционирование марок – одно из интересных направлений, представляющих собой любопытный социальный срез советского общества. Исследованию феномена частного коллекционирования в СССР свои статьи посвятили Богданов М. С., Игнатъева О. В. Филателия, ее влияние на искусство, историю и советское общество стали предметом исследования для Багаевского К. А., Громова Ю. В. Наконец, большой вклад в изучение истории советского филателистического общества внесли Кулаков В. В. и Якуб А. В. Их работы посвящены деятельности филателистических обществ и филателистическому обмену в СССР и за границей.

В качестве предмета исследования в данной статье рассмотрены вопросы развития филателистических организаций в СССР. Цель данной статьи: изучение влияния общественных филателистических организаций на советскую культуру, описание их структуры и форм деятельности. Наиболее значимым является анализ образовательной и просветительской функции филателии, использование ее в качестве инструмента социального и общественного развития. В итогах работы отражены: особенности законодательства и государственной культурной политики в области филателии, оценена степень государственного контроля в сфере свободной филателистической торговли, изучена роль коллекционирования в советском образовании и культуре. Проанализированы статьи предыдущих исследователей, использованы впервые публикуемые материалы об объединениях из российских архивов: РГАЛИ, ГАРФ, ЦГАМ.

Полученные результаты могут быть полезны при дальнейшем исследовании темы коллекционирования в СССР, изучении истории советской филателии. Интерес представляет также взаимодействие филателистических обществ с музеями и другими культурными организациями.

Ключевые слова: коллекционирование, филателистические организации, советская культура.

Филателия, утвердившаяся в качестве отдельной области коллекционирования в XIX в., в первые годы советской власти обрела все большую популярность в кругу специалистов. Финансово доступная большинству граждан, она получила повсеместное распространение и была «общественно полезной деятельностью», сочетающей в себе расширение кругозора и отдых. Набирало обороты т. н. «коллективное коллекционирование», где участники являлись членами объединения или кружка по интересам.

Претерпевают изменения и принципы собирательства. До революции в Москве существовало «Московское общество собирателей почтовых знаков (МОСПЗ)» [5, с. 189], характерно было коллекционирование марок по географическому принципу (наиболее ценными считались марки экзотических стран). После 1917 г. появляется коллекционирование по тематическому принципу [25, с. 4–5], что позволило повысить его доступность для советских граждан.

Московское общество филателистов и коллекционеров (МОФИК) было зарегистрировано в 1918 г. Утвержденные новым уставом идеологические и просветительские задачи выполнялись объединением скорее номинально. В качестве неофициального преемника МОСПЗ общество по большей части занималось куплей и продажей филателистических предметов. В 1916–1918 гг. МОФИК издавал журнал «Российский журнал коллекционеров и корреспондентов».

Идеологические разногласия привели к распаду МОФИК и появлению двух принципиально разных направлений развития в филателии. Предметом дискуссии стала необходимость государства придерживаться определенной политики в отношении внешнеэкономической филателистической торговли. Стремление сохранить монополию и пополнять валютный фонд путем продажи филателистических материалов за границу диктовало необходимость создания государственного контроля за деятельностью филателистов.

Решением проблемы стало создание Российского бюро филателии (РБФ). Бюро существовало с 1921 по 1924 г., находилось в ведомстве Народного комиссариата почт и телеграфов. В его обязанности входило развитие филателии, конфискация филателистических материалов у прочих организаций, представление интересов государства в данной области. Несмотря на предоставленные полномочия, бюро не имело возможности продавать марки за границей. Для продажи коллекции следовало передавать в Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ) [27]. Практика показала, что сотрудники организации, используя свои полномочия, часто стремились к личному обогащению, игнорируя необходимость отправлять в НКВТ материалы для реализации [29].

Государственная политика в области детского образования и развития в 1922 вылилась в создание Всесоюзной секции юных филателистов. Ее организация повлекла за собой открытие многочисленных кружков филателии при школах в различных городах России. Вовлечение детей и молодежи в процесс коллекционирования способствовало появлению новых образовательных методов: филателистические материалы использовались в качестве дополнительных пособий для изучения исторических событий и природных явлений. Например, марки, демонстрирующие политических деятелей, известные архитектурные памятники способны были послужить иллюстрацией для урока географии или истории, редкие виды животных и растений помогали в изучении биологии и зоологии.

В 1923 г. появляется организация «Всероссийское общество филателистов» (ВОФ), целью которой было объединение собирателей марок на всей территории СССР. Общество появилось благодаря инициативе отдельных членов МОФИК. На проектном этапе (1920) организация была ориентирована на совместную работу с РБФ, однако уже в 1922 г., после реорганизации бюро в Организацию Уполномоченного по филателии и бонам (ОУФБ), возникают идейные разногласия и конфликты [26, с. 3–4].

Устав ВОФ, утвержденный в 1923 г., вызвал недовольство ОУФБ. В нем были закреплены такие задачи, как: «приобщение русской филателии в филателистическом отношении к наиболее передовым странам Европы и Америки». В то же время этот документ содержал строгий регламент контроля над филателистической торговлей. Навязанное сотрудничество было обосновано вхождением государства в новую экономическую политику [28].

В 1924 г. было принято решение о создании на базе ВОФ Всесоюзного общества коллекционеров (ВОК), которое, согласно проекту, в своей работе объединило бы не только филателию, но и бонистику, нумизматику и т. д. Однако устав ВОК к 1927 г. так и не был согласован [10, л. 1–5] и остался проектом.

В 1926 г. Постановлением ВЦИК [8, с. 1] была создана Советская филателистическая ассоциация (СФА) – преемник ОУФБ. Организация по-прежнему имела монопольное право на реализацию филателистических материалов в СССР и за рубежом, вела торговлю в крупных городах, продавая марки и монеты.

1927 г. принес ВОФ борьбу оппозиционных членов объединения. Постоянно сменяющееся правление и отсутствие единой идейной направленности привело к постепенному спаду энтузиазма участников. К 1930 г. организация практически прекратила свое существование.

Развитие филателии в Ленинграде происходило обособленно. Существовавшие в 1920-х гг. общества «Ленинградское общество библиофилов (ЛОБ)» и «Ленинградское общество экслибристов (ЛОЭ)» после ликвидации в начале 1930-х гг. были реорганизованы в «Ленинградское общество коллекционеров» (ЛОК). Достоверных сведений о дате образования организации нет, однако известно, что в 1930-х гг. она помимо коллекционной осуществляла издательскую деятельность [6, с. 5]. С 1931 по 1937 гг. было выпущено 26 книжных изданий.

В фондах РГАЛИ хранится переписка Ленинградского общества коллекционеров с Государственным литературным музеем. Она посвящена изданию в Гослитиздате трудов ЛОК, включавших в себя секции библиофилов и экслибристов, сборник докладов общества памяти И. С. Тургенева от 1935 г. [13, л. 4–7]. За годы существования было издано множество буклетов, открыток, изданных секцией библиофилов и экслибрисистов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие филателии в СССР в 1920-е гг. было связано с внешней государственной торговлей. Стремление регулировать продажу марок привело к жесткому контролю данной сферы со стороны государства. Филателистический обмен постепенно становится инструментом внешней политики. Большое влияние на развитие филателии в данный период оказывает постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1922 № 2 «По филателии» [9, с. 9–10].

В 1930-е гг. в СССР наблюдается постепенное ослабевание интереса к филателии. Работающие кружки коллекционеров остаются лишь при Московском и Ленинградском домах ученых, однако и они привлекают все меньше участников. С 1933 г. прекращается издание журнала «Советский коллекционер». В ноябре 1938 г. издано продиктованное новой внешней политикой постановление СНК СССР № 1235-229с «О порядке обмена коллекционными почтовыми марками с иностранными коллекционерами» [3, л. 19–21], запрещающее передачу и продажу за границу почтовых марок частными лицами. Советская филателистическая ассоциация ликвидирована – вместо нее создана Главная филателистическая контора. Продажа марок за границу стала возможна только через внешнеторговое объединение «Международная книга». Коллекционер, желавший осуществлять обмен, должен был состоять на учете в ее контрольном пункте, а его корреспонденция могла быть подвержена выборочному контролю. Несмотря на столь жесткие меры, Народный комиссар Внешней торговли СССР Е. Д. Чвялев в архивной ведомственной переписке считает данные меры недостаточными в связи с тем, что пункт «создает возможность использовать пересылку марок как средство для шпионажа, как средство фашистской пропаганды» [цит. по: 3, л. 21]. В конце 1930-х некоторые члены ВОФ были подвергнуты репрессиям. Общество прекратило свое существование летом 1941 г. [30].

Годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие стали трудным периодом в жизни советского государства. Восстановление разрушенной страны не оставляло гражданам возможности для развлечений и отдыха. Развитие советской филателии было приостановлено. Положительные изменения наметились в мае 1957: создается Московское городское общество коллекционеров (МГОК). Появление московского общества повлекло за собой открытие похожих организаций в Баку, Харькове, Ленинграде, Кишиневе. Особую важность в филателии данного периода приобретают сюжеты, связанные с героизмом советских солдат в Великой Отечественной войне.

Целью МГОК было объединение не только филателистов, но и представителей советской бонистики, нумизматики, филокартии и филумении. В 1958 и 1959 гг. прошли первые конференции общества [19]. Основные задачи заключались во взаимодействии с музеями, пропаганде коллекционирования, укреплении международных связей и т. д. Помимо собирательской деятельности МГОК занималось издательской работой: публиковало статьи в журнале «Советская книжная торговля». В первой половине 1960-х регулярно издавало сборник «Советский коллекционер».

Филателистическая секция МГОК сотрудничала с московскими профсоюзами, дворцами и домами культуры («Красная звезда», дворец культуры Горбунова, дом работников Госпалана, дом Советской Армии, Дом ученых и т. д.), проводила лекции и беседы в общественных пространствах Москвы. На протяжении своего существования общество организовало большое количество советских и зарубежных выставок [16, л. 1, 4а, 8, 9, 14, 23, 27, 29, 48–49].

Выставки «Наглядные пособия из коллекционных материалов» совместно с городским Домом Учителя, «Братислава-60», выставки во Дворце Культуры завода им. Лихачева и ДК «ЗИЛ» прошли в 1960 г. В 1961 состоялись выставки в Баку, Будапеште. В 1962 г. выставка «Прага 1962», в 1963 «Боцфилэкс 1963» в Будапеште, «Мелюзина» Люксембург, «Генуэзское общество охраны природы и гражданский музей истории природы», «Вроцлав 1963», «Истанбул 63» Турция. В 1964 г. «Берлин-Москва 1964», «Филатек-Париж», «ИМЕКС» (в честь 18-й Всемирной Олимпиады) [15].

В 1959 г. была создана Методическая комиссия по работе с детьми, Художественный совет МГОК [23, л. 26]. В 1960 проводились встречи с иностранными студентами Вьетнамской демократической республики, Кореи, Индонезийской республики [20, л. 31]. Влияние филате-

лии на советскую культуру нельзя недооценивать: благодаря инициативе вышеозначенных обществ в ежедневный досуг советского человека вошло коллекционирование. Собирательство отныне характеризовало человека, относящего себя к новому типу советского гражданина как интеллигентного и образованного.

Одной из интересных форм деятельности являлось общение с зарубежными коллекционерами. Центральный Государственный архив города Москвы хранит переписку объединения с представителем филателистической комиссии Берлина Артуром Фоггом, коллективом школьников из КНР, римским коллекционером Giovanni Vento, иранским коллекционером г-ном Юсуф-Заде, бюро филателистов Монголии и пр. [17, л. 1–7, 20–22, 98, 141].

МГОК, принявшее на себя важные для общества функции и обязательства, не смогло избежать участи предшествующих ей в начале века организаций. Оргкомитет МГОК включал в себя людей совершенно различных должностей и областей деятельности, таких как: Мазур П. Ф. (сотрудник комитета госбезопасности при Совете Министров СССР), Мавроди С. И. (заместитель начальника Управления культуры исполкома Моссовета), Шубин Л. Д. (преподаватель Московского института инженеров), Рединер П. А. (академик, директор Физико-химического института), Новосардов В. Г. (референт об-ва «Международная книга»), Якушев М. И. (старший экономист инспекции при Министре связи СССР) [22, л. 5–7]. Неизбежно возникающие столкновения интересов приводили к разногласиям.

Просуществовав до 1966 г., МГОК вошло в состав нового Всесоюзного общества филателистов (ВОФ).

Послевоенное развитие филателии продолжалось не только в Москве. Ленинградское общество коллекционеров (ЛОК), созданное в 1958 г. на основании решения Ленгорисполкома от 17 июля 1958 г., занималось обменом филателистическими материалами и организацией филателистических выставок. В 1965 г. ЛОК совместно с Государственным музеем этнографии народов СССР организовало выставку, приуроченную к «Неделе ленинградского коллекционера» (31 января – 7 февраля 1965). ЛОК также принимало участие в выставках в Чехословакии, Болгарии, ГДР и Франции. В 1966 г. общество, наряду с МГОК, вошло во Всесоюзное общество филателистов.

С 1975 г. Ленинградское отделение ВОФ постоянно находилось по адресу на проспекте Римского-Корсакова, дом 53. Постепенно данное место стало точкой коллекционерской торговли. В 1970-х гг. в обществе существовала секция «предметного коллекционирования» – по своей сути являвшаяся секцией коллекционирования антиквариата. В конце 1980-х деятельность общества постепенно сходит на нет. С 1992 г. оно переименовано в «Общество филателистов Санкт-Петербурга».

Всесоюзное общество филателистов, организованное в 1966 г., соединило в себе МГОК и ЛОК. В своем Положении оно ставило следующие задачи [цит. по: 1, с. 1–10]:

а) В интересах коммунистического воспитания трудящихся привлекать их и, особенно, молодежь к коллекционированию как средству изучения политических и исторических событий, памятников материальной культуры, науки, искусства и природы, а также как одному из видов общественно полезной деятельности, сочетающей разумный отдых с расширением культурного и общеобразовательного кругозора.

б) Воспитывать коллекционеров в духе непримиримой борьбы с проявлениями буржуазной идеологии в вопросах коллекционирования.

в) Вовлекать коллекционеров в члены ВОФ. Организовывать выставки, доклады, лекции, беседы и занятия по филателии и другим видам коллекционирования.

г) Оказывать помощь в культурно-просветительной работе организации, при которой находится клуб (кружок).

д) Уделять особое внимание организации и ведению совместно с соответствующими комсомольскими, пионерскими организациями и органами народного образования филателистической работы среди школьников и молодежи в соответствии с «Положением о юношеской секции ВОФ».

е) Повышать уровень знаний членов клуба (кружка) по вопросам основ, методики и техники советского коллекционирования.

ж) Содействовать членам ВОФ в приобретении коллекционных материалов, специальных принадлежностей и литературы».

Архив РГАЛИ хранит письма члена Оргкомитета ВОФ, композитора Дмитрия Борисовича Кабалева, одного из известных музыкальных деятелей советской эпохи. В его пере-

писке с ВОФ есть приглашения на филателистические выставки, уведомления о заседании Оргкомитета ВОФ, приказ министерства Связи СССР об утверждении Кабалевского среди прочих членом редколлегии журнала «Филателия СССР» [11, л. 1–17].

Коллекционирование в первой половине XX в. было доступно далеко не всем гражданам: в основной массе коллекционерами являлась творческая и научная интеллигенция, чиновники госаппарата, военные. Филателия, получившая распространение в первой половине XX в. и второй виток развития во второй половине XX в., была более доступна. В зависимости от тематики и принципов собирательства коллекционеры на «любительском» уровне получали приятный досуг, «профессионалы» же по-прежнему вкладывали в свои коллекции немалые денежные средства. В составе общества коллекционеров-филателистов находились люди самых разных профессий, от рабочих завода до заместителей министерств. Рассуждая о портрете коллекционера-филателиста, невозможно составить единый типаж. Каждый из участников стремился удовлетворять ряд своих потребностей, исходя из личных убеждений, финансовых возможностей и взглядов.

Выводы:

1) Филателистические общества в СССР служили инструментом социального и общественного развития. На организации была возложена образовательная и просветительская функция. Такие задачи, как повышение уровня грамотности населения, необходимость создать «членов нового общества», новую «интеллектуальную элиту», побуждали государство изыскивать новые формы культурной деятельности.

2) Важность участия в филателистическом объединении заключалась в возможности проведения легальных встреч по интересам, обмена интересными контактами. С распадом СССР членство в объединении постепенно утратило свою актуальность по причине возвращения свободной торговли марками.

3) Доступность и широкое распространение филателии, филокартии и фалеристики на территории СССР прочно утвердили в умах советских граждан мысль о важности собирательства. Несмотря на отсутствие одинаковых финансовых возможностей для коллекционирования у представителей партийной власти и простых рабочих, люди получили возможность для организации досуга и расширения кругозора.

4) Роль государства в формировании общественных филателистических организаций заключалась в постоянном контроле над совершаемыми операциями купли, продажи и обмена, в целях сохранения государственной монополии на торговлю филателистическими материалами, а также во избежание противоправных действий, таких как шпионаж, пропаганда антисоветского политического режима.

5) Несовершенство советского законодательства, разногласия руководства в объединениях, невозможность единогласно определить задачи и направления деятельности приводили к конфликтам, зачастую способствовали незаконному обогащению участников. Отношения внутри объединений могут служить иллюстрацией социального портрета советского гражданина в государственной структуре.

Список литературы

1. Богданов М. С. Частное коллекционирование в СССР и новая советская элита // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 3. С. 54–60. DOI: 10.18522/2687-0770-2023-3-54-60.

2. Бугаевский К. А. Подвиг фронтовых медиков в Великой Отечественной войне, запечатленный в средствах коллекционирования // Педиатрический вестник Южного Урала. 2020. № 1. С. 13–26. DOI: 10.34710/Chel.2020.68.83.003.

3. Всесоюзное общество филателистов. Положение о клубе и кружке коллекционеров Всесоюзного общества филателистов. М. : б/и, 1967. 10 с.

4. Всесоюзное общество филателистов. Положение о секции коллекционеров Всесоюзного общества филателистов. М. : б/и, 1968. 10 с.

5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446, оп. 22а, ед. хр. 606, л. 19–21. О запрещении частным лицам вести обмен коллекционными почтовыми марками с иностранными коллекционерами.

6. Громов Ю. В. Становление и развитие отечественной образовательной филателии: педагогический аспект // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 77–81.

7. Игнатьева О. В. Советское коллекционирование в контексте культурной революции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 80–89. DOI: 10.24866/1997-2875/2019-4/80-89.

8. Кулаков В. В. Московское общество собирателей почтовых знаков // Большой филателистический словарь / под общ. ред. Н. И. Влади́нца и В. А. Якобса. М. : Радио и связь, 1988. С. 189.
9. Ленинградское общество коллекционеров. Хроника секции библиофилов и экслибрисстов. Октябрь–декабрь 1933 г. Л. : ЛОК, 1935. С. 5.
10. Лепешинский Л. Активно участвовать в коммунистическом воспитании трудящихся // Советский коллекционер. 1963. № 1. С. 7–12.
11. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Советской филателистической ассоциации от 25.10.1926 // Советский филателист – Советский коллекционер – RadiodeFilintern. 1926. № 11 (63). С. 1.
12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по филателии от 21.09.1922 // Советский филателист. 1922. № 2. С. 9–10.
13. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 1339, оп. 1, ед. хр. 98, л. 1–5. «Устав Всероссийского общества коллекционеров».
14. РГАЛИ. Ф. 2017, оп. 4, ед. хр. 955, л. 1–17. Переписка Д. Б. Кабалевского с Всесоюзным Обществом филателистов, редакцией журнала «Филателия СССР», Московским городским обществом коллекционеров об утверждении состава редакционной коллегии бюллетеня «Филателия СССР», о юбилейных мероприятиях и др. Приложены пригласительные билеты на Всесоюзную молодежную филателистическую выставку и др.
15. РГАЛИ. Ф. 610, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1. Программа заседаний секции библиофилов и экслибрисстов Ленинградского Общества Коллекционеров.
16. РГАЛИ. Ф. 612, оп. 1, ед. хр. 2585, л. 4–7. Переписка с ГЛМ Ленинградского отделения Центральной Книжной Палаты СССР о приобретении книг, об издании «Тургеневского сборника» Ленинградского Общества коллекционеров. К письму от 24 декабря 1935 г. приложены письма Общества коллекционеров в Ленгорлит о сборнике.
17. ЦГАМ (Центральный государственный архив города Москвы). Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 36. 171 л. Стенограмма собрания актива общества от 13 марта 1960 г.
18. ЦГАМ. Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 85, 8 л. Филателия в Венгерской Народной республике, статья Мазура П. Ф.
19. ЦГАМ. Ф. 245, оп. 1, ед. хр. 792, л. 1, 4а, 8, 9, 14, 23, 27, 29, 48–49. Переписка Управления с Московским городским обществом коллекционеров об участии в международных филателистических выставках, о проведении «Дня коллекционера» за 1963 г.
20. ЦГАМ. Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 18. л. 1–7, 20–22, 98, 141. Переписка с иностранными организациями коллекционеров об установлении связей и коллекционировании 1958 г. Т. 1.
21. ЦГАМ. Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 184, л. 2–5. Финансовый отчет за 1976 год. Всесоюзное общество филателистов. Московское правление.
22. ЦГАМ. Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 22. 207 л. II конференция 24.V.1959.
23. ЦГАМ. Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 32, л. 31, 50–53. Протоколы заседаний правления общества № 1–24 за 1960 г.
24. ЦГАМ. Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 33, л. 38, 47–49. Протоколы № 25–26 заседаний правления общества за ноябрь–декабрь 1960 г.
25. ЦГАМ. Ф. 2454, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5–7, 28. Штатные расписания и сметы доходов и расходов на 1957–1966 гг.
26. ЦГАМ. Ф. 2455, оп. 1, ед. хр. 23, л. 26, 39. Протокол заседаний Правления общества за 1959 г.
27. ЦГАМ. Ф. Р-429, оп. 4, ед. хр. 205, л. 1, 9, 13–15. Материалы о работе Московского городского общества коллекционеров (постановления, протоколы, переписка) за 1960–1961 гг.
28. Что и как собирать? Платформа Златоустовского кружка юных филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 5. С. 4–5.
29. Чучин Ф. Г. Наши задачи // Советская филателия. 1922. № 1. С. 3–4.
30. Якуб А. В. Заграничный филателистический обмен: экономика и политика (1922–1924 гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 222–228. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.167.-171.
31. Якуб А. В. Международные отношения, государство и общественные организации в области филателии в СССР в первой половине 1920-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9. № 2 (34). С. 179–185. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(2).
32. Якуб А. В. Российское Бюро Филателии: первый опыт создания государственной филателистической организации // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 73. С. 76–81. DOI: 10.17323/19988613/73/10.
33. Якуб А. В. Становление советского филателистического движения в 1917–1941 гг.: идентификация «свой» и «чужие» глазами современников // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 178–186. DOI: 10.17223/15617793/459/22.

The role of public associations of philatelists in the cultural space of Soviet society

Chuvilkina Yulia Viktorovna

PhD in Cultural Studies, senior researcher at the Scientific and Publishing Department, the State Historical and Art Museum "New Jerusalem". Russia, Istra. ORCID: 0000-0002-1801-2785.
E-mail: chuvilkina.julia@yandex.ru

Abstract. Collecting of rarities, art and antiquities existed for some time after 1917 according to pre-revolutionary principles: the turnover of cultural values was carried out thanks to the former owners who sought to sell or preserve their collections. The vaults of the State Museum Fund were replenished with nationalized paintings, rare books and manuscripts, sculptures and furniture. For several centuries, collecting has been closely linked to class affiliation. After the revolution, the phenomenon gradually acquires new meanings, becomes one of the tools for mastering culture, serves as an ideological guideline, and contributes to the elimination of illiteracy. Collecting is a socio-economic process that will be the subject of controversy and discussion for many years to come. Stamp collecting is one of the interesting areas that represent a curious social cross-section of Soviet society. Bogdanov M. S., Ignatieva O. V. devoted their articles to the study of the phenomenon of private collecting in the USSR. Philately, its influence on art, history and Soviet society became the subject of research for Bagaevsky K. A., Gromov Y. V. Finally, Kulakov V. V. and Yakub A. V. made a great contribution to the study of the history of the Soviet philatelic society. Their works are devoted to the activities of philatelic societies and philatelic exchange in the USSR and abroad.

As a subject of research, this article examines the issues of the development of philatelic organizations in the USSR. The purpose of this article is to study the influence of public philatelic organizations on Soviet culture, to describe their structure and forms of activity. The most significant is the analysis of the educational and educational function of philately, its use as a tool for social and social development. The results of the work reflect: the peculiarities of legislation and state cultural policy in the field of philately, the degree of state control in the field of free philatelic trade is assessed, the role of collecting in Soviet education and culture is studied. The articles of previous researchers are analyzed, the first published materials on associations from the Russian archives are used: RGALI, GARF, TSGAM.

The results obtained can be useful in further research on the topic of collecting in the USSR, studying the history of Soviet philately. The interaction of philatelic societies with museums and other cultural organizations is also of interest.

Keywords: collecting, philatelic organizations, Soviet culture.

References

1. Bogdanov M. S. *Chastnoe kollekcionirovanie v SSSR i novaya sovetskaya elita* [Private collecting in the USSR and the new Soviet elite] // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* – News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences. 2023. No. 3. Pp. 54–60. DOI: 10.18522/2687-0770-2023-3-54-60.
2. Bugaevskij K. A. *Podvig frontovykh medikov v Velikoj Otechestvennoj vojne, zapechatlennyj v sredstvakh kollekcionirovaniya* [The feat of front-line doctors in the Great Patriotic War, captured in collectibles] // *Pediatricheskij vestnik Yuzhnogo Urala* – Pediatric herald of the Southern Urals. 2020. No. 1. Pp. 13–26. DOI: 10.34710/Chel.2020.68.83.003.
3. *Vsesoyuznoe obshchestvo filatel'istov. Polozhenie o klube i krughke kollekcionerov Vsesoyuznogo obshchestva filatel'istov* – All-Union Society of Philatelists. Regulations on the club and circle of collectors of the All-Union Society of Philatelists. M. Sans Publishing, 1967. 10 p.
4. *Vsesoyuznoe obshchestvo filatel'istov. Polozhenie o sekcii kollekcionerov Vsesoyuznogo obshchestva filatel'istov* – All-Union Society of Philatelists. Regulations on the collectors section of the All-Union Society of Philatelists. M. Sans Publishing, 1968. 10 p.
5. SARF (State Archive of Russian Federation). F. R-5446, Inv. 22a, st. unit 606, sh. 19–21. *O zapreshchenii chastnym licam vesti obmen kollekcionnymi pochtovyimi markami s zagranichnymi kollekcionerami* – On the prohibition of private individuals to exchange collectible postage stamps with foreign collectors.
6. Gromov Yu. V. *Stanovlenie i razvitie otechestvennoj obrazovatel'noj filatelii: pedagogicheskij aspekt* [Formation and development of Russian educational philately: pedagogical aspect] // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* – Modern pedagogical education. 2022. No. 1. Pp. 77–81.
7. Ignat'eva O. V. *Sovetskoe kollekcionirovanie v kontekste kul'turnoj revolyucii* [Soviet collecting in the context of the cultural revolution] // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* – Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2019. No. 4. Pp. 80–89. DOI: 10.24866/1997-2875/2019-4/80-89.
8. Kulakov V. V. *Moskovskoe obshchestvo sobiratelej pochtovykh znakov* [Moscow Society of collectors of postal signs] // *Bol'shoj filatelistskij slovar'* – Big philatelic dictionary / under the gen. ed. of N. I. Vladinetz and V. A. Jacobs. M. Radio and Communications, 1988. P. 189.

9. *Leningradskoe obshchestvo kollektionerov. Hronika sekcii bibliofilov i ekslibristov* – Leningrad Society of Collectors. The chronicle of the section of bibliophiles and ex-librarians. October–December 1933 L. LOK, 1935. P. 5.

10. *Lepeshinskij L. Aktivno uchastvovat' v kommunisticheskom vospitanii trudyashchihsya* [Actively participate in the communist education of workers] // *Sovetskij kollektioner* – The Soviet collector. 1963. No. 1. Pp. 7–12.

11. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on the formation of the Soviet Philatelic Association dated 25.10.1926 // *Sovetskij filatelist – Sovetskij kollektioner – RadiodeFilintern* – Soviet philatelist – Soviet collector – RadiodeFilintern. 1926. No. 11 (63). P. 1 (in Russ.).

12. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on philately dated 21.09.1922 // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1922. No. 2. Pp. 9–10 (in Russ.).

13. RSALA (Russian State Archive of Literature and Art). F. 1339, inv. 1, st. unit 98, sh. 1–5. "The Charter of the All-Russian Society of Collectors".

14. RSALA. F. 2017, in. 4, st. unit 955, sh. 1–17. Correspondence of D. B. Kabalevsky with the All-Union Society of Philatelists, the ed. board of the journal "Philately of the USSR", the Moscow City Society of Collectors on the approval of the ed. board of the herald "Philately of the USSR", on anniversary events, etc. Attached are invitation cards to the All-Union Youth Philatelic Exhibition, etc.

15. RSALA. F. 610, inv. 1, st. unit 7, sh. 1. Program of meetings of the section of bibliophiles and ex-librarians of the Leningrad Society of Collectors.

16. RSALA. F. 612, inv. 1, st. unit 2585, sh. 4–7. Correspondence with the GLM of the Leningrad branch of the Central Book Chamber of the USSR on the purchase of books, on the publication of the "Turgenev collection" of the Leningrad Society of Collectors. Letters from the Society of Collectors in Leningrad about the collection are attached to the letter dated December 24, 1935.

17. CSAM (Central State Archive of the city of Moscow). F. 2454, inv. 1, st. unit 36. 171 sh. Transcript of the meeting of the company's assets dated March 13, 1960.

18. CSAM. F. 2454, inv. 1, st. unit 85, 8 sh. *Filateliya v Vengerskoj Narodnoj respublike, stat'ya Mazura P. F.* – Philately in the Hungarian People's Republic, article by Mazur P. F.

19. CSAM. F. 245, inv. 1, st. unit 792, sh. 1, 4a, 8, 9, 14, 23, 27, 29, 48–49. Correspondence of the Department with the Moscow City Society of Collectors on participation in international philatelic exhibitions, on the holding of the "Collector's Day" in 1963.

20. CSAM. F. 2454, inv. 1, st. unit 18. Sh. 1–7, 20–22, 98, 141. Correspondence with foreign collectors' organizations on establishing ties and collecting 1958 Vol. 1.

21. CSAM. F. 2454, inv. 1, st. unit 184, sh. 2–5. Financial report for 1976. All-Union Society of Philatelists. The Moscow board.

22. CSAM. F. 2454, inv. 1, st. unit 22. 207 sh. II Conference 24.V.1959.

23. CSAM. F. 2454, inv. 1, st. unit 32, sh. 31, 50–53. Minutes of meetings of the Board of the Company No. 1–24 for 1960.

24. CSAM. F. 2454, inv. 1, st. unit 33, sh. 38, 47–49. Minutes No. 25–26 of the Board meetings of the company for November–December 1960.

25. CSAM. F. 2454, inv. 1, st. unit 5, sh. 5–7, 28. Staffing tables and estimates of income and expenses for 1957–1966.

26. CSAM. F. 2455, inv. 1, st. unit 23, sh. 26, 39. Minutes of meetings of the Board of the company for 1959

27. CSAM. F. P-429, inv. 4, st. unit 205, sh. 1, 9, 13–15. Materials on the work of the Moscow City Society of Collectors (resolutions, protocols, correspondence) for 1960–1961.

28. *Chto i kak sobirat'?* Platforma Zlatoustovskogo kruzhka yunyh filatelistov – What and how to collect? Platform of the Zlatoust circle of young philatelists // *Sovetskij kollektioner* – Soviet collector. 1925. No. 5. Pp. 4–5.

29. *Chuchin F. G. Nashi zadachi* [Our tasks] // *Sovetskaya filateliya* – Soviet philately. 1922. No. 1. Pp. 3–4.

30. *Yakub A. V. Zagranichnyj filatelisticheskiy obmen: ekonomika i politika (1922–1924 gg.)* [Foreign philatelic exchange: economics and politics (1922–1924)] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* – Herald of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2018. No. 2 (18). Pp. 222–228. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.167.-171.

31. *Yakub A. V. Mezhdunarodnye otnosheniya, gosudarstvo i obshchestvennye organizacii v oblasti filatelii v SSSR v pervoj polovine 1920-h gg.* [International relations, the state and public organizations in the field of philately in the USSR in the first half of the 1920s] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* – Herald of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2022. Vol. 9. No. 2 (34). Pp. 179–185. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(2).

32. *Yakub A. V. Rossijskoe Byuro Filatelii: pervyj opyt sozdaniya gosudarstvennoj filatelisticheskoj organizacii* [The Russian Bureau of Philately: the first experience of creating a state philatelic organization] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* – Herald of Tomsk State University. History. 2021. No. 73. Pp. 76–81. DOI: 10.17323/19988613/73/10.

33. *Yakub A. V. Stanovlenie sovetskogo filatelisticheskogo dvizheniya v 1917–1941 gg.: identifikaciya "svoi" i "chuzhie" glazami sovremennikov* [The formation of the Soviet philatelic movement in 1917–1941: identification of "friends" and "strangers" through the eyes of contemporaries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2020. No. 459. Pp. 178–186. DOI: 10.17223/15617793/459/22.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (35) (2024)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.10.2024 г.
Дата выхода в свет 28.10.2024 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,93. Тираж 100 экз. Заказ № 261.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36